

*ДМ. СЕМЕНОВСКИЙ
И ПОЭТЫ ЕГО КРУГА*

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ИЗДАНИЕ

ТРЕТЬЕ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ДМ. СЕМЕНОВСКИЙ И ПОЭТЫ ЕГО КРУГА

**А. НОЗДРИ, И. НАЗАРОВ, А. СУМАРОКОВ,
А. БЛАГОВ, М. АРТАМОНОВ, Д. ФУРМАНОВ, И. ЖИЖИН,
С. СЁМИН, Н. КОЛОКОЛОВ, Н. СМИРНОВ, Е. ВИХРЕВ,
А. БАРКОВА, С. ОГУРЦОВ**

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1989

Редакционная коллегия

Ю. А. Андреев (*главный редактор*)

И. В. Абашидзе, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев,
Р. Г. Гамзатов, Н. М. Грибачев, М. А. Дудин, А. В. Запов,
Е. А. Исаев, М. К. Каноат, Д. С. Лихачев, Э. Б. Межелайтис,
А. А. Михайлов, Л. М. Мкртчян, Б. И. Олейник, А. И. Павловский,
С. А. Рустам, Н. Н. Скатов, М. Танк

*Вступительная статья,
составление, подготовка текста,
биографические заметки и примечания*
А. Л. АГЕЕВА и П. В. КУПРИАНОВСКОГО

Редактор Л. С. Гейро

С $\frac{4702010202-234}{083(2)-89}$ 431-89

ISBN 5-265-00975-2

© Издательство
«Советский писатель», 1989 г.

ПОЭТЫ РАБОЧЕГО КРАЯ

В литературном процессе начала XX века и после Октябрьской революции заметным явлением было творчество поэтов, выросших и сформировавшихся в Ивановском текстильном крае. Это край рабочий, широко известный своими революционными традициями, родина первого Совета рабочих депутатов.

Еще до Октября в среде ивановских рабочих стали проявляться «песен первые зачатки» (слова председателя Совета А. Е. Ноздрина из его стихотворения «Юбилейное»). Особенно же бурного развития поэтическое творчество достигло после Октябрьской революции. По свидетельству Ноздрина, А. В. Луначарский в беседе с Анной Барковой отмечал, что промышленный Иваново-Вознесенск превратился с революцией в своего рода «поэтические Афины»¹. Пусть это метафора (не без некоторого преувеличения), но она ярко характеризует те процессы в области культуры, которые происходили тогда в стране. В «Истории русской советской поэзии: 1917—1941» констатируется: «Не только Москва и Ленинград, но и другие, периферийные, города становятся видными литературными центрами»². И далее первым называется Иваново.

Представляя поэтов Ивановского рабочего края в отдельном издании и особо выделяя наиболее талантливого из них — Д. Н. Семёновского, мы вовсе не стремимся противопоставить их поэтам других регионов. На этом примере, может быть наиболее впечатляющем, хорошо виден тот взлет, который испытала с революцией поэзия в «глубинках» Советской России. И одной из насущных задач литературоведения, на наш взгляд, является как раз задача показать богатство и разнообразие поэтических явлений и дарований нашей периферии, все еще недостаточно учитываемых.

Известно, что творчеством поэтов-ивановцев интересовались М. Горький и А. В. Луначарский, оно было знакомо А. А. Блоку и В. Я. Брюсову, о нем писали А. К. Воронский, А. Н. Толстой,

---

¹ Ноздрин А. Из истории литературы ткачей // Альм. «Рабочий край». Иваново-Вознесенск, 1929. С. 4.

² История русской советской поэзии: 1917—1941. Л., 1983. С. 237.

С. М. Городецкий и др. 28 января 1921 года после встречи и беседы с Горьким Владимир Ильич Ленин направил библиотекарю Кремля записку следующего содержания:

«Прошу достать (комплект) Рабочий Край в Ив(анов)-Вознесенске. (Кружок *настоящих* пролет(арских) поэтов). Хвалит Горький: Жижин, Артамонов, Семеновский»¹.

Прочитированный документ — свидетельство пристального внимания вождя революции к росткам новой культуры, начинавшим всходить после Октября. Возникают вопросы: что это за кружок пролетарских поэтов, которым заинтересовался Ленин, подчеркнув слово «настоящие»? Что представляют собой упомянутые в записке поэты, которых хвалит Горький? И естественным становится желание знать о «родословной» этого кружка — что предшествовало ему в поэзии Ивановского края?

Однако прежде чем ответить на эти вопросы, представляется целесообразным охарактеризовать творчество Семёновского, стихами которого открывается эта книга². Воронский назвал Семёновского «самым значительным и даровитым»³ из поэтов-ивановцев. Его творчество, при всем индивидуальном своеобразии, с одной стороны, по-своему преломляло некоторые общие тенденции развития русской поэзии, шло в русле художественных исканий эпохи, а с другой стороны, может быть, наиболее разносторонне выражало существенные свойства поэзии самобытного Ивановского края, окружавших Семёновского литераторов.

Понятие «поэты круга Семёновского», вынесенное в заглавие сборника, употребляется нами в самом широком смысле слова. В «круг» входят как те, с кем он находился в самых дружеских отношениях (А. Ноздрин, М. Артамонов, Н. Колоколов, Е. Вихрев, Н. Смирнов), так и те, кто близок к нему не был, но так же, как и только что названные, высоко ставил его нравственный и художественный авторитет. Даже старшие по возрасту поэты с иной жизненной и творческой биографией относились к нему с чувством

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 58.

² Обратим внимание читателя на правильное произнесение фамилии поэта: Семёновский, искаженное в КЛЭ (см. соответствующую статью, где, вопреки ее автору, не было проставлено верное ударение).

Биографии поэтов, чьи произведения включены в сборник, см. во вступительных заметках, предваряющих тексты их стихов. В настоящей статье, ставящей целью дать общую картину развития поэзии в Ивановском крае, дается более обстоятельный разбор творчества лишь трех поэтов: А. Ноздрина, А. Благова, Д. Семёновского. Сжатые характеристики творчества других поэтов приводятся в упомянутых заметках.

³ Воронский А. Песни северного рабочего края // Искусство видеть мир. М., 1987. С. 304.

глубокого уважения. «Добрим спутником по поэтической дороге» назвал Семёновского А. Благов, надписывая ему в 1953 году книгу «Избранное»¹.

* * *

Дмитрия Семёновского, дебютировавшего в поэзии на страницах «Невской звезды» и «Правды», печатавшегося в близких большевикам журналах «Просвещение» и «Вопросы страхования», часто называли в критических и литературоведческих статьях пролетарским поэтом. Это не совсем точно. Но нельзя отнести Семёновского и по ведомству «крестьянской» поэзии, что тоже иногда делалось. Поэзия Семёновского как раз тем и интересна, что в ней плодотворно взаимодействовали оба направления русской демократической поэзии.

Семёновский прошел долгий творческий путь, начавшийся в годы революционного подъема, когда главной проблемой литературы и в то же время ее новой силой стала осознаться низовая, демократическая Россия. Многие писатели, имена которых стали гордостью истории советской литературы, впервые обратились тогда к слову.

Напряженные размышления о России, народе, роли литературы в жизни отразились уже в первых письмах Семёновского М. Горькому. Он целиком на стороне демократии и задачу литературы видит в призыве к освобождению: «У поэтов декаданса я ценю нежные, певучие слова, грациозные, изящные рифмы, но в общем их поэзия кажется мне чахоточной и далекой от жизни. Это ли нужно больной и убогой нашей родине? Смелые гордые зовы, огненные слова, прожигающие сердца, как искры, волнующие душу, как набат,— вот что ей нужно. Так я думаю, хоть и знаю, что бессилён бросить такие слова, но что в моих маленьких силах, я сделаю. И всю жизнь мою,— клянусь! — я принесу в жертву бедной и темной Руси, за которую погибло столько смелых, святых мечтателей»²,— писал он в июне 1913 года.

Поэт быстро прошел период ученичества, но все же в его наследии есть группа произведений, носящих явно подражательный характер. Большая их часть была опубликована осенью 1912 года в газете «Старый владимирец». Серьезной художественной ценности они не представляют, но интересны как «школа», «лаборатория», начальный этап самоопределения творческого сознания в традиции.

Демократические убеждения поэта обусловили его интерес к некрасовской линии в русской поэзии. В самом общем виде это сказалось прежде всего в открытой гражданской позиции сочувствия

¹ Книга А. Благова «Избранное» (1953) с автографом поэта находится (в составе собрания Д. Семёновского) в Ивановской областной научной библиотеке.

² Из писем Д. Семёновского М. Горькому/Предисл. и публ. П. Куприяновского и В. Семёновской // «Волга». 1968, № 3. С. 43.

угнетенным, трудящимся массам («Визги, яростные лязги...», «Рабы города» и др.), во внимании к трудовой жизни народа, особенно крестьянства («Микула», «Осенью»). При этом некрасовская традиция воспринималась им сквозь призму творчества поэтов-народников. Подобно им, Семёновский в своей лирике создает идеальный образ революционера («Безумцы»), трактуя его романтически (исключительность, жертвенность, вознесенность над «толпой»). Такую трактовку этого образа восприняла молодая пролетарская поэзия, и не только она.

Лирические пейзажные миниатюры обнаруживают еще одно направление интересов юного поэта. Со свойственной молодости категоричностью отрицая социальную значимость поэзии символистов, Семёновский, как и многие другие поэты его круга и поколения, не мог пройти мимо художественного опыта модернизма. Особое внимание поэта привлек К. Бальмонт с его импрессионистическим стилем, стремлением запечатлеть текучесть, зыбкость, неуловимость движения жизни, что было близко самозабвенно влюбленному в природу Семёновскому. Стихи молодого поэта впитывают основные черты этого стиля: напевность, музыкальность, обилие эпитетов, цветовых и звуковых, призванных уловить взаимопереход явлений, установить связь между жизнью природы и жизнью души; принцип контраста, общая тяга к «пышности», орнаментальной украшенности стиха. Но, воспринимая субъективно-выразительные стилевые формы символистов, Семёновский оказался невосприимчив к основным идеям их поэзии, к специфически модернистскому преломлению романтической традиции. Его романтический лирический герой одинок и печален, он странник по родной земле, влюбленный в ее красоту, но эти мотивы у Семёновского никогда не трансформируются в эстетизацию индивидуализма, не ведут к возвышению личности над добром и злом, что как раз характерно для Бальмонта. Воспринимая общеромантическое «ядро» образа, Семёновский чуждается того специфического, что было внесено в него модернизмом. Это касается и другого мотива романтической поэзии, который разрабатывался символизмом, — противопоставления цивилизации и природы. Если у Бальмонта стихи на эту тему были выражением индивидуалистического бунта, порыва асоциальной личности к абсолютной свободе, то в стихах Семёновского подобный романтический конфликт принимал отчетливую социальную окраску, хотя разрешался утопически:

Кто над станком склонился, кто угнетен, кто парий,
Сходитесь под знамена, что взвезли вдали.
Пойдем ордой нестройной к далекой светозари,
К цветам, к улыбкам солнца, для мирных ласк земли.

(«Рабы города»)

Наконец, говоря о самых ранних поэтических опытах Семёновского, нельзя не заметить, что все они содержат те или иные элементы народно-поэтической образности. Семёновский широко использует в своих стихах мотивы лирической, обрядовой, календарной поэзии народа, — фольклор уже в самый ранний период творчества становится важнейшим фактором становления его творческой индивидуальности.

Приняв идею общественного служения литературы, Семёновский в качестве ориентира в пестрой литературной жизни России той эпохи избрал тех, кто разделял ее наиболее прямо и последовательно, — М. Горького и пролетарских поэтов. Не случайно среди сокурсников по университету Шанявского его привлекла фигура известного потом пролетарского поэта Ивана Филипченко. «Особенно интересовал меня поэт, пропагандировавший новое литературное направление: социальный динамизм»¹, — вспоминал Семёновский. «Его стихи мне очень понравились, — писал он Горькому в 1913 году, — в них говорится о рабочих армиях, о современности, о золотой поре будущего... Русская поэзия ждет поэта-трибуна; мне кажется, что Филипченко и будет таким поэтом...»².

В первом же письме, в мае 1913 года, Семёновский послал Горькому стихотворение «Слышишь в грозном затишье отдаленный мерный гул?..». Это символическая картина шествия рабочих масс на последний бой, пронизанная ощущением неотвратимости падения старого мира:

Этот мир станет бредом, сном кошмарным, — он падет.

Новый мир нам неведом, но мы знаем — он придет.

Кто прикован к машинам, кто повержен в пыли —

Будет завтра властелином, властелином земли...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!³

Стихотворение представляется очень характерным как для «пролетарского» цикла в творчестве Семёновского, так и в целом для рабочей поэзии предреволюционных лет. Оно пронизано предчувствием надвигающейся революции, в нем действует коллективный герой, нерасчленимость которого подчеркивается из строфы в строфу («рабочие массы», «гул бесчисленных ног», «ряды»). Это стихия, но и сплоченная, организованная армия («батальоны»), идущая в «бой последний». Отчетливо проступают здесь особенности романтического

¹ Семёновский Дм. Избранное: Стихи и проза. Иваново, 1955. С. 138.

² «Волга». 1968, № 3. С. 48.

³ «Иваново-Воснесенск». 1917, 2(15) июня, под заглавием «Фантазия». Цитируется первая редакция стихотворения. В наст. изд. см. ст-ние «Слышишь в грозном затишье грузной поступи гуд?..».

метода Семёновского и большинства пролетарских поэтов — расширение пространства стихотворения до пределов всей земли («планетарность»), резкое противопоставление двух миров, причем если «этот» мир, мир настоящего, в своих генеральных признаках обозначен хотя и символическими, но все же минимально-предметными деталями (рабочие «прикованы к машинам», «повержены в пыли»), то «новый мир», мир будущего, вообще «неведом» и его единственной реальностью выступает власть народа. Гиперболизм образов, патетический строй речи, «пророческая» позиция поэта — он и в массе («мы»), и несколько «над» ней (что обнаруживается в риторическом «слышишь»); напряженная, контрастная композиция — все это черты стиля в своей основе субъективно-романтического, экспрессивного. Стоит обратить внимание на эпитет «алоцветные стяги». В первой строфе они «вознеслись» над рядами, а в заключительной — «зацветают». Эта метафора чрезвычайно характерна для поэзии Семёновского, и ее появление здесь не случайно. В ней — связь «пролетарской» и «крестьянской» линий. В ней на уровне стиля отразилось мировосприятие, близкое к фольклорному, в котором едины человеческое и природное. «Цветение» в поэтике Семёновского — признак прекрасного (а прекрасное — всегда естественное) в его движении к идеалу гармонии. Для понимания своеобразия поэзии Семёновского важно, что движение от «машин» и «пыли» идет под знаком «алоцветных» знамен, которые в заключительной строфе тавтологически (на первый взгляд) «зацветают», что означает близость победы народа, гибели неистинного, безобразного мира, где над прекрасным и естественным царствует искусственное. Кстати, именно в этот период в пролетарской поэзии идет процесс, определенный Н. В. Осьмаковым как «преодоление крестьянского сознания», выразившееся в поэтизации машин и механизмов¹. Как известно, в своих крайних проявлениях этот процесс привел многих талантливых поэтов в тупик, в мир без человека. В поэзии Семёновского воспевание человека труда и самого труда как «цветения» личности, никогда не сопрягалось с романтизацией атрибутов труда. В этом смысле он не сумел преодолеть «крестьянское» (а по сути — гуманистическое) сознание. Гуманизмом проникнуты многие дореволюционные стихи поэта, посвященные горькой судьбе человека среди «холодного гранита» капиталистического города («Швейки», «Безработный», «Китайчонок»). Этот мир отрицается поэтом как неистинный, неестественный, лишенный красок. Его определенность, зафиксированная иногда в предметных деталях, мнима, ему противопоставлена либо стихия борьбы, либо идея Родины. Мысль о родине, которой живет герой стихотворения «Китай-

---

¹ Осьмаков Н. В. Родина. Народ. Революция. М., 1977. С. 139—140.

чонок», недаром противопоставлена призрачному миру капиталистического города. Это произведение — лирическое, его герой — второе «я» поэта.

Тема Родины, России — главная тема не только дореволюционного периода творчества, но и всей поэзии Семёновского. Обратившись к ней, он оказался в самом центре проблем современной ему литературы.

Уже в октябрьском номере «Просвещения» за 1913 год было опубликовано стихотворение «Всё — тебе», которое имело для поэта значение программного:

Я теплю жизнь свою во имя
Твоей печальной красоты.
Заря над далями твоими,
Но тяжким сном почила ты.

Лирический герой этого стихотворения охвачен жертвенной идеей борьбы, желанием «сражаться» за «тихий рай» родины. Так идея революции связывалась в сознании поэта с мыслью о России. Эта тесная связь определила своеобразие представления о России, ее образа в поэзии Семёновского, сказалась на особенностях его метода и стиля. Россия для Семёновского — Русь, страна «полей», «раздолий», «далей». Естественно, что в ее художественном постижении огромную роль играли образы природы, пейзаж.

В критике давно сложилось мнение о Семёновском как о певце русской природы. Но сказать так недостаточно. Обращение Семёновского-лирика к родной природе — это один из путей художественного постижения и осмысления «темы о России» в ее духовно-нравственном и социально-историческом аспектах. Семёновский в этом смысле целиком принадлежал русскому искусству XX века. Выросший в деревне, воспитанный на крестьянском фольклоре, поэт воспринял многие черты, свойственные народному мировосприятию, в том числе и представление о природе как о гармоническом единстве всего живого, частью которого является человек. Природа заняла в творческом сознании поэта место эстетического идеала, к ее прекрасной гармонии устремлена в его поэзии жизнь человека и общества. Красота родины поэтому — залог ее светлого будущего, весть о счастье.

В зрелых стихах Семёновского дореволюционной поры пейзаж наполнен точными приметами русского Севера. Русь — это «леса с болотами да топями», поля ее охвачены сном, погружены в тишину. В этот суровый пейзаж вписана деревня, «дряхлые избышки», «покачнувшиеся остовы прясел», «лобастые овины». Но тишина и сон, в который погружена Русь, — не знаки покоя и неподвижности. Русь предстает у него затаившейся в напряженном ожидании каких-то перемен, воды ее топей и озер «немо затаили» «стозвонный Сокро-

венный Град». Появление этого образа не случайно. Еще в июле 1913 года поэт писал Горькому: «Часто вспоминаю сказанье о граде Китеже, утонувшем в Святом озере. По-моему, тут много символизма. Светлый Град, затонувший в озерной глубине,— новая, счастливая Русь. Она не умерла, она придет,— недаром звонят колокола белокаменных китежских соборов»¹. Знаменательно слияние идеала счастливого будущего России с национально-крестьянскими представлениями о светлой жизни, воплощенными в народной социальной утопии. Мотивы тишины, тьмы, убогости родного края постоянно сталкиваются в стихах Семёновского с мотивами весеннего расцвета, «зари над далями». Это придает представлению о родине диалектическую противоречивость, внутреннюю динамику. Противоречивы и чувства лирического героя, обращенные к родине. Традиционная печаль всегда идет рядом с радостью, и общий эмоциональный тон большинства стихотворений — оптимистический, мажорный. «Сон», овеявший «светлый и строгий» край, представляется вещим, а сам край — прекрасным. Эта установка на создание прекрасного, романтически освещенного «заревыми знаменами», символически-приподнятого образа России характерна и для изображения в поэзии Семёновского народного мира. Но здесь надо сказать и вот о чем. В своей прозе, которую Семёновский начал писать еще до революции, он изображал деревню жесткими реалистическими красками, со всеми ее кричащими противоречиями. Здесь он близок был к И. Касаткину, И. Вольнову, С. Подъячеву. Но в лирику противоречивая реальность, причудливо сочетавшая в себе уродливое и прекрасное, входила лишь намеками. Создавая образ родины, овеянной «крыльями весен зеленых», Семёновский сознательно отбрасывал все, что могло замутить чистоту ее лика.

Обращаясь к изображению народного мира, он любовно фиксирует те редкие праздничные моменты в жизни русской деревни, когда «убогие деревушки» просыпаются, когда там бурлит жизнь, когда

Колокола галдят, как пьяные.
Без умолку палят из пушки.
И, выпучив глаза стеклянные,
Трясутся дряхлые избушки.

(«Пасха»)

Мы не встретим в лирике Семёновского идеализации деревенского мира в его непременно патриархальных устоях, как у Н. Клюева. Семёновский не воспевал крестьянскую избу, предметы земледельче-

¹ «Волга». 1968, № 3. С. 44.

ского быта. В его поэзии этот быт уже растревожен, разворошен. Деревня, провинция показаны Семёновским в динамике, в буйном, беспорядочном движении. Характерно в этом смысле большое стихотворение «Праздник», нравившееся А. Блоку¹. В картину деревенского праздника поэт словно хотел вобрать всю любимую им Русь, во всем ее многоголосии и диковатой пестроте. Она вся — в движении, все в ней струнулось с места, даже святые и богородица «покинули иконостас», «пошли по городу с народом». Мир, нарисованный поэтом, залит солнцем, полон ярких и чистых красок, в этих стихах Семёновский в полной мере проявил свой живописный, изобразительный талант.

К «теме о России» самое прямое отношение имеет и цикл «Иконостас». Это стихи о «русских святых», как точно сказал в своей статье о Семёновском Блок. Они именно «русские», потому что предметом их забот является Русь, потому что Семёновский поместил на свой «Иконостас» святых, наиболее популярных в русской деревне. Вообще название цикла полемично. Святые в стихах Семёновского далеки от канонической статики, представление о которой заложено в слове-названии. Все они изображены странниками по прекрасной русской земле. Ее образ и становится в цикле центральным.

В связи с циклом «Иконостас» и некоторыми другими стихотворениями Семёновского часто обвиняли в религиозности². Но конечно же, его «святые» имеют мало общего со своими каноническими прототипами. «Стихи эти по существу безбожны,— писал поэт уже в 1929 году своему редактору Н. С. Клестову-Ангарскому.— Ведь все эти «святые» — ...образы мифологические. С точки зрения церкви все это — ересь, сплошное богохульство»³. В этом цикле Семёновский обратился к одному из интереснейших жанров русского фольклора — духовному стиху, причем не только использовал, как это делали и другие поэты, отдельные образы и мотивы духовного стиха, но воспринял его как жанровую целостность, как жанр философской поэзии, обращенный непосредственно к разуму, открыто утверждающий определенную нравственную норму. Обращаясь к духовному стиху, поэт сделал попытку переосмыслить сложившуюся форму изнутри, дополнив абстрактно-христианский идеал любви народным представлением о ней, как о «ладе», «согласии», основе коллективной счастливой жизни «здесь», на прекрасной земле. Выдвижение на первый план образа России, где и должен воплотиться народный идеал, придает стихам из цикла «Иконостас» ярко выраженный патристический, гражданский пафос. Можно утверждать, что обращение к ду-

¹ См.: Блок А. О Дмитрие Семеновском // Собр. соч.: В 8-ми т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 341—345.

² См., напр.: Кедрова В. «Советская кутья» // «Молодая гвардия». 1924, № 4.

³ ЦГАЛИ. Ф. 24, оп. 1. хр. 58. Л. 2.

ховному стиху самым прямым образом связано у Семёновского с поисками высокого гражданского стиля, укорененного в национальной традиции. «Иконостас» представляет собой интересную попытку поэта выразить современное содержание, оставаясь в пределах фольклора, мысля в системе его жанров.

Специфика фольклоризма, некоторые особенности творческого метода и стиля Семёновского позволяют говорить о том, что наиболее близким ему явлением литературного процесса предоктябрьской эпохи была так называемая «новокрестьянская» поэзия. Он внимательно следил за творчеством Н. Клюева, был знаком и переписывался с С. Клычковым, был дружен с С. Есениным. Однако еще в 1913 году он писал Горькому: «За Клюевым, за Клычковым, хотя и восхищаюсь последним, — я, во всяком случае, не пойду. У меня свои задачи...»¹. Суть этих задач, как уже говорилось, заключалась в отчетливо осознанном стремлении поэтическим словом послужить делу освобождения народа. Но речь не только о революционных стихах. Иначе решал поэт тему родины. Он не идеализировал патриархальные устои деревни, видел ее в движении. Путь к «новому миру» мыслился им не только как развитие исконных нравственных ценностей деревенского «космоса» или возврат к ним, но прежде всего как революционная борьба. Можно сказать, что Семёновский в дореволюционный период своего творчества прошел значительную часть пути, на который «новокрестьянские» поэты вступили только с победой Октября. Дореволюционный период творчества, несмотря на его непродолжительность, был временем быстрого духовного и художественного роста поэта, временем выбора верных ориентиров в сложной литературной жизни России, обращения к центральным проблемам эпохи, что подготовило органическое приятие им революции и активное участие в строительстве новой, советской литературы.

Октябрь усилил те романтические тенденции, которые наметились в дореволюционном творчестве Семёновского, но качество романтизма стало совершенно иным. Если раньше стремление к светлому идеалу будущего, создание прекрасного образа родины было обусловлено романтическим конфликтом с действительностью, то в годы революции устремленность в будущее стала приметой самой действительности. Романтический идеал, казалось, на глазах начинал претворяться в жизнь, и это было источником оптимизма, пафоса радостного приятия жизни, который стал определяющим пафосом поэзии Семёновского первых послеоктябрьских лет. Работая в газете, превращая полуграмотные письма «из глубинки» в скупые строки хроники, он «из первых рук» знал, чем живет народ в революционную эпоху. Это не могло не усилить прежде всего социальную струю его лирики. Свои

---

¹ «Волга». 1968, № 3. С. 47.

требования к поэту предъявляла и газета. Обращение к массовому читателю побуждало искать образы емкие, подчас плакатно обобщенные, агитационно заостренные.

Размах революции, ее сокрушительную мощь поэты тех лет пытались передать с помощью романтических символов бури, грозы, урагана, пожара, сметающих все старое, прогнившее. Такой революция предстает и во многих стихотворениях Семёновского («Трудовая Марсельеза», «Весна в Октябре» и др.). Столь же распространен в массовой поэзии тех лет был мотив мятежа, бунта, разгула народной вольницы. Поэты широко обращались к образам Степана Разина и Емельяна Пугачева. Не избежал этого и Семёновский:

В бунте буйственном и яром,
Сквозь набаты, дрожь и гул
Чую Стеньку с Кудеяром,
Их обычай и разгул.

(«В бунте буйственном и яром...»)

Но поэзию Семёновского, тесно связанную с народным миропониманием, не мог надолго захватить пафос разрушения. Знаменательно, что первым поэтическим откликом поэта на Октябрь было стихотворение под характерным заглавием «К красным горнам!». Центральная его идея — идея коллективного труда ради счастья для всех. Здесь появляется показательное для пролетарской поэзии «мы», но, обращаясь к темам и образам, свойственным поэзии Пролеткульта, Семёновский осмыслял их по-своему. Социально-политические категории, которыми мыслила пролетарская поэзия, он переводил в нравственно-этические. За этим стоял, конечно, не отказ от осмысления революции в социально-исторической плоскости, а стремление осознать ее в плане нравственно-философском, гуманистическом, связать с национальной традицией. Обозначая цель коллективного труда «могучей рати», Семёновский явно отталкивался от близких ему образов крестьянской социальной утопии, прибегал к естественно-природным ассоциациям:

Крепкой волей, пылкой страстью
Создадим под солнцем рай!
В улей будущего счастья
Каплю меда каждый дай!

(«К красным горнам!»)

Как бы полемизируя с пролетарскими поэтами, Семёновский значительно расширяет социальное наполнение «мы». В эпоху жесткой социальной дифференциации он даже с некоторым вызовом декларирует эту широту:

Сегодня — празднество рабочих,
Сегодня — празднество крестьян.
Сегодня — праздник их и прочих,
Кто перешел в народный стан.

(«Весна в Октябре») ¹

Семёновский с самого начала своей литературной деятельности формировался как поэт-гуманист. В его нравственно-философском идеале, восходящем к народной философии и морали, человек ставился в неразрывную связь с миром природы, гармонично и стройно организованным красотой и любовью. Человек предстал в поэзии Семёновского венцом творенья, объектом поклонения. Неправедливый социальный строй, господствовавший на прекрасной земле, породил ложь, злобу, ввергал человечество в братоубийственные войны, истреблял в целях наживы земную красоту, искажал прекрасный облик человека, разрывал его связь с природой. Революция должна была восстановить гармонию человека с миром, прояснить его искаженный тысячелетиями рабства облик. Именно этот гуманистический пафос преобразования человека, воссоединения его с природой, а через нее — с самим собой, лежит в основе программных стихотворений, вошедших в раздел «Голубой мост», которым Семёновский открыл свой первый поэтический сборник.

Романтический идеал поэта раскрывается в основном с помощью трех сквозных образов: Голубое, Солнце, Голубой мост. Это сложные образы-символы, включающие в себя целый комплекс социальных, эстетических, нравственно-философских значений. Они составляют своеобразную художественную систему, активно взаимодействуя друг с другом. Голубое — это начало, объединяющее человека и природу в гармоничное и прекрасное целое. «Рассеянное всюду, как эфир», оно обнаруживает свою нравственную природу в противопоставлении всему «пасмурному, мрачному и злому»:

Всё пасмурное, мрачное и злое,
Как шелуху, я отмечаю в нас.
Мне хочется поверить в Голубое —
В лазурь цветов, ручьев, небес и глаз.
(«Всё пасмурное, мрачное и злое...»)

Сходный смысл, с акцентом на плотской силе и красоте жизни, основа которой — свет и энергия Солнца, и во втором символе:

Я понял, что солнце, веселое солнце
Сияет во всем, обитает во всех:

---

¹ «Рабочий край». 1918, 7 нояб.

В песчинке, в снежинке, в росе, в толоконце,
В ржаном колобке, в голубке и в осе.

(«Я понял, что солнце, веселое солнце...») ¹

Образ Голубого моста, универсальный образ связи, преодоления, становится романтическим символом революции, отражает совершающееся на глазах лирического героя преобразование мира на началах братства и красоты:

Он идет из тебя и меня,
Из деревьев, лучей, лепестков.
Поле, небо и сердце — родня.
Все мы — братья во веки веков.

(«Голубой мост»)

Октябрь остро поставил перед поэзией проблему нового героя. В творчестве Семёновского, как и во всей советской поэзии первых лет революции, новый герой предстал прежде всего как герой-масса, герой-народ, образ которого, как и образ Революции, создавался по законам романтического метода, с помощью средств патетического, плакатного стиля. Подобно тому, как образ рабочего вырастал у пролетарских поэтов до планетарных размеров, в поэзии Семёновского до солнца поднимается образ Мужика:

Вспашу бескрайние просторы
Освобождаемой земли.
Оралом выворочу горы,
Лесные кряжи и кремли.

Сведу сиянье солнца с неба
На ниву вольную мою,
И всех людей, взалкавших хлеба,
Я накормлю и напою.

(«Мужик»)

Образ Родины, складывавшийся в послеоктябрьском творчестве Семёновского, тесно связан с образом революции, с тем новым, что она принесла. И в то же время нельзя не заметить тех преемственных связей, которыми новая Россия связана со старой, с той Русью, что стояла в центре поэтического мира Семёновского до революции. В какой мере образ старой Руси был устремлен в ранней лирике поэта в будущее, в такой же мере новый образ — Красная Русь —

---

¹ Семёновский Д. Благовешание. Иваново-Вознесенск, 1922. С. 12. Цитируется ранняя редакция. См. стихотворение «Я знаю, что солнце, веселое солнце...».

укоренен в прошлом, если прошлое понимать не как социально-политический строй, а как совокупность национальных традиций — нравственно-этических, эстетических, трудовых. Одной из важных особенностей восприятия Семёновским революции было ощущение ее национального характера, которого, например, совершенно не чувствовали поэты Пролеткульта, часто деклариовавшие даже разрыв с национальным. Любовь поэта к родине становится все более личной, интимной, радостной:

Я люблю тебя, красная родина!
Мне приятна кукушка твоя,
Увитая в ивняк загородина,
Ветхий мост над струями ручья.

...Мне люба на оконце подзоринка,
Жило пахаря с гарью и мглой
И за сумраком девушка-зоренька
Над проворной, над легкой иглой.

(«Новая Россия»)

Это не было идеализацией патриархального крестьянского быта. В идеале как раз наступает «золотая пора», встают «зори над бедными селами». Но они не отменяют любви к этому родному, земному, в конечном счете национальному. Именно любовь в поэтическом сознании Семёновского становилась движущей силой революции, нравственным основанием ее идеала.

Для послеоктябрьского творчества Семёновского характерны напряженные жанровые поиски. Он создает несколько небольших историко-революционных поэм («Демонстрация», «Весна в Октябре», «В те дни», «1905—1925»). В целом эти поэмы не удалась Семёновскому, но в них были и очень интересные фрагменты, связанные, в частности, с попыткой создания образа Ленина. Например, в поэме «1905—1925» Семёновский во главу угла ставит личность, духовную красоту и нравственное обаяние Ленина:

Он звал на битву, на работу
И сам трудился больше всех.
А как любил он детский смех,
Езду на санках и охоту!
Для многих был он только гений,
Для многих — только страшный бич,
Для нас же — светлый луч весенний,
Лукавый и простой Ильич.
Да, Ленин и Ильич. И этим
Он люб и старикам и детям —
Крестьянке, школьнику, ткачу.

Вот он смеется на портрете,
И дружелюбно наши дети
Влекутся сердцем к Ильичу.
И каждый пионер с любовью
Рисует лысину, как таз,
И под изогнутую бровью
Чуть-чуть сощурившийся глаз¹.

Здесь Семёновский делает определенный шаг вперед сравнительно со своими лирическими откликами на смерть Ленина, где образ вождя осмыслялся в системе емких, но все же несколько абстрактных метафор, имеющих истоки и в народном творчестве, и в Библии:

Зерно, в сырой могиле сгнив,
Ростком из праха проколосось —
И на приволье летних нив
Зазолотился спелый колос.

Вождь угнетенных спит в земле.
В глубоком трауре — народы.
Но, опочив в могильной мгле,
Он шлет живым живые всходы.

Пусть отняла его у нас
Незваная и злая гостья,
Нам ведомо, что каждый час
Рождает новые колосья.

Придет пора всемирных жатв,
Година Третьего Завета,—
И под серпами задрожат
Колосья Золотого Лета!

(«Зерно, в сырой могиле сгнив...»)¹

В 20-х годах в поэзии Семёновского появляются и кризисные явления, связанные с крушением слишком абстрактных романтических надежд на немедленное воцарение «земного рая», всеобщего братства. Подобный кризис испытывали многие советские поэты. Семёновский пытается уйти в созерцание природы и красоты. Но, найдя после Октября новый контакт с реальностью, поэт не мог уже погрузиться в созерцание «вечного». Романтический конфликт в том новом

¹ «Красный ткач». 1925, № 15. С. 9.

² «Красный ткач». 1924, № 4/5. С. 3. Ранняя редакция стихотворения «Ленин» (окончательный текст см. в настоящем издании).

качестве, которое обусловила революция, не мог разрешиться в бегстве от действительности. Она требовала осмысления и анализа.

В 1924—1928 годах Семёновский создает ряд стихотворений, объединенных затем в раздел «Захолустье» сборника «Земля в цветах» (1930). «Захолустье» в поэтическом мире Семёновского — образ неоднозначный. В ранней лирике это понятие не несло в себе какого-либо негативного значения, но «захолустье» в лирике 20-х годов — родина мещанина, обывателя, стяжателя, бездуховного и пошлого, торопящегося приспособиться к новым порядкам. Крупным планом пишется его портрет, в главных своих чертах традиционный и узнаваемый:

Гуденье церковной меди
Над городом плывет.
Прохожий несет к обедне
Тяжелый комод-живот.

Солидны его движенья —
Видать, что не кое-кто!
На сытом лице — уваженье
К себе, к животу, к пальто.
(«Гуденье церковной меди...»)

Этот социальный тип страшен своей поистине «клопиной» живучестью, способностью к мимикрии, готовностью оформить свой быт внешними атрибутами любого строя, лишь бы он не затрагивал основ его существования:

Вижу и я за ножами дождя
Печку, хозяйку, опару.
Рыхлый супруг под иконой вождя
Мучит лениво гитару.

Счастлив он тем, что имеет кровать,
Зеркало, теплый ватер...
(«Нет, не пойду я в свою конуру...»)

В стихотворениях, вошедших в «Захолустье», создается образ фабричного города, где «дни и ночи рукой привычной Ткет судьбу свою хмурый труд». В центре внимания — будни, все как бы остановилось,

Всё забылось, и лишь экран
Немо бредит людьми, поездами,
Городами невиданных стран.

Да вокзал под чугунные гулы
И томительные свистки,
Повихнув деревянные скулы,
Тихо сходит с ума от тоски;

Да угарно гуляет пивная;
Да от липких дверей кабака
Волокут проститутку, пиная
Сапогами в живот и бока.

(«В этом городе гари фабричной...»)

Лирическим сюжетом, определившим структуру этого раздела цикла, становится судьба поэта в мире захолустья, духовно живой личности в бездуховной среде. Сюжет строится так, что лирический герой, биографически предельно приближенный к автору, проходит путь от смятенья и отчаянья перед лицом чуждого ему мира до активной, социально окрашенной ненависти к нему, и далее — к утверждению духовных ценностей жизни — труда, любви, красоты. На этом пути был выход из кризиса, который переживала вся романтическая поэзия 20-х годов, он вел к поиску в самой действительности реального основания романтического идеала — нового человека, создающего новое общество. Указания на возможность такого развития есть в стихотворениях, вошедших в «Захолустье». Их герой — один из тех, кто «в царстве чахотки и ситца» бьется «за кусок и кров», он чувствует свою причастность к людям, которые «всюду подвластны Горю, радости, песне, труду».

К началу 30-х годов лирика Семёновского просветляется, все больше проникается пафосом радостного приятия, утверждения жизни:

Какая бодрая тревога
Сменила мертвенный покой!
Проваливается дорога
Под осторожную ногой.
Как в этот оттепельный вечер
Ручьев подснежных звучен бег,
Как дышит молодостью ветер,
Как пахнет молодостью снег!

(«Весенний вечер»)

Вершинными достижениями поэзии Семёновского 30-х годов стали лирический цикл «Палех» (1933—1935) и поэма «Сад» (1933—1934) — произведения по своей жанровой природе очень различные, но внутренне близкие пафосом «цветенья» человека, которому революция открыла пути к творчеству и духовному совершенствованию.

Феномен Палеха — «села-академии», содружества народных художников — не мог не привлечь внимания поэта. В Палехе явью стала его заветная мечта, воплотился в действительность романтический идеал его поэзии. Революция преобразила ремесленников, «богомазов», поточным способом производивших ходкий товар — иконы для всей России, — в настоящих художников, искусство которых, опираясь на народные традиции, «проросло» из самых низов. Триумф палехского искусства, его мировая слава стали наглядным подтверждением духовной силы революции, сумевшей преобразить искаженную человеческую душу. Замечательно было и то, что искусство Палеха с его ориентацией на народное творчество, часто обращавшееся к образам прошлого, с его ярко выраженным национальным характером, противоречившее, казалось бы, самому духу эпохи, устремленной в будущее, ломавшей веками создававшийся уклад жизни, омертвевшие, а часто и живые традиции, — не было ею отвергнуто, напротив — оказалось ей необходимо.

Человек-творец выдвинут и в центр поэмы «Сад», которая, вместе с переводом «Слова о полку Игореве» и большой очерковой книгой «Мстѣра», стала итогом творческого развития Семёновского в 30-е годы.

В 1941—1945 годах гневная сатира и проникновенная патриотическая лирика Семёновского появлялись на страницах газет и сборников для фронта. Но лучшее, что создано им в годы войны и сразу после нее, выросло из горя, которое война принесла в его семью. В 1943 году погиб единственный сын Семёновского, и поэт создал несколько стихотворений, посвященных ему и его матери, «матери солдатской». Это интимная лирика, но в образах сына, «юного воина с любящей душой», и матери заложено общенациональное содержание. Это реквием поколению, которое родина заботливо растила как свое будущее, трагической и высокой судьбой которого она заплатила за свою жизнь и свободу.

Поэтический взлет Семёновский пережил в конце 50-х годов, после XX съезда КПСС. В 1958—1959 годах, тяжело больной, он написал ряд стихотворений, которые должны были, очевидно, составить новую книгу лирики и стали его поэтическим завещанием.

Главная лирическая тема последних стихов — романтическая тема возвращенной молодости. С высоты нелегко прожитой жизни лирический герой вглядывается в мир и с новой силой ощущает его свежесть и красоту:

За туманом заря золотистая
Далека, далека, далека,
Горько пахнет береза росистая,
Зеленеет фонарь светляка.

Льется вдаль неустанная Молохта,
От зари розовеет вода,
И глядишь на закатное золото,
Как глядел в молодые года.

(«Поздний вечер»)

В жизни поэта наступил «поздний вечер», но в его лирику как бы вернулась вся полнота ощущения жизни, свойственная молодости, все ее краски, запахи, звуки. Стихи Семёновского вновь насыщаются яркими, живописными, реалистически зримыми, вещными образами. Красота и богатство естественной жизни природы заключают в себе радостную для него весть о неодолимой силе бытия, о вечном возвращении весны («Перед весной»). Воспоминание о далекой юности и мысли о скором конце земного существования ничем не омрачены. Ужас смерти снимается идеей вечного торжества жизни, идеей ненарушимой связи человека с общим бытием природы. Над землей «жизнь звенит», и в этот ее вечный звон включается все многообразие звуков — и «крики пастухов, И лай собак, хранящих дом, и пенье петухов». «Море звуков», звон жизни делают «теплее и родней» «ширь земли». Теплая и родная, земля естественно принимает в себя уходящего:

И не страшит тебя ничуть
Зеленый бугорок,
Который встанет где-нибудь,
Когда настанет срок.

Как будто, лежа там, в земле,
Весной по ветерку
Ты вдруг услышишь, как в селе
Звенит «кукареку».

(«Земля»)

Поэзия Дмитрия Семёновского — незаурядное явление нашей литературы. Его почти пятидесятилетний творческий путь — «песенный подвиг» служения народу, родине, красоте. Не покидая Иванова, поэт всегда был в основном русле движения советской поэзии, выходил к осмыслению центральных проблем жизни. В силе остаются слова М. Горького о нем, сказанные еще в 1930 году: «Он — поэт настоящий, от земли, поэт, которого должен знать наш массовый читатель»¹.

¹ Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1953. Т. 25. С. 267.

Творчество Семёновского, далеко выходящее по своему значению за областные рамки, не было, разумеется, изолировано от литературной жизни края. Наоборот, поэт жил и творил в тесном общении со своими собратьями по перу.

Поэтому есть необходимость обратиться к истории формирования и развития поэзии в крае и к творчеству тех поэтов, с кем ему приходилось так или иначе непосредственно соприкасаться.

Начнем с экскурса в прошлое.

Иваново (до 1932 года город назывался Иваново-Вознесенск) принято называть текстильной столицей нашей страны. Здесь и в окружающих его городках, поселках, деревнях, входивших до Октябрьской революции во Владимирскую и Костромскую губернии, издавна занимались ткацким и ситцепечатным производством. Во второй половине XIX века текстильная промышленность особенно бурно растет, происходит концентрация капитала, на фабриках формируются пролетариат.

Иваново-Вознесенск в то время стали называть Русским Манчестером. Но город, несмотря на развитую промышленность, значительное население и сильное экономическое влияние в регионе, оставался вплоть до Октября на положении заштатного в составе Шуйского уезда Владимирской губернии. В городе не было казенных и земских учреждений, поэтому население резко делилось на две группы — кучка фабрикантов и десятки тысяч рабочих. Этот разительный контраст, обнаруживавшийся во всем облике города, был его первой характерной приметой. Вторая примета — невыносимый социальный гнет, исключительно тяжкие условия труда на фабриках и крайняя нужда рабочих. Все это объясняет, почему в Иваново-Вознесенске и в его округе так мощно развернулось революционное движение пролетариата начиная с середины 90-х годов XIX века. В эпоху первой русской революции здесь разразилась грандиозная забастовка, продолжавшаяся 72 дня. В ходе ее был создан первый в России общегородской Совет рабочих депутатов. Об иваново-вознесенской стачке В. И. Ленин писал, что она «показала неожиданно высокую политическую зрелость рабочих»¹.

Политическое сознание рабочих формировалось на почве борьбы труда с капиталом, идея социализма все более и более внедрялась в их мировоззрение. Выражением этого процесса стало, в частности, создание революционной поэзии пролетариата, которая с 90-х годов прошла большой путь и представлена в истории литературы Е. Не-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 314.

чаевым, Ф. Шкулевым, М. Савиным, Е. Тарасовым, А. Белозеровым, И. Садофьевым, А. Поморским и многими другими именами¹.

Иваново-вознесенский пролетариат, стоявший в авангарде революционно-освободительной борьбы, также не мог не выдвинуть своих певцов. Социалистические идеалы, чувства и переживания, связанные с борьбой за свои права, находили у них отражение в виде стихов и песен, зачастую полуфольклорных по происхождению, далеко не совершенных по форме, но весьма характерных для определенного времени. Эти стихи и песни, как правило, не записывались, и лишь некоторые дошли случайно, главным образом в позднейших воспоминаниях.

Сергей Павлович Шестернин, один из основателей марксистских кружков в Иваново-Вознесенске, общавшийся в 90-е годы с В. И. Лениным, воспроизводит в книге «Пережитое» (Иваново, 1940) такую песенку об увечьях, которую сложили и распевали местные фабричные и заводские рабочие:

Лето красное проходит,
Зима морозна настает.
Зима морозна настает,
У фабричных сердце мрет.
С полуночи встает,
На работу поспеёт.
На машине задремал,
Праву ручку оторвал.
Праву ручку оторвал,
К отцу-матери послал.
Отец с матерью идут,
Слезы в три ручья текут.
А в народе говорят,
Фабрикантов все бранят.

В его мемуарах приведены также стихи местного поэта Ивана Фролова о найме с Покрова, когда «тяжкий период для фабричных настает».

Естественно, рабочий люд в поисках выхода из создавшегося положения тянулся к просвещению, к осознанию своих классовых интересов. Все популярней становились марксистские кружки, книги, в которых разъяснялись смысл борьбы с капиталом, идеи социализма. Большое влияние оказывала вольнолюбивая русская поэзия. Рабочий Никифор Махов, вступивший в марксистский кружок в 1895 году,

¹ Пролетарской поэзии в России посвящены следующие работы: К е л д ы ш В. Проблемы дооктябрьской пролетарской литературы. Горький и русская революционная поэзия. М., 1965; О с ь м а к о в Н. Русская пролетарская поэзия: 1890—1917. М., 1968.

рассказывает в своих воспоминаниях, что увлечение этой поэзией натолкнуло его на мысль самому складывать стихи: «Иногда... после чтения Пушкина, Лермонтова, Некрасова у меня обнаруживался поэтический зуд, но стихи не формировались: в голову лезли и толкались в ней, как комары летним вечером, иностранные термины и, сцепляясь, складывались только на темы социально-политические, вроде:

Социализм есть теория,
В принцип которой задача легла
Этот строй, что веками история
Создала, весь разрушить дотла...»¹

Конечно, в этих стихах еще нет поэзии, но показательное стремление найти место новым словам, близким духовному миру пролетария. В стихотворении «На Новый год» (1896) Махов заявляет себя уже как «члена славной партии — социальной демократии», осознавшего:

Мы — гроза купцов, царей,
Мы — враги такого строя,
Где бездельники царят,
А рабочих, всё создавших,
Страшным голодом морят.

Стихотворение это заканчивалось бодрым призывом:

Итак, друзья, вперед! Смелее!
Вот Новый год, друзья, вперед!
Нам нужны силы молодые
На дело в этот Новый год.

Это стихотворение молодого революционера было отобрано при первом же обыске и сохранилось в жандармском «деле», откуда перепечатано после Октября в «Иваново-Вознесенском губернском ежегоднике на 1921 год».

Весьма примечательно, что профессиональные революционеры-ивановцы нередко сочиняли стихи и песни. Известно, что, находясь во Владимирской тюрьме после поражения первой русской революции, писали стихи М. Фрунзе, П. Постышев, П. Симонов. А. Ноздрин в своих мемуарах приводит следующий образец совместного творчества Постышева и Симонова:

Хочется видеть, как сосны и ели
Дремлют в родимом краю,

---

¹ Махов Н. Жизнь минувшая. Иваново, 1939. С. 96.

Слушать в лесу соловьиные трели,
Хочется петь самому.

Петь, не смолкая, про радость и горе,
Сбросить оковы и петь.
Петь про любовь, про широкое море,
Волнами моря кипеть¹.

Постышев очень любил поэзию, увлекался ею. Не так давно было найдено его стихотворение «1 Мая» (см. журнал «Радуга». 1967, № 9). Больше, однако, этот видный революционер известен как прозаик. Его рассказы о дореволюционной рабочей жизни, о событиях 1905 года в Иваново-Вознесенске («Горе Марфы», «Талка») вошли в его книгу «Из прошлого», которая неоднократно издавалась.

Известно несколько стихотворений и песен Фрунзе. В книге, посвященной его жизни и деятельности, сообщается, что, находясь в ссылке в селе Манзурке Иркутской губернии, он организовал хор, участники которого «подобрали музыку к стихам, написанным Фрунзе в тюрьме. Одно стихотворение было написано в тюремной камере, в те дни, когда он ожидал смертной казни. «Северный ветер» — назвал его Михаил Васильевич. Другое было написано позже. Оно проникнуто бодростью и жизнерадостностью:

Свободная юность бурлит вся потоком
И мчится куда-то вперед, всё вперед.
Чего-то всё ищет прозорливым оком,
Чего-то от жизни так жадно всё ждет»².

М. В. Фрунзе — идейный руководитель ивановских рабочих — был широко образованным человеком, прекрасно знал русскую литературу. Революционно-романтическое воспевание свободы в его стихах безусловно связано с традициями гражданской русской поэзии. Эти традиции отчетливо чувствуются в стихотворении «Свобода, свобода!», которое вошло сейчас в антологии революционной поэзии³.

---

¹ Н о з д р и н А. Как мы начинали: Из литературных воспоминаний // Избранные стихотворения. М.; Иваново, 1935. С. 146—147. Первоначально воспоминания опубликованы в 15-м томе «Литературного наследства» (1934). Далее они цитируются по «Избранным стихотворениям».

² Г а м б у р г И. К., Х о р о ш и л о в П. Е. и др. М. В. Фрунзе: Жизнь и деятельность/Под общей ред. Ф. Н. Петрова. М., 1962. С. 63.

³ См., напр.: Поэзия в большевистских изданиях. Л., 1967 (Б-ка поэта. БС).

Легендарной фигурой среди профессиональных революционеров был Р. М. Семенчиков, известный под партийной кличкой Громобой, которую он позаимствовал из баллады В. Жуковского «Двенадцать спящих дев» (первая часть ее называется «Громобой»). Не раз его судили, он сидел в тюрьмах, в Шлиссельбургской крепости, за подготовку вооруженного восстания был приговорен в мае 1906 года к смертной казни, замененной пятнадцатью годами каторги. В письмах из неволи, в дневнике, который вел Семенчиков, ярко раскрывается личность передового русского рабочего, который избрал путь борьбы. «Мне нужна жизнь-подвиг»¹, — писал он. Автобиографически звучит его стихотворение «Путь жизни»:

Тот, кто к истине стремился,
Кто искал свою святую,
Тот напасти не страшился,
Всюду с злом, напастью споря,
Не считая дни и годы,
Смело плыл пучиной моря².

Известно до десяти стихотворений Семенчикова. Писали стихи Ф. Самойлов³, пьесы и прозу К. Гандурин, стихи и рассказы С. Гусев...

Стихи и песни, сочиненные рабочими и профессиональными революционерами, широко использовались в агитационных целях — на митингах, нелегальных собраниях, сходках, иногда и в листовках. Так, в листовке «Красные московские дни», выпущенной Иваново-Вознесенским комитетом РСДРП в январе 1906 года, разъяснялись итоги Московского вооруженного восстания и внушалась мысль о грядущей победе, при этом цитировались стихи:

Эй, рабочий люд, дружнее
Поднимайся всюду враз.
И врагам своим покажем,
Что настал свободный час⁴.

* * *

Зачинателем пролетарской поэзии в текстильном крае следует по праву считать А. Е. Ноздрина. Его творчество во многом созвучно

---

¹ Цит. по: Рябинин А. Н. Материалы для биографии Р. М. Семенчикова: 1877—1911. М., 1922. С. 19.

² Цит. по: Левкович Л. Жизнь как легенда // «Рабочий край». 1971, 9 окт.

³ Стихи Ф. Н. Самойлова вошли в сб.: Пролетарские поэты. Т. III. Л., 1939 (Б-ка поэта. БС).

⁴ Листовки Иваново-Вознесенской большевистской организации 1900—1907 годов. Иваново, 1957. С. 128.

тому, что характерно и для других рабочих поэтов, вступивших в литературу в 90-е годы (Е. Нечаев, Ф. Шкулев, М. Савин и др.).

Идейные искания Ноздрина были связаны с народничеством и марксизмом. В его ранних стихах определяются две темы — гражданская, раскрывающая обездоленную жизнь народа, в особенности в деревне, и несправедливость фабричных порядков, и лирическая, не лишенная философских мотивов. Вторая особенно примечательна.

В связи с тем что свои стихи Ноздрин передал на суд В. Я. Брюсову, между ними возникла переписка, и они встречались в Москве у Брюсова. В 1896 году Брюсов отобрал для издания 32 стихотворения Ноздрина, озаглавив сборник «Поэма природы». Это были стихотворения, которые он написал, когда жил и работал в Петербурге. Бегство от капиталистической фабрики на лоно природы, в деревню — один из распространенных мотивов пролетарской поэзии 90-х годов XIX века. Он присутствует в стихах Ноздрина изначально. Столкновение в огромном городе с явлениями урбанизации лишь усилило этот мотив:

До тоски несносен
Стал мне шум столицы!
Рвусь я в кущи сосен,
Где щебечут птицы.

(«До тоски несносен...») ¹

Этим объясняется поэтизация природы и обилие стихов Ноздрина о ней и о человеке как частице мироздания. Наиболее характерно в данном случае стихотворение «Среди природы я дежурный...», которым завершается составленный Брюсовым сборник.

Многочисленные неопубликованные стихи Ноздрина, сохранившиеся в архиве Брюсова, написаны в духе народнической поэзии, страдающей крестьянским бедам.

Нету числа твоим болям и немочам,
Нуждам твоим я не вижу конца!

— восклицает автор в стихотворении «В дороге», обращаясь к деревне. Естественно, что сильное влияние на поэта оказал Некрасов, который, по признанию Ноздрина, был для него ближе Пушкина ². Некрасовские традиции и влияние несомненны в его стихах, вплоть до интонаций («Беспомощные»).

Однако внимание Брюсова привлекли не эти стихи, а пейзажная лирика. Правда, и в ней у Ноздрина немало традиционного, в

¹ ГБЛ. Ф. 386, к. 58, ед. хр. 8.

² Ноздрин А. Избранные стихотворения. С. 154.

духе русской поэзии о природе. Но Брюсов отобрал для публикации и отредактировал то, в чем увидел намек на символистскую поэзию, на элементы космизма и новой образности.

Заметки Брюсова по поводу стихов Ноздрина позволяют прояснить, что он имел в виду, определяя их как «очень оригинальную поэзию»¹. В одном случае он пишет: «Ноздрин можно назвать Кольцовым, пишущим в духе Тютчева»². Ноздрин для Брюсова поэт-самоучка, выходец из народа, близкий по тематике и фактуре стиха к Кольцову, и в то же время у Ноздрина он находит нечто близкое природно-космическим мотивам лирики Тютчева (именно этот аспект поэзии Тютчева привлекал Брюсова и вообще символистов). В другом случае Брюсов так характеризует творчество Ноздрина: «Ни в одном стихотворении нет цельности... и в этом особое очарование. Неожиданные сближения. Оригинальная игра словами. Своеобразный взгляд на мир»³.

Так или иначе, но Брюсов увидел в отобранных им стихах нечто родственное своим эстетическим вкусам и пристрастиям тех лет. Но соответствовало ли это тому, что было на самом деле в поэзии Ноздрина?

Во-первых, сам Брюсов подчеркивал в уведомлении «От издателя» (издание сборника не состоялось — подробнее см. заметку «А. Е. Ноздрин»), что предлагаемые читателям стихотворения поэта составляют незначительную часть написанных им (за пределами «Поэмы природы» осталось свыше 200 стихотворений из присланных и переданных при встрече) и «характеризуют лишь одну сторону его поэзии»⁴. Другой аспект творчества Ноздрина, с его традиционностью и общественно-гражданской направленностью, не заинтересовал лидера символизма. Это надо обязательно учитывать.

Во-вторых, необычайно чуткий к поэзии Брюсов не мог ошибиться, уловив моменты «эстетизма» у поэта-самоучки. В это время (да и позднее) Ноздрин уже не удовлетворялся чисто утилитарным подходом к поэзии, который культивировался в народнической среде, и пытался соединить «пользу» и «красоту»⁵. Из писем Ноздрина

¹ Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову: 1894—1895. М., 1927. С. 70.

² ГБЛ. Ф. 386, к. 3, ед. хр. 4.

³ Там же, к. 58, ед. хр. 9.

⁴ Там же.

⁵ В мемуарах «Как мы начинали» Ноздрин пишет о кружке саморазвития, в котором он состоял во вторую половину 80-х — начале 90-х годов: «Не изгонялась у нас и хорошая чистая лирика» (Избранные стихотворения. С. 150). См. также: Ноздрин А. Мой привет поэту-гражданину К. Д. Бальмонту // «Известия Иваново-Вознесенского революционного комитета общественной безопасности». 1917, 16 марта.

к Брюсову видно, что он, живя в это время в Петербурге, а затем вернувшись в Иваново-Вознесенск, читал не только русских модернистов (Брюсов, Бальмонт, Вл. Гиппиус, А. Добролюбов и др.), но и западных (Бодлер, Верлен, Метерлик и др.). В творчестве Ноздрина по-своему отразился отход от «народнического» этапа развития русской поэзии, свойственный 80—90-м годам. Об этой общей тенденции убедительно говорится во вступительной статье Г. А. Бялого к сборнику «Поэты 1880—1890-х годов»: «Характерной чертой поэтического движения 80—90-х годов было широко распространенное и сказавшееся в творчестве многих поэтов стремление примирить противоречия, (...) уравнивать в правах «чистую поэзию» с гражданской, (...) сблизить противоположные тенденции и соединить, казалось бы, несоединимые настроения¹.

Но все сказанное выше не означает, что Ноздрин примкнул к так называемой «новой поэзии». Нельзя не согласиться с выводом С. Н. Тяпкова, который специально исследовал этот эпизод в биографиях Ноздрина и Брюсова. Он справедливо выделяет органическое жизнелюбие и демократизм взглядов Ноздрина — черту, прямо противоположную мотивам и настроениям символистов, и далее пишет: «...стихи Ноздрина петербургского периода шли не в русле символистских исканий, хотя он в них действительно отошел от привычной темы рабочего города. Это была во многом оправданная попытка «самоучки» расширить свой поэтический диапазон, насытить «эстетизмом» свое поначалу замкнувшееся на «малой пользе» творчество. Это был путь, по которому так или иначе шли почти все пролетарские поэты»².

Трудно сказать, что явилось причиной спада в дальнейшем творчестве Ноздрина, но он в конце 90-х годов писал редко, а затем вообще не сочинял стихи вплоть до революции 1905 года. Сам он объяснял это тем, что в «петербургских стихах» проявились не типичные для него чувства и настроения, в них он отошел от того, чем он жил и что ему было дорого. Общественная деятельность в Иваново-Вознесенске, тесное сближение с рабочей массой, которая поразила его ростом самосознания, ощущение приближающейся революции, близкое знакомство с марксистскими кругами — все это способствовало смене тем и мотивов его поэзии. Жизнь и быт рабочего города, резкие социальные контрасты, готовность трудящихся к борьбе за свои права — все это, начиная со стихотворения «У грозного порога», становится содержанием творчества поэта. При этом оно насыщается достоверными, кон-

¹ Поэты 1880—1890-х годов. Л., 1972. С. 52 (Б-ка поэта. БС).

² Тяпков С. Очень оригинальная поэзия: Рассказ об интересной архивной находке // «Рабочий край». 1982, 10 нояб.

кретными штрихами и деталями из жизни рабочего человека и родного города. Подобный характер носят все стихи цикла «В городе ткачей», где основными героями предстают народная масса и поэт — борец за ее интересы. Слитность общего и личного, автобиографического чувствуется и в последующих циклах: «Пятый год», «Звон кандалный», «Годы войны», «Красная весна».

Особое место в наследии Ноздрина занимают стихи о революции 1905—1907 годов. Еще в 1898 году в стихотворении «У грозного порога» в духе революционно-романтической образности поэт выражал предчувствие грозы-революции:

Ждать надо паводка, волны,
Грозы народного подъема:
Уж очень тяжек стон страны
И слишком всех гнетет истома!

Когда пришла революция, Ноздрин стал ее активным участником и певцом.

В русской революционной поэзии, за исключением, пожалуй, стихов Е. Тарасова — певца Московского восстания и баррикадных боев, — нет других произведений, которые бы так обстоятельно и верно передавали настроения и борьбу рабочей массы, всю атмосферу того времени, как стихи Ноздрина. В этом смысле они сохраняют значение поэтического документа, где автор выступает и летописцем классовых битв, и трибуном. Ноздрин показывает рост недовольства рабочих, забастовку, строительство баррикад, единство и сплочение поднявшихся на борьбу ткачей, их готовность идти «стеной лобовую» на преграды. Уже сами заглавия стихотворений дают ясное представление об отдельных этапах этой борьбы: «Забастовка», «На другой день забастовки», «С Уводи на Талку», «На митинге», «У кроваво-роковой грани»... Вместе взятые, стихотворения составляют своего рода поэму об ивановских ткачах в революции 1905 года¹, которые вышли из нее идейно возмужавшими, осознавшими свою силу, что подчеркнуто в стихотворении «С Уводи на Талку»:

Клялись, что себя по-хозяйски
Мы будем вести в корпусах.
Не будем, как раньше, по-рабски
Толкаться в конторских дверях.

---

¹ В 1905—1906 годах Ноздрин написал поэму «Ткачи», но она была утеряна. Затем она была восстановлена в виде фрагментов — отдельных стихотворений.

На мир, на уступки, на сделки
Не шли мы и впредь не пойдем.
Мы были в большой переделке
И вышли оттуда живьем.

Из стихов, написанных в годы реакции, видно, что поэт не согнулся, не поддался унынию и разочарованию. Он по-прежнему славит «красоту в борьбе» и гордится следами бурных испытаний — заплатами на своем парусе. Это не значит, что поэзия Ноздрина лишена элегических настроений. Они звучат порой в цикле «Звон кандалный», правдиво передавая переживания революционера, то находящегося на положении нелегального, оторванного от родной семьи, то коротающего в одиночестве дни и ночи северной ссылки. Характеристика героя-революционера как личности в этом цикле обогащается новыми красками: в ней появляются человеческая теплота, дружеское участие и порой юмористическое отношение к жизни.

С чувством большой радости встретил старый рабочий поэт Октябрьскую революцию. С искренней взволнованностью, с душевным подъемом воспел он приход «красной весны» («Красная гвоздика», «Знамя», «Песенка-предвестница», «На воле» и др.). Неузнаваемо изменилась жизнь, неузнаваемой стала родная поэту фабрика: над воротами вместо герба с орлом — пятиконечная звезда, ткач подходит к ним не сгорбясь, «а с приподнятой головой», на фабрике «не томит его работа», «здесь каждый винтик, шестеренка Тон новой жизни задает» («Неузнаваемая»). И поэт славит свободный труд, призывает «служить грядущему».

В стихотворении «Юбилейное», посвященном «поэту-двойнику Александру Николаевичу Благову», Ноздрин в 1933 году писал:

Твой путь — мой путь: через одни рогатки
Его нам приходилось пролагать,
И наших песен первые зачатки
Не можем мы победою назвать.

Как видим, поэт весьма скромно оценивает свои стихи. И все же, сознавая неравноценность поэтического наследия Ноздрина, хочется подчеркнуть другое. Стихи поэта трогают искренностью и неподдельностью чувств. Они достоверны. В них есть колорит эпохи, их породившей. В них звучит взволнованный голос человека-борца, единого в своих устремлениях со всем рабочим людом. В них нельзя не почувствовать самобытное природное дарование поэта, которое в свое время прозорливо заметил Брюсов. Все это делает поэзию Ноздрина заметной, обеспечивает ему почетное место среди зачинателей пролетарской литературы.

Почти одновременно с Ноздриным на поэтическую стезю вступил И. А. Назаров. Сын суздальского каменщика, он перепробовал много профессий, боевое крещение и закалку получил среди иваново-вознесенских рабочих. В книге «Встречи и письма» Назаров писал: «В течение восьми лет я прошел разные ступени работ и хорошо изучил жите-бытие фабричных рабочих, среди которых пользовался уважением»¹. Печататься начал он, как и Ноздрин, с 1898 года.

Читая его произведения, отчетливо можно видеть, как их содержание эволюционировало от жалоб на тяжелую рабочую долю («В поисках работы», «За стаканом», «Старый ткач», «В проборной», «Труженица» и др.) к выражению активного протеста («Братья», «Нет, я не раб, не раб, не раб!» и др.). «Из песен о свободе», «Агитатор» и ряд других стихотворений явно навеяны событиями революции 1905 года. Поэт призывает (стихотворение «Под знамя боевое»):

Все, кому мила свобода,
Кто живет в неволе злой,
От станков и от приводов
Выходи на грозный бой.

Эволюция творчества Назарова во многом близка этапам творческого развития Ноздрина. Но в его поэзии менее выражено личностное начало: Назаров работал преимущественно в песенном жанре, по самой своей природе более всего ориентированном на массовое сознание.

Если Ноздрин и Назарова можно отнести к старшему поколению рабочих поэтов-ивановцев, то А. Н. Благов, М. Д. Артамонов, И. И. Жижин и Д. Н. Семёновский — это уже поколение, вступившее в литературное движение после революции 1905 года и активно заявившее о себе на волне нового революционного подъема.

У них есть некоторые объединяющие черты: при сохранении общего революционно-романтического пафоса они многограннее, чем поэты старшего поколения, раскрывают образ человека; они не только ориентируются на традиции классической поэзии и поэтов-суриковцев, но и учитывают достижения современной стиховой культуры. При этом выявляются, конечно, и их индивидуальные особенности. Жижин, например, признается в автобиографии, что его любимые по-

¹ Назаров И. Встречи и письма. Владимир, 1957. С. 171.

эты — Бунин и Бальмонт¹; на Семёновского большое влияние оказал Блок, его поэтические искания во многом близки к «новокрестьянской» поэзии (С. Есенин, С. Клычков и др.); Артамонов погружен в стихию фольклора; более традиционен Благов («Пушкин, Лермонтов, Некрасов — Мои домашние друзья», — писал он в поэме «Десять писем»).

А. Н. Благов, старший из этой группы, но биографически и по творческой направленности более близкий и Ноздрину, и Назарову, около 30 лет проработал на фабриках, был ткачом, отбельщиком, машинистом, испробовал еще несколько профессий. Поэтому и писал о жизни товарищей по труду как человек, знающий ее изнутри, живущий одними думами и стремлениями с рабочими («Товарищу рабочему»):

Товарищ рабочий, я знаю
Тяжелую долю твою.
Я сам в этой доле страдаю,
Об ней я и песни пою.

В то же время поэт верил, что «жизнью счастливой, другою Рабочий народ заживет» («Дума»).

Оба эти мотива — тяжелая доля народа и вера в грядущую свободу, счастье — составляют содержание дооктябрьского творчества Благова, вошедшего в первую книгу его стихов «Песни рабочего» (1919), которая была издана с теплым напутственным словом И. Горбунова-Посадова.

До революции Благов публиковался главным образом в мелких столичных журналах. В Иваново-Вознесенске издавалась тогда единственная газета «Ивановский листок», позицию которой можно определить как охранительно-монархическую. Когда поэт принес однажды туда стихи, в которых рифмовались слова «доля» — «воля», редактор предложил ему сообщать о людях, произносящих эти слова. То есть, по существу, предложил стать... осведомителем. Об этом Благов позднее рассказал в автобиографической поэме «Рассказ земляка» (1933).

Естественно, местные поэты стремились быть подальше от «Ивановского листка». Сначала В. Е. Ключин предпринял издание журнала «Иваново-Вознесенская жизнь» (журнал выходил в 1911—1912 годах, он не имел определенной платформы и вскоре прекратил существование). Затем М. Д. Артамонов стал выпускать еженедельный журнал «Дым» (октябрь 1913 — январь 1914).

При всей идейно-тематической пестроте, присущей этому изданию, у него было два положительных качества: во-первых, вокруг

¹ ЦГАЛИ. Ф. 1624, ед. хр. 64.

него сгруппировались местные литературные силы, и в первую очередь поэты, связанные с рабочим движением: А. Ноздрин, И. Назаров, А. Рязанов, Я. Лепилов, М. Горбатов и др.; во-вторых, одной из задач редакции, как явствовало из программной статьи «Первый номер», было — показать тяжелые условия, в которых живет народ — «тот народ, который назван великим, могучим, славным русским народом»¹. Следование этой программе и явилось причиной того, что местные власти закрыли издание на 14-м номере.

В 1913 году М. Артамонов издал в родном городе две книжки своих стихов: «Когда звонят колокола» и «Улица фабричная». Если в первой преобладали чисто лирические стихи, зачастую навеянные народно-песенными мотивами, то во второй значительное место занимают и мотивы социальные. В стихотворении «Лира моя, лира...» поэт восклицал:

Лира моя, лира,
Лира горемычная,
Спой мне про Иваново,
Про житье фабричное.

Судя по объявлению на обложке книги «Когда звонят колокола», должен был выйти еще третий сборник — «Ворота заперты». В нем, как и в «Улице фабричной», были обещаны «главным образом стихи из фабричной жизни, из жизни трудящихся масс Иваново-Вознесенска». Но третий сборник так и не вышел. По-видимому, основной тон в нем призвано было задавать большое стихотворение под заглавием «Ворота заперты», появившееся в журнале «Дым» (№ 10).

Потерпев неудачу с изданием журнала, Артамонов переехал в Петербург, где установил связи с газетой «Правда» и поэтами-«правдистами», выполнял задания редакции, печатал стихи.

С газетой «Правда», как уже отмечалось, был связан и другой ивановский поэт — Д. Н. Семёновский, опубликовавший 5 августа 1912 года в газете «Невская звезда» (одно из названий «Правды») стихотворение «Микула», а 22 августа 1912 года в «Правде» — стихотворение «Визги, яростные лязги...». Знаменательно, что среди героев его дореволюционных стихов мы видим и пахаря-богатыря («Микула»), и кузнеца, способного выковать «век золотой на земле Из века железного...» («Кузнец»). С ними поэт связывает революционное переустройство мира, грядущую свободу народа и процветание родины, которая становится на долгие годы главной лирической темой его поэзии. Часть дореволюционных стихов Семёновского вошла в его сборник «Благовещание» (1922).

¹ «Дым». 1913, № 1. 20 окт. С. 1.

В том же 1922 году вышел и сборник И. И. Жижина «Моё», вобравший в себя стихи 1911—1922 годов. Стихи эти отличались смелостью образов, разнообразием тематики, вместе с тем не лишены были элементов искусственности, претенциозности.

* * *

Обращаясь после Октября к Иваново-Вознесенску — городу, где, по существу, Жижин сформировался как поэт, он писал:

И на горах мануфактуры
Тобой был сотворен Парнас ¹.

Поэт был прав: после Великой Октябрьской социалистической революции в городе произошли разительные изменения, частью которых стал «Ивановский Парнас» — крепкое, дружное объединение поэтов, всецело принявших новый строй жизни.

Их родной город превратился, как говорилось тогда, в центр «Красной губернии». Первые руководители губернии (М. В. Фрунзе, Д. А. Фурманов, И. Е. Любимов, О. А. Варенцова и др.), несмотря на громадные трудности, связанные с военной разрухой, уделяли большое внимание развитию в крае науки и культуры. Начавшаяся культурная революция протекала здесь особенно бурно и интенсивно. Деятельность сложившегося при губернской газете «Рабочий край» кружка поэтов была ярким показателем наступившей творческой весны.

Газета сыграла огромную роль в объединении местных литературных сил. По свидетельству секретаря редакции М. Артамонова, она выискивала, собирала вокруг себя новые силы из числа рабочих и крестьян, «подбадривала, вела литературные беседы и читки раз в неделю еще в 1919—1920 годах, когда нигде это не наблюдалось» ². Вспоминая тяжелые и героические годы гражданской войны, Д. Семёновский писал: «Не до литературы, казалось, было в те дни... В это время голода, холода, разрухи ивановский писательский молодежь, поднявшийся из рабоче-крестьянских низов, черпал силы в художественном творчестве, грелся в творческой среде общих литературных интересов. К «Рабочему краю» упрямо потянулись писатели-самоучки с новым мировоззрением, часто малограмотные, но почти всегда талантливые (...) Под умелым и опытным руководством тогдашнего редактора «Рабочего края»

¹ Ж и ж и н И. Рабочий город: Поэма // «Рабочий край». 1921, 7 нояб.

² ЦГАЛИ. Ф. 1698, оп. 1, ед. хр. 32.

А. К. Воронского, писателя с прекрасным литературным вкусом, молодежь сомкнулась в крепкое литературное ядро»¹.

А. К. Воронский, приобретший в 20-е годы широкую известность как редактор первого советского литературно-художественного журнала «Красная новь» (на этот пост он был выдвинут В. И. Лениным) и как выдающийся литературный критик, редактировал газету «Рабочий край» с июня 1918 по январь 1921 года. Он много сделал для объединения и развития местных творческих сил. На страницах газеты были введены рубрики «Пролетарские поэты» и «Поэты „Рабочего края“». В заметках под названиями «Литературная хроника», «Литературные новости» газета широко информировала о литературных событиях в стране, о выходе новых книг, журналов. Хорошо был налажен отдел библиографии. Статьи редактора и других авторов помогали ориентироваться в современных идейно-художественных исканиях. В помощь начинающим была напечатана серия статей об образе, ритме, размере, звуковой организации стиха. Литературная учеба продолжалась и на редакционных «вторниках».

Существенное значение имело то обстоятельство, что в редакции «Рабочего края» трудились шесть поэтов: Д. Н. Семёновский, М. Д. Артамонов, И. И. Жижин, А. Е. Ноздрин, С. А. Селянин, А. А. Баркова. По словам Селянина, редактор часто обращался к поэтам с предложением давать стихи для очередного номера, а правили они материал так, что в газете «не было места сухим, казенным заметкам (...) Каждая заметка была литературной, рисовала живую картину»². Все это — как и многие статьи самого Воронского — придавало газете «Рабочий край» «литературный уклон», хотя, конечно же, в первую очередь она оставалась газетой общественно-политической.

Да и сами поэты активно включались в общественную жизнь. «Кружок «Рабочего края», — отмечал Семёновский, — всегда принимал самое живое участие во всех политических кампаниях города. Писатели выступали со своими произведениями на митингах, публичных лекциях, в рабочих клубах, в красноармейских театрах...»³. Напряженную общественную деятельность развернул будущий автор «Чапаева». В то же время на страницах «Рабочего края» и его предшественницы — газеты «Рабочий город» (но-

---

¹ Семёновский Д. Писатели «Рабочего края» // «Рабочий край». 1928, 5 мая.

² Селянин С. Поэзия в «Рабочем крае» // «Рабочий край». 1924, 5 сент. См. также: Артамонов М. В редакции // «Журналист». 1922, № 2/3.

³ «Рабочий край». 1928, 5 мая.

ябрь 1917 — март 1918) Фурманов кроме публицистических статей печатал очерки, рассказы. Уехав в начале 1919 года на фронт, писатель регулярно посылал оттуда статьи и очерки, некоторые из них позднее будут использованы при создании романов «Чапаев» и «Мятеж».

Кружок поэтов «Рабочего края» не был изолирован от «большой литературы». На страницах самой газеты — и прежде всего в статьях Воронского — ставились и обсуждались проблемы, имеющие магистральное значение для формирующейся советской культуры: отношение к классическому наследию, литература и революция, вопрос о пролетарской литературе и др. В «Рабочем крае» публиковались не только произведения местных авторов, но и таких, как М. Горький, А. Серафимович, Д. Бедный, В. Маяковский, С. Подъячев, С. Есенин, Р. Ивнев, С. Городецкий, печатались пролетарские поэты А. Гастев, Л. Котомка, А. Белозеров, Я. Коробов, Я. Бердников и др. С произведениями ивановцев знакомились и давали им оценку такие выдающиеся художники слова и известные критики, как М. Горький, А. Блок, В. Брюсов, А. Луначарский.

Нельзя не отметить активность ивановских литераторов в установлении творческих контактов. Задумав в 1920 году издание журнала «Светлая явь», они намеревались обратиться с просьбой о сотрудничестве к Горькому, Блоку и другим писателям¹. Редактором альманаха «Начало» И. Жижиним в 1922 году было послано письмо-приглашение В. Я. Брюсову². Начиная со сборника «Крылья свободы» привлекались к участию в изданиях столичные поэты. Особенно представителен был альманах «Начало» (№ 1 — 1921 г., № 2/3 — 1922 г.). Здесь печатались произведения А. Неворова, П. Низового, В. Казина, С. Клычкова, С. Городецкого, В. Нарбута, Н. Мещерякова, А. Воронского, Н. Бельчикова и др. Первый номер «Начала» был послан В. И. Ленину, он имеется в его кремлевской библиотеке.

Исключительное значение для ивановских литераторов имело общение с ними Горького и Луначарского, поддержка, которая им оказывалась.

При встречах с Семёновским и в письмах к нему Горький живо интересовался творчеством ивановцев, просил присылать их произведения, помогал продвижению в печать. Именно через Горького стихи местных поэтов попали к Блоку. Горькому посылались

---

¹ Жижин И. Первый журнал // «Рабочий край». 1920, 27 нояб.

² ГБЛ. Ф. 386, к. 85, ед. хр. 57.

отдельные номера газеты «Рабочий край», сборники «Крылья свободы» (1919), «Красная улица» (1920), «Сноп» (1920) и др.

Большую заботу о поэтах-ивановцах проявил нарком просвещения А. В. Луначарский, который познакомился с некоторыми из них во время приезда в Иваново в апреле 1919 года. Он оказывал помощь в издании сборников стихов М. Артамонову и А. Барковой. Критик одобрительно отозвался о первом коллективном сборнике стихов ивановских поэтов «Крылья свободы» (статья «Новая поэзия» в газете «Известия» от 27 ноября 1919 г.).

В письмах тех лет Горького к Семёновскому и Луначарского к Барковой затрагивались важные вопросы социалистического искусства. Их советы становились достоянием не только адресатов, но и других членов кружка.

Творчество поэтов «Рабочего края», разумеется, не было свободно от того, что впоследствии Семёновский назвал «сором». Но в целом им было чуждо пролеткультовское представление о пролетарской литературе как развивающейся в отрыве от классического наследия, создаваемой лишь пролетариатом и для пролетариата. Их поэтические искания в основном были лишены черт отвлеченного космизма, абстрактности, риторического воспевания символов труда. В центре их внимания стоял человек с его земными радостями, чувствами, переживаниями. В лучших стихах проявились искренний революционный пафос, любовь к обновленной родине, близость к природе, к народному творчеству, естественное объединение мира деревенского и мира городского, что находило свое выражение в тематике и образном строе их стихов.

На эту черту творчества иваново-вознесенских поэтов как весьма характерную указывал А. Воронский в статье «Песни северного рабочего края», опубликованной в журнале «Красная новь» (1921, № 2). Причину такого объединения критик видел в особенностях жизни ивановских ткачей, зачастую еще не порвавших связей с деревней. Он так писал о кружке поэтов, которых хорошо знал по совместной работе в газете «Рабочий край»: «О северном неярком дне и белых ночах, о лесах и перелесках, о плакучих березах, об убогих деревеньках и овинах, о душе, которая тянется к любви и новому будущему, о революции и многострадальной советской родине нашей, о борьбе со злом, черным врагом, о рабочей околице и грохоте фабрик, «о миллионах сотканых аршин» в адском труде,— обо всем этом сложены стихи и песни иваново-вознесенских поэтов... В предисловии к сборнику «Сноп» авторы говорят о себе: многие из нас, прежде чем выйти на ниву слова с серпом поэтического творчества, еще так недавно расстались с реальным, а не аллегорическим серпом земледельца и молотом рабочего. Это и в самом деле так (...) Во всяком слу-

чае, это подлинный рабоче-крестьянский демос (...) Это большой поэтический выводок, вскормленный полями, рабочей околицей и гулом фабрик. Факт примечательный, о котором нужно знать всей мыслящей Советской России.

Он свидетельствует еще раз, что в нашем народе, в недрах его таятся большие духовные богатства и что не напрасны наши надежды, что на смену литературе старых господствующих классов трудящиеся смогут выдвинуть своих поэтов, романистов, художников...»¹

Статью «Песни северного рабочего края» можно рассматривать как прямой отклик Воронского на беседу Ленина и Горького о «кружке настоящих пролетарских поэтов». Не случайно главное внимание в статье уделено именно тем трем поэтам, которые названы в ленинской записке: Жижин, Артамонов, Семёновский².

Эти поэты были самыми значительными в кружке. Всего же в него входило свыше 20 человек, среди них упоминавшиеся сотрудники «Рабочего края», старый газетчик Василий Алексеевич Смирнов (заместитель редактора, затем редактор)³, поэтическая молодежь — комсомольский работник С. Огурцов, журналист Н. Смирнов, участники гражданской войны Н. Колоколов, Е. Вихрев, шуйский поэт А. Сумароков и др. Со временем некоторые из кружковцев стали известны в литературе. В их творчестве слышатся голоса той тревожной эпохи, когда был низвергнут старый мир и шла борьба за мир новый, дотоле неведомый. Каждый из них мог бы подписаться под стихами своего товарища — бывшего пастуха, окопного бойца, безвременно скончавшегося поэта Сергея Семёна, который писал:

Позабудутся горькие беды,
Будет сброшено иго нужды.
Мы добьемся желанной победы,
Сгинет призрак кровавой вражды⁴.

Творческая активность и достижения поэтов-ивановцев были настолько значительны, что о них как примечательном литературном явлении эпохи не раз писали на страницах столичной печати. Первым включил их творчество во всесоюзный литературный поток

¹ Воронский А. Искусство видеть мир. С. 301, 302.

² Подробнее об этом см.: Куприяновский П. Соприкосновения: Литературно-краеведческие очерки и разыскания. Ярославль, 1988. С. 141—142.

³ В. А. Смирнов до революции переписывался с Горьким, печатался через его посредство в демократических изданиях (см.: Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 29. С. 80—81).

⁴ «Рабочий край». 1921, 6 янв.

А. Воронский. В 1922 году С. Городецкий в «Обзоре областной поэзии», напечатанном в восьмом номере журнала «Печать и революция», выделил Иваново-Вознесенск как «крепкое гнездо» лирики, а более развернуто написал об ивановских поэтах в статье «Деревенские соловьи» (журнал «Город и деревня». 1923, № 2), подчеркнув, что они подошли «к главной теме наших дней — к теме смычки деревни с городом»¹. В учебной литературе 20-х годов творчество ивановских поэтов рассматривается особо. Так, в хрестоматии «Книга для чтения по истории новейшей русской литературы» есть раздел: «Лирика.— Иваново-Вознесенский ткацкий район»².

Не только в СССР, но и за рубежом появляются отклики на творчество ивановцев. В статье «О новой литературе», опубликованной 11 июня 1922 года в «Литературном приложении» к газете «Накануне», издававшейся в Берлине, А. Н. Толстой писал, что «новая литература» — «это новое сознание, новая личность», и в качестве примера того нового, что появилось в России, в литературе, назвал и «иваново-вознесенскую группу» (Баркова, Жижин, Семёновский). Тогда же, в 1922 году, берлинский журнал «Новая русская книга», рецензируя альманах «Начало», отмечал «живую струйку» «в одной из лучших провинциальных коммунистических газет» России — «Рабочем крае» и указывал, что «вокруг газеты подобрался кружок молодых писателей (...) часть из них уже замечена столичной печатью, и имена А. Воронского, Д. Семёновского и некоторых других не редкость встретить в «Красной нови», «Печати и революции», «Правде» и др.»³.

Следует отметить и такой факт. По данным библиографа Н. П. Рогожина, по числу выпущенных альманахов и сборников в первые годы революции Иваново-Вознесенск занимал третье место в РСФСР — вслед за Москвой и Петроградом⁴. Кроме упомянутых выше, назовем сборники «Взмах» (1921), «Живописное слово» (1921), «Коробейник» (1922). В первую половину 20-х годов начинают также издаваться журналы («Новый быт», «Ткач», «Красный ткач» и др.). Правда, их существование не было продолжительным, но они по-своему обозначили новый этап в развитии литературы и поэзии текстильного края.

---

¹ Городецкий С. Жизнь неукротимая: Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 1984. С. 207.

² Книга для чтения по истории новейшей русской литературы/ Сост., снабдил примеч. и введ. ст. В. Львов-Рогачевский. Л., 1926. Т. 1. С. 471—485.

³ «Новая русская книга» (Берлин). 1922, № 5, С. 9.

⁴ Рогожин Н. П. Литературно-художественные альманахи и сборники: 1918—1927 годы. М., 1960. С. 7.

Этот этап, как и в развитии всей советской поэзии, в первую очередь характеризуется поворотом от романтического воспевания Октября, революционной героики к будням и противоречиям эпохи 20-х годов, к усилению в стихах реалистического начала, отчетливо проявившегося в разработке темы труда. В ивановской поэзии значительную роль стали играть такие поэты, как Н. Колоколов, Е. Вихрев, С. Огурцов. В конце 20-х — начале 30-х годов начинают свой творческий путь Н. Часов, В. Полторацкий, А. Киселев, Н. Орлов, А. Лебедев и др. Но наибольшие творческие достижения связаны в это время с именами Д. Семёновского и А. Благова, которых по справедливости можно назвать ведущими поэтами края. Их творчество получило широкую известность не только у себя на родине, но и далеко за ее пределами. В частности, это видно на примере Благова.

* * *

Произведения А. Н. Благова прочно вошли в сборники революционной поэзии и в антологии того лучшего, что было создано нашими поэтами за послеоктябрьский период. Талант рабочего поэта в разное время по достоинству отметили такие разные ревнители и знатоки поэзии, как чуткий к художественному слову И. Горбунов-Посадов, самобытный народный певец С. Дрожжин, известные советские писатели А. Серафимович, Э. Багрицкий, В. Саянов, А. Твардовский и др. Но вряд ли не дороже всего для Благова было то, как воспринимал его стихи рядовой советский труженик. Ведь прежде всего к нему он обращался в своих стихах, в поэме «Десять писем»:

Хотел я просто, как рабочий,
С рабочим другом говорить.

Когда знакомишься — книга за книгой — со стихами и поэмами Благова, то представляешь перед собой мир, открытый глазами рабочего человека. В этом — при всем разнообразии картин жизни, воссозданных им, — особая цельность и своеобразие поэтического облика Благова. Да, перед нами поэт-рабочий, но это именно поэт, то есть человек, умеющий на языке искусства рассказать нечто важное и значительное для людей, заставить их это увидеть и перечувствовать. Все, что пишет он о старой и новой фабрике, жизни и быте рабочих окраин, приобретает в его стихах особую убедительность лично пережитого, выстраданного, достоверного.

Мир дореволюционной поэзии Благова — это мир фабричного труда и быта, тяжелой нужды и горестной доли ткача, грязных рабочих слободок и убогих жилищ («Безработный», «Стоквачихи», «Дума» и др.). Этот мир в конкретно осязаемых образах нередко встает и со страниц послеоктябрьских произведений поэта как грустное воспоминание о былом, как яркий контраст новой жизни («Вечера»).

Если бы молодой поэт замкнулся в круге мотивов и образов, связанных с жалобами на тяготы жизни, его поэзия носила бы идейно ограниченный характер, не шла дальше выражения стонов, сетований и мечтаний. Однако этого не случилось. Поэт ушел «от элегических творений, От песен горя и мучений» («Десять писем»). И здесь несомненно велико значение той идейной зарядки, которую получил он в «год великий Пятый». Не могли пройти бесследно забастовки, «университет» на Талке, революционная пропаганда большевиков. Идея борьбы с угнетателями, высокое политическое сознание — вот что определяет содержание самого значительного произведения Благова из числа написанных перед Октябрем — его поэмы «Десять писем». Здесь тема труда вписана в широкий контекст жизни и борьбы рабочего человека.

Живо рисуя картины захолустного уездного городка, обличая местных мещан, служителей церкви, хозяина фабрики и его прислужников, поэт предрекает грядущие революционные перемены («Услышат скоро паразиты Народной бури грозный гул...»). Поэма «Десять писем» примечательна трезвой оценкой империалистической войны. В ней автор неоднократно вспоминает о родных ему иваново-вознесенских рабочих, их революционной борьбе.

Впоследствии поэт будет часто возвращаться в своем творчестве к славным страницам борьбы ивановских пролетариев («Песня старого ткача», «День», «Имя Фрунзе неразлучно с нами», поэмы «Первые зори», «Вера Мялова», «Талка» и др.). Но основной пафос послереволюционной поэзии Благова — в утверждении советской нови, великих завоеваний Октября, тех огромных перемен, что произошли в жизни и быту рабочего человека, которому «улыбнулся новый мир» («Жене»). Улыбкой нового мира озарены теперь и труд ткача, и фабричный пейзаж, и думы работницы, и осмысленная культурная жизнь в рабочем поселке, и новостройки в родном городе.

Весьма показательны, как изменился в творчестве Благова образ фабрики. Если раньше, в дооктябрьских стихах, он ассоциировался с тюрьмой, то теперь «знакомых фабрик корпуса» вписываются в красочный пейзаж, и рассказ о них ведется в бодрых песенных тонах («Мой край»):

Любимый край, мой край раздольный!

Идешь, идешь под синевой...

В лицо целует ветер вольный,

И щебет птиц над головой.

В простой, обыденной работе поэт умеет находить красоту, радость и поэзию. Лирический герой его стихов, придя на родную фабрику, отдает «приветливый поклон» «белой ткани, красному батану» («Печаль»). Моторы ему «поют», ткацкие станки и приводные ремни звенят и шумят в лад с его светлыми думами. Ему приятно смотреть на белоснежные груды полотен, на своих товарищей по труду («На фабрике», «За машиной», «Работница» и др.).

Лирическому герою стихов Благова глубоко присуще чувство хозяина страны, единства со всем народом:

И как же мне беспечным быть,

Свою работу не любить,

Когда к труду меня зовет

Один хозяин — мой народ!

(«Песня ткача»)¹

Он «за машиной — на посту» («За машиной»). С сыновней радостью он смотрит на урожай деревенских полей и, как брат, тклет для крестьянина полотно:

Носи, надейся — будут плотны,

Тебе их ткал рабочий брат!

(«Дружба»)

Гордое и заботливое чувство хозяина диктует ему гневные слова осуждения по адресу обывателей, разгильдяев, лодырей, пьяниц, всех тех, кто вольно или невольно тянет назад, к старому миру («Вопрос», «Никита» и др.).

Новое мироощущение, новая психология, новое понимание труда — так просто, непосредственно, от лица рабочего человека — были выражены Благовым в стихах 20-х годов одним из первых в советской поэзии и в этом следует видеть одно из немаловажных достоинств его творчества.

---

¹ В окончательной редакции стихотворения эта строфа отсутствует.

Здесь уместным будет воспроизвести высказывания Э. Багрицкого, очень строгого ценителя поэтического слова. Считая стихи Благова «настоящей рабочей поэзией без громких фраз и трескотни», он противопоставил их риторическим стихам поэтов Пролеткульта. «Благов в отличие от старых рабочих поэтов,— писал Багрицкий,— ничего не символизирует, его лексика свободна, арсенал «молотов, наковален, цепей» в ней отсутствует. И поэтому его простые, написанные четырехстопным ямбом стихи производят настоящее впечатление»¹.

Багрицкий вполне справедливо отмечал, что Благов принадлежит к той категории поэтов, которые «растут вместе с временем». И действительно, Благов рос, вбирая в себя время и расширяя и совершенствуя способы отражения времени в поэзии. Он охотно, с большим поэтическим волнением откликался на все новое в текстильном крае, создавал стихотворные портреты знатных передовиков производства, с вдохновением писал на темы общественно-политического порядка, о больших событиях эпохи. Не прошел он и мимо тем более частного характера — о новом быте, о новых семейных отношениях, о любимых поэтах. Чудесна поэма в миниатюрах «Сад», где раскрываются хорошая, щедрая душа ее героя, его благородные представления о человеческой жизни, его высокая мораль. Свежо, чисто, с искренним лиризмом звучит в поэме поэтический голос автора.

Многим стихотворениям Благова присуще народно-песенное начало. Не чужды ему и ораторские, пафосные интонации. Но более всего поэт предпочитает лирически окрашенный, неторопливый разговор-беседу с другом-читателем.

Многие стихотворения Благова носят ярко выраженный локальный колорит. Он пишет об исконном ивановском производстве — текстильном; его лирический герой — рабочий-текстильщик; в стихах его то и дело фигурируют события и люди, связанные с Ивановским краем. Зачастую сами названия его произведений подчеркивают эту особенность поэзии Благова («Песня ткача», «Иваново», «Красная Талка», «Стихи о Меланжевом» и т. д.).

Однако было бы неправильным в местном колорите видеть слабость и ограниченность его творчества. Наоборот, где он разработан сильнее, закреплён в реалистических картинах, деталях и образах, где воспроизводятся быт, мораль и психология рабочего-текстильщика — там Благова-поэта ждут творческие достижения, там стих его

---

¹ Цит. по: Азаров В. Багрицкий и современность: По неопубликованным материалам // «Новый мир». 1948, № 7. С. 206.

звучит полновесно, там он умеет через «местное», конкретное сделать большое обобщение, раскрыть нечто типическое. Это наиболее ярко сказалось в самом характере лирического героя Благова

В стихотворении «Наш город» поэт с восторгом пишет об Иванове и его людях. Он проходит по его улицам, встречает «знаменитых прядильщиц, ткачих». Он рад видеть, как помолодел и вырос родной город. Разрозненные картины в конце стихотворения лирически обобщаются в вывод о красоте и молодости нового мира.

Пусть на плечи ложатся года,—
Жизнь прекрасна, душа молода.

Тема молодости нового мира, заставляющего старого поэта ткача забыть о своих годах и шагать рядом с молодежью, варьируется в стихах Благова многократно, сообщая им оптимистическое звучание.

Опасности подстерегали Благова-поэта не там, где он разрабатывал тему в соответствии с характером своего лирического героя, со всем его мироощущением и конкретными социально-бытовыми связями и обстановкой, а там, где он отходил от этого и становился на путь слишком общих деклараций и славословий, подогреваемых начиная с 30-х годов обстановкой культа личности. Тогда в стихах появились и риторика, и штампы, и «общие места», и прозаизмы, так не вяжущиеся с основным и главным в поэзии Благова.

В лучших традициях собственного творчества написаны поэтом последние его стихотворения, отличающиеся душевной лиричностью, искренностью, простотой и естественностью интонаций. Особенно примечательно из них стихотворение «Я счастлив наравне с тобой», по которому хорошо видно, насколько органична, интимна, глубоко прочувствована основная тема его жизни и творчества. Обращаясь к талантливому молодому поэту В. Смирнову, написавшему проникнутое радостью труда стихотворение «Бушует ситцевый прибой», Благов приветствует его как возможного преемника своей поэтической темы:

Я счастлив наравне с тобой.
И сердцем рад я безгранично,
Что по цехам у нас фабричным
Бушует ситцевый прибой.

(«Я счастлив наравне с тобой»)

Жизнь Благова прошла под знаком поэзии и труда. Эти понятия в его сознании никогда не противостояли друг другу и, может быть, слиты в его творчестве так прочно, как не у многих поэтов-современников.

С одной стороны, поэт-ткач нашел вдохновенные слова, яркие краски, чтобы воспеть и прославить высокий по своему смыслу труд простого советского человека. С другой стороны, поэзия для него как человека труда никогда не могла быть забавой. Это дело его жизни и тоже большой и сложный труд. Именно так звучит один из его экспромтов (стихотворение «Экспромты»):

Пусть большая, пусть малая слава.
Только верьте вы мне, друзья:
Не случайность, не просто забава —
Нет, стихи — это жизнь моя.

Представление о высоком назначении поэзии проходит через все творчество Благова. Он был уверен, что песня, «спетая не от скуки», рожденная не холодным сердцем, а сопереживанием делам и думам народа, вызовет у него благодарный ответ (стихотворение «На посту»):

Любовь народа горяча,
Она не встретит без привета
Работу честную ткача
И песню звонкую поэта.

«Звонкая песня» Благова нашла в свое время горячий отклик в сердцах читателей. Исторический опыт заставил сделать строгую проверку написанному. В свете этого опыта кое-что из созданного Благовым не выдержало испытания. Но лучшее в его поэтическом наследстве волнует и сейчас.

* * *

Творчество поэтов-ивановцев, чьи стихи включены в книгу, охватывает по преимуществу время с 90-х годов прошлого века до начала 30-х годов и тесно связано с общими процессами русской поэзии этих лет. Эпоха подготовки социалистической революции, Великий Октябрь и начавшееся строительство нового мира определили темы, идеи, пафос их произведений. Но в их поэзии,

при всех индивидуальных различиях, были некоторые общие особенности, связанные с местной спецификой, прозорливо замеченной еще А. Воронским: ивановский ткач — это, в сущности, полукрестьянин-полурабочий.

Эта крестьянско-рабочая среда создавала особую почву и атмосферу для творчества, исключая крайности, свойственные поискам «чистого» пролетарского искусства. Проблемы пролетарской литературы, конечно же, интересовали и поэтов-ивановцев, и они ощущали себя причастными к пролетарской поэзии. Но, разрабатывая даже чисто рабочую, фабричную тематику, ивановский поэт не забывал о деревне, о природе, о том, с чем всегда был связан крестьянин. Отсюда широкое тяготение их к природному миру, к поэтике, к языку, берущим свое начало в народном творчестве. Отсюда же ориентация многих поэтов на традиции Некрасова, Кольцова, Никитина, Сурикова и поэтов-суриковцев. Более всего это сказалось в творчестве Ноздрина, Назарова, Благова — старших из ивановских поэтов, но эта тенденция заметна и у Артамонова, и у Семёновского, и у некоторых других.

При общем стремлении опираться на классическую русскую поэзию, ивановские поэты не прошли мимо художественных поисков современных поэтов, и это было в целом для них плодотворно. У некоторых, правда, проявлялись даже крайности в увлечениях модернизмом (Жижин), поэзией пролеткультовцев (Колоколов). Но содержание и форма их стихов в главном определялись не этим. В них находили выражение демократические принципы творчества, ориентация на вкусы и потребности народного читателя. К этому, если иметь в виду время после Октября, ивановских поэтов обязывало и то, что почти все они были связаны с газетой. Газета «Рабочий край» была центром литературной жизни в крае, на ее страницах поэты выступали и эпиками, и лириками, и сатириками. Через газету же поэты входили в общественно-политическую жизнь страны и в местные условия жизни, быта, настроений трудящихся края, которые стремились отразить и выразить.

Местная тематика — труд на текстильном производстве, революционеры и революционные традиции края, природа Верхневолжья — занимает большое место в их творчестве. Но местный материал и местный колорит не мешают, а, наоборот, помогают полнокровнее выразить характерное и важное, затрагивающее интересы и чувства широкого круга читателей.

Лучшее из созданного ивановскими поэтами, безусловно, должно учитываться в истории предреволюционной и советской поэзии, оно достойно внимания и современного читателя.

Необходимо подчеркнуть, что поэтические традиции, заложенные в крае старшими поколениями ивановских поэтов, питали и питают

творчество тех, кто вступил в советскую литературу перед Великой Отечественной войной и позднее — вплоть до наших дней. В поэтической атмосфере Иванова шло формирование погибших во время войны талантливых поэтов А. Лебедева и Н. Майорова, здесь начинали свой творческий путь известные советские поэты В. Полторацкий и М. Дудин. Сейчас в Иванове плодотворно работает группа поэтов, начиная с бывших фронтовиков (В. Жуков, Н. Грачев, В. Догадаев) и кончая молодой, подрастающей сменой.

*А. Агеев,
П. Куприяновский*

Дмитрий Николаевич Семёновский родился 19 января 1894 года в селе Меховицы Ковровского уезда Владимирской губернии в семье сельского священника. Через три года семья переехала в село Юрьевское, лежавшее в 12 верстах от Иваново-Вознесенска. Здесь прошло детство и ранняя юность поэта, сюда он приезжал к родителям и позже. Семёновский очень любил это село, с ним связан и один из его псевдонимов: Юрьевский. Приход в Юрьевском был бедный, и отцу, Николаю Николаевичу, чтобы прокормить семью, приходилось обрабатывать свой надел земли.

В семье прививали детям любовь к чтению, покупали им книги, выписывали журналы. Большое влияние на формирование личности будущего поэта оказала мать — Варвара Ивановна, в девичестве Троицкая (некоторые свои публикации Семёновский подписывал: «А. Троицкий»). Варвара Ивановна, как вспоминал поэт, «любила книги, сама собиралась написать о своей жизни, прислушивалась к песням, записывала пословицы, заговоры»¹. Семёновский считал, что именно от матери он унаследовал «любь к выразительной народной речи, к фольклору»².

В 1901—1904 годах Семёновский учился в Юрьевской приходской школе, затем окончил Шуйское духовное училище. Годы учебы там пришлись на время первой русской революции, которая не прошла мимо сознания юного Семёновского: как он вспоминал в одной из автобиографий, в училище появился тайный кружок, и на его собраниях «читали какую-то социально-политическую книгу Макса Нордау»³. Позднее воспоминания о революции 1905 года нашли отражение в поэме «1905—1925»⁴, в стихотворении «Герой» (1935)⁵. В Шуе Семёновский начал писать стихи.

---

¹ Семёновский Дм. Автобиография // Позывные сердца. Ярославль, 1969. С. 353.

² Семёновский Дм. О себе // Избранное: Стихи и проза. Иваново, 1955. С. 5.

³ Семёновский Дм. Автобиография. С. 355.

⁴ См.: «Красный ткач» (Иваново-Вознесенск). 1925, № 15. С. 8—11.

⁵ См.: «Рабочий край». 1935, 24 мая.

В 1909 году поэт поступает во Владимирскую духовную семинарию, надеясь после ее окончания продолжить учебу в университете. Годы учения в семинарии отмечены возрастающим интересом к поэзии, чтением классических и современных поэтов. Тогда же Семёновский знакомится с владимирским журналистом и поэтом Яковом Коробовым, который работал в редакции газеты «Старый Владимирец». С лета 1912 года в газете начинают появляться стихи Семёновского. Но еще раньше, в начале августа того же года, его стихи печатают «Невская звезда» и «Правда». Эти публикации поэт и считал своим подлинным дебютом. Вместе с Коробовым Семёновский в 1913 году издает во Владимире две маленькие книжечки, названные «Сребролунный орнамент» и включавшие в себя пародии на Игора Северянина и его эпигонов.

Закончить семинарию Семёновскому не удалось. В конце 1912 года поэт становится одним из активных участников ученической забастовки, и его исключают с «волчьим билетом», без права поступления в какое-либо учебное заведение России.

Оказавшись на распутье, без средств к существованию, без надежды на продолжение образования, Семёновский в мае 1913 года обращается за помощью и советом к Горькому. Завязалась переписка, перешедшая потом в личное знакомство. Горький помог молодому поэту войти в литературу: по его рекомендации стихи Семёновского стали печататься в большевистском журнале «Просвещение», в журналах «Вестник Европы», «Современный мир», «Современник», позднее в «Летописи». Поступив с помощью Горького в Народный университет А. Л. Шанявского, Семёновский сближается с демократическими литературными кругами, знакомится с А. С. Новиковым-Прибоем, Б. Тимофеевым, С. Есениным, И. Филипченко, Г. Якубовским, другими молодыми литераторами, начинает сотрудничать в небольших демократических журналах «Путь», «Живое слово», «Млечный Путь», выходивших в Москве, в петербургском еженедельнике «За 7 дней». Через друга своего детства, впоследствии известного критика и литературоведа П. А. Журова, он знакомится с С. Клычковым, поэтессой Л. Столицей, посещает ее литературный кружок. Начавшаяся война помешала учебе в университете: от призыва поэт по состоянию здоровья был освобожден, но и продолжать учебу не смог.

Осенью 1915 года Горький пригласил Семёновского к себе на дачу в Финляндию. Вскоре после этой поездки Семёновский становится активным автором горьковской «Летописи», переводит стихи финских и латышских поэтов для соответствующих сборников, издававшихся под редакцией Горького. По предложению Горького Семёновский составляет сборник своих стихов, однако издание его тогда не осуществилось.

В 1916 году Семёновский окончательно переселяется в Иваново-Вознесенск, с трудом найдя место мелкого канцелярского служащего. Отныне вся его жизнь будет связана с рабочим городом.

Февральская революция оживила культурную жизнь города. Здесь начинают издаваться сразу несколько газет и даже журналов. Семёновский часто печатает в них свои стихи, рассказы, стихотворные фельетоны, сатирические сказки.

После Октября поэт становится одним из активнейших сотрудников газеты «Рабочий край». Почти все его произведения впервые публикуются здесь. В годы революции, гражданской войны, 20-е годы Семёновский выступает на страницах газеты не только как поэт-лирик, но и как публицист, критик, сатирик, прозаик, литературный консультант. Не порываются и его связи с Горьким. По письмам Семёновского Горький хорошо знал о литературной жизни в Иваново-Вознесенске, читал он и «Рабочий край». С его помощью стихи иваново-вознесенских поэтов, в том числе и самого Семёновского, попадают на отзыв к А. Блоку. Блок очень серьезно отнесся к лирике Семёновского, написал о ней небольшую статью, в которой, с присущей ему требовательностью отметив многие недостатки, признал несомненность поэтического дарования молодого стихотворца¹.

В 1922 году выходят первые сборники стихов поэта — «Под голубым покровом» и «Благовещение». Они были итогом всего дореволюционного творчества, вошли в них и стихи, связанные с революцией и гражданской войной.

В 20-е годы Семёновский, продолжая жить в Иваново-Вознесенске, много печатается в центральных изданиях — «Красной нови», «Новом мире», «Красной ниве», «Прожекторе», «Безбожнике» и других журналах. Он тесно связан с Москвой, входит в группу «Перевал», поддерживает дружеские отношения с Н. Зарудиным, И. Катаевым, Е. Вихревым, В. Наседкиным, участвует в «перевальских» сборниках. В Москве выходят очередные сборники его стихов — «Мир — хорош» (1927), «Земля в цветах» (1930, с предисловием М. Горького), «Путь» (1933). В 1931 году издается сборник прозаических произведений «Хлеб». В то же время конец 20-х — начало 30-х годов — нелегкий для Семёновского период. Некоторые критические статьи, где его обвиняют в «абстрактном гуманизме», в симпатии к «крепкому единоличному хозяйству», похожи были — в условиях того времени — на политические доносы. В декабре 1933 года Семёновский был действительно арестован по клеветническому доносу. Спасло его лишь вмешательство М. Горького.

---

¹ См.: Блок А. О Дмитрие Семёновском // Собр. соч.: В 8-ми т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 341—345.

В 1934 году Семёновский — делегат Первого Всесоюзного съезда советских писателей.

30-е годы — время создания крупных эпических произведений — поэмы «Сад», задуманной не без участия Горького, перевода «Слова о полку Игореве», над которым Семёновский работал еще с 1915 года, книги очерков о народных художниках «Мстёра». После смерти Горького Семёновским была создана небольшая, но очень емкая книга воспоминаний о нем — «А. М. Горький. Письма и встречи» (1938).

Во время Великой Отечественной войны патриотическая лирика Семёновского печатается в газетах, в сборниках для фронта, он пишет стихотворные подписи к плакатам. Война принесла поэту большое горе — в 1943 году погиб его единственный сын. Его памяти поэт посвятил цикл стихотворений.

После войны выходит еще несколько сборников стихов поэта — «Избранные стихи» (1946), «Стихи» (1947), «Радуга» (1948), «Огни мира» (1952), «Избранное. Стихи и проза» (1955), «Избранное» (1957). Издаются книги для детей — «Ванина рубашка» (1950), «Петушок» (1957) и др.

Последние годы жизни Семёновский тяжело болел, но не переставал писать стихи. Цикл стихотворений, созданный им в 1958—1959 годах, знаменовал собой как бы «второе рождение» Семёновского-лирика. Эти стихи должны были войти в сборник «Иней», но при жизни автора сборник выйти не успел: 10 марта 1960 года Семёновского не стало. Ивановцы отдали дань памяти поэту — его именем названа одна из улиц города, на доме, где он прожил почти сорок лет, установлена мемориальная доска.

1. ВИЗГИ, ЯРОСТНЫЕ ЛЯЗГИ...

Визги, яростные лязги
Огненных полос...
Черны тени, рдяны краски.
Пламя, жалящее в пляске,
Над горном взвилось.

Недвижимы наковальни,
Словно алтари.
Мы залиты светом дальней,
Всё безмолвней, всё печальней
Меркнувшей зари.

Мы — Моло́ха-Капитала
Скорбные рабы.

В ярых грохотах металла
Мы поем ему устало
Гимны и мольбы.

«Капитал, Молох суровый,
Страшный призрак тьмы!
Ты замкнул нас цепью новой,
Заключил нас в те оковы,
Что сковали мы».

Грохот... Скрежет...
Лязги, визги
Огненных полос.
Черный молот плющит, режет.
Льются огненные брызги,
Словно капли слез.

⟨1912⟩

2. НА БАШНЕ

Я стою один на башне, в медный колокол звоню,
Шлю проклятья черной ночи, гимны пьяному огню...
Я бросаю вереницы ярких звуков в эту ночь.
В звонкий колокол ударю, черным теням крикну: прочь!
И прокатится по крышам, по пылающим домам
Зов безумный, звон набатный: бам, бам, бам, бам!
«Эй, реви, пожар безумный! Звонкий колокол, кричи!»
Стонут, сдавленные медью, звоны в пляшущей ночи...
Звуки стонут, звуки выются, плачут, воют и смеются —
В ночь тревожную угрозы выкликает громко медь —
То замолкнут и в бессилье о металл звенящий бьются,
То начнут на легких крыльях тихо реять и звенеть...
В алых отливах пожара, в дикой пляске черных теней,
Полон яростных рыданий, диких воплей и смятений,
Медный колокол качаю исполинским языком.
Лью на тихо спящий город долгий рев, безумный гром.
Подо мною, грозно воя и сметая всё живое,
На лице горящем ярость и безумье затая,
Словно зверь пожар бушует. Мы на черной башне двое
Долго звоним, воем, стонем,— медный колокол и я.
Весь в огне, как сумасшедший, я над городом стою,
Звонкий колокол качаю и пою, пою, пою...

⟨1912⟩

3. РАБЫ ГОРОДА

Неумолимый город, чудовище из стали,
Колосс в броне из камня, в асфальтовой броне!
Сердца в твоих оковах. Сердца страдать устали
И пламенно мечтают о новом, ярком дне.

Замкнутые в граниты, в гроба гигантов зданий,
Закованные в цепи железного труда,
Под гром машин и стоны надорванных рыданий
Томимся неизменно сегодня, как всегда...

Сплетем проклятья с гулом и ропотом колесным,
С размеренным гуденьем поющих фонарей,
Уйдем к янтарным зорям, к жемчужно-светлым веснам,
К лесам узорно-темным, где логово зверей...

Уйдем к земле зеленой — и припадем, как дети,
На кружевные травы и будем как цари,
Как боги, в тиховейном, победно-ярком свете,
В лазоревости неба раскинутой зари.

Кто над станком склонился, кто угнетен, кто парий,
Сходитесь под знамена, что взвеяли вдали.
Пойдем ордой нестройной к далекой светозари,
К цветам, к улыбкам солнца, для мирных ласк земли.

⟨1912⟩

4

Фонарный столб. Ключки афиши.
Унылый, оголенный сад...
Осенний день печальней, тише.
Над улицей взвился закат...

Дома, заборы переулка
И тротуары — всё в огне.
Иду — и раздаются гулко
Шаги в вечерней тишине...

⟨1912⟩

5. ВЕЧЕР

Темный вечер бродит возле черных чаш.
Над землей развеял алый-алый плащ.

«Вечер темноликий, что так грустен ты?
Отчего поникли на лугах цветы?»

Сердце ждет ответа. Но ответа нет.
Бездыханны нивы, глух закатный свет.

Темноликий вечер по полям идет,
Сумрачные песни тихо он поет.

Сумрачные песни реют над землей,
Застылают запад бледной-бледной мглой.

Над землей, увитой в росы-пелены,
Встал далекий призрак, тонкий серп луны.

Темный вечер бродит возле черных чаш.
Взор его печален. Серп луны блестящ.

1912

6. МИКУЛА

Поле... Елей вереницы...
Комья вспаханной земли...
Солнце красное жар-птицей
Село — дремлет на ели.

Меркнет солнце. День уходит...
Дико крикнул сыч вверху.
В чистом поле пахарь ходит —
Водит острую соху.

Хмур и грозен бор зубчатый,
Тяжек, темен, долог путь...
Неустанно ходит ратай,
Бороздя земную грудь.

Черны срезанные пласты...
Тихи шорохи сохи...
Солнце село в ельник частый
На седые мхи.

Поразвеяло над бором
Золоченый яркий хвост...
Всё-то полем, всё простором
Ходит ратай вдоль борозд.

На руках его мозоли,
И кобылка немудра —
Да проходит в чистом поле
От заката до утра.

Да при каждом повороте
Сошка, легкая узда
Засияют в позолоте,
Зачернеет борозда...

Полю чистому конца нет...
Грудь земли суха, дика...
Но сохою не устанет
Править мощная рука.

Меркнет в небе позолота...
Темен ельник... Дик пустырь...
Меж оврагов вдоль болота
Ходит пахарь-богатырь.

Он ведет с природой давний,
Вековой упорный спор,
Пни корчует, крушит камни
Силам злым наперекор.

В непрерывной, вечной ссоре
С почвой скудной и сухой
Он живет в нужде и горе
За помощницей-сохой.

Чуток, зорок бор, как враг,
Поднял острые верха...
Въедет ратай на пригорок —
Скрипнет, встанет жар-соха.

«Гой ты, кованая сошка,
Гой, кобылка, — конь степной!
Послужи еще немножко
Стороне родной!»

И опять шагает ратай,
Ходит полем богатырь...
Гаснет золото заката...
Хмуры ели... Дик пустырь...

1912

7. НА ЯРМАРКЕ

Солнце ярко. Небо сине.
Балаганы, камни, зной...
Бахрома на парусине
Карусели расписной...

Пыльны камни, ясны кровли...
В лавках — пряники, ситца...
Хрип шарманки, гул торговли,
Завыванье паяца...

День весенний зноен, долог...
Солнце чертит синий полог.
Жарко блещут карусели позолотой, мишурой,—
А кругом — кольцо прохожих и мальчишек шумный
рой...

На коней точеных сели —
Завертелись карусели.
Вопли, выкрики гармоник... золотится бахрома...
Закружились, заходили люди, улицы, дома.

Там, у крытого прилавка,
Где нестройный говор, давка,
Где быстрее людской поток,—
Заалелся твой платок.
Будет радость нежной встречи,
Смех, доверчивые речи.
Васильки твоих очей
Зацветут еще ярчей.

Солнце жгуче. Небо сине.
Балаганы, камни, зной...
Ряд заплат на парусине
Карусели расписной...

1912

Поляна, пни, пугливые осинки
 Да горькая зеленая трава,
 В траве — цветы, как пестрые косынки, —
 Не этим ли любовь моя жива?

Прошел пастух, играя на свирели.
 Задумчиво пропели голоса.
 А травы потемнели, посырели.
 Тиха заря. Звонка, тепла роса.

Дрожат на листьях чистые росинки,
 Дрожит звезда под берегом реки.
 На берегу, как смятые косынки,
 Цветочные пестреют островки.

1912

9. ОСЕНЬЮ

Поля пустеют. Лес — нешумен.
 Печальны сосен города...
 Над муравой зеленых гумен —
 Людская речь и гул труда.

В овинах — темь. В овинах — дымно...
 Сверкает золото снопов...
 Кипит работа непрерывно
 Под говор, шум и стук цепов...

Уходит день. В полях темнеет.
 Дымится светлая река.
 На желтом скирде ярко рдеет,
 Как флаг, рубаха мужика.

Темно в притихнувших овинах.
 Замолкли голоса во мгле...
 И, точно пятна глаз совиных
 В заброшенном лесном дупле,
 Желтеют огоньки в селе...

⟨1913⟩

10. ГАРМОНИКА

Хороши ромашки на поле,
Краше девичий наряд:
С шеи бусинки закапали,
Ленты заревом горят.

Шарфы желтые и синие —
Нежно сотканые сны —
Легковейней, паутиннее
Одуванчиков весны.

По селу звенит гармоника.
Всё село поет-орет.
Даже дед столетний с коника
Слез и выполз на народ.

Полно охать да сутулиться!
Весел праздник у села.
Растревоженная улица
Голуба, желта, ала.

Парни ходят и бахвалятся.
Липнут к девкам. Каждый — франт:
Картузы с затылков валяются,
На груди трепещет бант.

Девки быстрым глазом косятся.
Мрут сердца у молодцов:
«Кабы ястребом наброситься,
Впитаться в ротик бы пунцов!»

Месяц встал над луговинами,
Задымилася роса.
За лобастыми овинами
Притаилися леса.

Пахнет медом, пахнет мятою.
В небе много тихих свеч.
Над сырой травой примятою
Слышишь ласковую речь?

Видишь, с милыми голубятся,
Низко клонятся в цветы?
Так люби ж, покуда любится,
В ночи летние и ты!

1913

11. ВСЁ — ТЕБЕ

Я теплю жизнь свою во имя
Твоей печальной красоты.
Заря над далями твоими,
Но тяжким сном почила ты.

Твоею опечален долей,
Я об одном тебе молюсь:
За тихий рай твоих раздолий
О дай и мне сражаться, Русь.

И в светлый полк меня причисли
Распятых за поля твои.
Тебе — вся жизнь моя, и мысли,
И песни робкие мои.

1913

12—14. БЕЗУМЦЫ

1

ПОЭТ

В его каморке — стол да стул.
В окно глядят кресты и трубы.
Через стекло, как вызов грубый,
Кидает город грузный гул.

Он изможден, сутул и худ,
И пусть не признан пошлым светом —
Каким зловеще-пышным цветом
В мозгу безумца сны цветут!

Глаза зажег горячий бред...
И он чердак шагами мерит, —
Он пламенно и страстно верит:
Он — бог, он — гений, он — поэт!

И вот усталым, темным, тем,
Кто яростно его позорит, —
Всем скорбным двери он отворит
В мечтою созданный Эдем.

ОБРЕЧЕННЫЙ

Упрямый рот. Глаза как сталь...
 Кругом — брошюр подпольных кучи
 И прокламаций снег летучий...
 Поник в печали. Смотрит вдаль...

Родимый край, несчастный край —
 В крови, во мраке и позоре!
 Но огнеутренние зори
 Про трудовой вещают Рай...

Он знает, верит... И скорбит:
 Бойцы, поэты и пророки
 Шли с солнцем мысли в мир широкий,—
 Поэт угас. Пророк убит.

Но поклялся взойти на крест,
 Чтобы увидеть, умирая,
 Цветы лазоревого Рая
 Среди родимых нищих мест!..

РЫЦАРЬ

Он — пленный рыцарь. Смотрит в твердь —
 В окно с решеткой и звездами...
 Он отдал всё Прекрасной Даме,
 Чье имя — Правда. Завтра смерть.

Глубоко в сердце скрыл тоску.
 Разломан меч. Расколот панцирь...
 Лежит. И грезы в диком танце
 Кружатся в гаснущем мозгу.

Жандармы. Обыск и арест...
 И вот придут, звеня ключами,
 И он, глумясь над палачами,
 Взойдет бестрепетно на крест.

И Ту, кому был верен он,
Под виселицею прославит.
А там — веревка шею сдавит
И смерть задушит хриплый стон...

1913

15

Слышишь в грозном затишье грузной поступи гуд?
То — безвестные массы в бой последний идут.
Алоцветные ткани над рядами кипят
И кричит Север Югу и Востоку — Закат:
«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Слышишь гул отдаленный, гул бесчисленных ног?
То — идут миллионы, неуклонны, как Рок.
Тяжко бьют планету их глухие шаги.
Надвигаются бурей. И погибнут враги.

Этот мир станет бредом. Он навеки падет.
Новый мир нам неведом, но он скоро придет.
Кто прикован к машинам, кто затоптан в пыли,
Будет завтра владыкой всей великой земли.

Громче топот восставших. То — потоп! То — циклон!
Колыхаются зыби алоцветных знамен.
Слышишь рев урагана? Слышишь, воеет прибой,
Долетая волною до луны голубой:
«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

1913

16. РОДИНА

Снова май разноцветным убором
Нашу сторону скромно украсил.
Улыбнулся полям, косогорам,
Зазвенел бубенцами у прясел.
Я люблю эту робкую пору —
Крылья весен зеленых над Русью.
Льну душой к полевому простору
Со слезами и сладкою грустью.
И целую лесные дороги,
Будто влажные девичьи губы.

Милый край мой, и светлый, и строгий,
Как мне зори весенние любви!
Что ни утро, вдали горделиво
Заревое взвивается знамя —
Знак, что времени тучная нива
Всколосится счастливыми днями.
Всё мне шепчет о доле хорошей.
Крепко верю березам плакучим,
Луговине, цветами поросшей,
И пахучему ветру, и тучам.
Верю северным тихим просторам,
Покачнувшимся остовам прясел
И всему, что непрочным убором
Май-кудесник непышно украсил.

1913

17

К непогодам хмурой дали
Бурный вал мой челн примчал.
Утоли мои печали,
В голубой введи причал.
О лазоревом причале
Я грущу и вижу сны.
Утоли мои печали,
Дай безбурной тишины.

1913

18

Над полем тучи виснут ватой,
Березок выстроился полк,
И в вышине голубоватый
Небесный вызвездился шелк...

И сердцу что-то снится, снится,
Поют полозья, долог путь.
А звездные дрожат ресницы,
И в сумеречном поле — муть.

(1914)

Леса с болотами да топями,
 Где притаилась тишина,
 Где ели выстроились копиями,—
 Грустна ты, наша сторона.

Но всё же под лучами майскими
 Ты в светлый рядишься убор
 И рядишь цветиками райскими
 Леса, луга и склоны гор.

Туманы белые и тонкие
 Твой смуглый умывают лик,
 И будит перелески звонкие
 Кукушек вещей переклик.

Мне радостна весна короткая,
 Весна печальная твоя,—
 И звездная улыбка кроткая,
 И в роще песня соловья.

И росный пар над луговинами,
 Когда по избам бродит сон
 И всходит к звездам за овинами
 Сторожевой протяжный звон.

1914

20. ЛЕТО

Лето дремлет над речкой ленивой.
 Земляничные серьги яркие.
 Шелестя поспевающей нивой,
 Затаились в тиши ветерки.

Выйдут девицы из лесу на луг,
 Где у заводи золот-песок,
 Где хоронятся стаи русалок
 И задумался зелен-лесок.

Скинут цвет-сарафаны — и в заводь,
 Как березки белы и тонки.
 Будут выводком лебедей плавать,
 Вить-плести из кувшинок венки.

Кто в траве притаился высокой?
То не ветра душистого вздох.
— Схоронитесь за вострой осокой,
Спрячьтесь, девоньки, в ели да в мох!

1914

21

Подружки, какая теплынь!
День светлый, веселый да длинный.
Ой, солнышко, золотом хлынь —
Сойди на земные долины.

В лесу — тишина, ни души.
Как шапки, деревьев макушки.
Унывно в зеленой глуши
Кукуют вещуньи кукушки.

Летят по полям ветерки,
Косицы берез заплетая,
А я от любви-тоски,
Как льдинка от солнышка, таю.

Как месяц небесный, грустна,
Ночами хожу я без сна.

Живите, подружки, одне,
А я на земле не жилица:
Уж начали чудиться мне
В березах русалочьи лица.

Уж ветер, туманы гоня,
Несет мне недобрые вести.
Подружки, в семик без меня
Березыньку в ленты увесьте.

Ой, крепко покойнички спят!
И дождики, солнцевы гости,
Бегут по земле и кропят
Их кости на тихом погосте.

А в поле ликует весна.
Могила темна и тесна.

1914

22. ПАСХА

Над миром солнышко, как польмя.
Земля под муравою сохнет,
А звон плывет-плывет над селами
И где-то за туманом глохнет.

Колокола галдят, как пьяные.
Без умолку палят из пушки.
И, выпучив глаза стеклянные,
Трясутся дряхлые избушки.

А старики в подшитых валенках
Ползут с полатей под оконца
Погреться на сухих завалинках,
В гроб унести побольше солнца.

Горят раскрашенные яйца,
Катясь с зеленого пригорка,
И с перезвонами сливается
Гармонная скороговорка.

Но тихо за лесами сизыми!
Как зеркальца, в низинах лужи.
Священными блистая ризами,
Отец мой в дымных избах служит.

Как лик румяный, солнце ярое,
В глубоком сне лесная чаша.
И вздрагивают избы старые,
Оконца за реку тараща.

1914

23. ЯРИЛО

Что душу мою как пожар озарило,
Чей взор в полумраке заискрился, чей?
То ходит во мраке веселый Ярило.
О боже прекрасный, меня озарило
Мерцанье твоих искрометных очей!

И кровь забродила, и страсть закипела,
И сердце истомно и сладостно мрет.

Ах, трудно противиться голосу тела!
Недаром рассыпчатым цветом вскипела
Черемуха возле дорог и болот.

Ярило, ты к людям приходишь во мраке,
Сердца, как костры, зажигаешь ты им.
В кудрях твоих — пышные красные маки,
И звезды, и звери, и люди во мраке —
Все пьяны душистым дыханьем твоим.

Как чудно сверкают Ярилины очи!
Мне в душу проходят они, как мечи!
О боже прекрасный, из сумрака ночи,
Как синие стрелы, кипучие очи
Мне в душу стреми, излучай и мечи!

〈1915〉

24. ЛЕШИЙ

Булькает в темном болоте водица,
Синь-гонобобель на кочках родится.
Леший присел на пенек,
Леший играет на дудке.
Ярок на рожках венок,
Нежны в венке незабудки.
Умер болотный денек.
Солнцев потух перстенек.
Небо — в огне, в заревой позолоте.
Красная девка гуляет в болоте.
Боязно девке-голубке. Одна,
Синие бусинки ягод срывая,
Еле живая
Ходит она.
Замер в болоте пастуший рожок.
Леший облапил, губами ожег.
Только высокой березке приснится,
Как над трясиною сгилла сестрица.
На небе теплятся ярые свечи.
Плач над трясиной звенит человеческий,
Жалобный девичий стон.
Ломится, ухает леший в дуброве,

Хмурит косматые брови,
Ходит меж кочками он.
Спину мохнатую чешет,
Нечисть болотную тешит.

<1915>

25. БЕЗРАБОТНЫЙ

«Купите рабочие руки!» —
Кричу. Проклинаю. Клянущу.
Изведал великие муки
Я в каменном тяжком плену.

На улицах зябну, голодный,
И сердце слезами звенит:
Людские сердца — как холодный,
Тяжелый и серый гранит.

Защелкай зубами по-волчьи,
Заплачь, закричи, застони —
Всё так же спокойно и молча
Проходят, проходят они.

...Согнувшись от огненной стужи
На колком и жгучем ветру,
Я сделаю петлю потуже,
Качнусь над землей и умру.

И вот у высокого рая
Скажу я печально и зло:
«Хлебнул я страданий без края —
Мне там, на земле, не везло».

«Ты хочешь за муки награды? —
Ответит у райских ворот
Архангел. — Ступай от ограды!
Мы в рай не пускаем народ.

Рабочие буйные рати
И рады войти бы туда,
Да райские цветики рвати
Рукам ли, больным от труда!..»

1914 или 1915

Сладко вскинуть котомку на плечи
И пойти по полям, по лесам,
По путям незнакомым далече,
Откликаясь птиц голосам.

Заглядеться на вольные реки,
На зарю за туманом-росой
И случайно плениться навеки
Несказанной девичьей красой.

Засыпать в незабудках и мяте,
Слыша крики печальные сов...
Ой, земля, наша милая мати,
Заряница да шепот лесов!

1915

27. КАЛЕКА

Тошно и трудно калеке безногому,
Смерть надоело хворать!
Встать бы — да к пашне, да к лугу пологому —
Землю родную орать!..

Тяжко калеке лежать без движения...
«Мамынька!» — «Что ты, сынок?»
— «Легче бы пасть мне на поле сражения,
Чем воротиться без ног.

Годен куда я? На паперти с чашкою
Стих про Егория петь,
Маяться до смерти маемой тяжкою,
Голод и стужу терпеть...»

«Полно-ка, дитятко, чадо увечное,
Сердце мое не круши!»
Горе — что море кипучее, вечное —
Крест материнской души.

1915

28. СОЛНЦЕВОРОТ

Пустырь, да над рекою ива,
Да старица седая — ель
Дороже сердцу, чем все дива
Чужих ликующих земель.

Да, сторона скупого бога,
И дик и темен твой народ,
И ты, как нищая, убога,
Но вот настал солнцеворот!

Я верую, что крины рая
В садах неплодных процветут,
Среди болот глухого края
Все реки медом истекут.

И в дни, когда пахучи травы,
Когда черемуха бела,
И перелесицы кудрявы,
И сумерек, как ладан, мгла, —
Парчу лугов, что лик родимый,
Я целовать с любовью рад,
И каждый цветик еле зримый,
И зверь лесной — мне милый брат.

Да, ты бедна и юродива,
Но твой туман, твоя метель
Дороже, чем чужбины дива,
Чем чудеса иных земель.

1915

29. КИТАЙЧОНОК

О, чужбина с зимою морозной и длинной,
С непонятной молвой, с безучастной толпой,
Нудный труд в городской суете муравьиной
И слепые копейки подачки скупой!
Вот он в чайной туманной неловко приплясывает,
Заунывною песней о солнце тужа,
И бросает, и ловит, и снова подбрасывает
В синь табачного чада четыре ножа.

В думах — синие реки и рощи Китая,
Дни нужды и усталая, грустная мать.
Он крепился, домашний порог покидая,
И сумел закипавшие слезы унять.
Плакать — после... О, скука глухая, отчаянная!
Далека материнского поля межа.
Равнодушно шумит запотевшая чайная,
И мелькают, мелькают четыре ножа.

1915

30. СТОРОЖКА

За вязью елок смутно шелестящий
Малинник вырос, буен, част и густ.
Здесь ягоды — нежней девичьих уст,
Алей углей и поцелуев слаще.
В малинник села старица-сторожка,
Окошки-очи мутны и малы.
Она пуста. В кусты прямой стрелы
Метнулась заглохшая дорожка.
Как дико здесь! В пустой дыре колодца
Живет семейство юрких бесенят.
К ним в гости ходят черти из болотца.
А ели сонно шепчут и звенят
И, прямо в тучи упершись верхами,
Качаются над хворостом и мхами.

⟨1916⟩

31

Прекрасны зори, звезды, воды,
Покровы нив, престолы гор.
Да не мрачат лица природы
Ни боль, ни злоба, ни раздор!

Вражды и гнева власть отринув,
У тучных пажитей и рек,
Где ветер пьян дыханьем кринов,
Блажен да будет человек!

Зане светла душа природы,
Земля как райский вертоград,
И немо затаили воды
Стозвонный Сокровенный Град.

1916

32. ПРАЗДНИК

1

По улице толпа течет,
Высоко образа вздымая,
А солнце ярое печет
И ясно, ясно небо мая.

Скоплением риз, икон, голов
Дремотный городок запружен
И голосом колоколов
И гулом уличным разбужен.

Микола-Солнышко и Спас
С Ильей серебрянобородым
Покинули иконостас,
Пошли по городу с народом.

С толпою шествуя вперед,
Глядит на рубища, на лица,
На свой возлюбленный народ
Боголюбивая Царица.

Громадны очи на лице,
Спокойном, высохшем и смуглом.
Каменья теплятся в венце,
Как месяц золотом и круглом.

Егорий в латах и с копьем,
Победоносный, юный, гневный,
Смял змея вздыбленным конем
Пред очарованной царевной.

Горя дрожащей бахромой,
Хоругви в небесах полощут.
Казачи с важностью немой
С коней оглядывают площадь.

В глазах пестрит от стихарей,
От пыли, поднятой ногами.
В ушах звенит от тропарей,
Что гложут в топоте и гаме.

Священники кресты несут.
Их ризы ярче костяники.
В толпе поют про Страшный суд
Седобородые калики:

...Солнце и луна светиться
В день последний перестанут.
Небо кровью замутится,
Часты звезды в темень канут.

И тогда земля сырая
Ровно свечка загорится
И от края и до края
В кровь вода перетворится.

И архангельские рати,
Славой молний повитые,
В небесах зачнут играти
В трубы громкие литые.

Рухнут горы. Камни треснут.
Заметутся реки прахом.
Все усопшие воскреснут,
К Судии придут со страхом...

Порою в чашку кинут грош:
«Прими-ко, Христа ради, старче!»
Толпа колеблется, как рожь,
Толпа цветов медвяных ярче.

И впереди и позади
Она струится в тесном русле.
В ответ колоколам в груди
Запели трепетные гусли.

Толпа, стоглавая змея,
Вдоль узких улиц извитая!
Люблю идти с тобою я,
Среди счастливых дум витая.

Я — лишь звенящая струна,
Я — лютик с полевого лона,
А ты соборна, ты шумна,
Полна смятенья, пеня, звона.

О, как вся эта пестрота
Лохмотьев, ярких узорочий,
Девическая красота
Чаруют и пленяют очи!

Нестройный гам, обрывки слов,
Истошный крик и плач кликуши
И пестрый звон колоколов
Неудержимо льются в уши.

Слепцы всё тянут древний стих,
Под лоб закатывая очи.
Старухи обступили их,
Слезинку выронить охочи.

...Будут князи, будут власти
И лихие человеки
У змеи в железной пасти
С сатаной гореть вовеки.

А святые сядут рядом
С серафимами под пальмы
Любоваться Горним Градом,
Воспевать согласно псалмы,

Веселиться в райских кущах,
В гусли звонкие играя
Возле рек, млеко текущих
В берегах медовых рая...

Мне любо тайно подмечать
Девичьих уст мольбы и вздохи,
Глазами зоркими встречать
Зениц стремительных сполохи.

И если вдруг увижу я:
Взмахнет мохнатая ресница
И взгляд, как молнии струя,
Меня ожжет из-под нея —

О, смутно, смутно грудь моя
Любви предчувствием стеснится.

Сегодня тихая весна
Загар на девушек навеет.
На их устах, сладка, красна,
Малина огненная спеет.

И станут по ночам оне
Кого-то призывать с любовью,
И статный Витязь на коне
В сереброкованной броне
Прильнет в безгласной тишине
К девическому изголовью.

В его глазах горит гроза,
И как серпы бровей излуки.

2

А уж на площади воза
Оглобли подняли, как руки.
Там на прилавках пояски,
Платки с причудливым узором,
Цвет-ленты, перстни, образки
Разложены на зависть взорам.

Вот «Песенники», вот «Крючков»,
Вот «Гроба тайны роковые».
Внимательно из-под очков
Старик разглядывает «Вия».

В лавчонках — жамки, леденцы...
Народ, охвачен вешним хмелем,
Валит к узорным, как венцы,
Дрожащим, зыбким каруселям.

В ы крики торговцев
«Солоницы, плошки,
Расписные ложки,
Чашки с резьбою —
Бери с бою!..»
— «Пирог подовые!..»
— «Пряники медовые!..»

Песня сборщика

«Пожертвуйте, радетели,
Отцы и благодетели,
Небесной Царице —
Заступнице Усердной!
Заплатит сторицей
Вам Спас милосердный...»

Грохочет глухо барабан.
Кричит фигляр. Стучат колеса.
Толпа у входа в балаган
Пьяна, мятежна, стоголоса.

Там балалаечник-урод
С подмостков хрипло завывает,
Коверкается и орет —
На представленье зазывает

Плясуний балаганный рой
(Царевны в разноцветной сказке),
Пьянхась гармоники игрой,
Сверкая вязью, мишурой,
Бренча монистами, порой
Там выступают в плавной пляске

С иконостасом на груди,
С борами на багровой вые,
Кричат народу: «Осади!» —
Сердитые городовые.

Гремит расстроенный орган:
«Когда б имел золотые горы...»
Скотиний рев, божба цыган,
Молва и песни, брань и споры.

Толпа кипящая валит,
Седую пыль, как дым, вздымая,
А солнце знойное палит,
И нежно, нежно небо мая.

1916

33. ПРАЗДНИК ЖИЗНИ

Дождик тепел и душист,
Пьяный воздух медом налит.
Каждый стебель, каждый лист
Праздник жизни дружно хвалит!

1916

34. СКАЗКА

(К картине Рериха «За морями — земли великие»)

Не синие грозные кручи,
Не крылья стоголового змея —
Над морем тяжелые тучи
Зарю задавили, немея.
Царевна с пустынного взморья
Глядит на небесные взгорья.

Узка полоса золотая,
Бескрайно вечернее море.
Судов чернокрылая стая
Летит на туманном просторе.
И мнится: то — черные враны
Уносятся в дальние страны.

И кличет царевна: «О птицы,
Помчите меня над туманом
За синего моря границы,
К великим неизвестным странам!». »
И руки свои простирает
Туда, где заря догорает.

Стремительны девичьи взоры,
Протяжные речи — как песни.
Цветут зарукавья узоры,
Горят самоцветные перстни,
И хитрую вязью заткана
Литая парча сарафана.

Слетаются чайки на вече,
Воззванью певучему внемля.
Далече, далече, далече
За морем — великие земли.

Там солнце впотьмах задремало.
Там всяких диковин немало.

И долго с пустынного берега
Взирает на тучи царевна.
К ней ластятся волны с разбега,
Смеются и ропщут плачевно.
И гаснут ненастные зори
Над ширью холодного моря.

1916

35. ПЕТУШИНЫЙ БОЙ

Задорный взор с задорным взором сцеплен,
На грозный спор бойца зовет боец.
Миг — и схватились. Жарок пыл сердец,
Полощут крылья, как две пары теплин.
Вот разошлись, глядят и наконец
Схватились вновь. Уж кровью весь залеплен
Глаз одного вояки, но расщеплен
И вражеский малиновый венец.

Недолг бой. Покрыв себя позором,
Кривой боец с ощипанным узором
Цветистых перьев, пристыжен и хмур,
Спешит укрыться в мирную обитель,
Под кров двора, а гордый победитель
Поет и в круг скликает верных кур.

1916

36

То не жар ли птица
Нароняла пуха
Под окном у нас?
Дробно серебрится
И сверкает сухо
Непримятый наст.

В инее мохнатом
Призраки-березы
Стынут у дорог.

Тихо по раскатам
Тянутся обозы,
Жжется ветерок.

В месячные ночи
Выманит из дома
Переливный блеск,—
Сиверко жесточе,
Голубее дрема
И грознее лес.

На дворе к скотине,
К курам на нашесте
Крадется мороз.
Белым пухом иней
На коровьей шерсти
За вечер нарос.

Гляну в час полночный
Из-под занавески
В мерзлое окно:
Под луной молочной,
Всё в алмазном блеске,
Стелется гумно.

Тихо, ясно, глухо.
И опять приснится
В этот поздний час:
То краса жар-птица
Нароняла пуха
Под окном у нас.

1916

37. ТОВАРИЩ

Весенним дыханьем, нежданно и ново,
Меж нами промчалось заветное слово,
Заветное имя одно:
«Товарищ!»
Как песня, звучит нам оно.

То песня во славу труда-миродержца,
То мост, переброшенный к сердцу от сердца,

То братьям от братьев привет.
«Товарищ!» —
Прекраснее имени нет.

Из темных подвалов, из глубы подполья
Помчалось оно на простор, на раздолья
Кипящих толпой площадей.
«Товарищ!» —
То новое имя людей.

Лучистее взгляды, смелее улыбки.
И кажется: майским сиянием зыбким
Вся жизнь озарилась до дна.
«Товарищ!» —
Мы — сила, мы — воля одна!

1917

38. СХОДКА

Перелески, овражки, овины,
Пояса полевых изгород.
Как цветы посреди луговины,
На селе собирался народ.

Билось красное знамя — жар-птица.
Словно пчелы, гудело в толпе:
«Нам, товарищи, надо сплотиться,
Как усатым колосьям в снопе».

Не с похмелья, не с бражного пира
Затянул грамотей паренек:
«Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног».

Заливались девки, как птицы.
Будто ленты, вились голоса.
За зеленой парчой яровицы
Откликались на песню леса.

Полыхало над улицей знамя,
Дружно пел на приволье народ.
И, овеяны вешними снами,
Перелески гремели: «Вперед!»

1917

Не базар, а муравейник!
 Беспризорная коза,
 Баба, маг, фигляр-затейник
 Разом ломятся в глаза.

Смотрят с завистью мальчишки,
 Возле пышечной толпясь,
 Как заглатывает «вспышки»
 Чья-то розовая пасть.

Все от пыли порусели,
 Даже чистильщик сапог!
 В круг узорной карусели
 Завился людской веноч.

Ах, наряден, ах, неистов
 Удалой круговорот!
 Пара хмурых гармонистов
 Веера гармошек рвет.

Бахрома, парча, дерюга —
 Всё skipелось в пестрый вихрь.
 Пляска бабочек иль вьюга?
 Листья ль мчатся? Тени ль их?

Не поймешь. Струисто блещет
 Сумасшедшее кольцо.
 Пыльный ветер так и хлещет
 В загорелое лицо.

К черту всё! Сверкай и лейся,
 Разухабистая трель!
 Зыбче пенься, шибче вейся,
 Карусельная метель!

Шатко площадь заходила...
 — Помирать не миновать!..
 «Сама садик я садила...
 Сама буду поливать...»

1917

40. К КРАСНЫМ ГОРНАМ!

Дням раздоров — мир забвенья!
Чаша выпита до дна.
Мы — единой цепи звенья,
Рать могучая одна.
Собирайтесь к алым горнам,
К их огням, огням задорным,
К дыма рваным облакам,
К полосам железа ковким,
К тяжким, ловким
Молоткам!

Слышишь — пламя засвистало,
Засопел сердито мех?
Нашим делом ныне стало —
Счастье выковать для всех!
Словно зная, пламя пляшет,
Прямо в очи, едко пашет
Искры сеющая мгла...
С возрастающим упорством
Бей по черствым
Глыбам зла!

Крепкой волей, пылкой страстью
Создадим под солнцем рай!
В улей будущего счастья
Каплю меда каждый дай!
Эй, товарищ, взор исполни
Жарким светом синих молний,
Огневой любовью — грудь!
В искрах, в громе беспрестанном
Будь титаном,
Богом будь!

1917

41. НИКОГДА

Верь в звезду воскресшего народа!
Нет, немислим чужеземный гнет,
Ибо кто хоть раз отведал меда —
На полынь не променяет мед, —
Тот, кого лелеяла свобода,
Никогда в неволю не пойдет.

⟨1918⟩

42. ВЕСНА

Взмок навоз на сырой дороге,
Скоро трубами грянут ручьи.
Сердце мрет от сладкой тревоги.
Где вы, ласточки — думы мои?..
Тихи свечи Пасхи сторизной.
Тише свеч запылает весна,
Красный звон задрожит над отчизной,
Задымится в кустах купина...

⟨1918⟩

43. ГУСЛЯР

Грозный царь сидел с боярами,
Весь в парче, камнях и злате.
Я, с захожими гуслярами,
Распевал в его палате.

У стола, блестя оружием,
Жались царские холопы
И стояли полукружием
Сулеи, баклаги, стопы.

Усмехаяся над чаркою,
Слушал песни царь-надежа,
Как огонь, горела жаркая
Тяжкая его одежда...

А запел я песню дерзкую,
В гусли звонкие ударив,—
Злостью ярою и зверскою
Взор зажегся государев...

«Гой ты Русь моя, безвинная страдальца,
Кто-то ныне над тобою, мати, сжалится?
От царевых да от княжеских обид
Кто-то, мати Русь, тебя освободит?»

Кто восстанет на опричников с тобою,
Кто пойдет с многоплачевной голытьбою,
Кто поратует за горестную голь,
Предводитель ей появится отколь?»

Горе горькое народу от богатых,
Стоном стонет Русь в мужичьих курных хатах.
Ты пройдишь-ка по Москве да погляди —
Лютый царь казнит народ на площади!

Ой ты Воля, пролети в краю насилья,
Распахни свои бушующие крылья,
Над холопом, над кабальными людьми
Херувимскими крылами восшуми!

Чую: скоро чаша гнева переполнится —
Собирается в лесах дремучих вольница,
С топорами поднялася голытьба,
На царя да на опричника-раба...»

Не допел — как слуги кинулись,
Вижу: царь мрачнее ночи,
Хмурой тучей брови сдвинулись,
Дико засверкали очи...

Вот схватили, руки путая...
Бьют и рвут в порыве злобном.
Ждут меня мученья лютые,
Злая смерть на месте лобном...

Словно жар кресты на звоннице,
Терема в резьбе, в узоре.
У помоста ездит конница,
И народ гудит, как море.

Блещет риза государева,
В небе солнце веселится.
Из светлиц глядят, как зарева,
Молодых боярынь лица.

На крестах уселись вороны,
Их поживой я ли буду?
Вот на все четыре стороны
Поклонюсь честному люду.

Расстегну рубаху алую
И без трепета и страху
Положу башку удалую
На березовую плаху.

Русы кудри наземь свесятся.
Смолкнет говор. Площадь стихнет,
И топор яснее месяца
Надо мною жарко вспыхнет...

<1918>

44. ТКАЧ

Подумай: руками ткача
Свита золотая парча,
И, как ароматный цветок
Расцвел от сияний луча,
Так самый простой лоскуток
Сработан руками ткача.
И если нарядная ткань
Твои одеваает плеча,
Воздай справедливую дань
Труду и уменью ткача.
Рубаха, платок, епанча —
Его мастерства торжество.
Так слава работе ткача
И чуду ладоней его!

<1918>

45

В бунте буйственном и яром
Сквозь набаты, дрожь и гул,
Чую Стеньку с Кудеяром,
Их обычай и разгул.

У народа-атамана
Рассверкалась булава,
Со свободы, что с дурмана,
Захмелела голова.

Пой, мятеж!.. Гуляйте, волны!
Догорят грозы огни —
Станут праздничны и вольны
Трудовые наши дни.

<1918>

Я люблю тебя, красная родина!
 Мне приятна кукушка твоя,
 Увитая в ивняк загородиня,
 Ветхий мост над струями ручья.
 Задремавшего бора зазубрины,
 Зорька с лентою тучи в косе,
 Тихий берег, цветами разубранный,
 И зеленое поле в росе.
 Мне люба на оконце подзоринка,
 Жило пахаря с гарью и мглой
 И за сумраком девушка-зоренька
 Над проворной, над легкой иглой.
 Сердцу чудится ярое полымя,
 Буревые грома и ветра!
 Вспыхнут зори над бедными селами,
 Золотая наступит пора.
 Что нам снится да чудится — сбудется.
 Только Труд — властелин на земле.
 Сыт лишь тот, кто заботливо трудится,
 Кто подобен усердной пчеле!
 Будет алчущий хлеба с ковригою;
 Правды алчущий светлый народ,
 Как пчела золотая, над книгою
 Разумения мед соберет.

<1918>

Солнцу жаль с землею разлучиться.
 Не с того ль так ласково оно?
 Сушат ярь — и сквозь овин сочится
 Путаное дыма волокно.
 Красный лист, как бабочка, стучится
 В синее вспотевшее окно.
 Ночью месяц холодно лучится,
 Травяное в инее руно.
 Скоро неизбежное случится —
 Всё на смерть, на сон осуждено.
 День за днем разветится, умчится —
 Жизнь пройдет. Ну что же? Всё равно.

<1918>

Грустно осени — призрачной царевне,
 Растеряла она свои мониста...
 Потянулись крестьяне по деревне
 Городского послушать коммуниста.

Весь народ у околицы столпился,
 Были чинны внимательные девки.
 Словно птица невиданная, бился
 Алый плат на невыкрашенном древке.

«Все да будем свободны мы под солнцем,
 Всех нас к братству зовет товарищ Ленин!..»
 Ковшик неба светился синим донцем,
 Пьяной брагою облачною вспенен.

«Дружно слепим счастливой жизни соты,
 Разве счастье мы миру не ссыскали?..»
 И ладони, корявые с работы,
 Голубиными крыльями плескали.

То суровы, то светлы и безгневны
 Были смелые речи коммуниста...
 Прямо наземь у осени-царевны
 Осыпались червонные мониста.

<1918>

49. СВЯЩЕННИК-БОЛЬШЕВИК

Распрямилась согбенная выя,
 Крылья бури шумят за спиной!
 Край мужицкого Спаса, Россия,
 Ты горишь вихревой купиной.

В знойном пламени ближе Распятый,
 В буйном грохоте явственней весть:
 «В рай блаженный не внидет богатый.
 Груз имения в него не пронесть».

Спасе, я пребываю с Тобою,
 Так пребудь же во мне и со мной.
 Обручаюсь с новой судьбою,
 Обещаюся доле иной.

Ты, кто выпил кровавую чашу
И, как агнец, безвинно заклан,
Встань за красную родину нашу,
За рабочих и бедных крестьян!

Разгорайся, заря-заряница!
Пробудись-поднимись, беднота!
Знаю: знамя твое — багряница
С тонких плеч Стратотерпца Христа.

Мы взметнемся в последнем порыве —
Золотых да не будет вериг!
Я — с Россией на новом Хориве.
Я — с рабочими. Я — большевик!

1918

50

Изгородь, горбатое гумёнце,
Придорожной елочки шатер.
Заскучал о ландышах, о солнце
Полевой обветренный простор.

Милый север! Как же много значит
Он, пригожий, сердцу моему!
И, светясь улыбкой, сердце плачет,
Отчего — не знаю, не пойму.

Оттого ль, что небеса туманны
Или жалко мне родных седин?
Оттого ль, что май благоуханный
Я опять приветствую один?

Я — один, и мне еще дороже
Горьким дымом веющий костер,
Тишина пустынных придорожий,
Облака да ветренный простор.

1918

51

Под ногой похрустывает иней.
Предраสเซветной мглой поля повиты.
Под сырой косынкой тучи синей
У зари румянятся ланиты.

Жалко мне весны моей короткой,
Жалко мне любви — звезды падучей.
Шелестит полынь за изгородкой.
Тихо зорька теплится под тучей.

Алый пышет свет из-за овинов,
Из-за куч растрепанной соломы.
Спят ометы, до бровей надвинув
Яровые ржавые шеломы.

1918

52. ЖИМОЛОСТЬ

Высокая и тоненькая жимолость,
Как только листопада дождалась,
Туманами да изморосью вымылась
И в розовые серьги убралась.

Они дрожат, осенним днем расплавлены,
От них сияет каждая лоза.
В их розовое злато кем-то вправлены
Вороньи черные глаза.

1918

53. ПОД ГОЛУБЫМ ПОКРОВОМ

Целый день в снегу журчали
Говорливые ручьи,
А над гнездами кричали
Хлопотливые грачи.

А когда на город сонный
Голубой упал покров —
Перепутывались звоны
Хоровых колоколов.

Сладко знать, что всюду тает,
Что разбиты латы льда
И что верба расцветает
У набухшего пруда.

На ланитах — дуновенье
Отуманенной весны,
А в душе — благословенье
И ребяческие сны.

1918

54

Я, рожденный на прелестной
Обольстительной земле,—
Только след звезды небесной,
Закатившейся во мгле.

Вот иду дорогой трудной,
Прелесть мира полюбив,
И какой-то грустью чудной,
Светлой грустью я счастлив.

Словно вспомнил я иные —
За пределом бытия —
Неземные, но родные
Позабытые края.

1918

55

Звездным ликом в окно заглянула,
В синий сумрак вперила лучи.
Тихо в доме. Мама уснула.
Изголовье ее — кирпичи.

Плечи мамы сгорбили ведра,
Чугунами надорван живот,
Загрубело лицо от ветра,
А в уме забота живет.

Тает ночь от звездного жара.
Близко утро. Скоро встать.
Агнец-Спас и святая Варвара
Грустно смотрят на спящую мать.

94

Ей мерещится в тонкой дремоте,
Что истаяла звездная ночь.
Вьюжный день призывает к работе,
Но подняться на зов невмочь.

1918

56

Есть у грустных и стройных напевов
над душою волшебная власть.
От заветной ласкательной песни ты тайком
напечалишься всласть.
И душа заболит без причины, и о крыльях
вздохнешь глубоко,
И потянет родные морщины приласкать,
приглубить легко.
Вот распев семиструнного хора в огорченное
сердце проник —
И восторженной сладостной грустью истекает
сердечный родник.
Потому ли, что юности бедной закатилась
навеки звезда,
Что уносятся годы бесследно навсегда, навсегда,
навсегда?
Оттого ли, что в мире широком красота
несказанная есть
И прекрасному синему раю суждено
при дороге расцвести?
Да, бесследно уносятся годы, а земля,
как всегда, хороша,
Но от стройных ласкательных песен и твоя
молодеет душа.

1918

57

Склоняюсь над зыбкой скрипучей,
Как в ветер над омутом лоза.
Слезой капучей да кипучей
Мои застилаются глаза.

95

Глуха, тяжела рука у тяти,—
Крутой да немилостивый он!..
Не спится болезному дитяти,
Нейдет к колыбели угомон.

Что плачешь так жалостно и шибко?
Усни, мое чадо, не вопи!
Ой зыбка, мучительница-зыбка,
Я возле тебя как на цепи.

Корила родня меня намедни
Воротами в черном дегти.
Ко Спасовой завтрене-обедне
Мне совестно улицей пройти.

Тайком по росистым луговинам
Я к темному яру побегу
И горько над детищем невинным
Заплачу на тихом берегу:

«Прости ты, прощай, краса земная,
Простите вы, солнце и луна.
Укрой мой позор, волна речная,
Студеная чистая волна!»

1918

58. МЕРИН

Уткнулся мордою в ясли,
Свивается с гривой трава,
Хвостом запутался в прясле
Расхлябанного хлева.

Грохочет в утробе пойло.
В оконце — зорная зга.
И тянет его из стойла
В дымящиеся луга.

Там росы душисты, как миро,
Там травы ярче парчи.
А здесь вонюче и сыро
От пота и едкой мочи.

Мучительно труден и беден
Его лошадиный век.
Беззуб. Слепнями изъеден.
Неверен разбитый бег.

Скакал сосунком за маткой.
Влачил жеребенком плуг.
И всё мерещилась сладко
Краса пышногривых подруг.

Она его волновала,
Кидала в ярую дрожь.
Но всё погасил коновала
Отточенный верный нож.

Немало он вынес мает!
Седелкой вытерт хребет.
На все копыта хромает,
А сердце тоска скребет.

Его ломало телегой,
Давило ярмом хомута.
И, жалясь, над шерстью пегой
Свистела змея кнута.

О, грубые окрики: «Кляча!»
О, яростный визг ремня,
Когда от горького плача
Дрожит всё сердце коня!

Болят и ноют на шкуре
Подтеки и синяки.
В луга бы ему, к лазури
Задумавшейся реки!

На травах медовых настоян
Вечерний мокрый туман.
Загадочен и спокоен
И лес, и каждый курган.

Брести бы тихонько за стадом
В поля, в ночное, в теплынь
И там, за мужицким усадом,
Щипать бы с межи полынь!

Плестись бы рысцой нетвердой
По берегу тусклых вод! —
И с поднятой кверху мордой
Он страстно, заливчато ржет.

И снова глядит он в ясли,
Понурую шею клоня.
В навозной жиже увязли
Дрожащие ноги коня.

1918

59

Смотрю без песни, без глагола,
Как с луга вьется дым росы,
Как озимь щеткой проколола
Златую супесь полосы.
Вторгайся, мир, в мои зеницы,
Лазурью неба их налей.
Замкни навеки в их темницы
Всю славу неба и полей!
Епитрахилью осеняем
Тысячезвездной высоты,
Я именую землю раем
И причащаюсь красоты.
Гляжу растроганно и кротко,
Как зорька свой туманит лик,
Как нови реденькая щетка
Пронзила вспаханный целик.
И сердце радости причастно,
И ветру — пух моих ланит,
И красота земная властно
Меня дивит и полонит.

⟨1919⟩

60. СОЛНЦЕ

В чертоге у Сварога
Протоптана дорога,
По ней идет Сварогов сын Дажбог.
Лицом своим слепящим
Склонился к снежным чашам
И пышные мерцанья в них разжег.

Его лицо высоко,
Но вот уж полон сока
Дымящийся черемуховый лес,
Потоки всё сильнее,
А льдины всё синее,
И мир опять весенних ждет чудес.
О боже, боже, боже!
Лицо твое пригоже,
Ты радость и веселье нам еси!..
Наполнив медом почки,
В зелененьком платочке
Красуется березка на Руси.
Таинственная сила
Равнины воскресила —
Ей радуется всяческая тварь.
Вот ветер грозы мычет,
Невеста друга кличет,
И страстная в крови вскипает ярь.

<1919>

61. МИРОТОЧИВЫЙ ДОЖДЬ

Из сосков медоточивой тучи
Капельки парного молока
Выдавила божия рука.
Капли часты, щедры и пахучи,—
Ливень тих. Как дужка дойника,
Радуга зарылась в облака.

Дождик мирноносен и обилен,
Ветер льет благоуханьем в грудь.
Мной опять владеет хмель Ярилин:
Жажду целовать кого-нибудь,
К кубку губ девических прильнуть,
Их напиток сладок, пьян и силен.

Страсть — сильнее вспухающих дрожжей,—
Как опару, всколыхнула тело,
Сердце теплой ласки захотело...
И сочится молоком дождей
Вымя тучи в клочьях шерсти белой,
Но глубок дойник родных полей.

<1919>

Помню: вагоны бежали
 Ранней тревожной весной.
 (Словно косынки, лежали
 Насты в трущобе лесной).
 Помню: пастушьи артели
 В дымном вагоне галдели,
 Едучи к вешним стадам —
 К мирным веселым трудам.

Обремененные плечи,
 Сумки, свирели, кнуты...
 «Дядя Василий, далече?»
 — «Знамо, ко Спасу... а ты?»
 — «Думаю, братец, за Суздаль...
 Кабы не хворь да не усталь...»
 — «Ванька, далече?»
 — «За Спас...»
 — «Летось у Кинешмы пас?...»

Дудки, кнуты и гармошки,
 Бороды, кудри, как лен...
 Нежно глядел я в окошки,
 Был я счастлив и влюблен.
 Слушал нехитрые речи.
 Думы летели далече.
 Мерно качался вагон.
 Дым расстилался вдогон.

На небе солнце горело,
 Землю будило и грело,
 И целовалась, дремля,
 С солнцем сырая земля.
 Юную травку родила,
 Бархатом чащи рядила,
 С гор посылала ручьи,
 Прятала в чашах лучи.

Мнилось мне: полем, дубравой
 Ходит меж борон и сох
 Статный, румяный, кудрявый
 Радостный бог-скоморох.

Именем-прозвищем: Власий,
Милостивый, златовласый,
С пчелками в русых усах,
С дудкою в алых устах.

Думал я: боже, послушай —
С песней скотинку паси,
С песнями ратью пастушьей
Ты предводи на Руси.
Слышишь — запели девицы,
Стонут пастушьи цевницы?
В песнях — и поле, и лес.
Радуйся, боже Велес!

(1919)

63. СТРАННИК

В окно свеча-березка билась,
Растрепанная ветром вся,
А ты в избе своей молилась,
О тихой пристани прося,
О страждущих, о сущих в море
И о поданьи новых сил.
И путник с небом в синем взоре
Испить в окошко попросил.
Ты подала в оконце кружку,
И странник, жажду утоля,
Благословил тебя, избушку
И выгорбленные поля.
И вот закрылись в сердце раны,
И чудо увидала ты:
В пустых полях яркие и странны
Взошли прекрасные цветы.
И ты упала на колени,
А незнакомец уходил
В напевах ангельских хвалений,
В дыму невидимых кадил.

(1919)

Ожила береза. Любо ей
 Вглядываться в прясла и поля,
 На плакучих лестовках ветвей
 Четки листьев тихо шевеля.
 Ой нарядна озимь, ой ярка,
 Ой дымна опушка и синя,
 Ой грустна кукушка, ой жалка,
 Ой печальна радость у меня!

⟨1919⟩

65. ДРЕВЕСНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

В лесу демонстрация...
 Красные кисти рябины,
 Как алые флаги, вплелись в золотую листву.
 Брусника в горячие рядит рубины
     Седую
     Сухую
     Траву.

Осинник пылает.
 Он весь — алоцветное знамя!
 Весь лес из багряных плакатов и флагов! Смотри:
 Все ветки, все листья трепещут, как пламя,—
     Алее,
     Светлее
     Зари.

Вот ветер дохнул...
 Не оратор ли с пламенным словом —
 Могучий взволнованный дуб?
 Он шепчет, лепечет в порыве суровом,
     Мятежен
     И груб.

И всё всколыхнулось...
 Березы качаются, зыблют
 Свой блеклый непрочный наряд.
 Гудят золотистые клены и листья увядшие сыплют,
     И листья
     Дрожат и горят.

⟨1919⟩

66. НАГРАДА

(Сказание о церкви Василия Блаженного)

Достроен диво-храм. И в чайные наград
Строитель трепетный предстал пред Иоанном.
Вонзив в узор ковра воспламененный взгляд,
Владыка восседал в покое осиянном.
И выговорил он в глубокой тишине:
«Ты чудной красотой прославил царство наше
Ты будешь ослеплен, дабы в чужой стране
Ты храма не воздвиг чудеснее и краше».
И было тщетно всё: мольбы, обеты, плач,—
Был непреклонен царь. И ужаснулся зодчий,
И задрожал в тоске... И выколол палач
Его испуганные очи...

<1919>

67. МУЖИК

Вспашу бескрайние просторы
Освобождаемой земли.
Оралом выворочу горы,
Лесные кряжи и кремли.

Сведу сиянье солнца с неба
На ниву вольную мою.
И всех людей, взалкавших хлеба,
Я накормлю и напою.

Я этот мир преображаю
В блаженный светлый Парадиз.
Я рад земному урожаю —
Парче ржаных богатых риз.

Придите все, кто хочет хлеба,
Войдите в житницу мою.
Весь мир дарами нив и неба
Я накормлю и напою.

<1919>

68. ВВЕДЕНЬЕ-ОБЛЕДЕНЬЕ

Покинув рай хрустальный,
Слетело к нам Введенье.
Лучист венец сусальный.
А шуба — загляденье.

О, светлое виденье,
О, праздник льда и света,
Введенье-обледенье,
Крестьянская примета!

Оно идет и веет
Узорными полами.
Иконный венчик тлеет
Над мерзлыми полями.

Притихли-онемели
Березы-привиденья,
Безгласно стынут ели
И празднуют Введенье.

(1919)

69. НАВОЗНИЦА

Подумал о золоте жита,
И двор — уж не двор, а дворец.
Телега парчою покрыта,
А хлев — драгоценный ларец.

Мы грабим разломанный ларчик,
Вонзая железо в навоз,—
И мерину с кличкой Карчик
Нет мочи вытягивать воз.

Звенит и кусается овод,
Свистит и кусается кнут,
Напрягся над гривою повод,
И давит на плечи хомут.

А ну, не плошай! Перевозим
Весь двор на распаханый пласт,—
И дружно поднимется озимь
И хлеба работникам даст.

1919

70. МИР ХОРОШ

Потоплю глаза в густой лазури.
Мир хорош. Душа весны синя.
Русые свои ресницы жмуря,
Солнце загляделось на меня.

Я богат и грустью и весельем,
Да и все-то нынче — богачи.
На березе виснут ожерельем
Черные зобастые грачи.

Ни на чем не сыщешь зимней хмури.
Горячо дрожат ресницы дня.
Потоплю глаза в густой лазури.
Мир хорош. Душа весны синя.

1919

71

Я послан в мир, чтобы сказать,
Что неба праздничная риза,
Леса, холмы и луга гладь —
Великолепней Парадиза.

Я миру в дар несу канон
Ласкательных и сладких песен,
Чтоб этот мир узнал, что он
Неизглаголанно чудесен.

Чтоб человек, блажен и свят,
Дышал дыханием свободы
И, украшая жизни сад,
Молился красоте природы.

Я полюбил лицо земли,
Подобной радостному раю,
Живу и на поля мои
Я милость мира призываю.

1919

В этом мире, прелестном и милом,
Где кадят луговые цветы,
Теплюсь скрытым, невидимым пылом
Пред иконой земной красоты.

Тайно теплюсь, незримо сгораю,
Жаждой подвигов светлых томлюсь
И к какому-то дальнему краю
Всею душой неотступно стремлюсь.

О, когда бы прожить незадаром!
Засиять бы светлей и теплей
Скрытым пламенем, внутренним жаром
Пред иконой небес и полей!

1919

73—74. ПОЛЕВЫЕ КОРАБЛИ

1

Обоз иль флот судов крылатых
Выносятся из-за холма?
На выбоинах и раскатах
Поматывается корма.

Как парус, криво накренилось
Нахлестки острое крыло.
Уж за лесами схоронилось
В сугроб осевшее село.

С протяжным голосистым воем
Скользят полозья вдоль колеи.
Волнистым искристым прибором
Снега уходят в даль полей.

В насквозь просвистанных халатах,
Неведомые моряки,
На кораблях своих крылатых
Посиживают ездоки.

Крепчает ветерок попутный,
Дорога снежная кипит
И ловит, ловит в пене мутной
Касанья кованых копыт.

2

Роня мерзлые иголки,
Косматой вьюгой обуян,
Кораблик придорожной елки
Плывет в сугробный океан.

Уже снесло с вершины стройной
Косым крылом мелькнувший флаг,
И расплескался парус хвойный
В кипящий бурей мутный мрак.

Но пусть метели пьяной пляска
До утра кипятит поля —
Крепка смолистая оснастка
Игольчатого корабля.

Он ни морозов не боится,
Ни сумасшедших непогод,
И тьмой застигнутая птица
Вновь у него ночлег найдет.

1919

75. В ГОРОД

Вьюжной пылью замутилась даль,
Словно ткется белая завеса.
Мгла рассвета над бровями леса
Повязала облачную шаль.

Мы идем в далекий городок,
Синий сумрак вьется над полями,
Вот рассвет вздохнул колоколами,
Вот протяжно застонал гудок.

Даль свивает звоны и свистки
И неясной песней к нам доносит...
Нынче солнце гребешка не бросит
Сумрачному лесу на виски...

Вот и город виден. Купола,
Звонов убаюканные пенъем,
Смотрят бледным смутным привиденьем
Из-за мглы, что выюга соткала.

<1920>

76

Мне жаль тебя, такую хрупкую,
Мне жаль, что молодость твоя
Умчалась вспугнутой голубкою
В недостижимые края.

Мне жаль твоих усталых рученок
И дней, загубленных в труде.
Твой каждый палец — светлый мученик,
На каждом ногте — по звезде.

Ты — в дикой непролазной рамени
Надломленное деревцо.
Багровый ад печного пламени
Всю жизнь сушил твое лицо.

Ты распиналась, как страдалица,
На коромысле расписном...
Но полно плакать и печалиться:
Ведь всё пройдет и станет сном.

<1920>

77

Иссох, зачерствел снежный пласт,
Иссосанный губами ветра,
И скупоблачные ведра
Поят дождями синий наст.
А выгорбленная дорога
Навозным медом полита.
Ее до звезд едят уста
Маковоротого Дажбога.
Мне сладок вешний крик совы
И мил березник искривленный,
ЗатеПЛенный перед иконой
Невозмутимой синевы.

108

Леса не вымерли, но живы —
В них бродят дрожжи буйных сил,
И просят ласточкиных крыл
Мои стремленья и порывы.

⟨1920⟩

78. РУКИ

О бедные, израненные руки,
Весь день вам нет покоя ни на час.
За черный труд, за ссадины, за муки
Я мысленно благословляю вас.
Срывать бы вам фиалки в теплых росах,
Свивать бы вам венки из васильков,
Свевать бы вам со струн среброгослых
Пугливый рой созвучий-мотыльков.
Вы два цветка. Вы крылья птицы Сирина.
Но смят цветок. Надломлено крыло.
Ваш каждый перст исколот, исковырян,
Их лепестки узлами жил светло.
О жесткие ладони стратотерпца,
Настанет миг — погаснет жар в крови,
И вас навек соединят у сердца,
Не знавшего ни счастья, ни любви.
Нет! Трижды нет! Окрепшие в работе,
Вы буйственно перевернете мир,
Вы звездный клир на землю низведете,
Голодного усадите за пир.
На том пиру увяжутся венками
Угрюмые морщинистые лбы.
И мирно вы сдружитесь с васильками,
О дочери работы и борьбы.

1920

79

К сугробу черствому прилеплен
Березник бледно-восковой
И благодарственно затеплен
Пред лучезарной синевой.

Иду навстречу шири вольной,
Ветрами вешними дыша,—
И, как березник тонкоствольный,
Тихонько теплится душа.

1920

80

Древо дней уронило Покров.
Стынет солнце. Зима у порога.
Чутко слушает топот подков
Передрогшая за ночь дорога.

Ветер гладит иссохшей рукой
Синий пепел сгоревшей осины.
Над рябой бесприветной рекой
Ивы горбят озябшие спины.

Грустно сердцу в осенней тиши!
Знать, в дыханье предзимней печали
И с лазурного древа души
Листья радости немо опали.

1920

81

Здравствуй, отеческий кров
С негой родного гнезда.
В кружеве черных деревьев
Бабочкой бьется звезда.

Дымчатой кошкой сугроб
Ластится молча к ногам.
В петлях запутанных троп
Сумерки никнут к снегам.

Мир вам, звезда, тишина
И серебристая гладь!
У голубого окна
Ивою клонится мать.

Дружеской доброй молвой
Чудятся вздохи коров.
Смутен простор снеговой,
Тепел отеческий кров.

1920

82

Молчаливый вечерний покой,
Дай ночлег бесприютным воронам.
Голый клен исхудалой рукой
Засвечает звезду над прогоном.

Окна пьют леденящую синь.
Звонкий воздух морозом расколот.
Утопая в снегу, полынь
Побрела в темноту и холод.

Ах, и мне бы, и мне уйти,
Догоня воронью стаю.
Где, о где отыщу пути
К голубому счастливому краю?

1920

83

Восторгайтесь друг другом! Хвалите друг друга!
Вы прелестней цветов полевых.
Обольстительны лютики влажного луга —
Вы стократ обольстительней их.

Поклоняйтесь друг другу с молитвой сердечной:
Ваше тело — святыня святынь,
Ваши лица красивей, чем лик трехвенечный,
Вознесенный в небесную синь.

Удивляйтесь друг другу, как дивному диву,
Восхищайтесь друг другом светло!
Дайте волю восторгу и крылья — порыву,
Чтобы небо на землю сошло.

1920

1

«Аль по зеленому саду ходила,
Сизая горлинка, милая Мати,—
Русые косы венками рядила
В теплой росе, в луговом аромате?»

«Нет, не по раю гуляла я, Сыне,—
Днесь я земли чудеса созерцала.
Ласково ночь надо мною мерцала,
Теплилось небо, глубоко и сине,
Рощи гляделись в речные зеркала.

Ныне открылося мне, что красую
Села и пажити неба чудесней.
Шла незапаханной я полосую —
Мокрой травую, медвяной росую.
Звон по туману мне чудился песней.

Чадо, не лепо ль в обителях рая?
Краше земля расцветает сырая.
Там лужавины — с весельем да плясом,
Рощи — с черемухой, церкви — со Спасом,
Тихи затоны, луга медоносны,
Победоносны мятежные весны.

Лишь об одном въздыхала я, Сыне,
Дабы, друг другу молясь, как святыне,
Люди земной красотой наслаждались,
Дабы повсюду — в саду и в пустыне —
Дивные ими цветы насаждались.

Голубем сердце мое трепетало.
Благословляла я пашни и реки,
Дабы сырая земля расцветала
Всяческой твари на радость вовеки.
Аминь».

2

Статная, ликом пригожая,
В затканном звездами плате,
Около терема Божия
Ходит пречистая Мати.

Зорькой ланиты застигнуты,
Губы алей земляники
И коромыслами выгнуты
Тонкие брови на лице.

Ризы — шелка нежноцветные —
Цветиков райских узорней.
Служат ей силы несметные —
Стражи обители горней.

В светлом раю Богородица
Ходит неспешно да чинно,
Белой рукой загородится —
Взглянет на Сына кручинно:

«Господи, Сыне возлюбленный,
Ласковый кроткий Иусе,
Свет свой яви ты загубленной,
Темной, замученной Руси!

Вспомни дороги безвестные,
Где проходили мы, Сыне,
Вспомни страдания крестные —
Смилуйся, Господи, ныне!»

В радуге Божия горница.
С грустью на землю взирая,
Света святая поборница
Ходит полянами рая.

Травы собирает целебные.
Звезды мерцают на плате.
Гимны поют ей хвалебные
Легкокрылатые рати.

3

На воде. На горе. На холсте.
Три лица. Три венца. Три иконы.
Трижды в год в голубой высоте
Славят Спаса напевные звоны.

Первый Спас у прозрачной воды,
В родниках и колодцах холодных,

У второго — золотые плоды,
Третий Спас — на холстах и полотнах.

Вся земля в неземной красоте.
Мир вздыхающей медью восславлен.
На воде, на горе, на холсте
Спасов образ трудящимся явлен.

4

Краше месяца витязь Егорий.
Ездит он по земле Светорусской:
Вдоль зеленых полянок и взгорий,
Частым лесом, тропинкою узкой.
Платье цветное в хитром узоре.
Гул — от конского тяжкого шага.
Ой ли свет наш, хоробрый Егорий,
Облик нежен, а в сердце отвага!

Вот путем разъезжает цветистым.
Очи сини, а брови как луки,
Ноги витязя в серебре чистом,
В красном золоте по локоть руки.
В частых звездах золотые косицы,
Разметались косицы, как зори.
Конь быстрее и ветра, и птицы.
Едет Русью воитель Егорий.

Перед ним — перелески, поляны.
Дремлют серые избы далече.
Над полями, как ладан, туманы,
А в тумане березки, как свечи.
В птичьих трелях, в малиновых свистах
Потемнелые строгие чащи,
Гнутся сучья от птах голосистых.
Травы пахнут сильнее и слаще.

Ярче горнего райского сада
Полевые просторы без края.
Пастухи позабылись у стада,
В заунывные дудки играя.
Ходят темные старцы-калики
Вдоль полей незапамятно-древних
И, склонив умиленные лики,
Распевают у окон в деревнях:

«Ой ты свет наш, Егорий пригожий,
Приведи нас к победе и славе.
Землю Русскую, мученик божий,
От напасти и скорби избави.
Грозно каркают черные беды
И на родину падают градом,
Но да веют хоругви победы
Над полей золотым вертоградом.
Вот свирели взыграли над полем,
Вот встают звездоносные рати.
Свет-Егорий, веди же нас — молим —
Поборати или умирати!»

5

В тихом поле, как пьяная, пляшет,
Рукавами зелеными машет,
Хороводами правит весна.
Златовласый, увитый цветами,
Ходит Власий земными путями,
Полевые святя семена.

Ходит по полю — сам упирается
На ольховый кривой падожок.
Вкруг святого стада собираются,
И пастушеский плачет рожок.
Виснут пчелы в усах и бородке,
Очи карие добры и кротки.

Ходит ельником, ходит осинником —
И в тумане предутреннем синеньком
Пышет, точно пожар, борода.
Звоны тихие по полю льются,
И лежат вдалеке, как на блюде,
Села, пашни, леса, города.

Говорят ему старые пахари,
Многодумные, вещие знахари:
«Свете-Власий, стада нам храни,
Дай нам тихие красные дни,
Зори ясные, теплые росы,
На березы зеленые косы!

Взвей туманы, как дымы кадильные,
Урожай пошли нам обильные,

Чтобы ниву колосья одели
Жарче золота риз парчевых,
Чтобы пчелы звонили-гудели
С колоколен своих восковых!

Вот разломаны своды тюремные.
К солнцу тянется голь подъяремная.
Всколыхнулся народный испод.
Больше нет ни рабов, ни господ.
Цвесь устам у пшеничной ковриги,
А очам разгораться у книги.

Быть с краюхой убогим и странникам,
Детворе — с раззолоченным пряником,
Бобылю-горемыке — с землицей,
Бесприютному — с красной светлицей,
Зорьке-девушке, светлой красе, —
С алой лентою в русой косе».

И еще говорят они Власию:
«Жить бы нам по любви, по согласию,
Чтоб середь Светорусской земли
Счастье, лад и отрада цвели,
Чтоб расцвесь ей от края до края
Ярче вышнего Божия рая.

Чтобы в будни привычное дело
Под руками спорилось и пело,
А в недолгий рабочий досуг
Хоровой завивался бы круг
С дружной песней, с затейною сказкой,
С легковейной крылатою пляской.

Чтобы в праздник великий на молодце
По рубахе зажглася парча,
А невеста затеплилась в золотце,
Словно ярая в церкви свеча,
А пригожие девушки наши
Распускались пышнее и краше!»

То не алое светится зарево —
Смотрит Власий на вешний расцвет
И от лика благого да старого
Неземной излучается свет.

Ясно смотрит он и с умилением
Человечьим внимает молениям.

Он идет — на падог упирается.
Где ни ступит витым лапотком,
Там цветами земля убирается,
Словно девица пестрым платком.
А весна в поле пьяная пляшет,
Рукавами цветистыми машет.

6

Немилостив и строг
Разгневанный пророк!

Как дуб, матер и древен,
Как туча, яр и гневен,
С усами снега чище,
С бровями, словно лес,
Косматый старичище

Кряхтя в телегу влез.
Стегнул коней дождями,
Ожег огнем-вожжами —
Поехал без дорог.
Телега гроыхает,
А сбруя полыхает,
Зарницы отряхает...
Катит Илья-пророк.

Как ветер кони-дива!
Сметает звезды грива.
Мохнаты и густы,
Всклубились хвосты.
Кладет поклоны нива,
И молятся кусты.

Илья по небу рыщет —
Дождем на землю прыщет.
Нечистому грозит
Стрелю громовой,
Катит, гремит, разит
Струю грозовой.

Ах, зла, светла, бела,
Быстра и горяча
Каленая стрела,
Небесная свеча,
Палючая струя,
Святая молонья!

Ой Боже, гневный Боже,
Казни богатых строже,
А бедного жилья
Не тронь, пророк Илья!
Не рушь угревы-печки,
Не жги в печи пирог,
Страстной пред Спасом свечки
Не задувай, пророк!
Еще, Илья, не трогай
Красы-дубравы строгой!
Небесные огни
В воде похорони!

Всё небо охватил
Илья огнем летучим,
Далече укатил
По запылавшим тучам.
Над рубежом земли
Огонь чуть вспыхнет.
Гром проворчит вдали
И смутно стихнет.
Запахла глушь лесная,
Сильней цветут луга.
Спасла свеча страстная.
На небе расписная
Горит Ильи дуга.

7

Солнце в сизые тучи упало.
В теплом мраке волхвует Купало.
Ему повинуются беси,
Сычи, лешаки, водяницы.
В трущобах дремучих полесий
Горят над цветами зарницы.

Оживают рогатые пни.
Чародейные светят огни.

Поклонюсь я заре-зарянице —
Полевой златоризной божнице —
И пойду по земле голубой
Чароваться ночью волшбой.

Полюблю я земные просторы,
Ветер, звезды, смолистые боры
И зажгу от купальских огней
Свечку тихую песни своей.

8

Воздвиженье — Воздвиженье — Здвиженье!
С поля двинулись спелые ржи,
Из сада — малина да вишенья,
Из лесов — журавли да стрижи.

Железною стужей застигнуты,
Спешно двинулись утки в отлет.
К Воздвиженью скирды воздвигнуты
И богатый сулят умолот.

Вот всё обмолочено, смолото
И рекой потекло в закрома.
Уж холодно солнцево золото.
Надвигается злая зима.

Уж Здвиженье, двигая тучами,
Серой мглою задвинуло синь.
Тряхни-ка плечами могучими —
Сдвинь поддевку, а шубу надвинь!

9

Тихое Сырой Земли Успенье.
Уж отходит от нее душа.
Немо представляются растенья.
Листья осыпаются шурша.
Небеса спокойны и невинны.
Всё невнятно говорит: «Прости!»
Закадили чадные овины.
Сжата рожь. О сердце, не грусти!

Вот и хлеб на лунках обмолочен.
Птицы, птицы покидают нас.
Лес стоит разубран, раззолочен
И сияет, как иконостас.
Скоро ветер холодно подует,
И лугам уж больше не цвести.
Их зима схоронит, околдует
До весны. О сердце, не грусти!

Солнце нам не хочет взгляда бросить.
Каплет дождь из-под небесных век.
Утром иней на траве, как просесть.
Тусклы дни. А вот и первый снег.
Мужики поедут по базарам.
Дочкам — ленты, в косы заплести.
Рака льда горит холодным жаром.
Сон глубок. О сердце, не грусти!

10

Издеваясь, ругаясь и мучая,
Распинали Христа палачи.
Воздыхала дубрава дремучая,
И лесные стонали ключи.
Птичьи хоры его величали.
Солнце с месяцем пали за крест.
Куковала кукушка в печали,
И шептались березки окрест.
Не туманилась летняя зорька —
Богородица плакала горько,
И вещал ей Господь со креста,
Растворив золотые уста:

«Мати, чадо свое не оплакивай,
Теплых слез надо мною не лей!
Мати, цветик душистый да маковый,
Лучше братьев моих возжалей.
Не рыдай надо мною, о Мати,
Полно ноги мои обнимати!
Днесь в лазоревом буду раю.
Всех гонимых, увечных, бездомных,
Несчастливых, голодных и темных
Я тебе под покров предаю».

«Исполать тебе, милое Чадо,
За утешную сладкую речь!
Земнородных воистину надо
От невзгод ограждать и беречь.
Всем скорбящим, возлюбленный Сыне,
Я — покров и заступа отныне».
От венца на Христовом челе
Ал-шиповник зацвел по земле.
Кровь, кипевшая в язвах гвоздиных,
Запеклась на осенних рябинах.
Положили Христа под кустом.
Лес смолою кадил над Христом.
Долго Мать над усопшим рыдала,
Долго к телу склонялась она.
Где святая слеза упала,
Распускался цветок Плакуна.

11

В лето теплое, в пору погожую,
Разлучаясь со Спасом навеки,
К Элеона крутому подножию
Со слезами сходились калеки.
«Кто нас после твоего Вознесения
Приоденет, накормит, напоит
И от темных ночи осенняя,
От холодных ночи укроет?
Как прожить нам до смертного часу?» —
Так калеки зывали ко Спасу.

И увечную братию нищую
Он утешил приветливым словом:
«Быть вам, божия братия, с пищею,
Быть вам в ночи студеные с кровом.
Не знавать вам ни стужи, ни голода,
Горьких слез безутешно не лити,—
Дам вам гору крутую из золота,
Вы ж умеете ее поделить.
Володети вовеки вам тою,
Той крутою горой золотою».

И взрыдали калеки на сладкие,
На святые Христовы глаголы:
«Придут власти, на золото падкие,
Будем снова мы сиры и голы.

Много будет убийства напрасного,
Лиха, сраму и смертного бою.
Где уж гору из золота красного,
Спасе, нам удержать за собою!
Не дари нас горой золотою,
Дай нам имя твое пресвятое.

Имя Господа Спаса пречистого
Дай ты братии нищей, увечной.
От зари до зари будем истово
Имя Спасово славить мы вечно.
Будем, братия нища-голодная,
Мы тогда приодеты и сыты
И от темных ночи холодных,
От осенних ночи укрыты.
Любо, Спасе, весною погожей
Вдоль зеленых брести придорожий.

Любо нам отдыхать под елохами,
Любо травы пахучие мяти,
Поклоняться грозе со сполохами,
Ночевать в медунице и мяте.
Вместе с клирами птичьими истово,
Спасе, имя твое возносить,
Платья цветного, хлеба душистого
Христа ради у окон просити.
Не покинь нас, любя и милуя!

А мы песню поем: аллилуйя!»

1913—1921

95. ГОЛУБОЙ МОСТ

Небо, что ли, сошло на пустырь
Из-за низких сырых облаков? —
Так синя придорожная ширь
От смиренных простых васильков.

Пусть лазурь утонула во мгле,
Пусть и я незаметен и прост,—
Я узнал, что от неба к земле
Голубой перекинулся мост.

Он идет из тебя и меня,
Из деревьев, лучей, лепестков.
Поле, небо и сердце — родня.
Все мы — братья во веки веков.

1921

96

Благослови, душа моя,
Ласкающую синеву,
И мотылька, и муравья,
И эту свежую траву.

Я сердцем кроток и смирен.
Бедна у песни риза слов.
Могу ли не склонить колен
На незабудковый покров?

Могу ли радостью земной
Не загореться, как свеча,
И синевой и тишиной
Не утолить свою печаль?

1921

97

Обнищала рябина. Последнее золото
Скудным нивам она отдала.
И грустит, и томится, и рвется куда-то,
Сиротлива, бедна и гола.

Так душа золотые дары песнопений
Потаенной несет красоте,
И грустит и томится рябиной осенней
В немоте, в нищете, в наготе.

1921

98

Я знаю, что солнце, веселое солнце,
Сияет во всем, обитает во всех.
Зимой засверкает в алмазном оконце,
Под осень затеплится в рыжем овсе.

123

Оно переплавилось в колос и волос,
Оно притаилось во всяком из нас.
Оно острыми лучей прокололось
Из карих и серых девических глаз.

Я вижу его над своими путями,
Я с солнцем встаю, я под солнцем живу,
Сливаюсь с лучами, листьями, цветами,
Влюбляюсь в людей и тянусь в синеву.

Когда же дышать и желать перестану,
Меня золотистым засыпят песком,
Но, кажется, я и тогда не устану
Тянуться под солнце упрямым ростком.

1921

99

Всё пасмурное, мрачное и злое,
Как шелуху, я отметаю в нас.
Мне хочется поверить в Голубое —
В лазурь цветов, ручьев, небес и глаз.

Мы — только ипостаси Голубого,
Рассеянного всюду, как эфир.
Оно — во мне. Оно влилось в любого!
Оно — во всем, что населяет мир.

Оно живет в звезде и в человеке,
Оно, синея, сходит в лепестки.
Вы — сестры нам, лазоревые реки,
Вы — братья нам, ржанные васильки!

Мне кажется, что нет уничтоженья.
Мы не исчезнем вовсе, не умрем.
Деревья, камни, звери и растенья —
Мы все, мы все сольемся в Голубом.

1921

Мне чудятся и в пышности цветенья,
И в снежном сне, и в голосах стихий
Космические всенощные бденья
И стройный чин вселенских литургий.

Сиянем, вздохом, звоном поцелуя
От волн, долин и каменных громад
Восходит к сердцу мира аллилуйя,
Связав и звук, и цвет, и аромат.

Ни на земле, ни на кругах небесных
Не умолкает мощная хвала.
В ней слито всё: и клир листов древесных,
И арфа вод, и лед, и свет, и мгла.

Звонит собор цветов златовенечных,
Грохочет гром, благовествует медь,
Поют в эфире хоры солнц предвечных,
И я пою и не могу не петь.

1921

Величьем самоотверженья
Ты украсилась, как венцом,
Оделась в порфиру доброты и терпенья
И кротко царствуешь в сердце моем.

Близок твой вечер, но, не ведая леги,
Ты — всегда за работой и лишь на миг
Утомленно присядешь, пролив на колени
Ручьи усталых рук своих.

Какими же чарами приневолю
Улыбнуться и расцвести
Твою заплаканную долю,
Твои тернистые пути?

И в дни тревог, осененный крылами
Твоей заботливой любви,
Я недостойными стихами
Пою многотрудные будни твои.

1921

В перезвоны, гулы и крики
 Брошена оглохшая улица.
 На мостовой калики-горемыки
 Над расписными чашками сутулятся.

Базар насел на сгорбленные плечи,
 Торгуется, орет и крутит карусели.
 Но чу! Сквозь грохот, выкрики и речи
 Надтреснутые голоса взлетели:

«Помутятся солнце с месяцем,
 Часты звезды с неба на землю спадут.
 По полям, по перелесицам
 Звери лютые на промысел пойдут.

Сини реки в степи двинутся
 Мимо каменных диковинных громад.
 Горы в море опрокинутся,
 В небе ангельские трубы возгремят.

Зашумят крыла архангельские
 В буйной буре, в устрашительной грозе,
 И, раскрыв листы евангельские,
 Сам Христос пройдет по облачной стезе.

И антихристова конница
 Понесется от закатной стороны.
 Кто Спасителю поклонится,
 Будет пытан палачами сатаны».

1921

Не осенние тучи клубятся —
 То померкла моя звезда!
 Я давно отвык улыбаться,
 Я не знаю, что людям дать.

Дни тревожно кружат по разрухам.
 Не уйти, не скрыться от них.
 Я устал. Я состарился духом
 В эти злые и скудные дни.

О, раскройте, сердечные двери.
Встань, любовь, на моей тропе.
Дай мне силу бороться и верить,
Научи улыбаться и петь.

И, воспрянув душой печальной,
Через бури неслыханных лет,
Благовестный, победный, пасхальный,
Я пройду за тобой по земле.

1921

104

О моя заходящая младость!
Не грусти, не грусти, не грусти!
Научись и страданья, как радость,
Достойно и твердо нести.

Всё пройдет. Всё поглотит забвенье.
Время ветхим замашет крылом —
И печали, утраты, волненья,
Как сны, расплывутся в былом.

1921

105. ЛЮБОВЬЮ

А. К. Воронскому

Не враждой, не яростью звериной,
Не железом, обагрённым кровью,—
Мы сильны любовью голубиной,
Кроткою любовью.

Устремляясь к роковым победам,
Смерть, как витязь, ненасытно губит.
А любовь идет за нею следом,
Нежит и голубит.

Смерть сильна, но жизнь сильнее, братья.
Верьте в жизнь, в ее победу верьте.
Поцелуем, радостью зачатья
Попран скипетр смерти.

127

Непрестанно сейте и рождайте.
Сев любви воспрянет мощной новью.
Дети жизни, вечно побеждайте
Гроб и смерть любовью!

1921

106. ФАВН

Станут девушки купаться на реке —
Схоронюсь на бережке невдалеке.

Наскочу. Распугаю. Схвачу.
В темный лес уволоку, защекочу.

«Ты девчоночка, малиновый рот,
Не кусайся: я ведь, право, не урод.

Ничего что у меня борода.
Я старенек, да ты молода».

«Ой, пусти меня, дяденька, пусти!
У тебя и грудь и ноги — в шерсти,

В кудеречках позапутались рога
И копыто глядит из сапога».

8 декабря 1921

107

Поток, росток, цветок на мирной ниве,
Учите нас премудрости своей.
Учите нас, о братья, быть счастливей,
Учите жить красивей и светлей.

О солнце дня! О напоенный небом
Пушистый снег! О лиственный собор!
О перелив звезды над синим снегом!
Прельщайте нас, родните нас с собой.

Учите нас дыханьем, каплей влаги,
Цветеньем трав, свеченьем голубым.
Каменья, льды, созвездия и злаки,
Учите нас молиться и любить.

1922

Там небо над пустынной ширью
 Тусклей и мертвенней свинца,
 Там угасают над псалтирью
 Изжитые глаза отца.

Там жизнь идет, как дождь осенний,
 Там сердце матери кипит
 От повседневных огорчений
 И оскорбительных обид.

А я, сухой листок древесный,
 Отвеян от родных ветвей.
 Я рвусь в какой-то край чудесный,
 Но жаль бессолнечных полей.

Проходят годы. Вялый, праздный,
 В тщете и скуке бытия
 В какой-то вихрь однообразный
 Безвольно вкручиваюсь я.

Сжигаю дни свои бесцельно,
 И в тошнотворной суете
 Душа моя скорбит смертельно
 О радости и красоте.

1922

Проказа злобы, лжи и лести
 В них яд просачивает свой.
 Им не читать высокой вести
 В молчанье зорь и в звоне хвой.

Ни в шелесте листвы весенней,
 Ни в прелести ночных небес
 Не слышать райских откровений,
 Не видеть благостных чудес.

Я знаю, что стихия света
 Течет и в них, но как она,
 Лазурная стихия эта,
 Загрязнена, помрачена!

Они жестоки, но трусливы,
Когда над ними свищет кнут,
Бесстыдны, корыстолюбивы:
За грош и душу продадут.

Скажите им, златые рощи,
Колосья и цветы полей,
Как стать правдивее и проще,
Добрее, чище и светлей.

Я оторву от сердца с кровью
Любовь к тебе, мужичья Русь,
И первый над былой любовью
Я горьким смехом посмеюсь.

1922

110

На дорогу выбегают
Мокрые кусты.
И толпой синевенечной
Льнут к ногам цветы.

Ах, какая здесь отрада,
Тишина и рай!
Он всё тот же, что и прежде,—
Мой хороший край.

Придорожное приволье,
Упои меня
Благодатью и покоем
Золотого дня.

Помоги мне это счастье
В сердце донести
До последнего ночлега,
До конца пути!

1922

Зыбкий ветер заскользит над рожью,
 Василек наклонит свой венец,
 И колосья с шорохом и дрожью
 Шумно спросят: «Где же наш певец?»

Вы не ждите своего поэта,
 Золотые травы и цветы.
 Он ушел от полевого лета
 В серый мир булыжной духоты.

Там, худой, печальный, запыленный,
 Бродит он по улице одной.
 Тихо звезды шепчутся: «Влюбленный!»
 Громко люди говорят: «Больной!»

1922

Всем нам, всем — цветам, деревьям, людям —
 Для любви раскрыться суждено.
 Мы цветом, мы теплимся, мы любим
 И, любя, сливаемся в одно.

Я такой же, как побеги мая,
 Как подснежник, вспыхнувший у пня.
 Оттого влюбленность молодая
 Сладко взволновала и меня.

Вслед восставшим из земли растениям,
 Вслед зеленой ветке и лучу
 Затаенным солнечным цветеньем
 Я дышать, я полыхать хочу.

Звезды, звезды! Счастлив, кто полюбит,
 Чьей душе опять дано цвести.
 Лунный свет еще нежней голубит
 Каждый камень на моем пути.

Небеса склонились к полю ниже,
 И в тревожной вешней тишине
 Сердце мирозданья бьется ближе,—
 Может быть, в тебе или во мне.

1922

Я собрал у тебя, придорожный покров,
Дань усатых колосьев и пестрых цветов.

Шел путем полевым, шел дорогой лесной —
Хоровод комариный кипел надо мной.

Никого! Только небо глядело из луж.
Только прясла хромали в зеленую глушь.

Только ветер, слетев с шепотливой травы,
Овевал одуванчик моей головы.

Перелески, поляны, опушки, бугры,
О, спасибо вам, братья, за ваши дары.

Для того собирал я цветы при пути,
Чтоб, как жертву, любимым глазам принести

Я принес им душистую жертву полей —
И они на меня посмотрели теплей.

1922

Бывают же на свете чудеса!
Не чудо ли, что девушка-краса
Усталые глаза свои закрыла
И алые уста тебе дарила?

Так молодо на мир уже давно
Ты не смотрел. И, право, всё равно,
Была ли то ребяческая шалость
Иль в девушке на миг проснулась жалость

Ты веришь, что бывают чудеса,
И знаешь, что прозрачная роса
Несет прохладу по ржаной долине
Не только васильку, но и полыни.

1922

О фабрика, рабочий улей,
 Очаг работы хоровой,
 В твоём многоголосом гуле
 Кипит неугомонный рой.

По вечерам в часы дремоты,
 В часы безглазой темноты,
 Ячейки окон, словно соты,
 Янтарным светом залиты.

Стремительным свистящим паром
 Твой клокочит корпуса;
 В кипенье, в дрожи, в гуле яром
 Чуть слышны наши голоса.

О фабрика, бетонный поезд,
 Я шлю привет твоим огням:
 В косматых тучах дыма кроясь,
 Ты мчишь рабочих к светлым дням!

〈1923〉

Бабочка, тебе всё снится,
 Будто гусеница ты.
 Как тебе порхать и виться,
 Пеня зыбкие цветы?

Ты так жарко хочешь чуда —
 Распуститься в два крыла
 И лететь туда, откуда
 Радость вешняя пришла.

Бабочка, но ты крылата
 И крыла твои легки.
 Вон дрожат, как луч заката,
 Их сквозные лепестки.

Вверься же крылам послушным,
 Радужным своим крылам
 И лети путем воздушным
 К зеленеющим полям!

Где луга, пестрея, пахнут,
Резво вейся и порхай.
Он перед тобой распахнут —
Голубой цветочный рай.

〈1923〉

117

Волной вздымайся, песнь, от сердца к устью уст —
К живому речевому устью,—
Да славятся в стихах стук молотов и хруст
Крутых серпов над новой Русью.
Не попусту Октябрь свинцом в кремле плескал,
Как крепость, осаждал обитель.
Вот — сжат намордником у хищника оскал,
Порабошен поработитель.
Звездой упал венец с надменного чела.
Порфира волей дерзновенных
С высокомерных плеч властителя сошла
На плечи «низких» и презренных.
И пашня, и руда легли к ногам труда.
Свет молний провод шлет в деревни,
И бодрым говором вскипают города,
Неугомонные роевни.
Пусть нашим замыслам венки совет успех
И долгий мир страну покоит.
Пусть солнце светит всем и поле кормит всех,
Кто строит дом иль песню строит.
Да будет сноп тяжел, устой молочный — густ,
Мед — чист, а девушки — красивы.
Да славятся всегда стук молотов и хруст
Крутых серпов у шумной нивы!

1923

118

Как немо и безбольно увяданье
Земного милого лица!
Везде, во всем читаешь ожиданье
Неотвратимого конца.

134

Да, всё умрет! И как бы в мире нежно
Живая плоть ни расцвела —
Увы! — для всех рожденных неизбежна
Всеобнимающая мгла.

И нас, мой друг, и нас всё так же тронет
Опустошительный ущерб
И, как колосья вызревшие, склонит
Под непреодолимый серп.

Прости ж, лазурь — подательница света,
Крылатый хор, прощай и ты!
Спасибо вам за голубое лето,
За песнопенья и цветы!

Какой покой! Молчит в груди страданье,
Молчит хладеющая твердь.
Какое золотое увяданье,
Какая золотая смерть!

1923

119

Цепенеет дорога,
Рыжий лес молчалив,
И тосклив перелив
Медногорлого рога.

Заскучали о снеге
Зеленя за избой.
Только старой телеге
Снится май голубой.

1923

120

Как дитя, ты ловишь при дороге
Мотыльков, летящих прочь.
Вдруг посмотришь — и поймешь в тревоге:
Ты — один, а в поле — ночь.

1923

Как поезд, летят сумасшедшие дни,
И нет им возврата;
А свежесть, а нежность... всё дальше они
Уходят куда-то.

Вон машет из прошлого юность моя,
Но всё бесшабашней,
Всё бешеней поезд несется. И я —
Не тот, не вчерашний.

И трепетный призрак глядит мне вослед
С безмолвным упреком,
И тонут виденья утраченных лет
В тумане глубоком.

1923

Мне бы дни напролет шататься —
Узнавать свой любимый край,
С бесприютным ветром брататься
Под хриплый вороний грай.

Мне бы в поле, под небом унылым,
Позабытым колосом зреть,
Чуя, как по соломенным жилам
Струится ячменная медь.

Но плотицу — в рыбачий норот,
Птицу — в клетку, цветок — в стакан,
А поэта — в булыжный город,
А поэта — в гремучий капкан.

С детских лет полюбил я до боли
Лес багряный, простор голубой.
Только в поле, в безлюдном поле
Становлюсь я самим собой.

И когда на дороге, размытой
Тусклым током осенних дождей,
Расползаются в лужах копыта
Надорванных лошадей —

Горькой нежностью я охвачен
К этим смиренным, облезлым коням,
К этим бедным, измотанным клячам,
Выдирающим кладь из ям.

Едешь-едешь в телеге тряской,
Щеки студит палящая зябь,
И с невыговоренной лаской
Глядишь в дождевую рябь.

Здесь, вот здесь я родился и вырос.
Оттого мне так странно мила
Поля трогательная сирость —
Ненастная сырость и мгла!

1923

123

Так тихо, что кажется: вымер
Заклязьминский древний простор.
Как встарь, золотаватый Владимир
Глядит с зеленеющих гор.

Тускнеет древесное золото,
Клубится осенняя мгла.
На этих высотах когда-то
Я много оставил тепла.

И нынче пришел я проститься
С туманом той нежной поры.
Далекое время мне снится,
Далёко мне видно с горы.

1923

124. ЗА ЛЮБОВЬ

В дни отрочества, теплым летом,
Душе раскрывшейся моей
Блеснула путеводным светом
Мечта о счастье всех людей.
И, опалив негодованьем,

Вошел мне в сердце дух вражды
К людским невздам и страданьям,
К твердыням горя и нужды.

Есть мир гармонии и лада,
Но, чтоб найти к нему пути,
Сквозь мрачный хаос жизни надо
Знамена гнева пронести.
И больно мне, когда, подобя
Людей зверям, слепая кровь
Темнит их взор, но слава злобе,
Воинствующей за любовь!

1923

125. РАЗГОВОР С ЗАБОРОМ

Что вам угодно и кто вы? Забор?
Очень приятно встретиться!
Впрочем... долой напускной задор —
Грустью душа моя светится.

Друг мой забор, пожалей чудака!
Проклял он жизнь окаянную.
Оловом дум налитая башка
Никнет на грудь деревянную.

Прикосновенье шершавой доски —
Будь мне как ласка Варина!
Ах, кипятком, кипятком тоски
Грудь забулдыги ошпарена.

Там, за лесами, у вязких дорог
Бедный отец его старится,
В накипи горя, забот и тревог
Мамино сердце варится.

Кто-то метет золотой бородой
Серую гладь за селами.
Нет, это листья летят над водой
И над полями голыми.

Не зазвелят бубенцы на лугу,
Не улыбнутся Митеньке,—
Черные мысли в его мозгу
Правят вороньи митинги.

Только... к чему это я говорю? —
Тайные слезы осушите ль?
Тем не менее благодарю:
Вы — терпеливый слушатель!

Друг мой случайный, почтенный забор,
К черту мои страдания!
Я городил удивительный вздор.
Всё — хорошо. До свиданья!

1923

126. МАКОВЫЕ ЗВЕЗДЫ

Как серая трава,
Кольшется братва.
Волшбой двух легких рук
Гром труб обрушен в уши.
Сиплая рычащая молва
Вздыбила взнузданные души.

Что резче и звончей
Баранок этих золоченых,
Раздутых этих калачей,
Из кованого теста испеченных?..

Девушки глядят
И шепчут лукаво:
«Какой солдат
Вон там, направо!..»

И правда: молодой,
Беспечный!
Рукав пылает маковой звездой
Пятиконечной.

Всем, всем:
Ветрам, дорогам, тучам над полями
Совсем
Недавно
Снился этот шлем
И брезжил пятилучный пламень.

Живы
В бесчисленных умах
Многомиллионных масс.
Как прежде, Ленин — с нами!
Его путями
Идет рабочий класс.
Пусть бешеной слюной опенен
Буржуазии разъяренный зев —
Не страшен нам ее бессильный гнев.
Наш путь, как прежде, неизменен.
И все мы ведаем:
Кто, правдой овладев,
Бросал в умы народа красный сев,
Тот навсегда бессмертен и нетленен.
Мы — ленинцы,
И наше знамя —
Ленин!

1924

128. ЛЕНИН

Зерно, в сырой земле почив,
Ростком из мрака проколосось,
И на просторе светлых нив
Зазолотился первый колос.

Он умер, вождь народных масс,
Людского горя враг суровый.
Но мысль его в умах у нас
Рождает всходы правды новой.

Придет пора всемирных жатв,
Пора обилия и света,
И под серпами задрожат
Колосья золотого лета.

1924

129. ИСХОД

Миллионы распятых на ложе продажном,
Заклученных в магический круг,
Угнетенных, томимых в аду стоэтажном —
Ждут исхода из каторжных мук.

Сколько капель в пучине, песчинок — в пустыне,
Сколько в пропастях полночи звезд —
Столько их, погибающих в рабстве поныне,
Столько их, возносимых на крест.

Пригвожденные к пашне, к железной дороге,
К чадной фабрике — это они
Гибли в войнах владык, возводили чертоги
И тонули в забвеньи, в тени.

Срок настал. Мириады презренных отребий
Зачинают всемирный исход.
Крут и долог подъем, но завиден их жребий —
Недоступных достигнуть высот.

Человек — это мысль, устремленная в вечность,
В несказанную тайну побег,
Это отблеск мерцаний твоих, бесконечность,
Это весть, что и бог — человек!

1924

130

Когда небеса распоятся,
Когда рассияются дни —
Встает из могилы подснежник,
Шумит раскрыленная ветка
И в зелени прячутся пни.

Когда красота засияет,
Как небо в апрельскую таль, —
Тихонько вздыхаешь о крыльях
И в тесную грудь половодьем
Плывет золотая печаль.

1924

131

Сухие листья ржавой жестью
Звенят на тонком деревце
И наполняют сердце вестью
О неминуемом конце.

142

И как в предчувствии разлуки,
Запястья ягод уронив,
Рябина заломила руки
Над ширью обнаженных нив.

По красной чешуе шагая,
Впиваю вздохи, шум и хруст,
И горек мне, земля нагая,
Твой золотой сорокоуст.

О, мир в небытие ушедшим!
Вот так уйду во тьму и я,
И одуванчиком отцветшим
Растает голова моя.

И долго ль бережная память
Лелеять будет образ мой?
Иль дней осыпавшихся заметь
Всё, в чем живу, оденет тьмой?

Всепоглощающую бездну,
Увы, ничем не отдалю!
Но прежде чем навек исчезну,
С улыбкой жизнь благословлю.

1924

132

Милый друг, половину души
Я оставил в любимой глуши.
Там зимой до рассвета встают,
Днем работают, песни поют.

А железная ночь долга,
Небо в звездах течет на снега.
Легким инеем опушены
Голубые ресницы сосны.

Небо звездное, лес и снега,
Сердцу ваша краса дорога.
И в потоке стремительных дней
Я люблю вас нежней и больней.

1924

В этом городе гари фабричной
 И кирпичного леса труб
 Дни и ночи рукой привычной
 Ткет судьбу свою хмурый труд.
 Здесь иссохшей заботе всё снится
 Беспокойное пенье гудков.
 В этом царстве чахотки и ситца
 Бьюсь и я за кусок и кров.

А зимою у нас спозаранок
 Затихают в пуху дома.
 Вот и к тумбе, и к следу санок
 Нежно льнет голубая дрема.
 С гамом валится галочья туча
 На собор. Почернела глава.
 Бьют часы городские. Певуча
 Переливная их молва.

Вечер полон морозного хруста.
 В поле, в лес потянуло забор.
 Чу, над кровлями мягко и грустно
 Ропщет медный печальный хор!
 Я иду по дороге синей.
 О, как слабо сияет она!
 Запустил мне ресницы иней,
 Забаюкала грусть луна.

Стынут звезды над проводами.
 Всё забылось, и лишь экран
 Немо бредит людьми, поездами,
 Городами невиданных стран.
 Да вокзал под чугунные гулы
 И томительные свистки,
 Повихнув деревянные скулы,
 Тихо сходит с ума от тоски;

Да угарно гуляет пивная;
 Да от липких дверей кабака
 Волокут проститутку, пиная
 Сапогами в живот и бока.
 Спать пора! Вот так по привычке
 Тратишь, может быть, лучшие дни,—

И один за другим, как спички,
Еле вспыхнув, уж гаснут они.

Обступили наш город трубы,
Глухо будни сдавили мой путь.
Стиснул сердце, сцепил я зубы:
Ну так что ж! Проживем как-нибудь!
Разве люди не всюду подвластны
Горю, радости, песне, труду?
А весенние зори прекрасны
И в косматом фабричном чаду!

1924

134

Наш город стал «юдолью плача»:
Ненастье, грязь... Беда коням!
Вон раскоряченная кляча
По скользким тянется камням.

О, выскочить бы из оглобель!
Но свищет кнут ломовика —
И влажен тусклый гонобобель
В глазах усталого конька.

Я не похож на эту клячу:
С трудом, но двигаюсь вперед
И под ударами не плачу,
А повторяю: «Всё пройдет!»

1924

135

Это, граждане, стоит недешево —
Оставаться собой до конца.
Слишком мало кругом хорошего,
Слишком много нависло свинца.

«Ты цветешь благовестием радости,
Сыплешь песенные лепестки.
На, глотай же мелкие гадости
И презрительные плевки!»

И ничтожное, сплетней поросшее,
Смотрит косо и жалит зло.
Но не умерло в мире хорошее,
Только глубже в себя ушло.

Звезды в холод по-прежнему пламенны,
Так же молод весенний мятеж,
Так же ласковы помыслы мамины,
Мир всё тот же, и мысли всё те ж.

1924

136. ВЕК

Век величественных событий
И космических катастроф,
Век прозрений, пьянящих открытий,
Революций и ярых ветров.

Через страшные смерчи и бури
Мчишь ты Землю, бросая, как мяч.
Только плещется в ветряной хмури
Красных зарев зловещий кумач.

Только крепнут рабочие массы
И к звену примыкает звено.
Все народы, все страны и расы —
Все рабочие мира — одно!

Вздулись жилы земного шара,
Копит силу для взрыва земля.
В грозной дрожи ночного пожара
Красным праздником грезят поля.

Море бурно и близко ли берег,
Ты не скажешь нам, буйственный век,
Но уж воздухом новых Америк,
Как вином, опьянен человек.

Твердо смотрит он вдаль и сурово
Покоряет небесную твердь.
И, сжигая кумиры былого,
Ополчает свой разум на смерть.

Сжаты губы, нахмурены брови,
Зорко в бурю вонзились глаза.
Что на свете его остановит
И какая поборет гроза?

Человек — это мост в бесконечность,
Это к новому мощный побег,
Это весть, что и время, и вечность
Победит и поймет человек!

Нет тебе ни предела, ни меры,
Вулканических сил посланец,
Век наш, сын ослепительной эры,
Небывалых восстаний кузнец.

Славься, век буйнокрылых событий,
В ураганах, в набатах, в огне,
Спутник войн, революций, отплывий
К желанной, счастливой стране!

⟨1925⟩

137. АУ!

Над полем лоза розовеет,
Дымится апрельская таль.
Виденьями юности веет
Минувшего зыбкая даль.

Ау, моя молодость! Где ты?
Растаяла в снах, в забытии.
Как смутные звоны, распеты
Туманные годы мои.

Качает сережками ива,
Синеет апрельская таль,—
И грустно душе, и счастлива
Весенняя радость-печаль.

1925

Первым пухом увенчались
 Молодые перелески.
 На березах закачались
 Золотистые подвески.

Не тоскуй же, друг, не сетуй.
 Мы с тобой счастливей многих.
 Сколько странствует по свету
 Бесприютных и убогих!

Этот — нет, а тот, сердечный,
 Ни людей, ни птиц не слышит.
 У иного ж ветер вечный
 Крылья тьмы в глазах колышет.

Нам же внятн каждый щебет,
 Каждый лепет, каждый шелест.
 Мы гостим глазами в небе
 И поем земную прелесть.

Всё пройдет. Погаснет радость,
 Минет боль, растает скука.
 Голубая наша младость
 Улетит стрелой из лука.

Погляди ж на снег черемух,
 Улыбнись невестам-вишням.
 Млей в весенних снах и дремах,—
 Ты ли в мире будешь лишним?

1925

Снег и грязь. Полоумный Сережа
 Рысцой пробегает с мешком.
 У Сережи обужа-одежа
 Не ладит с дождем и снежком.

...«Святой боже...» Кого-то хоронят.
 ...«Святой крепкий...» Колышется гроб
 Кто-то в луже свинцовой тонет,—
 Не лужа — всемирный потоп!

Кляча тащится. Полчеловека
Дрожит у кирпичной стены.
«Помогите,— бормочет калека,—
Солдату германской войны!»

Чу! Свисток! Заспешила забота:
«Работать, работать скорей!»
Ненасытно глотают ворота
Худых и угрюмых людей.

Там, за окнами, как в лихорадке
Трясутся, трясутся станки.
В механическом бьются припадке
Шестнадцать часов челноки.

Вечереет. Фонарь незажженный
В заревую влюбился звезду.
Галка тянется в сад обнаженный
К обитому ветром гнезду.

Тихо. Только громадина ткацкой
Всё рвется в дремотную муть
Да томится кручиной кабацкой
Пропашей гармоники грудь.

И острог, и собор хорошеют
В молочном сиянье луны.
Зыбким роем над городом реют
Тревожные смутные сны.

Щи с говядиной снятся Сереже.
«Урря-а» хрипит инвалид.
А иной и забылся бы тоже,
Да глупое сердце болит!

1925

140. ПРОЩАЙ

Памяти С. Есенина

Прощай! Так редко мы с тобой
Друг другу «здравствуй» говорили!
Увы, дороги наши были
Всегда разделены судьбой.

Лишь в пору юности они
Сошлись у сладкого истока.
Но как далёко, как далёко
Те затуманенные дни!

Не чаять встреч, не ждать стихов,
Не видеть вновь улыбки лунной.
Над головой золоторунной
Навис кладбищенский покров.

Ты не покинешь мрачный край,
Куда ушел, тоской гонимый,
Не скажешь «здравствуй» ни любимой,
Ни другу близкому. Прощай!

<1926>

141

О, грустный покой повечерья!
Темны дорогие места,
И падают, падают перья
С отрепанных крыльев куста.

По мокрой земле без дороги
Забывшее прясло бредет.
Споткнется на старые ноги
И, где привелось, упадет.

И вьются ползучие травы,
И брызжут дожди, хороня
Жердей сучковатых суставы —
Скелет полевого коня.

Скучна ты, ненастная осень,
Но сердце к тебе прижилось,
Как неба свинцовая осинь
К полыни пустынных полос.

Мне больно за рвы, за лощины,
За небо в тяжелом свинце.
Так ранят нам душу морщины
На милом увядшем лице.

И, как на лицо в ореоле
Седеющих дымных волос,
С любовью до боли, до слез
Гляжу я на мглистое поле,
На жесткую жнивую полос.

1926

142

Только б нежностью лучиться,
Только б слушать в забытии,
Как щебечет сердце-птица
Песни сладкие свои.

Знаю, счастье это кратко,
Но, пока я теплюсь им,
Раздарил бы без остатка
Душу близким и чужим.

Будь же весел, каждый встречный!
Пусть застенчив я с людьми,
Мой привет простосердечный,
Как цветок полей, прими!

Всякий вздох твой, друг случайный,
Нынче мной благословен.
Но, дрожа улыбкой тайной,
Я не жду даров взамен.

Только б нежностью лучиться,
Только б слышать в полусне,
Как невидимая птица
Заливается во мне.

1926

143

В эту ночь ручьев звенящих,
В праздник водополи пенной
Бьется трепетней и чаще
Сердце вечное вселенной.

Всюду — в близком и далеком:
В звездах, в теплом дуновенье,
В ветках лип, набухших соком, —
Узнаю его биенье.
Нынче тонкая дремота
Черный сад заколдовала,
Нынче сердце у кого-то
Звонким жаворонком стало.
Над безудержным кипеньем
Серебристого разлива
Упоительным смятеньем
Чья-то молодость счастлива.
Нынче вновь звучит, как гусли,
Речь доверчивых признаний
И глядит с улыбкой грусти
Старость в даль воспоминаний.
Возрожденной жизни сила
Пенит кровь, потоки будит.
Так всегда на свете было,
Так всегда на свете будет.

1926

144

Любуйтесь любимым, любимой,
Пленяйтесь чужим и чужой,
Как борозды пашни родимой —
Мерцающей Млечной Межой.

Свои и чужие — навеки
Мы связаны тесным родством:
Есть отблеск звезды в человеке,
Есть мудрость в растенье простом.

И если небесная нива
Вся в золоте солнечной ржи,
То пылом ржаного налива
И наши дрожат рубежи.

Под синим покровом вселенной
Никто никому не чужой,
И борозды пашни смиренной
Не сестры ли с Млечной Межой?

1926

152

Стоит жить на белом свете —
 Мир воистину хорош.
 Синь ясна, подпасок-ветер
 В перелески гонит рожь.

Залетит в кустарник частый,
 В паутинный холодок,
 И с березки голенастой
 Рвет истрепанный платок.

Я шатаюсь у опушек,
 Музу светлую зову,
 С грустью слушаю кукушек
 Заунывную молву.

Милы мне земные шири.
 Стоит жить! И жить затем,
 Чтобы счастье в этом мире,
 Как весна, пришло ко всем.

1926

Не дрогнет лист, не шелохнется колос,
 Затеplенный огнем вечеровым.
 Как будто чей-то еле внятный голос
 О тайне тайн рассказывает им.

В далекие ребяческие годы,
 Как василек свободный и простой,
 Вникал и я в звучание природы,
 Ступая в пыль дороги золотой.

И понял я по звездному сиянью,
 По свету зорь, по зыбкой полумгле:
 К гармонии, к согласию, к слиянью
 Зовут они живущих на земле.

Но путь к единству вьется по раздорам,
 Но к истине идут тропами лжи.
 И всё же там, за времени простором,
 Заветные мы видим рубежи.

1926

Дребезжанье тарантаса,
 Топи, гати, пни.
 Солнце выше час от часа
 И смелей слепни.

И, дивясь на тучу пыли
 И на тарантас,
 Широко цветы раскрыли
 Веки нежных глаз.

Ходят полем конь и пахарь,
 Застя край небес,
 И поет-бормочет бахарь —
 Стоязычный лес.

Пробежала деревушка.
 Снова — ни души.
 Бубенцом звенит кукушка
 В потайной глуши.

Чу, плывет он, звон плачевный,
 Из конца в конец,
 И дрожит молвой напевной
 Сердце-бубенец:

«О, привет вам, лес и нива
 И цветов семья!
 Будь богата и счастлива,
 Родина моя!»

1926

Гуденье церковной меди
 Над городом плывет.
 Прохожий несет к обедне
 Тяжелый комод-живот.

Солидны его движенья —
 Видать, что не кое-кто!
 На сытом лице — уваженье
 К себе, к животу, к пальто.

Такие довольны судьбою,
Хотя и живут без затей.
Он давит клопов на обоях,
Сечет на досуге детей.

А в праздник после обеда
(Не бойтесь: это — во сне!)
Хватает партийца-соседа
И вешает на сосне.

Полдня то еда, то икота,
А вечером, в семь часов,
Раскрашенные ворота
Уж заперты на засов.

Как ставни, опущены веки
На маленькие глаза.
Вот так он уснет навеки
И ляжет под образа.

Его отпоют по чину.
Друзьями окружена,
Безвременную кончину
Умело оплачет жена.

Спи с миром, как спал многократно!
Ты в жизни оставил след:
Клопиные бурые пятна —
Свидетельство скромных побед.

1926

149. ОБ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Радугу неги весенней,
Ласк, отравляющих кровь,
Ревности, клятв, уверений —
Назвали словом: любовь.

Эта — не мучила ревностью,
Эта — любила без клятв.
Лишь неизменной верностью
Цвел обожающий взгляд.

Эта — за мной ходила
Словно вторая тень.
Эта — с меня не сводила
Глаз золотых весь день.

Может, сладчайшее счастье
В том, чтоб лежать у ног
Или вдвоем сквозь ненастье
Слушать охотничий рог.

Шли мы опавшими листьями.
По лесу — шепот и хруст.
Осень мехами лисьими
Кутала каждый куст.

Я уезжал — и скука
Ей застилала свет.
Жаль, что была она сука,
Жаль, что ее уже нет.

Жалко, что выстрел меткий
С брызгами крови отряс,
Будто с поникшей ветки,
Спелые ягоды глаз.

Люди мне дороги. Кровно,
Крепко я слит с людьми,
Но вспоминаю любовно
И о собачьей любви.

1926

150. КРАЖА

Жила в прислугах — качала детей,
Уставала от стирки, стряпни, беготни,
Скупая хозяйка давала ей
На обед и на ужин объедки одни.

Одна у нее и радость была —
Думать, что скоро поедет домой,
Что уж немало обнов нажила:
Платье, гамаши, платок с бахромой.

Платок был узорен, как летом гумно.
Охапкой цветов он пестрел в сундуке.
А платье... Лазурью блестело оно!
Сам ластился ластик в жесткой руке!

Ах, как же этот небесный цвет
Пристанет к румяной ее красе!
Как в сладком чаду деревенских бесед
Ей залюбуются парни и все!

А там и сваты приедут за ней:
У вас, мол, товар, а у нас — казна...
Так, лежа на тощей подстилке своей,
Туманно и жадно мечтала она.

И вот... сундуком ее вор завладел,
Наряды украл и грезы унес...
Кружилась потом в карусели дел,
И всё перед ней расплывалось от слез.

Бедная!..
Значит, машина-паук
Нити свои не про всех прядет,
Если оборванный вор у прислуг
Их платья, их скромное счастье крадет?

Яств для голодных! Одежд для нагих!
Нам нужны уборы такой красоты,
Чтобы, увидев цветение их,
От зависти к нам задрожали цветы!

Славься же, замысел века — спрясть
Основу новую, счастье для всех,
Чтобы некому было ни плакать, ни красть
Чужих нарядов, чужих утех!

1927

151. ПОЭТ

Здесь в окнах долго не гаснет свет.
Кому-то, верно, не спится.
Под этой крышей ютится поэт —
Ночная, а певчая птица.

Однажды подростком в закатной мгле
Он услышал гармонию мира.
Туманно звучали голоса на селе.
Было тихо, пахуче, сыро.

Стоял он в поле, глядел на закат,
Увядавший в золотых переливах,
И, слушая мягкий вечерний лад,
Поверил в страну счастливых.

Он понял, какая уродливая ложь —
Жизнь людская, страданьем поросшая.
Он сказал: «Если облик земли хорош,
То и жизнь пусть будет хорошая!»

Шли легкие годы. Будто во сне
Он рос под отцовским кровом,
Набухая, как почки берез по весне,
Текучим песенным словом.

И вот — этот город. Кирпичный дом.
Гулкая, как колокол, лестница.
Высокая комната с шатким столом,
Свет электрического месяца.

Городские совы, золотари,
Гремят по улице бочками.
А он, глашатай певучей зари,
Всё клонит лицо над строчками.

Худая легла на бумагу рука —
И с шелестом в поле бумажном
Светлой фиалкой распускается строка
О самом дорогом и важном.

Глуха, безответна ночная тишь,
Лишь ветви машут в окошки.
Где-то в углу осторожная мышь
Грызет случайные крошки.

Бредит дитя, ровно дышит жена,
Любимая, верная, бедная!
Совсем, ну совсем еще девушка она,
А какая усталая, бледная!

Ситцевое платье, уронив рукава,
Струится рядом с кроватью,—
И шепчет он рожденные сердцем слова
Голубому ситцевому платью:

«Увядший, осмеянный, втоптаный в пыль,
Я так рад, что живу на свете,
Что жидких волос моих легкий ковыль
Ласкают солнце и ветер.

Чем жизнь на меня насаждает лютей,
Чем горче мои потери,
Тем злей ненавижу я муки людей,
Тем ближе мне птицы и звери.

Земля, люблю твой прекрасный наряд.
Люди, люблю вас стыдливо.
И взгляд звезды и девический взгляд
Чаруют меня, как диво.

И эту рассветную синеву
Я встречаю словом привета
И счастье на доли земные зову,
Как ливень — в сухое лето».

1927

152

К жизни, грубой и злой забияке,
Мы приходим с открытой душой.
Так дитя подбегает к большой,
Посаженной на цепь собаке.

Мы беззлобны. Но — первый укус,
И уже мы кусаемся сами.
А пройдя весь житейский искуc,
Люди смотрят сердитыми псами.

Из-за кости какой-нибудь
Псы заводят кровавые грызни.
Так и в нашей бывает жизни,—
Всем нам общий указан путь.

Жадный брюхом ложится на кости.
Вырвать их и отдать на всех!
Пусть на место собачьей злости
К нам придет человеческий смех.

⟨1928⟩

153

Не мак цветет, не розы
Бегут к реке с горы —
По берегу разбросаны
Цыганские костры.

Над кашками примятыми
У таборных огней
Цыганы с цыганятами
Пасут своих коней.

По табору да на гору
Плывет полынный чад.
Цыганочки-смугляночки
Монистами бренчат:

Цыганочки-гадалочки
И сами что костры.
Мещане да мещаночки
Глядят на них с горы.

Наверно, так на бабочек
Глядит навозный жук,
На галок да на ласточек —
Раскормленный индюк.

На этих — виснут гирями
Домишко, ларь, комод.
Тех — далями да ширями
Свобода в путь зовет.

С зарей они потянутся
Неведомо куда,
А эти — здесь останутся,
У теплого гнезда.

160

Эх, счастье ты comodoное,
Глухое забытьё!..
Нет, лучше — хоть голодное,
Да смелое житье!

1928

154

Нет, не пойду я в свою конуру —
Пусть меня знобит и мочит!
Слепо моргает фонарь на ветру,
Будто погаснуть хочет.

Милый, не гасни! И так темна
Улица наша грустная.
В тучах изорванных скрылась луна,
Соня-луна захолустная.

Ветер-налетчик и дождь-бандит
Сад раздевают покорный,
Вечер-дозорный в окошки глядит,
В плащ завернувшись черный.

Вижу и я за ножами дождя
Печку, хозяйку, опару.
Рыхлый супруг под иконой вождя
Мучит лениво гитару.

Счастлив он тем, что имеет кровать,
Зеркало, теплый ватер...
Милый, хороший! А мне — наплевать
На зеркала и кровати.

Сердце мое нарывает тоской.
Нытик, чудак нелюдимый,
Грежу я юностью, полем, рекой,
Дом вспоминаю родимый.

Бедный отец мой! На вечный покой
Лег он на старом погосте.
Беды, болезни, заботы толпой
К маме повадились в гости.

Жалко ей братьев моих и сестер,
Жаль ей меня, как в детстве...
Золото поля, волнистый простор,
Вы у меня — на сердце!

Мерно качает фонарь головой
В ветряном свисте и визге,
Будто о твердую грудь мостовой
Хочет разбиться вбрызги.

Небо безлунно. Скользки пути.
Жмутся к заборам прохожие.
Милый, не гасни! Хороший, свети
Нам в вечера непогожие!

1928

155

Нелюдимый неловкий дикарь,
Для цветов берегу я улыбки.
Бессловесная умная тварь
Чует друга во мне без ошибки.

Полюбил я собачий народ,
Но и кошкам я тоже не враг.
В детстве рыжий облезлый кот
Был, как брат, мне приятен и дорог.

Сердцу больно, когда пила
Собирается рощу обидеть.
Но тому, чья любовь так тепла,
Суждено горячо ненавидеть.

Слаблю жизнь. Проклинаю «жисть» —
Мать нужды, преступлений, несчастий.
Днем и ночью бы пилам грызть
Эту чашу житейских напастей.

Чтобы горе с сумой не плелось
К равнодушным чужим окошкам,
Чтоб счастливо жилось и цвелось
Псам и людям, цветам и кошкам.

1928

162

Тебе неприятны мужчины
 С румяными лицами. Ты
 Мою худобу и морщины
 Возводишь в венец красоты.

И часто любовь твоя просит
 Ту силу, что сблизила нас:
 «Пусть вместе, как травы, нас скосит
 Прощальный печальный час!»

Мой песенный подвиг безвестен,
 Но, грезами явь золотя,
 Ты хочешь слагателем песен
 Увидеть и наше дитя.

Свети мне, свети до кончины
 И жаркой всеильной мечтой
 Мою худобу и морщины
 Победно венчай с красотой!

1928

Неуловимо из-под ног
 Уходит снег аэродрома.
 И сердце в трепетный комок
 Сжимает сладкая истома.

Всё ниже падает она,
 Земли родимая громада.
 Всё ближе синяя страна,
 Всё гуще синяя прохлада.

Но — выше, выше в небеса!
 Нам облака теперь — соседи.
 Вдали косматые леса
 Ворочаются, как медведи.

Зияет бездна пустоты,
 Но где ты, темный голос страха?
 Всё новой жаждет высоты
 Прах, оторвавшийся от праха.

Пока во мне сияет мысль,
Пока по жилам кровь струится,
Пусть никогда вперед и ввысь
Не перестану я стремиться.

1928

158

Вот и май с соловьиными звонами,
Засверкали в полях лемеха.
И, брэнча бубенцами зелеными,
Запрокинулась в пляске ольха.

Вновь брожу я лесными полянами,
Снова даль загрузила по мне.
За ночными речными туманами
Скачет удаль на вихре-коне.

В эти ночи, в теплынь комариную
Всё гляжу я, к былинкам припав,
Как заря раскидалась калиною,
Как речной задымился рукав.

Пусть рассвет с непогодой встретится —
В мокрых ветках и тучах седых
Та же прелесть весенняя светится
Нежных сил и надежд молодых.

1930

159. ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Какая бодрая тревога
Сменила мертвенный покой!
Проваливается дорога
Под осторожную ногой.
Как в этот оттепельный вечер
Ручьев подснежных звучен бег,
Как дышит молодостью ветер,
Как пахнет молодостью снег!

Былых обманов наважденья
Не властны над моей душой,

164

Но светлой тайне возрождения
Я в этот вечер не чужой.
Душе созревшей, возмужалой,
Как прежде, радостны они —
Созвездий трепетных огни
И колеи дороги талой.

1930

160

Юных глаз счастливое сиянье
И волненья радостного дрожь,
Как заветное воспоминанье,
Ты всегда в душе моей найдешь.

Помнишь: увидала, подбежала,
Хорошая сердцем и лицом,
И сияла взором, и дрожала
Молодым сквозистым деревцом?

И недаром в том правдивом взоре
Так душа играла и цвела:
На любовь, на радость и на горе
Нежную ты руку мне дала.

В дни сомнений, в дни разуверений
Вспоминал я, милая, не раз
Трепет твой безудержный, весенний
И сиянье необманных глаз.

И когда на ложный путь разлада
Мы сбивались, счастья не храня,
Свет того девического взгляда
Возвращал тебе всего меня.

Дни летят. Весна сменилась летом,
В листьях плод таится золотой.
Ты лучишься новым, ровным светом —
Материнства теплой красотой.

1930

165

1

Голодная глина, бесплодная супесь
Надели убор золотой,
Вздыхает черемуха, робко потупясь
Под свадебной белой фатой.

И голос кукушки, туманный, чуть внятный,
Летит от пахучих лесов,
Как отзвук какой-то весны невозвратной,
Как прошлого ласковый зов.

Мой май отзвенел. По дорогам распята
Весна моей жизни. Но — пусть!
Я — снова свидетель земного расцвета,
На сердце — и радость, и грусть.

Я снова смотрю, не угрюмясь, не супясь,—
Смотрю, как моя сторона —
Голодная глина, бесплодная супесь —
Цветочной парчой убрана.

2

И белая супесь, и красный суглинок
Надели убор золотой,
Убор из цветов и зеленых былинки,
Пахучий, волнистый, густой.

Кипят в перелесках жужжанье и гомон,
Кукушек звенит переклик.
За пестрой одворицей трактором взломан
Колхозного поля целик.

Веселый свидетель земного расцвета,
Участник мирского труда,
Я радуюсь росту колхозного лета,
Я — твой, полевая страда.

Босыми ногами мну стебли и листья,
Косою машу на гумне,
И красит в цвет бронзы лучистой кистью
Зной грудь обнаженную мне.

1931

Перед утром в больничной палате
 Тише стоны, невнятное бред
 И бледней озаряет кровати
 Электрической лампочки свет.

Перед утром в больничной палате
 Электричество гаснет — и вот
 Час забвения, час благодати
 В дом страданий неслышно идет.

Ранам глаз так отраднa прохлада
 Зимней смутной предутренней мглы.
 За окном — неподвижного сада
 Зачернели кривые стволы.

В стекла льдистые с улицы снежной
 Льется мягко синеющий свет,
 Свет печальный, таинственный, нежный,
 Словно чей-то далекий привет.

Словно кто-то вошел осторожно
 В этот голый казенный барак
 И участливо, грустно, тревожно
 Смотрит сквозь голубой полумрак.

1931

Состарилось лето. Лежит на припеке,
 Лежит на пригорке у тына.
 Обрюзгли цыганские смуглые щеки,
 А в жестких кудрях — паутина.
 Состарилось лето. И больше не надо
 Ни песен ему, ни волнений:
 Уж ходит за тыном пора звездопада
 И звонкой прохлады осенней.

Брусника-грустника под синей осиной
 Давно уж успела налиться.
 Кленовый листок на поляну гусиной
 Отрубленной лапой ложится.

И скоро под утро колючая проседь
В траве забелеет осенней.
Состарилось лето. А сердце всё просит
И песен, и гроз, и волнений.

1932

165

Я счастлив был — и ночные светила
Мне улыбались в весенней тиши.
Я грустен был — и всё грустило.
Мир — это зеркало души.

Как в тихие речные воды
Глядится полная луна,
Так жизнь души отражена
В великом зеркале природы.

Мы боремся, страдаем, любим,
И там, где пусто и темно,
Нам, жертвам тленья, случайным людям,
Живой огонь зажечь дано.

В луче любой звезды небесной
Есть доля нашего тепла,
И под покровом коры древесной
Не кровь ли наша потекла?

<1933>

166. ЕФИМУ ВИХРЕВУ

По тропинкам мягким да зеленым
Мы пришли на Люлах — до утра
Пировать над голубым затоном,
Ночевать у дымного костра.

О, покой июльского заката!
Остывала киноварь зари,
Не плескались в заводи щурята,
Задремали в тине пескари.

168

Побелели росные покосы,
И ольха-русалка над рекой
Выжимала лиственные косы
Тонкою девической рукой.

А у нас качался мак багряный,
Жаркий мак над хворостом сухим,
И ковер поэмы цветотканой
Развернул пред нами ты, Ефим.

Полон ты стихов молвой певучей,
Как родник — студеным серебром.
Ищешь ты соцветий и созвучий,
Кисть и краски породнив с пером.

Светит песня в золоте и лаке
Хитрой вязью, сказочной травой.
Ты — поэт и золотые злаки
Одеваешь золотой молвой.

Зацветает Палех чудным садом.
Яркий, сладкий, взрывчатый расцвет!
Он никем так чутко не отгадан
И с такой любовью не воспет.

Жизнь была бы глуше и суровой,
Красотой и радостью — бедней,
Если б в красках, линиях и слове
Мы себя не отдавали ей.

1933

167. ЗАПУСТЕНИЕ

Вымерзли в подпечье тараканы,
Вьет гнездо в трубе холодной галка.
Подорожником, вьюном ползучим
Затянуло под окном тропинку.

Заросли травую и могилы
Тех, чья жизнь прошла под этой кровлей.
Их шаги и голоса навеки
Смыты тишиною запустенья.

Их заботы, радости и скорби —
Где они? Рассеялись в пространстве
Или стали, может быть, душою
Этих стен обжитых, постаревших?

Нет ответа. Только сверху на пол
Вдруг земля посыплется с шуршаньем,
Словно кто-то легкими ногами
По настилу потолка ступает.

1934

168. УРОЖАЙ

Пора листопада, пора звездопада,
Последние бусы теряет рябина.
Плодами высокого синего сада
Срываюся звезды за гребень овина.

Из хвои осыпанной выскочил рыжик.
Глядит на тропинку: как тихо, как пусто!
И гряды пустуют. Ледком кочерыжек
Хрустят ребятишки: «Как сахар, капуста!»

От свежего хлеба в избе духовито.
Копной на поляне — коврига на блюде.
И льется на мельнице новое жито,
И новою радостью светятся люди.

А дни всё короче, а ночи всё глуше,
И скоро земля забелеет порошей.
У деда — полати, а внучке Феклуше
Гореть-разгораться над книжкой хорошей.

О, зимний покой! В созревании сада
Всю силу свою истощила природа.
Пора звездопада, пора снегопада
Замкнула кольцо пережитого года.

1934

Земляника душистая сплошь
 Окатила подножия рощ.
 Черника, куда ни пойдешь,
 Закапала кочки, как дождь.

И пальцы и губы твои
 В их липкой лиловой крови.
 На плечи загаром легла
 Благодать золотого тепла.

По душе нам с тобою пришлось
 Эти сечи, поляны, палы,
 Просторная блеклая высь,
 Тонконогих березок стволы.

Звон кузнечиков легок и сух.
 Он, как песня, ласкает нам слух.
 Эту песню июльскую мы
 Вспомним в синем затишье зимы.

Вспомним поля медовую сушь,
 Мхов лесных голубое шитье,
 Шмеля придорожного плюш —
 Всё летнее счастье свое.

И долго и долго, мой друг,
 В дни седые морозов и вьюг
 С наших рук и сердец не сойдет
 Знойных дней золотистый налет.

И бодро пойдём мы с тобой
 Сквозь годы под ношей труда,
 Как шли васильковой тропой
 В даль, где леса темнела гряда.

1934

170—173. П А Л Е Х

1

Под сумрачным кровом в суровом быту
 Заботливо вынянчил ты красоту

И в мир, освеженный дыханием гроз,
Как радугу, в темных ладонях принес.

Тебе, самоцветной красы колыбель,
Дивятся столицы заморских земель.

И знатные гости из дальних сторон,
Как данники, едут к тебе на поклон.

Ты пахаря пишешь с сохой золотой
И жницу в колосьях пшеницы густой.

Игрою твоих прихотливых затей
В сафьян обернулась береста лаптей.

И смиренный Гнедко пред родной бороздой
Гордится богатой шлеей и уздой.

Твоей изощренной прилежной рукой
Невидимо водит художник другой.

Тот славный художник — советский народ,
Что новую жизнь на Руси создает.

Его мастерская — шестая земли.
Сады на картине его расцвели.

В пустынных краях вознеслись города.
Свет молний помчали в село провода.

И пыл вдохновенной работы его
Сливается с пылом труда твоего.

Недаром на пашню, на пот пролитой
Ты кисточкой сводишь венец золотой.

Недаром колосья и волосы жниц
Пылятся лучами рублевских божниц.

В тех жарких лучах, в их горячей пыли
Тобой утверждается правда земли —

Величие маленьких жизней и дел
И право людей на счастливый удел.

Слыли когда-то они богомазами.
 Та миновала пора.
 В домиках сельских под старыми вязами
 Тихо живут мастера.

Мчится ль по улице вьюжная конница,
 Блещут ли летние дни,
 Самозабвенно к столам своим клонятся
 В комнатах белых они.

В блюдах разбитых растворено золото,
 Разведено серебро.
 В чашках игрушечных, в ложках расколотых
 Светятся краски пестро.

Тонкая кисть осторожно касается
 Маленькой черной доски,
 И по квадрату ее разбегаются
 Волн, облаков завитки.

Борется с бурей корабль белопарусный,
 Быстрые чайки летят.
 Битва взвивается вьюгою яростной,
 Стрелы и копья блестят.

Песни с преданьями, с мудрыми сказками,
 Будней и праздников круг —
 Всё одевается пестрыми красками,
 Как расцветающий луг.

Палех, народного моря жемчужина,
 Холуй, село-самоцвет,
 Перлы стихии, что громом разбужена
 Незабываемых лет!

Радуга красок, коробочки мстёрские,
 Сказочный дар старины!
 Страны далекие, страны заморские
 В вашу красу влюблены.

Пусть же по краскам доски лакированной,
 По переливам ларца
 Будет разгадывать взор очарованный
 Душу народа-творца!

Надев измятую фуражку,
Идешь задворками к реке.
Пальто и сердце нараспашку,
Ведро с удочкой в руке.

Ты сядешь под ольхой прибрежной,
Где тень от листьев так сладка,
И остановишь взгляд прилежный
На желтой пробке поплава.

Луга туманом обольются,
Засвищут косы по траве.
Куском фаянсового блюда
Луна проступит в синеве.

Пройдут с покоса палешане,
Прогонят стадо пастухи —
И к берегам реки в тумане
Подступят сказки и стихи.

Под лунной тонкой паутиной,
Заткавшей нивы и леса,
Всё будет чудиться за тиной
Большая пышная коса.

И Люлех струйкой среброзвонной
Вздохнет, как стрункой, под кустом:
«У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том...»

Сгорят за днями дни. И сказки,
Что колыхались над рекой,
Ты, мастер, в золото и краски
Оденешь колдовской рукой.

Прибой о берег волны вспенит,
Русалка выплывет из вод.
Ученый кот очки наденет
И речь под дубом поведет.

Но кто поймет, что в этих дивах
Заговорившего холста
Родных полей, туманов сивых
Сквозит и дышит красота?

Кто в дубе сказочном узнает
Тень от ольхи на берегу,
А в лукоморье угадает
Крутую Люлеха дугу?

4

Наберу разных полевых цветов и пишу картину... На первый взгляд у меня получается букет цветов, а когда взглядишься — тут бой или гулянка.

И. Голиков, «Сквозь бури эпохи»

Толпой видений обуян,
Шагал он средь цветов несметных —
Художник Голиков Иван,
Создатель вихрей пышноцветных.

Сухой, с колючками усов,
Горячим удивленным взором
Смотрел он в сизый дым лесов
Над разбежавшимся простором.

Срывал смолистую дрему,
Сбирал пунцовые гвоздики,
И всё мерещились ему
Далекой битвы гул и крики.

Тот век не прошумит опять,
То время накрепко забыто,
Когда ржанных раздолий гладь
Топтали тяжкие копыта.

Вдыхая нив зажженных гарь,
Пугливо мчались кони в сечу.
С веселой яростью дикарь
Стремил копьё врагу навстречу.

Всё миновало. И в местах,
Где силу истребляла сила,

На истлевающих костях
Земля свои цветы вырастила.

Корнями трав обвит булат,
Товарищ грозного разгула,
А позолота праздных лат
На одуванчиках блеснула.

И, верно, из людских сердец,
Пронзенных в страшном поединке,
Возносит кашка свой венец,
Гвоздика — лепестков кровинки.

Кругом — покой. И ни одно
Над полем зарево не взвито.
Тот век прошел давным-давно,
То время накрепко забыто.

Но человек с пучком цветов,
В руке коричневой зажатых,
Так ясно видел строй щитов
И слышал пеньё стрел пернатых.

И в краски светлых летних сил,
В красу июньского цветенья
Он прихотливо нарядил
В мечте возникшие виденья.

О, вихрь цветов! Татарский щит
Круглится венчиком ромашки.
Созревшим колосом блестит
Клинок, не знающий промашки.

Соцветьем яркого венка
Пылают вздыбленные кони,
Один — синее василька,
Другой — как лютик на прогоне.

И лучезарный ореол
Июньской неги и покоя
Под вещей кистью перецвел
В кипучий смерч степного боя.

1933—1935

Когда нагрянет сенокос
 С его веселой канителью,
 Они идут по бусам рос
 Гуськом на Люлах всей артелью.

Идут простором полевым
 Среди вечеровых туманов.
 Как вождь, дорогу кажет им
 Иван Михайлович Баканов.

Он сединами убелен,
 Он сух и легок, но бодрится.
 В его глазах синее лен,
 В устах травинка золотится.

Сменило кисточку косье
 В руке, узором жил расшитой,
 Водой струится лезвие
 Косы старательно отбитой.

Всю ночь на Люлах от костра
 Потоки искр летят метелью.
 Ученики и мастера
 Уху готовят всей артелью.

А после тостов и ухи
 Над отуманенным простором
 Ефима Вихрева стихи
 Они поют могучим хором.

Далёко льются над рекой
 Напевы удалой ватаги.
 Их буйство темною рукой
 Смиряет Алексей Ватагин.

Дымятся головни костра,
 Дымятся розовые плесы,
 Ученики и мастера
 Встают и звонко точат косы.

Луга красуются кругом
 В персидских драгоценных шаялах.

Тепло. Ворчит далекий гром,
Идет гроза. Белеет Палех.

А в праздничные вечера,
Приняв степенную осанку,
Ученики и мастера
Идут в Заводы на гулянку.

На сине-розовом лугу
Под сенью хвойных великанов
В певучем движется кругу
Иван Михайлович Баканов.

Вишневым солнцем озарен,
Краса узорчатых гулянок,
Он ходит, как Анакреон,
Среди пригожих палешанок.

Да, вот смотрите, он каков!
А хороводный круг просторен,
Весельем светится Зубков,
Хмельною удалью Буторин.

Как в дни июля на покос,
Как в мае к песням и веселью,
Они под гром и трепет гроз
Пришли в искусство всей артелью.

На гребне пенистой волны
Их вынес океан народный
Из сокровенной глубины
Своей пучины многоводной.

Во все края, во все концы —
От Скандинавии до Явы —
О них бормочут бубенцы
Всемирной, громкой, яркой славы.

1935

175. МАТЕРИНСТВО

Узкой стала ситцевая блузка,
Желтизна легла у губ, а всё ж
Облик твой прекрасен, ибо миру
Будущее ты в себе несешь.

И когда походкой осторожной
Ты одна идешь куда-нибудь,
Все тебе, от мала до велика,
Уступают путь.

Может быть, судьба на радость людям
Посылает и твое дитя.
Ветром по устам твое провеет имя,
Благодарность и восторг будя.

Капля человеческого моря,
Незаметная среди других,
Будешь ты вознесена высоко
В помыслах людских.

1935

176. ЮРЬЕВЕЦ

1

Поднимись по тропинке на темя высокой горы,
Встань у края обрыва
И взгляни, как за Волгой лугов разметались ковры,
Как лесная раскинулась грива.

И, мечтой улетаая туда, где туманы легли,
К полным тайны и сумрака борам,
Ты вздохни всей громадой воды и цветущей земли,
Всем великим простором.

Ты поймешь, отчего здесь народ так могуч и красив,
Как нагорные сосны красивы,
Отчего здесь и песни безбрежны, как Волга в разлив,
И безудержны сердца порывы.

Если б крылья тебе, вольной чайкой помчалась бы ты
В эти синие дали.
Лес такой васильковый, раздолье такой широты
Лишь во сне мы видали.

Веет ветер медвяный из синей счастливой страны
На поросшие лесом откосы,
И звенят наши души, как две однозвучных струны,
Под лесной разговор стоголосый.

А внизу, пред подножием глинисто-рыжих холмов,
 Полон бодрого гула,
 Расстилается Юрьевец лентой садов и домов,
 Унжа к Волге прильнула.

О, каких эта ширь не навеет видений и дум!
 Вспомнишь древние были.
 Вот по этим тропинкам ступал протопоп Аввакум,
 Здесь и меч, и пожары народную силу губили.

Здесь, раздев бедняка, разживались казною купцы,
 Бурлаки, надрываясь, тянули судов караваны.
 Та пора отошла. Заживают бывшего рубцы,
 Закрываются прежние раны.

Посмотри: из прохладно-зеленой лесной темноты,
 Из разбуженных недр захолустья
 Быстроходная Унжа несет смоляные плоты
 На раздолье веселого устья.

Лесопилка-оса над поволжской звенит шириной,
 И скликают рабочих заводы.
 Не княжой, не купеческий — новый, иной
 Город смотрится в светлые воды.

Голубые дворцы пароходов плывут по реке,
 Веют флаги так празднично яркие.
 Крылья чаек блестят. Быстрый катер бежит налегке,
 Тихо тянутся грузные барки.

А когда от заката зардеют края облаков
 И тепло озарятся крутые откосы,
 Как торжественно песни густых пароходных гудков
 Оглашают притихшие плесы!

Мотыльками трепещут огни в подступающей мгле.
 Потемнела верхушка далекого стога.
 И дрожит от луны на речном переливном стекле
 Золотая дорога.

1937

177. ГОРЬКИЙ

Помню май, дождей алмазных капли,
Листья в горько пахнущем клею.
Помню строки с Капри,
Юность озарившие мою.

Как благоуханье клейких почек,
Как напевы первых птиц и пчел,
В жизнь мою вошел тот щедрый почерк,
Голос поинительный вошел.

Этот голос бодрого привета,
Горделивой радостью пьяня,
В праздничном призвании поэта
Утверждал уверенно меня.

И, бродя по солнечным пригоркам,
Узкой тропки меряя тесьму,
Благодарно думал я о Горьком,
Льнул к его душевному письму.

Он вернулся из страны изгнанья.
Теплой дымкой север был одет.
Но теплей апрельского сиянья
Мне мерцал его улыбки свет.

Есть слова, что мы на сердце носим,
Есть минуты, что забыть нельзя...
Шла война, уж во вторую осень
Пролегла кровавая стезя.

Я опять пришел к его порогу —
В сумрак финских сосен и болот.
Видел я в глазах его тревогу
За отчизну, за ее народ.

Долго лампа на столе горела.
Он писал, как на Руси живут.
Затаив дыханье ночь смотрела
На его подвижнический труд.

Нет его. Горой гнетет утрата.
Но любовно я в груди таю
Те лучи, которые когда-то
Озарили молодость мою.

И с его напутствием сердечным
Крaше песня, легче трудный путь,
И к его страницам человечным
Никогда не перестанешь лннуть.

1937

178

Всё убрано к сроку. В атаве гуменной
Застряла солома.
И стелется поле, как пол подметенный
Просторного дома.

Недаром вставали с румяным рассветом,
Недаром на ниве
До позднего часа работали летом
В горячем порыве.

В пахучих сараях и житницах полных —
Несметные клады.
И томно склонился созревший подсолнух
На низкие гряды.

И пчелы набрали в янтарные соты
Прозрачного меда,
И радость успеха венчает заботы
И труд садовода.

В прогалинах сосен — высокая просишь,
Всё — в праздничном блеске.
Богатая гостья, погожая осень,
Стоит в перелеске.

1937

179

Прошла пора, когда
Задумчивый русоголовый мальчик
С миндалинами длинных темных глаз,
Едва дыша, смотрел замороженно
На бабочек порхающих. Казались
Они ему воздушными цветами.

182

Как тихо он подкрадывался к ним,
Как бережно держал в неплотно сжатых
Ладонях эти странные цветы!
Однажды он увидел на тропинке
Умершего сухого мотылька
И, взяв его за радужные крылья,
Воскликнул грустно: «Бабочка увяла!»
Еще совсем недавно он открыл,
Что всё живое на земле, достигнув
Вершины роста, блекнет, исчезает,
Что маленькие люди постепенно
Становятся большими, а затем
Перестают существовать. О нет,
Он не желал расстаться с этим миром,
Великим и манящим. «Я хочу
Быть карликом,— сказал однажды он,—
Чтоб вечно жить на свете!» Милый мальчик,
Ты не остался карликом, ты стал
Высоким, тонким, словно юный тополь.
Ты вырос и душой: всё выше, выше
Восходишь по ступенькам школьных знаний
И всё смелее, слаще и нежней
Поет твоя отзывчивая скрипка
В нарядном зале Дома пионеров.
И осенью, вернувшись из деревни,
Ты по царапине на раме ширмы
Спешишь узнать, на сколько ты подрос
За дни каникул. Или понял ты,
Почувствовал, что жить на свете — значит
Стремиться ввысь, как травы и деревья,
К пылающему сердцу жизни — солнцу?

1940

180

Мягкая голубизна рассвета —
Это сны сгустились над землей.
Чистым снегом улица одета
И повита ласковою мглой.

Закрывают фонари устало
Очи натруженные свои.
Как синё, как тихо в мире стало!
Всё застыло в чутком забытьи.

183

Снег иль цвет одел деревья пышно?
За окном январь стоит иль май?
Весь в зеленых молниях, неслышно
Проплывает сказочный трамвай.

Ранние прохожие как тени
В снежную уходят синеву.
О, пора волшебных наваждений,
Смутных сновидений наяву!

Но сереют утренние краски,
Отцветает снежная сирень.
Только миг — и нет волшебной сказки,
В окна входит ясный, трезвый день.

Рушатся сугробы под лопатой,
И глядит несмело с вышины
Диск ущербный, лик голубоватый
Утомленной призрачной луны.

1941

181. ЛИЦО ЗЕМЛИ

Долго шли мы сечами, полями.
Ветерок трепал вихры овса.
Хмурыми широкими бровями
Синие вдали сошлись леса.

Как морщинка тихой, долгой думы,
Пролегла лощинка по полям.
На холме под лиственные шумы
Прислонились избы к тополям.

В молодом порыве ты сказала:
«Милая земля!» И вдруг, припав
К холодку тропы, поцеловала
Шелковинки придорожных трав.

Красота родных раздолий с детства
Дорога нам, но и до сих пор
Мы не можем вдоволь наглядеться
На широкий северный простор.

Любим зиму, радуемся лету,
Росту злаков, ягод и грибов.
И утратим только с жизнью эту
Теплую и верную любовь.

1941

182. ПУТЬ

Раскосый всадник погонял коня.
Влекомые натянутым арканом,
За ним, бессильно головы клоня,
Бежали пленники. Далече за курганом
Осталась родина. В поганую Орду
Вела степная пыльная дорога,
Уж много дней вела внучат Дажь-бога,
Плененных россиян, на горе и беду.
Чернели на пути обугленные веси,
Был выжжен сад и вытоптан посев,
И звери выходили, осмелев,
На запах мертвечины из полесий.
И синий ворон, вскинув клин крыла,
С расклеванного поднимался тела.
Под сердцем пахаря убитого блестела
Пернатая татарская стрела.
Тяжка была монгольская неволя,
Но не согнулся богатырь-народ
И сквозь века пришел путем невзгод
К победным стягам Куликова поля.
Сберег он русской речи серебро,
Свои обычаи, свои поля и гумна,—
И горе тем, кто посягнет безумно
На жизнь его, свободу и добро!

1941

183. В ДОРОГЕ

Всю летнюю ночь не гасла заря над полями,
Всю летнюю ночь ты глаз ни на миг не сомкнула.
Всё льнула к окну летевшего в сумрак вагона,
Сама, как заря, светясь, разгораясь мечтами.

Метелью в окне метались багряные искры,
Мелькали кусты, бежали столбы телеграфа.

В ту летнюю ночь была ты счастлива, как птица,
На синий простор сменившая тесную клетку.

Июньский рассвет застал нас в лесу на дороге.
Как пахло вокруг листвой молодой и росистой,
Как бодро мы шли под рокот и свист соловьиный
По мокрой траве навстречу встававшему солнцу!

1944

184. ВОЛГА

Славно пахнут пристани на Волге —
Просмоленным деревом, пенькою.
Разливные песни пароходов
По воде разносятся далёко.
Летний день сиял горячим солнцем,
Овевал прохладным, влажным ветром.
С паровой палубы, открытой
Солнцу, ветру и речной прохладе,
Мы смотрели в дремлющие дали,
В марево полуденного зноя.
Уж давно ушел из глаз гористый
Кинешемский берег. Обгоняли
Мы плотов смолистых вереницы
С бородатыми богатырями
Из лесного сумрачного края,
Где таятся лоси и медведи.
Как за гусем серые гусыни,
Плыли за буксирным пароходом
Грузные, медлительные барки
С домиком игрушечным, с хозяйкой,
Там и сям развесившей на солнце
Мокрое белье. Бежали снизу
Нам навстречу по стеклянной глади
Праздничные белые громады,
Шелком расстилая за кормою
Длинную волнистую дорогу.
С криками за ними гнались чайки
И в струистой отражались влаге.
У Николы-Меры по дощатым,
Низко прогибающимся сходим,
Торопясь, сошли на берег бабы
В разноцветных ситцевых платочках,

С узелками, с сумками, с мешками,
Мальчик с книжкой, девочка с корзинкой
И сухой, кирпично загорелый
Дед с косой, завернутой в тряпицу.
И опять, опять тянулись мимо
Бархатные мели, перекаты,
Красные береговые кручи,
Узкие глубокие овраги
С темной хвоей островерхих елок,
С белизной березнячков сквозистых,
Восходящих по отлогим склонам
На холмы, покрытые травой.
И опять сменялись деревеньки,
Луговины с круглыми стогами,
Мальчуганы с удочками, лодки,
Пристани, стада у водопоя.

Уж и Решму миновали. Где-то
Впереди, за мглой зовущей дали,
Затаился Юрьеvec-Поволжский
С тихой Унжей, скрытницей лесною.
Хороши вы, города Поволжья!
Сказкой вы встаете из туманов.
Летним утром, в легкой синей дымке,
Вы полны мерцанья золотого,
Ожерельем огоньков манящих
Светитесь вы в сумерках закатных.
Хороша ты, труженица Волга,—
Заревой румянец, золотые,
Вольно разметавшиеся косы,
Грудь высокая — волна крутая,
Белые туманы — сарафаны!

Небо было чисто, волны — сини.
На лугах, на островах зеленых
Убирали молодое сено,
И ласкавший наши лица ветер
Веял ароматом сенокоса,
Медом васильков, а нам казалось:
Это запах васильково-синей,
Величаво движущейся влаги,
Это волны Волги обернулись
Синими душистыми цветами.

1944

185. МАРКОВНА

Тяжел был путь неведомый. Угрюма
И холодна Сибирь. Едва брела
Подруга протопопа Аввакума.
Упала и подняться не могла.

«Доколе, протопоп, нам эта мука злая?»
— «До самой смерти, Марковна!..» С трудом
Она встает и говорит, вздыхая:
«Добро, Петрович, дальше побредем!»

Летели годы, бушевали вьюги.
И тысячами славных русских жен
Был облик Аввакумовой подруги
Во всем его величье повторен.

И ты хранишь его черты, родная,
И ты, любовью жертвенной полна,
Мужаешься, горя и страдая,
Как та, душою стойкая жена.

1944

186. ТЕНЬ

Тень далекой могилы, как ночь, осенила
Нашу жизнь, наши думы и сны.
Бедным холмиком высится эта могила
Над дымящимся следом войны.
Мы придем преклонить перед нею колени,
Припадем в тишине на траву.
Милый облик нам светит в стране сновидений,
Не обнимем его наяву.
Не увидим сияющих глаз, не расспросим
О войне, о чужой стороне.
Уж не радует нас златокошая осень,
Полны грусти леса по весне.
Длится бой на планете, упорный, жестокий,
Даль бушует кровавой волной,
И зовет нас могильный бугор невысокий
В древний край, опаленный войной.

1944

Переключка писем в край из края,
 Страх, надежды — всё оборвалось.
 Лишь осталась нам перевитая
 Синей лентой прядь его волос.

Не звучать осиротевшей скрипке
 В милых, гибких и худых руках,
 Не сиять застенчивой улыбке
 На невинных молодых устах.

Но не надо нам тоской томиться
 И хранить в глазах ее печать.
 Светлыми любил он наши лица,
 Не велел в разлуке нам скучать.

Он всегда и всюду будет с нами,
 И всегда, везде мы будем с ним.
 Он придет с изменчивыми снами,
 Всколыхнет воспоминаний дым.

Смутны сны, воспоминанья зыбки,
 Но всегда нас будут озарять
 Тихие лучи его улыбки
 И волос рассыпчатая прядь.

1945

188. МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

Всю любовь ты отдавала сыну,
 Им одним дышала и жила.
 В трудную годину
 Сына ты отчизне отдала.

Вещим сердцем вдаль к нему летела,
 В незнакомый край, в военный стан.
 Оградить свое дитя хотела
 От лишений, от невзгод и ран.

И когда тебя, как нож, пронзила
 Траурная весть,
 Где нашла ты силу
 Горе перенести?

Как пережила ты
Ночи одинокие, когда
Сердцу сквозь отчаянье утраты
Не светила ни одна звезда?

Не спала ты — думала о сыне.
Был не смят подушек снеговой сугроб.
Чудилось тебе, что посредине
Мглистой комнаты белеет гроб.

Тихие таинственные звуки
Наполняли спящий дом.
Виделись тебе худые руки,
Сложенные на груди крестом.

Видела ты мальчика в шинели,
Братскую могилу... Далеко она!
Медленно синели
Щели затемненного окна.

Всё смелее лил лучей потоки
Мартовский рассвет.
Ты читала милых писем строки,
Без конца смотрела на портрет.

Днями ты к еде не прикасалась,
Утешенья не было нигде.
Только снова, снова ужасалась
Ты своей беде.

Не убила страшная невзгода
Сил души взволнованной твоей.
Стойкая видна в тебе порода
Терпеливых русских матерей.

Всё перенесла ты.
Знала ты, что жить еще должна,
Что под крестной ношею утраты
Никнешь не одна.

Где лекарство для души скорбящей?
Пусть трудом овейные дни
Принесут покой тебе бодрящий,
Пусть смягчат печаль твою они.

Хорошо над грядками склоняться,
Молодые пестуя ростки.
Хорошо щекою прижиматься
Хоть к котенку в черный час тоски.

Ты иметь ребенка уж не чаешь,
Но, быть может, радость обретя,
На дорогах жизни повстречаешь
Матери лишенное дитя.

И лучами ласки
Ты согреешь детство сироты.
Снова вспомнишь песенки и сказки,
Что, бывало, складывала ты.

Добротой и нежностью богаты
Для любви раскрытые сердца.
Матерью была ты,
Матерью и будешь до конца.

1945

189

Ветры марта, весны запевалы,
Свой гулкий запев завели.
В облаках засквозили провалы,
Синевой, бирюзой зацвели.

Потемнели тропинок ухабы,
А сугробы спят белизной,
Знаешь, эта весна была бы
Двадцать первой его весной.

С болью в раненом сердце мы встретим
Ее отрадный привет.
Не прожить человеку на свете
Без тяжелых утрат и бед.

1945

191

В желтом шарфе, в желтых бусах,
 Кареглаза, смуглорука,
 Ты испаночкой ходила
 По дорогам городским.

Рядом шел твой славный мальчик
 С удивленными глазами,
 С бархатисто-темной кожей
 Опаленных солнцем плеч.

И прохожие глядели,
 Как ты к сыну наклонялась,
 Как светила тихим счастьем
 Материнства своего,

Блеском шарфа золотого
 И приветливой улыбкой —
 Лучезарным отраженьем
 Женской любящей души.

1945

191. РЯДОМ С НЕЮ

Е. К. Семенов

На фронте, в сугробах Смоленщины,
 Ему привелось умирать.
 Хорошая русская женщина
 Склонялась к нему, как мать.

Ей горе слезою непрошеной
 Бессонный туманило взгляд.
 Лежал он, как цветок подкошенный,
 Неведомый мальчик-солдат.

Не раненный, не контуженный
 Палящей волной огневой —
 Попал он смертельно простуженный
 К ней в госпиталь полевой.

Спасти его было уж нечем.
 И кто бы тут мог помочь?

Нездешней печатью отмечен
Он был среди живых в эту ночь.

Дышал он почти до рассвета.
Сидела она, грустя,
И всё ей казалось, что это
Страдает ее дитя.

И бережно очи закрыла
Она ему тонкой рукой,
А утром его проводила
В дорогу на вечный покой.

И близким его написала,
И в сердце своем нашла,
Врачуя их боль, немало
Участия, ласки, тепла.

И лучше ее, роднее
С тех пор у них нет никого.
Им видится рядом с нею
Любимый облик его.

1947

192. ГОРОД В ПОЛЕ

Поля, волнистые поля.
В полях белеет Юрьев-Польский.
Не раз о крепь его кремля
Хлестал степной прибой монгольский.

Не раз из пепла он вставал,
И рос, и ширился упрямо.
Чего не видел древний вал,
Ровесник низенького храма!

Былой оплот земли родной,
Восьмивековый русский город,
Он жизнью с ней живет одной,
Ее он молодостью молод.

Кто добивается побед
В борьбе за хлеб? Он, Юрьев-Польский.

В его делах, пускай он сед,
Задор вскипает комсомольский.

Поют фабричные гудки,
Стоят ткачихи за станками,
Везут зерно грузовики,
Набиты доверху мешками.

Горит на площади базар
Горшками, яблоками, ситцем.
Густая, черная, как вар,
Прилипла грязь к колесным спицам.

С утра подводы в городок
Катились то с горы, то в горку,
Хромая в колеях дорог
И бормоча скороговорку.

Столбы шагали вдоль шоссе
Среди пшеницы, льна и гречи.
Травинки искрились в росе,
Ветряк махал крылом далече.

Но вот дорога под уклон,
И над волнистою равниной,
Как остров в море, вырос он —
Пригожий городок старинный.

1947

193. ВЛАДИМИР

Князь Андрей вернулся в свой Владимир.
Вместе с ним из Киевской земли
С матерями, с батьками седыми
Новоселы-парубки пришли.

Высоки владимирские горы,
Глубоки на Клязьме омута,
Сумрачны заклязьминские боры —
В них и днем, как ночью, темнота.

И переселенцы вспоминали
Солнечную Киевскую Русь,
Где они родились, где знавали
Труд, и радость, и любовь, и грусть.

Нет, ничем из памяти не выбить,
Как весной цветет вишневый сад,
Как течет серебряная Лыбедь
Мимо светлых киевских палат.

Принесли с собою киевляне
В дар тебе, лесная сторона,
Южных рек и городов названья
И садов вишневых семена.

Дома их водой поила Лыбедь.
Тут река другая, но и тут,
Чтобы край суровый разулыбить,
Лыбедью они ее зовут.

В Киеве — Ворота Золотые,
Быть Воротам Золотым и здесь,
И сады вишневые густые
По горам над Клязьмой будут цвести.

Рядом новоселы срубы срубят,
Печи сложат, избы обживут,
Север неулыбчивый полюбят
И его отчизной назовут.

1947

194—196. В СМЕНЕ ЛЕТ

1

Свежа, улыбчива, юна,
В своем девическом расцвете
Тогда казалась мне она
Милее всех на целом свете.

Не по садам наш путь прошел,
Не по цветам она шагала:
К корытугнулась, мыла пол,
Искать мне слово помогала.

Но пусть года стремглав летят,
Ты, старость, не грозись, не шамкай —
Всё тот же я встречаю взгляд,
Ее щека всё с той же ямкой.

Ты видишь красивые, странные сны,
 То смутны они, то так ярки, ясны.
 Однажды, как в жизни, увидела ты:
 В руках у тебя увядают цветы.

Отец твой текстильным художником был,
 В цветы он фабричные ткани рядил,
 И дочери, верно, в наследство даны
 Глаза живописца и вещи сны.

Ты любишь разглядывать лица других,
 Их чувства угадывать, думать за них.
 Так смотрит художник, рисуя портрет,
 Искусства лучом озарен и согрет.

И если б не ты, не сложился бы стих
 И не было б строчек твоих и моих.
 Суровую явь наряжая в цветы,
 Проходишь по жизни художницей ты.

Мы с тобой — совсем бродяги:
 Нам бы лишь леса,
 Ледяной родник в овраге,
 Тропка средь овса.

Мы с тобой — совсем цыгане:
 Спать бы нам в стогу,
 Жечь костер в ночном тумане
 На сыром лугу.

И не надо нам богатства,
 Лишь бы в смене лет
 По дорогам любоваться
 Нам на вольный свет.

1958

В. Г. Семёновской

Всё бы шли мы с тобою да шли
По раздольям заволжской земли,
Где когда-то Островский ходил,
Где он дружбу с народом водил.
И не зря полюбил он навек
Прелесть этих оврагов и рек.
Хорошо на просторе дорог
Услыхать костромской говорок,
По обычаю давних времен
Отдавать незнакомым поклон.
Отдыхать под кустом в холодке,
На обросшем грибами пеньке.
Опаленные летней жарой,
Мы идем по тропе луговой,
А в зеленой тени ивняка
Косу синюю моет река.
Будто башенных стен яруса,
Над лесами синеют леса,
В их глуши — кукованье и мгла.
Там Снегурочка, верно, жила.
Вон, коров собирая под ель,
Сел с жалейкой пастушеской Лель.
Соснам видится сам Берендей,
Вяжет сказки туман-чародей.
Овекает лицо ветерок,
Манят пыльные свитки дорог.
Мы проходим то бродом реки,
То среди нив, где цветут васильки.
В старом парке густые кусты
Раздвигаясь взволнованно ты.
Ищешь в них, на земле, у воды
Легконового детства следы.
Тени прошлого в сердце плывут.
А дороги зовут, всё зовут.

1958

198. ИНЕЙ

Сменив туман, волшебник иней
Одел бульвары и сады:

Не пожалел ни пены синей,
Ни искр алмазных, ни слюды.

Он в пух серебряный оправил
Воздушных струн живую сеть,
Парчовым поясом заставил
Антенну в воздухе висеть.

И проводов седые струны
На зимнем небе, вдалеке —
Как белый грифельный рисунок
На черной аспидной доске.

1958

199. СУМЕРКИ

За окнами сумерки снежные.
Как сини, как мягки они!
В снегах зачернели прохожие,
В домах зажелтели огни.

Мы смотрим в вечерние сумерки.
Туда мы пошли бы с тобой —
В задумчивый вечер сиреневый,
В пленительный мир голубой.

Но вспыхнула в комнате лампочка —
И меркнет, темнеет окно.
Вечерним сиреневым сумеркам
Цвести так недолго дано!

1958

200. ПЕРЕД ВЕСНОЙ

Тихо на пригреве, хорошо!
Снег блестит, как борный порошок.
Ледяные искорки на нем
Разноцветным теплятся огнем.
Но в картавом карканье ворон,
В посветлевшем небе над двором,
В бахrome сосуллек — всюду есть
Обновленья радостная весть!

1958

201. ЖУРАВЛИ

Полный доверху сладкого сока,
Лес в дремотном стоит забытьи.
Журавли затрубили высоко:
Знать, почуяли гнезда свои!
Мчится к северу клин журавлиный
И сочувственно слушаю я,
Как курлыкает он над равниной,
Возвращаясь в родные края.

1958

202. ПОЛЫНЬ

Мой стол украшен не цветком —
На нем стоит полынь сухая,
Полями, солнцем, ветерком
Как будто всё благоухая.

Я за рекой нашел ее,
Бродя по взрытой луговине,
И в этот день принес в жилье
Седую веточку полыни.

Вдохни полынный аромат,
Хоть горький, но такой приятный,—
И, житель городских громад,
Ты зов полей услышишь внятный!

1958

203. ЗЕМЛЯ

Ты любишь слушать за селом
И крики пастухов,
И лай собак, хранящих дом,
И пень петухов.

С тем морем звуков ширь земли
Теплее и родней:
Она звенит вблизи, вдали,—
То жизнь звенит над ней.

И не страшит тебя ничуть
Зеленый бугорок,
Который встанет где-нибудь,
Когда настанет срок.

Как будто, лежа там, в земле,
Весной по ветерку
Ты вдруг услышишь, как в селе
Звенит «кукареку».

1958

204. ЯРОСЛАВЛЬ

Скажи: Ярославль — и в груди загудит
Торжественный благовест медный.
Он девять столетий на Волгу глядит,
Дитя старины заповедной.

Не стерли века ни мечом, ни огнем
Тот город, взнесенный высоко,
И бархатным ропотом слава о нем
Плыла над Поволжьем далёко.

Но стоит веков восемнадцатый год:
Грозой потрясала осада
Окопы над Волгой, восстанья оплот,
С ним — стены старинного града.

Осыпала звезды с лазоревых глав,
Над медью церковей провизжала,
Но, древнюю нашу красу расплескав,
О правде и счастье вещала.

И смута смирилась. Развеян мятеж,
Как пепел сожженной соломы.
Лишь раною светится каждая брешь,
Лишь язвами ноют проломы.

Я был на погосте размолотых стен,
В гробницах строений разбитых,
Я видел покорность захваченных в плен
И сон мертвецов незарытых.

Стоял над притихшей речной шириной,
Глядел в заревые туманы,
А Волга лизала кровавой волной
Изрытого берега раны.

1918, 1958

205. ОБЕЗЬЯНКИ В ЗВЕРИНЦЕ

Лицом похож он на ребенка
И на больного старичка.
Из клетки тянется ручонка
Затосковавшего зверька.

Терпя суровую разлуку,
От милых сердцу отделен,
Сквозь прутья к ним всё тянет руку,
Всё чьей-то дружбы ищет он.

Всё шарит он рукой, всё водит,
И чья-то ручка в свой черед
Ту руку в воздухе находит,
Берет и крепко-крепко жмет.

1958

206. КУКУШКА

Кукушек грустный перезвон
С зеленых колоколен льется,—
То затуманен далью он,
То где-то рядом раздается,

И жизнь моя встает как сон
Под кукованье невидимки,
Под этот грустный перезвон,
Плывущий из весенней дымки.

25 марта 1958

207. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

За туманом зря золотистая
Далека, далека, далека,
Горько пахнет береза росистая,
Зеленеет фонарь светляка.

Льется вдаль неустанная Молохта,
От зари розовеет вода,
И глядишь на закатное золото,
Как глядел в молодые года.

1958

208. ИВАН-ДА-МАРЬЯ

По краю позабытого проселка
Цветет иван-да-марья. На Иване
Кафтан из фиолетового шелка,
А Марья в новом желтом сарафане.

Цветов пунцовых зыбкими огнями
Дорогу пешеходу озаряя,
Встал иван-чай над хворостом и пнями
На порубях Ивановского края.

С полями перекликнулись, с лесами
И русских сказок вечные обманы,—
Живут в них Марьи с синими глазами,
Удачливые действуют Иваны.

А называли те цветы и травы
Почти на половине полушарья
И складывали сказки для забавы
Опять они, опять Иван да Марья.

1958

209. ЧЕРЕМУХА

Ой выхлещи, ой выпени
Всю силу жизни, май!
В черемуховой кипени
Лесной дороги край.

Такая снежно-чистая,
Вся в серебре кистей,
Черемуха душистая
Зовет к себе гостей.

Гляжу я с грустной радостью
На лепестковый снег,
Черемуховой сладостью
Не надышусь вовек.

И лишь вдохну медвяную
И терпкую волну,
Я вспомню про туманную
Далекую весну.

1958

210. ПОЕЗДА

Как в детстве, мы весело машем
Бегущему поезду вслед —
Счастливым, к окошкам припавшим,
С тропы посылаем привет.

Как в давние дни, до сих пор мы
Под говор тяжелых колес
Считаем вагоны, платформы,
Что тянет силач паровоз.

Кричат поезда: «До свиданья!»
Бегут, за собою маня.
Разъездов и станций названья
Как песня звучат для меня.

Люблю я дорожную скуку
Раздумьем да сном коротать.
Колесному в лад перестуку
Забывшие строки шептать.

Глядеть, как в окошке кружится
Лесов и полей карусель,
Как мчится столбов вереница
И дым задевает за ель.

Дождями сквозь солнышко моясь,
Навстречу медвяным ветрам
Крылатый, сияющий поезд
Летит по долам, по горам.

И сердце мое встрепенется,
Когда, грохоча и звеня,
Он мимо меня пронесется
И снова поманит меня.

Как будто на полке вагонной,
Над глянцем обжитой скамьи
Оставил с газетой прочтенной
Я лучшие годы свои.

1958

211. РУБАШКА

Сколько лет над ним цветут ромашки!
Нет его, хозяина рубашки,
А сама рубашка всё цела,
Человека вещь пережила.
Вот она, из жесткой ткани сшита.
Видны в ней черты другого быта.
Не было замены ей тогда,
В скудные и трудные года.
Всё ж она ему прикрыла тело
И, быть может, в стужу грела,
Он ее берег и, жизнь любя,
Не сберег лишь самого себя.
Для войны мы мальчика родили.
Как бы мы теперь его рядили,
Если б с дальних фронтовых дорог
Он вернулся на родной порог.

1958

212. СКАТЕРТЬ

Вяжут белую скатерть снежинки,
Покрывают замерзшую грязь.
Застылают ухабы, тропинки,
Стаей бабочек зыбко кружась.
Плотно скатерть пушистая ляжет
На поля, на леса, на дома,
Пляшут снежные бабочки — вяжет
Серебристую скатерть зима.

1958

213. ЗВЕЗДЫ

Холодные вечные звезды,
На северном небе ночном
Мерцаете вы над снегами
Негреющим дальним огнем.

В своем златотканом убранстве,
В нетленных венцах из лучей,
Вы так равнодушны и глухи
К страданиям и мукам людей.

Мерцает, горит бесконечность,
Огнями созвездий горит,
А сердце томится тревогой,
Всё бьется оно, всё болит!

1958

214. ГОД

КРЕСТЬЯНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

В приметах великоросса — и его метеорология, и его хозяйственный учебник, и его бытовая автобиография; в них отлился весь он со своим бытом и кругозором, со своим умом и сердцем...

В. О. Ключевский

Наукой ум вооружая,
Полей колхозных мастера
Ведут по пашне трактора,
Собирают жито урожая.
Не зря старался агроном,
Чтобы в положенные сроки
Отборным, наливным зерном
Обсеменился дол широкий.
Барометр скажет косарям,
Какой назавтра ждать погоды,
И бабы холят по дворам
Скотину непростой породы.
Не этак жили в старину:
Не озарял науки гений
Труда крестьянских поколений —
Сохой пахали целину.

В борьбе с природой своенравной,
Борьбе упорной и неравной,
В лесах, у речек и болот,
Под ропот волн, под гул дубравный
Жил и работал наш народ.
Среди невзгод, среди лишений
Весь годовой круговорот
Своих привычных дел, забот
И наблюдений, размышлений
Облек он, пахарь и поэт,
В слова хозяйственных примет.

Не находя вокруг подспорья
В своей борьбе, в своей судьбе,
Заставил он служить себе
И Спиридона, и Егорья.
И к именам календаря
Он привязал свой быт домашний,
Свой богатырский труд над пашней,
Заботы, радости, горя.

1

Еще сугробы у ворот,
А солнце тучами одето,
Но Спиридон-солнцеворот
Уж повернул его на лето,
А зиму двинул на мороз.
Рад Афанасий-ломоносо!
Но миновал январь. Пред светом
Бежит испуганная тьма —
И вот на сретенье зима
С пригожим повстречалась летом.
Федул подул. И Власий в срок
Сшиб у зимы железный рог.

2

Плющит сугробы настом-пластом
Авдотья Замочи-подол.
Герасим с солнышком вихрастым
Из теплых стран грачей привел.

А сорок мучеников добрых
Пригнали сорок новых птах
И сорок утренников бодрых
Выковывают на полях.
И уж овсянка спозаранку,
Встречая красных дней теплынь,
Поет веселую веснянку:
«Кинь санки, а телегу вынь!»
В апреле, на того ли Пуда,
Ты пчел достанешь из-под спуда.
Пора! Вон Иов-росеник
Кропит цветочный половик.

Весна, тепло. Но что там? Слушай,
В полях поет рожок пастуший.
Егорий вешний со дворов
Ведет на пастбище коров.
Средь зеленеющего дола
За ним коней погнал Никола.
Пришел и светлый Епифан.
Коль утром ал его кафтан,
То жди засушливого лета —
Давно по селам знают это,—
А если Сидоры пришли,
То, значит, сиверы прошли.

Май на ущербе. Пред Аленой
Не опоздай посеять лен.
Коли успеешь, будет он
Длинней косы ее хваленой.
На Василиска мужики
И сеять и пахать боятся:
«Посеешь хлеб, а уродятся
На ниве только васильки!»
Когда Евтихий тих, то знай:
Обилен будет урожай.
Пришла Федосья —
Во ржи колосья.
А вот и мученик Устин —
Меж маем и июнем тын.

Настало лето. На Кириллу,
 Зеленокоса и смугла,
 Земля всю ярь свою, всю силу,
 Как дева, солнцу отдала.
 Уже по знамениям неба,
 По тимофеевским огням,
 Гадают деды, даст ли нам
 Питательница-нива хлеба.
 И вот Федот тепло дает —
 В колосья золото ведет.
 Пылает солнце. Петр-силач
 Поворотил его, как мяч,
 На ночи зимние, глухие,
 А лето — на жары сухие.
 Июнь в разгаре. Елисей,
 Трудолобивый гречкосей,
 Идет в поля. Густа гречиха.
 За ним пришел пророк Амос —
 Заметней в рост пошел овес.
 В лесу на Тихона всё тихо.
 Зосима сборщице-пчеле
 Цветы возвращает за цветами.
 Давид успел разжечь устами
 Цвет земляничный по земле.
 Петровка-голодовка где-то
 С сумой под окнами стоит.
 Июнь сгорел. Макушка лета
 За прясло к пахарю глядит.
 Кузьма-Демьян пришли. Крестьяне
 Косить луга пошли чуть свет.
 На Марфу князь-овес в кафтане,
 На грече и рубашки нет.
 Тиха, ясна заря на Прокла,
 А поле от росы промокло.
 Блестит в росе коса твоя.
 Кто до Ильи стога поставил,
 Тот в сене меда пуд оставил.
 Пришел Илья — принес гнилья.
 Вот он, Громовник, буйно мчится
 На колеснице огневой,
 И громыхает колесница
 По синей туче грозовой,

Как по булыжной мостовой.
С Ильи за серп скорей берися —
День лета кормит целый год, —
А на Бориса тот, кто жнет,
От гроз палючих боронися.
На Финогея всей Руси
Глядеть на солнце в небеси.
Гляди и ведрышка проси.
Гадай про осень по Макридам.
Мокра Макрида — значит, жди,
Что в поле, тучами покрытом,
Начнутся осенью дожди.
Макрида выдалась сухая,
Знать, осень будет золотая.
Но вот и август. Первый Спас.
Их три в календаре у нас:
Медовый, яблочный да житный.
Спас — для всего он жданный час.
С ним сад плодов тебе припас,
Печь угостит оладьей сытной.
С Успенья солнце что ни ночь,
То дольше стало засыпаться.
В реку ступил олень. Купаться
Уж и неробкому невмочь.
Настал и праздник лошадиный.
Недаром старый конюх Флор
С кнутом по табуна прошел,
С ним — Лавр, помощник, друг старинный,
Коней, изломанных ездой,
Друзьям купать, лечить водой.
День стал короче. Петр-и-Павел
На целый час его убавил.
Владыка бурь, Илья-пророк
С собой два разом уволок
Под гром раскатистый колесный.
А ты, Иван с прозваньем Постный,
Ты три часа у дня в свой срок,
Как говорят в народе, «порснул».
Но дню и дальше убывать.
Не зря Миронам-ветрогонам
Пришлось стонать по всем прогонам,
О красном лете горевать.
На сече с кочек обомшелых
Набрал в корзину ягод спелых

Брусничник Луп, а рядом Тит
Последний гриб в лесу растит.

4

Встречая осень, встал до света
Летопроведец Симеон.
В Семенов день обсеменен
Последний вспаханный загон.
Семен приводит бабье лето.
Деньки погожие суля,
Он золотит леса, поля
И радужные на травинки
Развешивает паутинки.
На Домну бабы разный хлам
Прибрали в доме. День Вавилы
Не люди празднуют, так вилы:
Стоят без дела по углам.
А в Луков день по огородам
Лук убирают всем народом.
Цветут последние цветы,
Опавший лист намок, заржавел.
Прошел Рябинник Петр-и-Павел,
Рябинам придал красноты.
Бегут с дождем, клоня кусты,
Федоры Замочи-хвосты.
Гусепролет Никита двинул
Гусей за солнышком, в отлет.
Савватий мед из ульев вынул.
Усталых пчел от непогод
В омшаник прячет пчеловод.

5

Но прожит и Покров. Землицу
Он то листом, то снегом крыл.
Мать Пелагея шьет голицы,
И Трифон шубу зачинил.
Зима, зима бредет в Россию,
Не зря прощались на Осию
Колеса с осью. Акиндин
Разжег бревенчатый овин,

Зато Пигасий
Уж солнце гасит
И стелет пух на грудь равнин.
Летят, летят снежинки с неба.
А много снега — много хлеба:
Коли зимой глубокий снег,
Насыплешь золота в сусек.

Прокоп дорожку прокопает,
А Катерина укатает.
По ней Егорий подойдет.
Трещат Варварины морозы,
Никола двинул в путь обозы,
А Спиридон-солнцеворот
Уже стучится у ворот.

1917, 1946, 1959

215. БОГОМАЗЫ

Жили со Спасом, с Николой —
В каждой избе — образа.
Палех со Мстёрой да Холуй
Ими снабжали базар.

Строгие постные лица
С шуткой писали дружки:
«Не пригодится молиться —
Бабы покروют горшки...»

Годы ушли за годами,
Гром всю Россию потряс.
Под вековыми пластами
Угль превратился в алмаз.

Предан искусства затеям,
Славы увенчан венцом,
Стал богомаз чудодеем,
Прежний поденщик — творцом.

1959

216. ЧАСТУШКИ

Кудрявые припевки
Меж делом, невзначай,
Слагают парни, девки,
А кто — поди узнай!
Они не сохранили
Имен творцов своих,
Под ними ни фамилий,
Ни прозвищ нет ничьих.
Где родились, давно ли,
Под крышей ли избы
Или в пути, на воле,
Как ягоды-грибы.
Среди полей, бывало,
Их пели рекрута,
Им горько подпевала
Гармошка-сирота.
Как бабочки-резвухи
Порхают по цветам,
Кудрявые частушки
Летают по устам.
Частушки-набирушки,
В почете вы везде:
В селе и в деревушке,
В поселке, слободе.

1959

217. ЛИСТ

Весна. Измят и неказист,
Пробиться к свету силясь,
Как узник из темницы, лист
Из тесной почки вылез.

И пусть вечерний воздух мглист,
Пусть небо дождик сеет,
Душистый, освеженный лист
Флажком над веткой веет.

1959

218. КОСТРЫ

Много сжег я в том лесу костров!
То сидел у огонька на пне,
То ходил, искал на сече дров,
Слов искал, и шли слова ко мне.

Нет пути-дороги мне туда,
Молодой не воротить поры.
Но через далекие года
Всё мне светят юности костры.

1959

219. МОРОЗНЫЕ УЗОРЫ

Какие узоры оставил
На стеклах художник мороз!
Какие цветы закудрявил,
Какими лесами вырос!

Когда же в окне заиграют
Горячего солнца лучи,
Кристаллы стекла засверкают,
Как знойные угли в печи.

Подсядет к столу мастерица
И сводит, бывало, с окна
Узор, что на нем серебрится,
На снежную гладь полотна.

1959

Жизнь, деятельность и творчество Авенира Евстигнеевича Ноздрина неразрывно связаны с родным городом Ивановом, где он родился 29 октября 1862 года. Тогда Иваново было еще селом и лишь спустя 10 лет, соединившись с Вознесенским посадом, получило статус города и стало известно как крупный промышленный центр Иваново-Вознесенск.

Отец Ноздрина, ярмарочный приказчик, умер рано. На руках у матери осталось шестеро малолетних детей. Жили в бедности. Сразу же после окончания земской школы Ноздрин должен был думать о приобретении профессии и поступил учеником гравера в фабричную мастерскую. По его словам, он стал «мастером среднего калибра», но, так или иначе, проработал гравером около тридцати лет.

Стремясь глубже познать жизнь, двадцатитрехлетний Ноздрин вместе с двумя товарищами предпринял обширное путешествие по городам и селам России. Пройдя пешком более 2000 верст, он близко познакомился с нуждой и бедствиями народа и убедился, что рабочие и крестьяне «горечь жизни... пьют из одного ковша»¹.

По возвращении на родину Ноздрин сближается с группой интеллигентов и становится участником нелегального просветительско-народнического кружка саморазвития. Его руководителем был сторонник «малых дел» Иван Осипович Слуховской².

Кружок выпускал рукописный журнал «Первые проблески», члены его организовали земледельческую колонию, которая вскоре вызвала подозрение полиции. Члены кружка, в том числе и Ноздрин, подверглись в июле 1891 года аресту и попали под гласный надзор полиции.

---

¹ Ноздрин А. Избранные стихотворения. Иваново, 1935. С. 143.

² Об И. О. Слуховском см.: Ноздрин А. Как мы начинали // Лит. наследство. М., 1934. Т. 15. С. 167—182; Малицкий Н. В. «Тайное общество» в Иваново-Вознесенске в 90-х годах XIX столетия // Труды Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения. Историко-революционный сб., вып. 3. Иваново-Вознесенск, 1925. С. 175—181.

В начале 1892 года Ноздрин переезжает с семьей в Петербург, где устраивается работать гравером на текстильной фабрике. Здесь он продолжает литературные занятия, начавшиеся еще в кружке И. О. Слуховского. В марте 1895 года Ноздрин начал переписываться с В. Я. Брюсовым, а в октябре несколько раз встречался с ним в Москве.

В архиве Брюсова (ГБЛ) хранится 213 стихотворений Ноздрина и рукопись сборника «Поэма природы», состоящего из 32 стихотворений. Этот сборник Брюсов предполагал издать. На рукописи есть разрешение к печати: «Дозволено цензурой 27 сентября 1896 г.»¹, рукой цензора перечеркнуто красными чернилами лишь стихотворение «На рождение Божьего сына...» Издание, однако, по неизвестным причинам не состоялось.

Материалы из архива Брюсова² позволяют по-новому взглянуть на творчество Ноздрина 80—90-х годов. В письмах и стихах Ноздрин предстает как рабочий интеллигент, человек ищущий и безусловно одаренный. Работая на фабрике по 11 часов в сутки, поэт-самоучка внимательно следил за новыми книгами, именами и течениями в поэзии, читал критические статьи и рецензии, стремился ко всему выработать свое отношение. Он вел дневник, регулярно посещал книжные магазины, приобретал нужную ему литературу. С полным основанием его можно отнести к тому «типу вполне интеллигентного человека из фабричных рабочих»³, о котором писал в конце XIX века Н. А. Рубакин.

Осенью 1896 года Ноздрин возвращается в Иваново-Вознесенск. На время отходит от литературных занятий: не пишет стихов в течение семи лет, вплоть до 1905 года. Продолжая работать гравером на одной из ситцепечатных фабрик, активно занимается пропагандой среди рабочих. Сближение с рабочими способствовало росту авторитета Ноздрина: в нем рабочие видели честного, преданного их делу человека, стоящего по своему общественно-политическому, нравственному и культурному развитию значительно выше других. Поэтому совсем не случайно в период летней политической стачки 1905 года рабочие избирают его депутатом, а затем и председателем первого в России общегородского Совета. Здесь Ноздрин работает в тесном контакте с такими видными деятелями большевистской партии, как

¹ ГБЛ. Ф. 386, к. 58, ед. хр. 9.

² Первое сообщение о них см.: Т я п к о в С. «Очень оригинальная поэзия». Рассказ об интересной архивной находке // «Рабочий край». 1983, 10 нояб. Письма Ноздрина к Брюсову подготовлены С. Н. Тяпковым для публикации в «Литературном наследстве». За возможность ознакомиться с рукописью выражаем ему благодарность.

³ Р у б а к и н Н. А. Этюды о русской читающей публике. Спб., 1895. С. 192.

Ф. А. Афанасьев, М. В. Фрунзе, А. С. Бубнов, С. И. Балашов и др. На посту председателя особую заботу он проявил о снабжении семей стачечников продовольствием.

О событиях революции 1905 года в Иваново-Вознесенске Ноздрин позднее рассказал в статье «Талка», вошедшей в сборник «1905 год в Иваново-Вознесенском районе» (1925). Талка — это река на окраине Иванова, где проходили собрания и митинги рабочих, и Талка, по словам поэта, стала своего рода «академией социалистических наук», «рабочим университетом».

Как председатель Совета Ноздрин был на гребне революционных выступлений, он вместе с рабочими пережил все перипетии борьбы. 3 июня вместе с другими депутатами он был арестован, но вскоре освобожден по требованию рабочих. В октябре 1905 года, после царского манифеста, «даровавшего свободы», в Иванове начались погромы, и Ноздрин, приговоренный черносотенцами к смерти, едва избежал расправы. Все его вещи, книги, весь архив были уничтожены. Сам Ноздрин вынужден был спастись бегством. Некоторое время он живет в Москве, затем в Рыбинске, Ярославле. В Рыбинске в 1906 году издает сатирический журнал «Дубинушка». Там он печатается под различными псевдонимами: А. В. Нир, Кудрявый и др.

По возвращении Ноздрина в 1907 году в Иваново-Вознесенск его арестовывают и ссылают на три года в Олонецкую губернию. После ссылки он не мог устроиться на фабрике и при помощи брата находит место в частной технической конторе, где служит страховым агентом, конторщиком и техником вплоть до революции 1917 года. Одновременно сотрудничает в журналах «Иваново-Вознесенская жизнь» и «Дым». В 1917 году после свержения самодержавия входит в общество «Искусство», издает сборник «Зеленый шум», привлекая к сотрудничеству Д. Фурманова, Д. Семёновского и других литераторов.

После Великой Октябрьской социалистической революции, которую он встретил восторженно, Ноздрин работает в газете «Рабочий край». В 1923 году местные власти присваивают ему звание Героя труда. С 1927 года — член правления МОПРА, один из инициаторов, строительства в Иванове интернационального детского дома.

Ноздрин всю жизнь интересовался театром, историей родного края, собирал книги, краеведческие материалы. Его перу принадлежат статьи по истории революционного движения и развития литературы в крае. Особое значение имеет статья «Как мы начинали», в которой по личным воспоминаниям рассказано о становлении пролетарской литературы.

В 1927 году Ноздрин издал первую книгу стихов «Старый парус», в 1935 году вышли «Избранные стихотворения». Поэт был активным участником литературного движения. Входил в кружок поэ-

тов при «Рабочем крае», редактировал литературное приложение к газете, входил в Иваново-Вознесенскую ассоциацию пролетарских писателей, состоял членом Союза писателей СССР с момента его основания.

В 1938 году 75-летний Авенир Евстигнеевич Ноздрин был незаконно арестован и погиб 23 сентября 1938 года, находясь под следствием.

220. В ДОРОГЕ

Снова я еду дорогой знакомой,
Уже дорога зимою в снегах...
Кутают избы в деревне соломой,
Щелкают окна в мужицких избах.

Съежилась наша деревня-смиреница!..
Едешь и видишь, кой-где изредка
Крыльями машет дощатая мельница:
Жалость в душе, а на сердце тоска!..

Как ты, родная, забита, унижена...
Я за тебя и по лету скорбел:
Нива твоя была солнышком выжжена,
Житель твой голоден и не у дел.

Продал скотину, ухаживать не за чем,
Дела искал — не нашел у купца...
Нету числа твоим болям и немочам,
Нуждам твоим я не вижу конца!

Первая половина 1890-х годов

221. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Опять я вижу: меж пригорков
Бегут звенящие ручьи
И извиваются проселков
Дороги в две, в три колеи.

И жив я родиною снова,
Во мне и плоть, и кровь ея,
И ничего здесь нет чужого,
Опять природа — мать моя!

И я с покорностью сыновней,
Как блудный сын, иду домой
И сознаю, что нет тлетворней
Разрыва с матерью-землей!..

Что в шумном городе нашел я?
Заводы, рабство бедняка,
Где у рабочих нет приволья
Степей широких, ветерка,

Где опечаленного века
Я слышал стоны каждый день,
Зубовный скрежет человека
И скрежет зубьев шестерень...

Шуми завод!.. Я новым шумом
Пленяюсь в поле озимых,
Я подхожу к родимым гумнам,
Встречаю близких и своих!..

Первая половина 1890-х годов

222

В царстве звезд благоустроенном
Унывающий наш мир
В своем виде неустроенном
Одиночествует, сир...

И с мирами, нам известными,
Не гостится еще он,
А живет своими, местными
Интересишками войн...

Первая половина 1890-х годов

223—231. ИЗ СБОРНИКА «ПОЭМА ПРИРОДЫ»

1

Во тьме ночной
По гребням волн
Давно скользит
Мой утлый челн.

Во тьме ночной
Давно твержу:
Куда? Зачем
Я путь держу?

Где гавань дня
Зари моей,
Святых небес,
Святых лучей?

Блеснешь ли ты,
Вздохну ли я,
Перед тобой,
Моя заря?

2

Осень злая, непокойная,
Наконец хоть день уведрила,
Ночь, старуха богомольная,
Миллион лампад затеплила.

Но за днями одинокими
Дни придут с отрадой вешнею,
И не блесками далекими
Озарится жизнь — а песнею.

3

Бежит Нева, дочь Ладоги,
Мы мчимся в челноке.
Семь красок яркой радуги
Отражены реке.

С проспектами и парками
Столица позади,—
С семью звездами яркими
Ночь блеска впереди.

Прекрасна в ночь Медведица,
Днем радуга цветов,
И им уж не соперница
Жизнь наших городов

С семью грехами смёртными,
Где люди в суете
Нейдут бесповоротными
Путями к красоте.

4

Мы робко с волною воюем,
Возможно ли здесь устоять,
Где буйный прилив неминуем,
А пристани нет, не видать!

Пособницей нашей разлуки
Волна торжествует так зло,
И тянут к нам призраки руки,
Из рук вырывают весло.

Сгущается мрак полуночи,
Во мраке звучат голоса,
Что я для тебя уж не кормчий,
Что ты — не мои паруса...

5

Посмотри — на речке прорубь
Замутил с горы ручей;
Слышишь, как воркует голубь
Над голубкою своей...

Нет! Зиме с весной не спорить,
Убежит, растает снег...
Только нам придется строить
Дальних плаваний ковчег;

Только нам грозит гоненье,
Как потоп... И где она,
Наша радуга спасенья,
Наша радуга — весна!?

6

Под напев былины
Дивной красоты,
Как цветок трясины,
Наклонилась ты...

О моя былинка!
Знать, перед тобой
Не лежит тропинка
Радости земной.

Вместо рос — с трясины
Пьешь отраву мхов...
Путь цветов долины
У твоих врагов.

Подождем немножко! —
Может быть, и к нам
Выйдет где дорожка
По живым цветам.

7

На рождение Божьего Сына
По звезде приходили волхвы,
Им светил прорицающий светоч
Из холодной небес синевы.

А по солнцу пришла в полном блеске
Вся в цветах золотая весна,
И распятого Божьего Сына
На кресте увидала она.

8

Крест двух дорог на пути мне встречается,
Крест над могилой в застенье кустарника,
Вижу, и мельницы крест возвышается,
Вижу и крест от котомки у странника.

И хороша здесь равнина зеленая,
Озеро в блеске лучей бирюзовое,
Это моя Русь родная, крещеная,
Царство крестьянина, царство крестовое.

9

Среди природы я дежурный,
За всем слежу, за всем смотрю.
Люблю я дня покров лазурный
И после бледную зарю.

Моя дежурка — мир громадный...
О, я величие люблю!
И только смерти беспощадной
Свой пост покорно уступлю.

1896

232. БЕСПОМОЩНЫЕ

Спи, родная, спи, беспомощной,
Я тебя тепло закутаю!..
Дай одной подумать вволюшку
Над твоей болезнью лютою.

Не могу взять в толк я, бедная,
Что за дни пришли несчастные?
То в знобу ты, то каленая, —
Помутились очи ясные.

Отчего, моя ты доченька,
К вешним дням так обессилела?
Как цветок повяла осенью,
Словно птичка обескрылела.

Бредишь ты. В бреду не радуешь,
Ни словечка утешения,
Запугали меня, горькую,
Твои страшные видения.

К лекарям не раз толкалася,
Их искавши сбила ноженьки.
Обещали, дочка, выехать,
Да, знать, нет для них дороженьки.

Не свое дитя... им плакаться
Нет нужды по нам из жалости,
Им от нас-то взять ведь нечего.
К нам дорога — путь не к старосте.

Спи, родная, спи, беспомощной,
Я тепло тебя закутаю!..
И сама я занедужила,
Знать, твоей болезнью лютою...

1897

233. СТАРЫЙ ПАРУС

Мои года, твои лета —
Несоответствие большое:
Ты светл, как юности мечта,
А я... а я — совсем другое!

От красоты в борьбе, в огне
Я не бегу и не чураюсь;
Попутный ветер будет мне —
Я разверну свой старый парус...

Я не стыжусь его заплат:
Его заплаты — испытанья...
Они, мой славный юный брат,
Моих седин завоеванья.

1912

234—240. ИЗ ЦИКЛА «В ГОРОДЕ ТКАЧЕЙ»

1

У ГРОЗНОГО ПОРОГА

Не нагладишься на луга,
Не налюбишься полями...
Они, поёмы-берега,
У Волги стелются коврами.

Но эта Волги красота
Стоит у грозного порога:
Иные тянутся места
И взор гнетет печаль-дорога.

То за работою пришли,
То просит хлеба рать бездомных.
Они в деревне не нашли
Приюта для людей голодных.

Теперь, бросая якоря,
Они хотят здесь задержаться...
В немолчном гневе волгаря
Порывам злобы не уняться.

Рев полных скорби голосов
Не может чутких не печалить,
И стон от волжских берегов
Уже не думает отчалить.

Ждать надо паводка, волны,
Грозы народного подъема:
Уж очень тяжек стон страны,
И слишком всех гнетет истома!

1898

2

СТАРЫЙ ГОРОД РАБОЧИХ

Город хилых, жалких хаток,
Город каменных палат,
Крепко запертых палаток
И церковных анфилад.

Твой хозяин сыт, доволен.
Ткач быть сытым погодит,—
То, что он совсем бескровен,
Для хозяина не стыд.

Он, владыка, рад притоку
Деревенских беглецов.
Рад их поту, крови-соку,
Рад он видеть в них рабов.

На «своих» он зубы точит:
Горожанин дерзок стал,
Разбирается рабочий
В том, чем дышит капитал.

1907

3

СМЕННЫЕ

Бьет десять... Шум ремней умолк.
Умолк и визг меж шестернями,
И не снует в станке челнок,
И нет ткача между станками.

моря (к. м. л. л.)
Дуэль Радина, Кора

6 Ул-Войсковая.

(Крыло на ^x крыльях ^x и ^x в. м. л. л.)
Хлеб ^x в. м. л. л.

{ Хлеб
в. м. л. л. }

С. В. Сидоров
 Сидоров

Сидоров

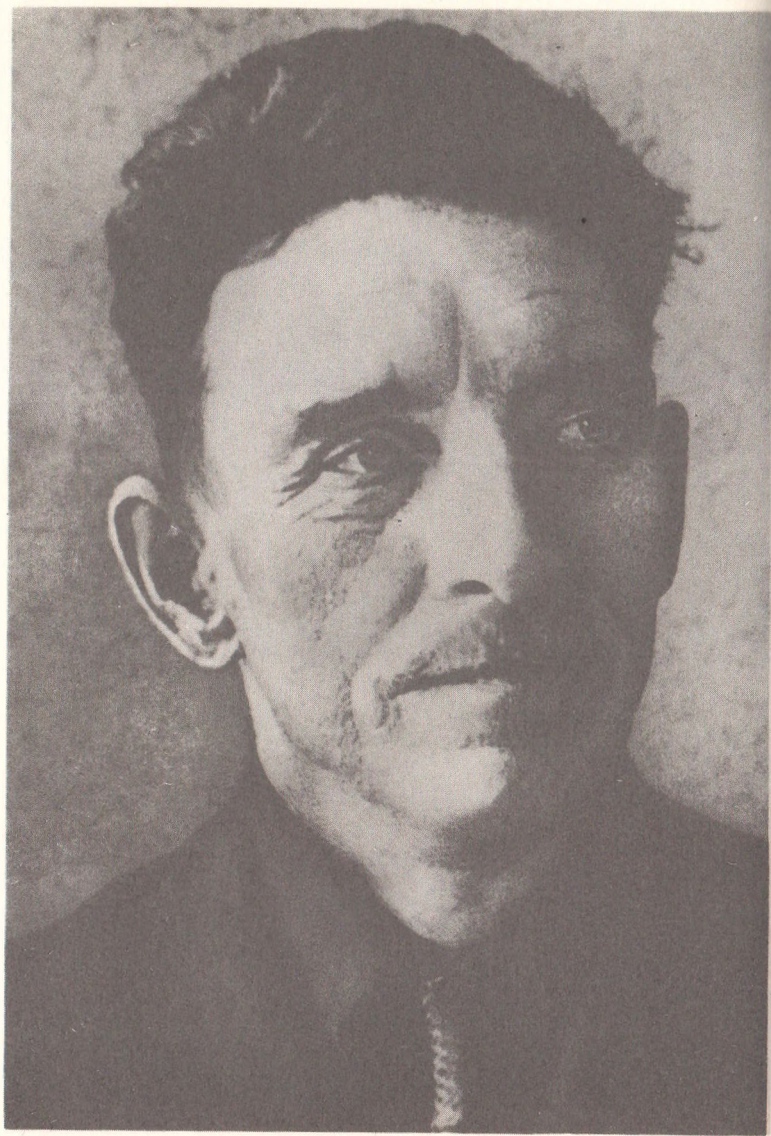
Сидоров
 М. Сидоров
 Сидоров

Сидоров

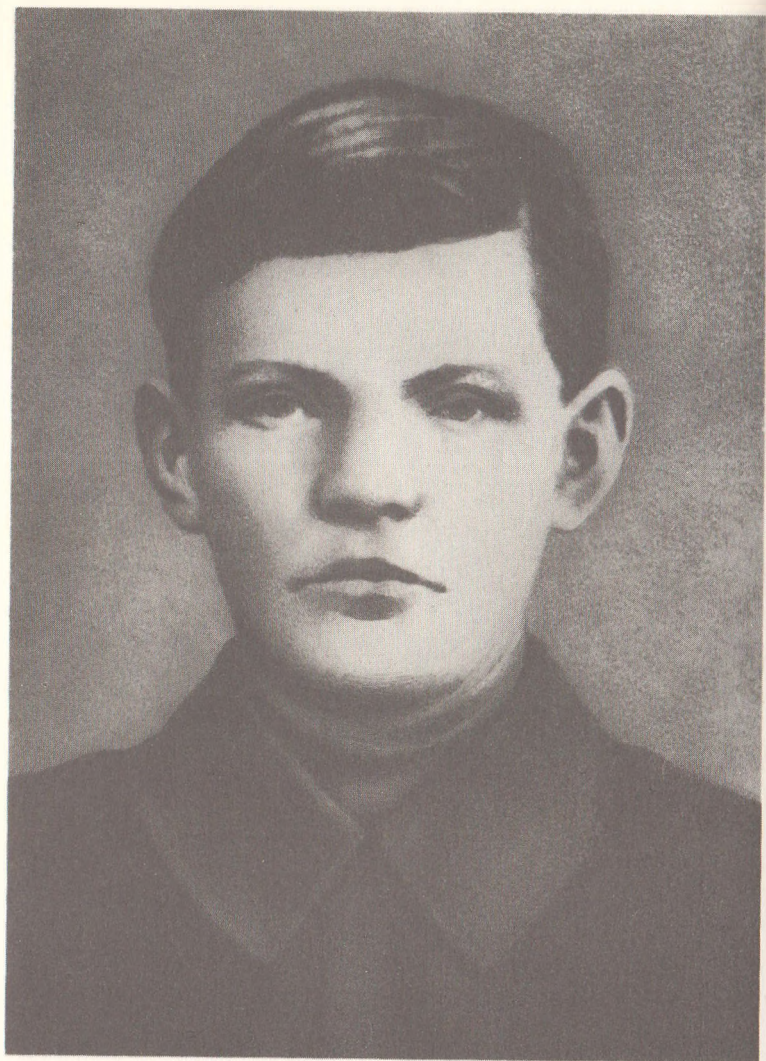

СНОП

ВРЕМЯ СВЯТЫХ

СОБЕСЕДНИК

ИЗВЕСТИЯ И ДИАЛОГИ

ПРАСЛАВЬ РУСИ

СТИХИ И ПЕСНИ

1978

НОВАЯ ПОЭЗИЯ

СЕРИЯ
№ 22

ВЗМАХ
СТИХИ И ПОЭМЫ

ЖИВОПИСНОЕ
СЛОВО

ПОЭЗИЯ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА И ПУБЛИЦИСТИКА
ВЛАДИМИРА КОСЫГИНА

Издательство «Советский писатель»

Спешит домой он в этот час,
В пути его раздумья горьки:
Ткача ждет ужин: кислый квас
И сухари из хлебной корки.

Шум-гам машинный сменит он
Расчетом-выкладкой о хлебе...
И будет тяжек ночи сон
На рваном, стареньком отребье.

А завтра к часу дня ему
Придется вновь вернуться к шуму.
Он сменит брата по ярму,
Но о нужде не сменит думу.

1911

4

СТАРАЯ ТКАЧИХА

У ворот фабричных
Старая Петровна...
На словах обиды,
Горяча, задорна.

Говорит товаркам:
«Эх, мы бабы, бабы,
Как мы все забиты,
Голодны и слабы!»

Лет, поди, под сорок
Мучаюсь я в ткацкой.
Я глуха: у нас ведь
В корпусах шум адский.

И суха, как щепка,
Есть на то причины...
Из меня бы надо
Нащепать лучины.

И лучиной этой
Подпалить жизнь злую:
Надо выжечь тягость,
Маету людскую!»

1911

РОМАН

Через стену от меня
 Мастерская молодежи,
 Через стену слышу я
 Запах дегтя, запах кожи.

Целый день колотят там
 По гвоздям и по колодке,
 Починяют старикам
 И обновы шьют молодке.

И под этот стук, порой
 Утомительно-тяжелый,
 Стал я слышать в мастерской
 Смех заказчицы веселой.

Я прислушался к нему —
 Чье-то сердце там в ударе.
 Я решил: у нас в дому
 Есть роман, и он в разгаре.

Чу! Опять там слышен крик —
 Девка смехом разразилась.
 Ну, и кто же там шутник?
 И в кого она влюбилась?

1908

НЕЛЕГАЛЬНЫЙ

Как вор в ночи, поднявши ворот,
 Крадусь я городом родным.
 А ведь недавно этот город
 Меня любил, считал своим.

Родная, милая сторонка,
 Пришел семью я увидеть.
 Хоть услышать бы плач ребенка!
 Хоть колыбель бы покачать!

Но как-нибудь до наступленья
Шумихи — жизни городской —
Еще одно я преступленье
Свершу — увижуся с семьей.

Посты мне в городе знакомы,
Я обойду их, прячась в тьму.
С тряпья холодного, с соломы
Семью родную подниму.

А схватят... тяжкая дорога...
Этап... Путевка на гроши...
И я до милого порога
Крадусь, как вор в ночной тиши.

1911

7

«ЦВЕТУТ ФИАЛКИ»

Я помню прошлого маевки...
Тот день особенно большой
Нечеловеческой издевки
Над человеческой душой.

Мы из подполья уходили
В лесные дебри-тайники,
А вслед за нами шли, следили
Казачи, подлые шпики.

Мне не забыть — «Цветут фиалки» —
Пароль весенних наших дней...
И помню, как нас на лужайке
Сгоняли в стадо, как зверей.

Они тогда из нас собирали
Букет весны, венок плели.
И зло нагайками хлестали,
Чтоб в нас фиалки не цвели.

«Цветут фиалки»... В ссылке, в тюрьмах
Мы долго помнили потом
И никогда в своих раздумьях
Не примирялись с врагом.

А там нас мучили, томили,
Держа в железе и в пыли.
Но мы и там борьбою жили —
В душе фиалки берегли.

1910

241—245. ИЗ ЦИКЛА «ПЯТЫЙ ГОД»

1

ЗАБАСТОВКА

Молчат гиганты-корпуса —
Машины не грохочут,
Но смелы, дерзки голоса
Бастующих рабочих.

Нет ни дыминки, спущен пар,
Оставлена работа.
Последним вышел кочегар
Из царства тьмы и пота.

Одна «контора», как раба,
В народе пустозвонит:
Что ничего не даст борьба,
Что капитал всё сломит.

Кричат конторе: «Замолчи!
И жди от нас расчетов...»
— «На площадь!.. — крикнули ткачи,—
К управе живоглотов!..»

И потекла рабочих рать.
Народ — неузнаваем:
Никто не захотел отстать,
Немой стал краснобаем.

С панелей робкие сошли,
Сомкнулись гнева токи...
Победно новое земли
Шумит в людском потоке.

1906

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ЗАБАСТОВКИ

Ворота фабрик на запоре,
Где почта сторожам сдана,
С утра нет никого в конторе,
И в телефонной тишина.

Нет в сторожах раба-служаки:
В сторожку пробралась мысль,
Что с фабрикантами без драки
Нельзя рабочим обойтись.

А люди города предместий,
С окраин нищеты людской
Потоком гнева, лавой мести
Стекались к думе городской

Из окон думы именитой
Встречали стачечный напор
С улыбкой злобной, ядовитой
Жандармский ротмистр, прокурор.

Вожди улыбки их видали
В былые арестные дни,
И в час, когда ткачи восстали,
Уже не страшны им они.

Когда с трибун, как из бойниц,
Дошли до власти вопли женщин,
То улыбающихся лиц
Среди мундиров стало меньше.

Власть услышала, с картузом
Был брошен лозунг в гущу массы:
«Не может крепким быть стачком,
Когда в стачкоме нету кассы».

Картуз вернули: медяки
Звучали в нем победной речью,
Рабочих крохи, пятаки,
Властей хлестали, как картечью.

1905

НА МИТИНГЕ

Море голов. Слышен говор задорный,
 Грозны с трибун голоса...
 Флаги красуются: красный и черный.
 Это — его паруса.

Черный — по павшим героям развернут,
 Надпись — к возмездью зовет.
 Красный — кричит, что живые попомнят
 Тем, кто голодных гнетет.

В море голов, словно белые чайки,
 Женщин белеют платки.
 Это — недавние наши хозяйки,
 Знавшие только шестки.

Это — величие сил неумных,
 Мощь рокового огня.
 Ринется он и снесет довольных —
 Преграду счастливого дня.

1906

У КРОВАВО-РОКОВОЙ ГРАНИ

Перед подъездом сильных
 Стояли мы стеной,
 Голодных, нервных, пыльных,
 Нас окружал конвой.

Казачи-астраханцы
 Плясали на конях,
 И жутки были танцы
 На сытых лошадях.

Под храп коней казацких,
 Под цоканье подков
 Мы, дети шумных ткацких,
 Шли на огонь штыков.

Мы поднимали руки,
Крича: «Работы! Есть!»
В нас говорили муки,
Поруганная честь.

Мы долю трудовую
Влачили, как позор...
Мы взрыли мостовую,
Чтоб дать врагу отпор.

Мы подходили к грани
Кроваво-роковой.
Но что-то в черном стане
Сдержало их разбой.

1906

5

ТРИДЦАТИЛЕТИЕ

Наша Талка — малоречье,
И Дунаем ей не быть,
Но дунаевские речи
Нам на ней не позабыть.

Пусть речонка маловодна,
Но оставлен ею след,
Где истории угодно
Было вынянчить Совет.

Неказистая собою,
Речка мирно вдаль текла,
И ее вода живою
Никогда здесь не слыла.

А рабочий наш, как в сказке,
Стал на ней совсем живой,
Он из ткацких, самотаски,
Вырос в силу, стал герой.

Солидарность спайки братской
Привела его к тому,
Что, работая во ткацкой,
Видел в ткацкой он тюрьму.

Общность сил всего чудесней,—
С ней в борьбе всё можно взять;
Про нее сложились песни,
Будут песни вековать.

Наша Талка — малоречье,
И Дунаем ей не быть,
Но дунаевские речи
Нам на ней не позабыть!

1935

246—250. ИЗ ЦИКЛА «ЗВОН КАНДАЛЬНЫЙ»

1

ОДИНОЧЕСТВО

Я один. Свои ушли.
Ночь, что враг,— постылая.
Светлый край давно вдали...
Даль — родная, милая!..

Там и крошечка моя...
Я же здесь изгнанником,
И не скоро буду я
Сердца верным данником.

Я не скоро утолю
Жажду сердца бедного.
Я пошлю домой — «люблю»,
Буду ждать ответного.

Ну а если да сама
Прикатит... Ведь с милою
Будет легче ночи тьма,—
Разгоню постылую.

У меня в руках она,
Светлая, веселая...
Грезы меркнут... У окна
Ночь стоит тяжелая.

Колокольчик... Тройка мчит,
Мимо мчит прогонная.
Сердце бедное томит:
Извела ночь темная.

1909

2

В КРЫЛАТКЕ

Чернолесье пожелтело,
Красный лес как был — стоит;
Вдаль уверенно и смело
Птица стаями летит.

На свободе без оглядки
Можно ей и мчать, и петь.
Ну а мне в моей крылатке —
Далеко не улететь.

1909

3

В ПУТИ СЛЕДОВАНИЯ

Цепи, что ноги сковали,
Цепи, что ноги томят,
Песню тоски и печали
Снова запели, гремят...

Ноги оков не выносят,
Бледные люди скорбят...
Слабых немногих подвозят,
«Вещи» в санях их теснят.

Холодно. Пешие скоро
Будут подплясывать, стыть...
Холодом окрик надзора
Будет несчастных томить.

«Лучше бы петля, удавка...» —
Злобно одни говорят.
Вот и селение... лавка...
«Что кому надо?» — кричат.

В селах кандальщиков любят.
Бабы, их встретив, взгрустнут...
«Вечные» — брови насупят,
«Срочные» — тяжело вздохнут.

1908

4

ЭТАП

Идет этап... Как день весны
Мы встретили его:
Вестей с родимой стороны
Мы ждали от него.
Что в нем, нейдут ли земляки?..
Знакомых нет ли в нем?..
И, как всегда, конвой в штыки
Нас встретил, — был врагом.
В досаду вылился восторг,
Желанье близких встреч...
И шел с солдатами наш торг,
Держали к ним мы речь.
На языке кавказских гор
Спросил своих грузин.
Ответа нет... А с давних пор
Он, «вечник», здесь один...
Я не сводил с кавказца глаз:
Он внутренне рыдал,
И с той поры его Кавказ
Мне как-то ближе стал.

1908

5

ДОМОЙ

Я свободен. Путь мой весел,
Весельчак ящик попал.
Под дугою он подвесил
Бубенцы, как подобрал.

Горячат, бодрят, ласкают...
Кони пляшут, а не мчат,
Словно радость мою знают,
Подогреть ее хотят.

Слышно, кто-то едет встречный.
Потянулся я вперед.
Мой ямщик, вздохнув сердечно,
Говорит: «Этап идет».

Подъезжаем мы к этапу.
Много сменщиков идет.
Вижу — кто-то поднял шляпу,
Я ответил в свой черед.

Улыбнулся лаской кто-то...
Вспомнил: это наш «Гааз»,
Что всегда с большой заботой
Собирал в этапы нас.

А теперь и сам в дороге,
Но и здесь, конечно, он
О товарищах в тревоге...
Весь в заботы погружен.

У меня раздумье: как-то
Встретят дома? А пока —
Хороша дорога тракта!
Хороша речь ямщика!

1911

251—252. ИЗ ЦИКЛА «ГОДЫ ВОЙНЫ»

1

ВОЙНА

Вопят трензель, балалайки,
Бубен, пьяненький кадык;
Вопит баба в полushалке
На отчаянный язык.

«Ну, какой ты ополченец —
Тихий, робкий, как овца.
Замордует тебя немец,
Нас оставит без отца».

И к солдатику на шею
Баба бросилась, визжит:
«Дай в последние согрею...»
Еще пуще голосит.

Вопят трензель, балалайки:
Пей, воюй и не тужи!..
А бабенке в полушалке
Это по сердцу ножи.

* * *

Пушками землю вспахали,
Пушки ее взборонили,
Лютое семя из стали
Севом в нее заложили.

Близятся всходы посева
С нивы, вспоенной скорбями:
Надо ждать мести и гнева,
Схваток, расправы с царями.

Тот, кто с богами, с святыми
Начал работу убоя,
Не заработает имя
Славы в веках как героя.

Тот, кто упрочил войною
Силу свою властелина,
Будет подавлен враждою
Матери павшего сына.

Тот, кто в войне видит средство
Быть повелителем мира,
Памятен будет невестам
Кровью безумного пира.

1915

2

СИВЕРКА

Со сторонущи немшоной
Дует сиверка лихая.
Над деревней, занесенной
Снегом, ночь стоит глухая.

Огоньки в деревне мутны:
Знать, опять палят лучину.
Избы тесны, неудобны...
Коротают в них кручину.

То солдатка... Ей не спится,
Извелась болями сердца:
Нет хозяина-кормильца,
Нет хозяина-радельца.

То вдова, с большой охапкой
Детворы, полунагая...
У нее в избенке зябко...
Дует сиверка лихая.

1915

253—255. ИЗ ЦИКЛА «КРАСНАЯ ВЕСНА»

1

КРАСНАЯ ГВОЗДИКА

В царстве красных флагов, радостного крика,
Торжества, что пало зло родной страны,
Расцвела привольно красная гвоздика,
Граждане дождались и ее весны.

И она свободна, пали ее цепи!
Как идет цветочек к милому лицу
Грустной дамы в длинном-длинном черном крепе,
В трауре по брату, павшему борцу...

Красная гвоздика выросла в подполье,
А теперь на воле — всем родной цветок.
Ей окрепнуть надо, и весны приволье
Даст ей эту силу, даст ей нужный сок.

Красная гвоздика у меня в петлице.
К сединам, быть может, и нейдет она,
Но уж дни такие — мы вольны как птицы,
Всех нас подбодрила красная весна.

Весна 1917

ЗНАМЯ

Оторачивают девки
 Красный флаг из кумача,—
 Завтра будет он на древке
 Красным знаменем ткача.

Древко красится парнями
 В цвет зазорный полотна:
 Не боятся, что шпиками
 Снег утопан у окна.

Занавешено морозцем
 Боковушное окно.
 А кто будет знаменосцем —
 Бросить жребий решено.

1917

НЕУЗНАВАЕМАЯ

Всё здесь Октябрь овеял новью —
 От труб, ворот до корпусов.
 Разорено орлов гнездовье,
 Нет над воротами гербов.

Над ними ярким пятизначьем
 Отображен наш новый строй,
 И не горбясь подходит ткач к ним,
 А с приподнятой головой.

Здесь нет, не стало ванн из пота,
 Что принимал недавно ткач,
 Здесь не томит его работа,
 Как понукающий палач.

Не стало прежнего застенка,
 Что мысль и чувство так гнетет.
 Здесь каждый винтик, шестеренка
 Тон новой жизни задает.

1922

Иван Абрамович Назаров, как и А. Е. Ноздрин, принадлежит к старшему поколению пролетарских поэтов. Он родился 26 января 1878 года в Суздале. Отец его был каменщиком, одно время содержал постоянный двор. Когда умер отец, мальчику минуло семь лет. Большая семья осталась без средств существования. Из-за бедности Назаров не смог даже окончить начальную школу. Как и многие писатели — выходцы из народной среды, в дальнейшем он занимался самообразованием, много читал, особенно любил стихи Пушкина, Кольцова, Некрасова.

Начиная с детских лет Назарову пришлось много скитаться, перепробовать много профессий: ученик у картузника, затем — в слесарной мастерской, потом — певчий в монастырском хоре, сторож, торговец в разнос книгами... В 1895 году он приезжает в село Тейково близ Иваново-Вознесенска и поступает на фабрику Каретникова. Здесь он работает подавальщиком, проборщиком, на чесальных машинах, за ткацким станком и в отбельном цехе. Принимает непосредственное участие в выступлениях рабочих в защиту своих прав, в том числе в известной тейковской стачке 1895 года. Тейковскую забастовку в последние годы жизни он описал в поэме «Ткачи».

Писать стихи начал с 14 лет, публиковаться — с 1898 года (журналы «Народное благо», «Муравей» и др.; иногда печатался под псевдонимами И. Н-в, И. Н., И. Неведомый, И. А. Славянский). Вскоре после этого с котомкой за плечами из Тейкова он отправился в Москву, чтобы показать свои творения опытным литераторам. Публикация его стихов в газете «Русский листок» сопровождалась такой заметкой: «Не переводятся самородки на Руси. Вчера в редакцию «Русского листка» явился с тетрадкой стихотворений молодой парень лет двадцати трех, Иван Абрамович Назаров, мещанин г. Суздаля, служащий простым рабочим на ткацко-прядельной фабрике Каретникова Владимирской губернии. Оказалось, что 200 верст от своего местожительства он прошел пешком по способу, указанному первым русским самородком, гениальным Ломоносовым. Котомка за плечами и тетрадка стихотворений — вот все имущество Назарова. Немного в котомке, но зато есть кое-что в тетрадке. Стихотворения Назарова не

езде безукоризненны по форме, не всегда свободны от чужого влияния, но несомненно дышат искренним чувством и теплотой... В Москву Назаров пришел на один-два дня — единственно чтобы посоветоваться насчет своих стихотворений»¹.

В 1902 году Назаров становится членом московского кружка писателей, учредителями которого были Е. Нечаев, Ф. Шкулев и др. В литературном сборнике «Памяти Н. А. Некрасова» (1903), изданном этим кружком, поэт поместил несколько стихотворений. Он печатался также во «Владимирской газете», куда посылал корреспонденции о тяжелой жизни фабричных рабочих, за что был взят под негласный надзор полиции. Писать приходилось урывками, в условиях невероятной скученности на квартире (см. ст-ние «На отдыхе»). В 1903 году Назаров переехал в Иваново-Вознесенск, стал работать в отделении «Владимирской газеты». Но газету вскоре закрыли за активные выступления в защиту рабочих. Возвратившись в родной Суздаль, Назаров в 1908 году выпустил там книгу стихов и рассказов «Жизнь и песни». Здесь он организовал нечто вроде «Суриковского кружка» — кружок из рабочих и крестьян, тянувшихся к творчеству. Он издал два небольших литературных сборника из работ кружковцев («Родная лира», 1910 и «На пути к свету», 1911), но им все более овладевает идея организовать писателей-самоучек России, дать выход их думам и чувствам на страницах более обстоятельного и регулярного издания. С 1912 года Назаров начал издавать, преодолевая невероятные трудности, альманах «Пробуждение». В нем печатались прозаики и поэты из народа не только Владимирской и близлежащих губерний, но и из Сибири, Воронежа, с Кубани. Назаров завязал с ними переписку, и этот материал затем использовал в подготавливаемом им словаре писателей-самоучек. С 1912 по 1916 год было выпущено четыре номера альманаха «Пробуждение».

После Октябрьской революции Назаров редактирует суздальскую уездную газету «Голос правды», занимает ряд выборных должностей и продолжает писать стихи о новой жизни.

Отличительная особенность поэзии Назарова — ее песенность (не случайно и в названиях многих стихотворений, и в двух сборниках поэта — 1908 и 1951 годов — мы встречаем слово «песня»), связь с традициями фольклора и той линии русской поэзии, которая представлена именами Сурикова и поэтов-суриковцев. Среди ивановских поэтов в близких отношениях он был с Семёновским, Ноздриным и Благовым. Последнему он посвятил стихи как поэту-ткачу.

Точную характеристику творчеству Назарова дал Эм. Казакевич в предисловии к книге поэта «Стихи и песни»: «В простых и бесхит-

¹ Цит. по: Осетров Е. Большой путь // В кн.: Назаров Иван. Встречи и письма. Владимир, 1957. С. 5.

ростных стихах, полных подлинного чувства, перед нами как бы проходит вся жизнь поэта. Это жизнь рабочего человека, делившего горести и радости простых людей»¹.

Делом, которому посвятил значительную часть жизни Назаров, было составление библиографического словаря писателей-самоучек. Ознакомившись с его первоначальным вариантом, Горький писал поэту 16 декабря 1929 года: «Словарь Ваш я считаю книгой полезной»². Моральную поддержку получил он от К. Федина: «Удивляюсь Вам, человеку такой незыблемой верности делу, которое было избрано однажды в жизни и привлекло навечно»³.

Умер Иван Абрамович Назаров 25 января 1962 года.

256. ПЕВЦУ

*Посвящается
Максиму Леоновичу Леонову*

Пой мне песни про свободу,
Пой про темные леса,
Про вершины гор высоких,
Голубые небеса.

Пой про радостные грезы,
Пой про радостные дни,
Чтобы грянули бы грозы,
Загорелись бы огни...

Свет идет по бездорожью,
Мир погряз во лжи людской.
Не страшись же бед житейских,
Веселее песни пой!

1898

257. БЕДНАЯ ДЕРЕВУШКА

Вот они, картины
Бедной деревушки:
Ветхие овины,
Темные избушки.

---

¹ Казакевич Э. М. К читателям // Назаров И. Стихи и песни. Владимир, 1957. С. 5.

² Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1955. Т. 30. С. 155.

³ Цит. по: Семёновский Д. Старейший рабочий поэт // «Рабочий край». 1953, 10 февр.

В поле ни травинки,
Где бы хоть с тоскою
Бедненькой скотинке
Погулять весною...

Не ласкают взора
Ни поля, ни нивы...
Люди, словно тени,
Бродят молчаливо.

1898

258. НА ОТДЫХЕ

Тесная избенка,
Возле печки — кут,
У стены кроватка,
Спит хозяин тут.

На полу дырявом,
Даже на печи
Спят как ви попало
С фабрики ткачи.

Лишь настанет ночка,
В избу все спешат;
Точно сельди в бочке
Все вповалку спят.

Теснота и давка —
Полом не пройти.
Почитать бы книжку —
Места не найти!

1900

259. ЗА СТАНКОМ

Я стою за кормильцем-станком,
То и дело берясь за челнок,
И под грохот, царящий кругом,
Рвется мой непригодный уток.

Я устал, изнемог... Час иль два
Мне до смены осталось ждать.
И кружится моя голова,
И не в силах я больше стоять.

Ноют ноги, и руки дрожат,
Хоть скорей бы гудок — и домой!..
Но станки всё стучат и стучат,
И шумят без конца в паровой.

1900

260. СТАРЫЙ ТКАЧ

В далекие прежние годы
Отрады Мирон не знавал,
По фабрике целыми днями
Ходил и полы подметал.

И вырос, покоя не зная,
К тому же — семья завелась.
Как долгая хмурая осень,
Тяжелая жизнь началась.

Работал Мирон за станками,
Всю жизнь фабриканту служил,
В холодной и тесной хибарке
С детишками впроголодь жил.

Сегодня позвали в контору:
«Иди, мол, хозяин велит».
Побрел он походкой усталой,
А сердце тревога щемит.

Неласково встретил хозяин,
«Ты больше не нужен», — сказал.
И этот ивановский Каин
Выдать расчет приказал.

Вышел Мирон сам не свой,
Очи от горя слезятся.
«Значит, выходит, с сумой
По миру мне побираться?»

1903

Восемь лет Антон на фабрике
 У хозяина служил.
 Человеком честным, добрым
 Он среди рабочих слыл.

Не был он учен, но грамоту
 Всё же он немного знал,
 И частенько книжки разные
 И газеты он читал.

Не хотелось, видно, молодцу
 В темноте глубокой жить.
 И при случае с рабочими
 Он любил поговорить:

«Все-то рабски мы унижены
 Оттого, что пред собой,
 В темноте убогой хижины,
 Мы не видим свет другой.

Все над нами издеваются
 И морочат всякий раз...
 Пес хозяйский почитается
 Несравненно лучше нас».

Обладая даром творчества,
 На досуге он писал,
 О рабочем положении
 Песни горькие слагал.

Много думать не приходится —
 Только, значит, с этих пор
 За писателем, как водится,
 Установлен был надзор.

«Коль иметь писаку под боком,
 Значит, ноченьки не спать!..»
 И решили агитатора
 Тотчас с фабрики убрать.

1905

Всем я, Груня, хороша:
Сила — что у бабушки,
А краса — моя душа —
От родимой матушки!

Брови черные дугой
На лице красуются,
И я знаю, каждый мной,
Проходя, любитесь!

Да вот счастья не дано —
Сиротой я выросла.
Видно, век ходить с сумой,
В людях жить по милости.

Пропадай, моя коса,
Что до пят спускалася.
Видно, вся моя краса
Не по мне досталась...

1912

263. ПЕСНЯ РАБОЧЕГО

Я с тоскою не знаком,
Я нужды не знаю...
Целый день за верстаком
Песни распевая.

Словно перышко, в руках
Молоток летает,
Сталь, зажатую в тисках,
Рубит, разбивает.

И весь день по мастерской
Льются песен реки,
Распрощался я с нуждой,
С горячком навеки.

1920

Здравствуй, дедушка родной,
Друг мой и учитель,
Шлю привет тебе я свой,
Мир в твою обитель.

Ты прими его. Порой
В редкий час досуга
О жите своем, родной,
Напиши для друга.

Словно солнце, в этот миг
Мир мне улыбнется...
Пой же песни, друг, пока
Сердце твое бьется.

А когда пробьет тот час —
Биться перестанет —
Добрим словом, может, нас
Кто-нибудь помянет.

Не напрасно мы с тобой,
Скажет, в свете жили,
Нашей песней трудовой
Мы народ будили.

1925

Сведения об Александре Дмитриевиче Сумарокове скудны. Творчество его не собрано и не изучено.

Главным источником наших сведений о жизни поэта является его автобиография, хранящаяся в ЦГАЛИ. Из нее узнаем, что А. Д. Сумароков родился 21 августа 1883 года в селе Никологоры Вязниковского уезда Владимирской губернии в семье безземельного крестьянина. Семья вскоре переехала в Шую. Образование Сумароков получил в начальной школе. Затем готовился к сдаче экзаменов за шесть классов гимназии и в 1913 году вместе с И. Жижиним поступил в Петербурге на общеобразовательные курсы А. С. Черняева, которые окончил в 1916 году.

Писать стихи начал с детства, серьезно — с 1910 года. В это время вокруг него, как старшего, объединились шуйские поэты И. Жижин, Л. Зефиоров и др. Судя по всему, участники кружка увлекались современной поэзией, в том числе творчеством своего земляка К. Д. Бальмонта. Ранние стихи Сумарокова в 1913 году были отданы для отзыва критике Ю. И. Айхенвальду. Отзыв был благоприятным и, как пишет Сумароков, дал ему «нравственную силу работать в области поэзии»¹.

Дебют состоялся в 1914 году в петроградском журнале «Весна». Печатался также в журнале «Дамский мир», «Новом журнале для всех», «Нашем журнале». В первые годы революции стихи Сумарокова публиковались в газете «Рабочий край» и почти во всех сборниках и альманахах, выходивших в Иваново-Вознесенске. «Отдельными сборниками, — замечает Сумароков в автобиографии, — стихи мои не выходили»².

¹ ЦГАЛИ. Ф. 1624, оп. 1, ед. хр. 212. Автобиография не датирована, но написана не ранее 1922 г.

² Там же. В. Н. Орлов в комментариях к воспоминаниям А. Д. Сумарокова о Блоке предположил, что поэту, возможно, принадлежит сборник «Маки красные», вышедший в 1920 г. без обозначения места издания. Сличение стихов сборника с известными нам стихотворениями Сумарокова, а также вышеприведенное указание в автобиографии, что его стихи отдельным изданием не выходили, предположение Орлова не подтверждают. Сборник «Маки красные» принадлежит однофамильцу Сумарокова.

Большим событием в жизни Сумарокова была встреча с А. Блоком. Об этой встрече и телефонном разговоре с Блоком, во время которого поэт высказал свое отношение к его стихам, Сумароков рассказал в воспоминаниях «Моя встреча с А. Блоком», отличающихся достоверностью, — они напечатаны в иваново-вознесенском журнале «Новый быт» (1922, № 1).

«Его поэзия влияла на меня, как и на многих, в сильнейшей степени», — признается Сумароков, говоря о Блоке. Жизнь в Петербурге, по его словам, дала ему возможность ощутить поэзию Блока «как-то особенно близкой и понятной»¹.

Любя Блока и выделяя его среди всех современных поэтов, Сумароков долго не решался показать ему свои стихи.

Лишь в конце января 1918 года он принес на квартиру поэта рукописную книгу своих стихов. Встречу с Сумароковым Блок помнил в своей записной книжке 27 января. А 9 апреля он позвонил Сумарокову по телефону и высказал свое мнение о его стихах. Телефонному разговору предшествовало письмо Сумарокова от 2 апреля, в котором он, между прочим, писал: «Хотелось бы кое-что сказать Вам по поводу Ваших статей о народе и интеллигенции. В моем лице вновь встретитесь с живым человеческим документом, вышедшим как раз из той же среды, о которой вы так долго и мучительно думаете за последнее время»². Раздумья Блока о народе и интеллигенции в эпоху революции, безусловно, были близки Сумарокову.

В воспоминаниях Сумарокова обстоятельно описывается встреча с поэтом, приведен и его отзыв о стихах Сумарокова, о чем в записной книжке Блока сказано весьма лаконично и метафорично: «Телефон к Ал. Дм. Сумарокову о его стихах (человек со старым лицом и молодой душой; молодая душа в лохмотьях)»³. Вот как этот отзыв передал Сумароковым: «Вчера вечером я взял вашу книгу, и как-то сразу ваши стихи вошли в мою душу. Я удивился, как это вы, такой пожилой человек (мне было в то время лишь тридцать четыре года), могли так молодо, так проникновенно написать о природе. Но потом я обратил внимание на даты стихов и понял, что так пишут только в годы молодости и больше никогда...» Далее Блок упрекает Сумарокова за «сухую и черствую схоластику» и мотивы беспросветности в некоторых стихах и заключает: «Но в вас подкупает искренность, и она примиряет с вами. Я прошу вас списать по вашему выбору несколько стихов, в том

¹ А. Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 2. С. 186, 187.

² ЦГАЛИ. Ф. 55, оп. 1, ед. хр. 417.

³ Блок А. Записные книжки. М., 1965. С. 399.

числе и посвященные мне стихи, которые мне нравятся и за которые вас благодарю»¹.

В мае 1918 года Сумароков послал Блоку по почте 11 стихотворений с подписью: «Дорогому Александру Александровичу на память об авторе»² и в свою очередь получил от него стихотворение «Коршун» с надписью: «Александру Дмитриевичу Сумарокову на память об авторе этих строк»³.

Вскоре после этого Сумароков вернулся в Шую, где заведовал городской библиотекой и преподавал литературу в вечерней школе. В городской библиотеке он руководил литературным кружком. Шуйский краевед М. А. Ковалев вспоминает: «Слушать его было очень интересно, особенно нам, юношам. Он поражал нас энциклопедическими знаниями по литературе, цитировал наизусть от Гомера до ивановского поэта Серафима Огурцова. Жил А. Д. в конце 1-й Васильевской улицы (ныне ул. Ленина), где снимал комнату, сплошь заставленную книгами, картинами, рукописями. Двери его жилья были открыты всем любителям литературы, поэзии, истории. Мне часто приходилось бывать у него (...). Он показывал две книги по формату амбарных»⁴.

В конце ноября 1936 года Сумароков был арестован по обвинению в пропаганде поэзии Есенина (свидетельство Н. Ф. Вихрева, участника литературного кружка, которым руководил Александр Дмитриевич). На этом биографические сведения о нем обрываются.

Хотя Сумароков жил в Шую, он был тесно связан с кружком поэтов при иваново-вознесенской газете «Рабочий край», особенно с поэтом И. Жижиным, активно сотрудничал в иваново-вознесенских изданиях. Так, в «Рабочем крае» в 1919—1920 годах было напечатано 30 его стихотворений.

С революцией меняется характер его творчества. Тема природы, привлекавшая внимание Блока, не уходит из поэзии Сумарокова, но он все более стремится понять «властительный закон» новой жизни («Железные цветы», «Будь тверд, как сталь...», «Кузнец» и др.), воспекает чувство человека, способного сбросить вериги раба и самому «создать свои высоты» («Был век рабом...»), его привлекает пафос созидания, которым увлечен народ, и задачу поэта он видит в том, чтобы его «творческие будни» не отставали от размахов строительства («Будни», 1929).

В стихах Сумарокова, как правило, нет деклараций и риторических восклицаний, нет рассудочной описательности. Мысль его,

¹ А. Блок в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 194, 195.

² ЦГАЛИ. Ф. 55, оп. 1, ед. хр. 417.

³ А. Блок в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 195.

⁴ Цит. по: Ч и т н е в И. Талант незабвенный (Восстановим имя шуйского поэта А. Д. Сумарокова) // «Знамя коммунизма» (г. Шуя). 1985, 28 авг.

иногда носящая философический характер, всегда развивается в русле образа. Причем отчетливо сказывается школа метафорического мышления, свойственного русской поэзии начала XX века, не исключая, впрочем, порой некоторой усложненности и отвлеченности.

В связи со сказанным представляет определенный интерес собственное признание Сумарокова в письме к Д. Н. Семёновскому от 11 апреля 1923 года: «Я нахожу некоторые сходственные черты в Ваших и моих настроениях; только Вы лиричнее и кротче меня: я черств, философски отвлечен (...). Но я все-таки считаю, что истинный поэт не может быть не философом. Нужно только уметь связать философское толкование действительности с конкретными образами ее. Нужно любить мир, природу»¹.

265

Сквозь проясневший сумрак бора
Ложатся солнечные блики
На алый чепчик мухомора
И на кораллы костяники.

Но в вечном звоне гулких сосен,
В их нежном сладком аромате
Так много грусти прошлых весен
О догорающем закате.

1913

266. ПРИРОДА

От встреч, от споров, от приличий,
От всей житейской суеты
Ушел я слушать голос птичий
И рвать весенние цветы.

И вот, скользя в речном узоре,
Встречаю звонкие утра,
Янтарно-розовые зори
И голубые вечера.

---

¹ Гос. архив Ивановской обл. Ф. 2875, оп. 3, ед. хр. 448. Л. 4.

Любуюсь золотым затоном,
Когда спокойно дремлет он,
И тихим вешним нежным звоном
Хрустальный воздух напоен.

Брожу неслышно по полянам,
Слежу за пеной облаков,
Плыву в серебряных туманах
Через моря без берегов.

Молюсь озерам и долинам,
Пою о счастье, о весне,
И эхо голосом звериным
Из темных далей вторит мне.

И зову сладкому я внемлю,
И здесь, один, в глуши дубрав,
Я стерегу родную землю
Под тихий шелест спящих трав.

Там, в городах, я гость случайный,
Там — гибнет молодость моя,
А здесь я связан вечной тайной,
Великой тайной бытия.

Там, в городах, моя пустыня,
Там мне забвенью суждено,
А здесь она, моя святыня,
И с ней я связан, как звено.

О мать-земля! Чужда мне злоба.
Тобой дышу, тебя пою
И сохраню навек, до гроба
Любовь нетленную мою.

⟨1914⟩

267—269. А. А. БЛОКУ

1

Люблю я шум летящей птицы,
Осенний сумрак багряниц,
И не вечерние зарницы
В стекле немеркнувших криниц,

И тихий звон поющих сосен,
И голубой просвет в глуши,
И красоту нетленных весен
Твоей загадочной души.

1914

2

Снова зори румяны и утренни,
И пришли, и уйдут без следа.
У твоей последней заутрени
Я запомню тебя навсегда.

Пусть угаснет, что сердцем угадано,
Что сияет в твоей глубине,
Но сквозь сумрак прощального ладана
Будет плакать во мне.

Мои думы бессонные, скажете,
Как грущу, сохраняя обет.
Осенил твои темные пажити
Немерцающий свет.

3

Далекий звон незримых струн,
Кустов весенний первый кокон,
Решеток ржавленный чугуи
На синеве закатных окон.

И озаренно спящий храм,
И вечерами сумрак бледен,
И по сверкающим утрам
Земная грусть твоих обеден.

1914?

270. ИЗ ЦИКЛА «К. Д. БАЛЬМОНТ»

Своим мечтам властительно-послушный,
Забвеньем снов объятый наяву,
Я создал мир безбрежный и воздушный
И в нем загадочно и радостно живу.

Но жизнь моя таинственна, как травы,
Мой мир во мне, и он наполнен мной.

Далеки мне волненья и отравы:
Я зачарован сам своею тишиной.

И что же в том, что в жизни есть лишенья?
Я сам страдал, но прошлому молюсь.
Я упоен гармонией цветенья,
И пью весну, и ею не напьюсь.

О, сколько раз я падал на утесы!
Но сберегла меня моя тоска.
И вот цвету, и опьяняю росы,
И не умру, и перейду в века.

1914?

271

Поля бесплодны, дали древни,
И, точно чары роковые,
На молчаливые деревни
Легли проклятья вековые.

И давит ужас ветхих хижин
В стране могучей и огромной,
Где и бесправен, и унижен,
Живет народ угрозой темной.

1914?

272

Охвачен запахом смолы,
Смотрю с бревенчатых настилок,
Как в голубых зубцах пилы
Сверкает золото опилок.

И там, где красных сосен ярь
Прошли звенящие колеса,
Слезами падает янтарь
С благоухающего теса.

1917

273. ЖЕЛЕЗНЫЕ ЦВЕТЫ

Удар поет над наковальной
И брызжет искрами огня.

Так новый мир к свободе дальней
Кует всемирного меня.

И я в мечте моей упорной,
Меня терзающей не раз,
Вновь претворяю уголь черный
В огнями дышащий алмаз.

И, бросив горные вершины
И прежней яви смутный сон,
В грозящем грохоте машины
Ищу властительный закон.

И вам, воспрянувшим из мрака
По грозно вставшим городам,
Я из свистящих всхлипов шлака
Цветы железные создам.

1920

274. ПАХАРЬ

С моим конем, соратником и другом,
На сотни верст, вот тут, вблизи, вдали,
Я тяжко режу новь звенящим плугом,
И ржавой бронзой рдеет грудь земли.

За мной — поля, леса, селенья, доли,
В пустынном сне сомлевший небосвод,
А на меня, как дым кадильный, смолы
Кудрятся в свой предутренний исход.

Я здесь один, в плену земли и неба,
И воля мне предвечная дана —
Да соберу суровой коркой хлеба
Моих трудов святыя семена.

⟨1920⟩

275

Будь тверд, как сталь, неотразим, как меч,
Возги свой дух, когда мятется тело!
Умей сердца дрожащие зажечь
На правый бой за гибнущее дело!

Но знай одно, что, мщенье затая,
И трус не спит: он потаенно рыщет.
Спокойно-мудрый, злобный, как змея,
Он в черный день всегда тебя отыщет.

(1920)

276. ГОГОЛЬ

(ИЗ ЦИКЛА «ПОРТРЕТЫ»)

Курьезный карла! Кажется, что он
Вот-вот вас клюнет острым длинным носом,
А он, в людские бездны погружен,
Томил себя мучительным вопросом:
Как быть? Что делать? Всюду грязь и грязь,
Застой, невежество, хамье, кликуши...
И, сердце разорвав свое, смеясь,
Он мертвенные наши вынул души.

(1921)

277

Гулять бы густыми лугами
В весенней предутренней мгле.
Ходить бы босыми ногами
По ласковой теплой земле.

Зажечься бы лентою алой,
Как зори, на ранней заре,
Качаться б былинкою малой
В холодном речном серебре.

Взвиваться бы резвою пташкой
В широких и вольных полях,
Цвести б полевою ромашкой
На тонких зеленых стеблях.

Быть птицей, растением, рыбой
Или на распутьях земли
Лежать бы коснеющей глыбой
В докучной дорожной пыли.

Со стынувшей далью заката
На красных снегах догореть
И так без конца, без возврата,
Совсем, навсегда умереть.

(1922)

Ему был люб горящий уголек,
 Что жрец бросал в священную жаровню,
 Он всех людей считал как бы за ровню
 И был наивен, нем и недалек.

Его закон был скуден, как намек:
 Он волю чтил и отчу, и сыновью.
 Он жил в природе, где шумел поток,
 И лишь поздней потребовал часовню.

И час настал. На стогнах городских
 Ему воздвигли царственные зданья.
 Он пронизал законы мирозданья,
 Постиг все муки горестей людских.

Стал всеобъемлющ, благ. И с той поры
 Куем мы цепи, точим топоры...

〈1922〉

Я сказал своей подруге — жизни:
 «Постоим, родная, помолчим.
 Если ж горе — сладким смехом брызни,
 Разомкни молчашие ключи.

В тишине болотного затонца
 Утопил я горечь и тоску
 И ловлю сбегаящее солнце
 На свою горящую щеку.

И когда в зеленом строе сосен
 Затемнится солнечный огонь,
 Положи мне золотую осень
 На мою дрожащую ладонь».

1926

Александр Николаевич Благов родился 20 ноября 1883 года в селе Сорохте Нерехтского уезда Костромской губернии (в настоящее время Комсомольский район Ивановской области) в семье безземельного крестьянина. Учился в сорохтской церковно-приходской школе, затем в писцовском двухклассном училище, которое окончил в 1895 году.

С 12 лет он стал батрачить у богатых крестьян. С 14 лет работал на ткацких фабриках села Писцова и Иваново-Вознесенска.

Революция 1905 года побудила Благова по-новому взглянуть на жизнь. В автобиографии он пишет: «Затаив дыхание, я слушал на митингах речи ораторов (...) И я в первый раз стал думать, что надо учиться, надо переменить свою жизнь»¹. С этого времени он занялся самообразованием, стал много читать, в особенности Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Никитина, Кольцова и др., сильно увлекался творчеством Г. Гейне.

Стихи Благов любил с детства. Работая на фабрике, сочинял частушки, зачастую обличительного характера. Выученные стихи других поэтов распевал во время работы за станком. «Перебирал я в уме прочитанные стихи, — признается он, — и все чаще и чаще стал думать, что надо попробовать самому написать что-нибудь про жизнь рабочего народа, про его нужду и труд»².

В 1909 году с тетрадкой стихов он направился в Москву к И. И. Горбунову-Посадову, который составил и издал книгу стихов русских поэтов «Песни о трудовом народе». Благов был знаком с этой книгой. Горбунов-Посадов взял его стихи для своего журнала «Маяк» и посоветовал посылать также в журнал В. А. Поссе «Жизнь для всех». Кроме названных выше журналов, печатается в журнале «Объединение», «Родной газете», сборнике «Перед зарею» (1914). С этого времени началась интенсивная литературная работа Благова.

Обстановка для творчества не была благоприятной. Закончив утомительный рабочий день, поэт вынужден был возвращаться то в фаб-

¹ Благов А. Песни рабочего: Стихотворения. М., 1919. С. 10—11.

² Там же. С. 13.

ричную спальню, где одновременно располагалось до 200 человек, то на частную квартиру, забитую постояльцами. «На квартире свои стихи я писал только по ночам, сидя на печке»¹, — вспоминает поэт.

Благов принимал участие в революционной борьбе ивановских рабочих. В 1912 году за сбор средств в фонд большевистской газеты «Правда» был уволен с работы. Вынужден был менять профессии, занимаясь на работу на различные фабрики.

Осенью 1915 года Благов уехал в Юрьев-Польский Владимирской губернии, где освоил профессию машиниста на красильном производстве. Здесь в 1915—1916 годах написал одно из лучших своих дореволюционных произведений — поэму «Десять писем», в которой ярко отразился рост самосознания рабочего класса накануне Октября. Впервые эта поэма была напечатана в сборнике «Ступени» (1932).

Поэт с радостью встретил Октябрьскую революцию, приветствовал ее в своих стихах. В 1918 году из-за голода вынужден был уехать с семьей в деревню, где находились родные жены. До 1922 года живет в деревне Б. Кучунур Котельничского уезда Вятской губернии. Работает то в волостном совете, то избачом, то библиотекарем Верхопижемской библиотеки. В 1923 году переезжает в Барнаул, где трудится машинистом на чугунолитейном заводе, затем работает в Москве на ткацкой фабрике «Пролетарская победа». В эти годы поэт продолжает писать стихи, но печатается редко (журналы «Работница», «Делегатка» и др.).

С 1924 года Благов безвыездно живет в Иванове, активно сотрудничает в местной печати. Работает отбельщиком на Ново-Ивановской мануфактуре, моторщиком на Меланжевом комбинате. В общей сложности на разных производствах, главным образом текстильных, проработал около 30 лет, хорошо познал жизнь, быт, психологию людей труда.

С конца 20-х годов главным делом жизни становится литературный труд. Некоторое время работает в штате газеты «Рабочий край» и многотиражки «Меланжист», литературным консультантом и руководителем Ивановского отделения Союза писателей СССР, редактором Ивановского областного издательства.

С 1934 года — член Союза писателей. С 1940 года — член Коммунистической партии.

Перу Благова принадлежат 19 сборников стихов (считая две книги стихов для детей), которые вышли при его жизни в издательствах Москвы и Иванова. Первый сборник «Песни рабочего» (1919, обл. 1920) включает три раздела: 1) Стихотворения, написанные с 1909 по 1915 год; 2) Стихотворения, написанные в 1916—1917 годах; 3) Стихотворения, написанные в 1918—1919 годах. Книга «Рабочий город»

¹ Там же. С. 15. См. также стихотворение «Вечера» (1935).

(М.; Л., 1928) вобрала в себя главным образом пооктябрьские стихи. Сборник «Ступени» (М., 1932) вышел по рекомендации Э. Г. Багрицкого, который высоко оценил стихи поэта. В дальнейшем появлялись как сборники новых стихов, так и книги избранных произведений поэта. Последнее прижизненное издание под названием «Стихи» вышло в издательстве «Советская Россия» в 1960 году.

Мемуаристы вспоминают, что этот рабочий человек буквально «жил поэзией»¹, заражал ею начинающих в 30-е годы поэтический путь М. Дудина, М. Лисянского, А. Киселева и др. Превосходную характеристику Благову — человеку и поэту — дал Дудин: «Александр Николаевич был для нас самым близким. Наверное, его человеческая доверительность и громадный жизненный опыт, знание людей и жизни делали его таким доступным, а доступность сама по себе вызвала ответную волну высокого уважения.

А. Н. Благов прекрасно знал и русскую литературу и зарубежную, и поэзия жила в его памяти, как в собственном доме, и он всегда удивлялся, извлекал из своей копилки неожиданных для нас в те времена Бернса и Рембо, Верхарна и Шекспира, Мицкевича и Шелли, Петефи и Саади. Он не кичился своей начитанностью, а просто делился ею по щедрости своей души (<...> Ему удавалось, читая «Во весь голос» Маяковского, как-то незаметно переключиться на «Персидские мотивы» Есенина. Он воссоздавал многообразный мир поэзии и жил в нем радостно и светло. И нас он тоже заражал этой радостью творчества...»².

Умер Александр Николаевич Благов 10 сентября 1961 года.

280. БЕЗРАБОТНЫЙ

Зимой — в мороз и снегопады —
С утра по городу брожу
И на фабричные громады
С глубокой завистью гляжу.

Не жалко сил, не жалко пота,
Лишь за станки скорей бы встать,
Чтобы мучительной работой
Тоску голодную унять.

---

¹ Суреев П. Он жил поэзией // Тропинки памяти: Воспоминания и статьи о писателях-ивановцах. Ярославль, 1987. С. 74. См. здесь также статью Д. Прокофьева «Штрихи к портрету поэта».

² Дудин М. Свой поэт // Благов А. Стихи. М., 1977. С. 11—12.

Но от владельцев их богатых
Один мне слышится ответ —
Холодный, режущий, проклятый:
Работы нет... Работы нет...

И крепко заперты ворота,
Погаснет день в холодной мгле,
А завтра вновь ищи работы,
Живи, как лишний на земле.

1910

281. ДУМА

В разгаре машинного шума,
Под мерные взмахи ремней,
Нередко отрадная дума
В душе возникает моей.

И греет, и ласково светит
Надеждой, что время придет —
И жизнью счастливой на свете
Рабочий народ заживет.

Поймет он, откинув тревоги
Покорной, позорной судьбы,
Что нет ему кроме дороги,
Как только дорога борьбы.

И встанет он дружной семьею —
За брата униженный брат,
И солнце тогда над странюю
Заблещет яснее в сто крат.

1914

282. ВОССТАВШИЕ

Довольно мы были покорны судьбе,
Теперь мы воскресли душою.
Мы лучшую долю добудем в борьбе,
Мы счастье возьмем себе с бою.

Мы песню свободную грянем дружной,
И песня не даром споется,—
Мы верим, что чуткое сердце при ней
Желанием воли забьется.

Кто любит свободу, как нежную мать,
Свободой, как воздухом, дышит,
Тот с радостным сердцем придет в нашу рать,
Лишь звук этой песни заслышит.

Все сильные духом, все смелые — к нам!
Не тех призываем мы к бою,
Кто всё еще молится старым богам,
Кто ищет не битвы — покоя,

Не тех, кто умеет молчать и терпеть,—
Мы в битву зовем лишь готовых
В боях за свободу себя не жалеть,
Чем вечно томиться в оковах.

1918

283—284. СОНЕТЫ

1

Святая песнь «Интернационал» —
Народов гимн святой и вдохновенный,
Во дни борьбы отвагой неизменной
Как часто нам ты сердце волновал.

Под небом Франции тебя создал
Свободный ум, и твой напев священный,
Как бури шум, во всех концах вселенной
Среди рабов победно зазвучал.

Покуда в мире есть еще рабы,
Покуда власть царей и капитала
От трудовой руки навек не пала,

Не замолчит над головой толпы
Могучий звук «Интернационала» —
Мятежный клич свободы и борьбы!..

Наскучил мне раздольный вид полей.
 От их красы пленительной и чудной
 Я снова рвуся в город многолюдный,
 В толпу родных и близких мне людей.

Я сердцем вновь хочу их доли трудной,
 Хочу тревог их с радостью минутной,
 Всего, всего, к чему душой моей
 Так крепко я привязан с юных дней.

Не так ли птицы стаей легкокрылой
 Из стран, цветущих вечною красой,
 Летят на север сумрачный, но милый,

Едва повеет красною весной
 И средь природы бедной и унылой
 Себе приют находят и покой?

1922

285. МОЙ КРАЙ

Цветут весенние долины,
 В зеленый шелк оделся май.
 Как хороши твои картины
 Среди лесов, фабричный край!

Поля, деревни по курганам,
 Леса вблизи, леса вдали,
 Где бледно-розовым туманом
 На рощи небеса легли.

Бежит дорога на пригорок,
 Чернеют пашни в стороне,
 Издалека знакомый город
 Уже спешит навстречу мне.

Берез кудрявая ограда,
 Реки спокойной полоса.
 И вот они почти что рядом,
 Знакомых фабрик корпуса.

Любимый край, мой край раздольный!
Идешь, идешь под синевой...
В лицо целует ветер вольный,
И щебет птиц над головой.

1924

286. ДРУЖБА

Иду один. Кругом поля.
Куда ни глянь — простор нарядный.
И песню запеваю я,
Любуясь ширью неоглядной.

Облита клевером межа,
От зноя полдня всё безмолвней...
На твой, деревня, урожай
Смотрю я с радостью сыновней.

Пора жнитвы недалека,
Всё поле — золотые соты.
Здесь будет усталь велика
И весел отдых от работы.

От этих солнечных полос
Мой путь — на фабрику родную,
Там песню я спою иную
Под гул шлифованных колес:

«Деревня, вот мои полотна!
Красивый шей себе наряд:
Носи, надейся — будут плотны,
Тебе их ткал рабочий брат!»

1925

287. ПЕСНЯ ТКАЧА

Будильник-друг, не измени:
В четыре к смене зазвени.
Не жди, когда споет гудок,—
Буди, кричи в рабочий срок.

Мне не забыть — случился грех:
К станкам пришел я после всех,
В душе обида точно лед,
А стыд лицо пожаром жжет.

Друзьям в глаза я не взглянул,
Я весь ушел в железный гул,
Хотелось вдвое быть ловчей,
Чтобы догнать других ткачей.

Я отдохнуть не смел, не мог,
Мгновенье каждое берег,
Всю смену видел лишь одно —
Белее снега полотно...

Будильник-друг, не измени:
Как раз в четыре зазвени,
Чтоб не жила в груди тоска,
Чтоб радость пела у станка.

1925

288. НА ФАБРИКЕ

День рабочий вошел в корпуса,
Он расправил широкие плечи:
Засверкали ремней пояса,
Загремели железные речи.

Белоснежные ткани бегут,
Словно лебеди крыльями машут,
А кругом, как цветы на лугу,
Молодые работницы наши.

Тихим ветром овеян станок.
Вьются кудри в пунцовом уборе...
Не затем ли и красный платок,
Что на сердце — весенние зори?

1926

289

Вдали отраднo и светло —
Не быть быломu бездорожью.
И я, годам моим назло,
Шагаю вместе с молодежью.

Я не был юностью согрет.
Но не вернется жизни холод.
Сегодня в сорок с лишним лет
Я первой молодостью молод.

1926

290. ЖЕНЕ

Сколько лет ведут машины
Речи шумные с тобой!
На лице твоём морщины,
Не с того ли, друг ты мой?

Да и мне поют моторы:
«Где весны твоей огни?»
Стариком, пожалуй, скоро
Назовут меня они.

Что ж за горе? Знаем сами,
Юность где-то далеко.
А с работой да с годами
И железу нелегко.

Но, последний день встречая,
Скажем, друг, с любовью мы:
Что и нам, как утро мая,
Улыбнулся новый мир.

1927

291. ПРЕДОСЕННЕЕ

Еще солнце так ярко и молодо,
Небо синее надо мной,—
А в лесу предосеннее золото
Шелестит под усталой ногой.

На опушке калина развесила
Свой нарядный цветной сарафан...
Пусть другие встречают невесело
Молчаливый холодный туман.

Издавна мне пора эта нравится...
Скрылась молодость в дальнем краю...
Приходи же ты, осень-красавица,
Рад послушать я песню твою.

1927

292. НИКИТА

Вступленья не надо —
К чему волокита.
Пожалуйте в строчки,
Товарищ Никита.
Шагайте смелей
Через интервалы —
Вы, кажется мне,
Человек небывалый.
На «Красную Талку»
Поутру рано
Вы гордо идете
В тужурке рваной,
В калошах, что куплены
На толкучке
За рубль, уцелевший
От получки.

С похмельной башкой
Не работа — уродство, —
Уж где тут никитам
Крепить производство;
Для них интереснее
Всяких бригад
От лавки госспирта
Брести наугад,
Брести и не помнить,
Что за день пропиты
С последней полтиной
Талоны нарпита.
У пьяницы мысли
Здоровой нет:
Пусть отдан за «горькую»
Сытный обед,
Пусть завтра простуда,

И кашель, и кашель —
Зато он сегодня
Поет и пляшет.
Пляши, веселись,
Заходи в пивную,
Валяйся на улице
В сырью ночную —
Вся грязь упадет
На твои же плечи...
С таким багажом
Не уйти далече.

Но вот где беда —
За пьяные ночи
Никита себя
Обвинять не хочет:
«Не я тут, конечно,
А жизнь виновата —
Она наступила
На нашего брата
Да умные люди,
Что жизнь эту строят,
Иначе бы водку
Сменил на ситро я.
Не ценят меня
Ни фабком, ни ячейка;
В газету пишу я
Статью за статейкой,
Даю предложенья,
И все не в зачет —
Заснула зарплата,
Вперед не течет».

В стране небывалых
Народных побед
Рабочего имени
Выше нет.
Почетнее званья
Никто не знает,
Труду — все дороги
В свободном крае!
Но дорог труд
Только честной руки,

А в думах Никиты
Растут сорняки:
«Куда это, к черту,
Торопятся люди?
В их спешке — добра,
Как в порожней посуде...
Бегут вперегонку
До... Красной доски:
Натянуты жилы,
Набухли виски;
Какую-то странную
Сеют заразу...
Нет, жизнь перестраивать
Надо не сразу:
Чтоб веская плата
И легкий труд,
А с этого люди
Назад попрут —
У них тоже сила,
Поди, не воловья...
Мы лучше уж выпьем
За наше здоровье!»

Так бродит Никита
По ямам, по кочам,
Себя величая
Почетным рабочим.
Добрел он случайно
До партии даже,
Но выкинут был
В кандидатском стаже;
И — критик ехидный
Чужих заслуг —
Он нынче кричит
Под машинный стук:
«Кому предпочтенье?
Кому вниманье?
За подвиг какой?
За какие знанья?
В германском плену
Я не падал душой.
Там видел я много
Культуры большой.

Там вин виноградных
Полны погреба...
Меня не пугала
И наша борьба:
В гражданскую я
Отслужил свой срок...
Я знаю пол-Пушкина
Назубок!..
Я в бога не верю!
Попов насмарку!..
А мне в производстве
Повысили марку?
Меня отличили
Немного хотя б
От серых Иванов,
От глупых баб?!»

В такие минуты
Не спорьте с Никитой,
Заслушайте молча
Доклад ядовитый —
Причина понятна,
Причина проста —
Оратор получку
Спустил дочиста.

1930

293. РАДИО В ПОСЕЛКЕ

Наше время светит по-иному,
Подружились с нами города,
Посмотри —
Бегут от дома к дому,
Рассекая ветер,
Провода.

Скучны были на поселке зимы,
Молчалив осенний полусвет,
Дни, как тучи, пролетали мимо.
Улетят —
И в памяти их нет.

А теперь встречаем вечер темный,
Словно гостя: проходи вперед!
Говорливый радиоприемник
В каждом доме речи заведет.

На березах белые повязки,
Как стекло — пригорки у двора,
Только нынче даже про салазки
Забывает часто детвора.

И напрасно в слободе соседней
Ждет пивная развеселых дней:
Скоро, скоро песнею последней
Прошумит метелица над ней.

Полюбили старики и дети
Слушать вести радиоволны:
Что творится на широком свете,
Всё сегодня знать они должны.

И мила им песня молодая —
Верный друг досуга и труда:
Прозвучит сердечная, простая
И к душе привьется на года.

1930

294. ВОПРОС

Мой несчастный, бедный обыватель,
Как тебе, дружок, не горевать?
Полиняла краска на кровати —
Где возьмешь ты новую кровать?

У тебя муки не хватит на год,
Не жирна баранина во щах...
Ах, бедняжка, сколько разных тягот
На твоих покоится плечах...

Всё тебе бы обвинять кого-то,
Усмехаться и махать рукой:
У людей, мол, легкая работа,
Крупная зарплата и покой.

Ты ворчишь: мол, строим жизнь иную,
Она, известно, не для нас...
Эй, извозчик, подвези в пивную —
Пить, так пить, никто нам не указ!

Что нам книга?
Мы своим манером —
По примеру деда и отца...
Чтобы сын мой вышел пионером?!
Лучше в воду сунуть сорванца!

По цехам затеяли порядки:
Как свое, чужое береги,
Заболят от праздника лопатки —
Отдохнуть минуты не могли...

Друг ты ситный,
На меня не сетуй
И других обидой не тревожь.
Ты ответь —
С политикой вот с этой
До какого рубежа дойдешь?!

1932

295. ВЕЧЕРА

Их позабыть никак нельзя.
Настанет час, и, смотришь, снова
Они приходят как друзья,
Чтоб о себе промолвить слово.
Поставят длинный ряд картин,
Любуйся ими сколько хочешь.
...В квартире бедной я один
Сижу до поздней-поздней ночи.
В чаду копилки чуть видна
Страница. Стих плетется вяло.
В углу с ребенком спит жена.
К стене примерзло одеяло.
Народ — вповалку на полу.
Заботы дня пока заснули,
Но чуть гудок прорежет мглу —
И зашумит квартирный улей,
День скроет бледный образ свой,

И снова сон. Сегодня то же,
Что и вчера... Не так ли схожи
Две капли влаги дождевой?
Получка. Здравствуй, мать-получка,
Краса копеечных квартир!
Бросай тетрадку, самоучка!
Объединен подвальный мир!
Слова — потоки, песни — ветер...
Погибни, царский четвертак!
За всю культуру здесь в ответе —
Бутылка водки и трепак...
Пожалуй, хватит на сегодня,
Прощайте, гости-старики...
Стоит прекрасная погода —
И весел взмах моей строки.
За переплетом плотных окон
Холодный месяц бледнолиц,
А на поля моих страниц
Струится лампа белым током.
Тепло. Светло. И мысль моя
Бывалой горечи не знает:
Светла, как жизнь, что обнимает
Родные, милые края.

1935

296. ПОЭТУ-БОЙЦУ

Мих. Дудину

Мой друг, о тебе вспоминаю любя:
Простым и веселым я знаю тебя.
Минувшее наше, товарищ-поэт,
Храню я на сердце, как первый привет.
В тревогу военную, в грозные дни
С собою понес ты желанья одни:
Свободной отчизне служить до конца
И словом поэта, и пулей бойца.

Бессонное море гудит в берега,
И бешено воют снаряды врага,
Но зорко глядят за родную черту
Защитники Ханко на славном посту;
Их доблесть не склонится перед бедой,

Ты ими гордишься, мой друг молодой,
Ты с ними, товарищ, становишься в ряд,
Стихи боевые о них говорят.

К прошлому память поэта верна,
К тебе издалека приносит она
Знакомые лица, покой вечеров,
Такое родное звучанье стихов;
Ты помнишь тепло задушевных речей,
Тебе вспоминается город ткачей,
И домик приветливый возле реки,
И в час расставанья пожатые руки.

Мы крепкую дружбу везде сбережем:
В работе упорной, в огне боевом.
За дружбу идут миллионы людей,
Ее и железом не сломит злодей.

Пусть море бушует и буря ревет —
Мы знаем одну лишь дорогу — вперед:
Кровавой обиды врагу не простим,
За всё мы отплатим, за всё отомстим!

1941

297. ПРЯЖА

В могучих пылающих горнах
Куется оружие страны.
Мне тонкая пряжа покорна,
Машины в работе верны.

Следила я зорко за ними,
Следила и ночью и днем;
Заветное, близкое имя
Хранила я в сердце моем.

Короткие письма читала,
Мечтала — увидимся вновь;
В добротную пряжу вплетала
Мою молодую любовь.

Беда не прошла стороною —
Горою легла на груди,

Вся правда сегодня со мною:
Ни писем, ни друга не жди.

Согнусь ли от горькой разлуки,
От этих неласковых дней?..
Работайте, крепкие руки,
Работайте вдвое быстрее!

О нем, о родном вспоминаю:
Он пал за свободу и честь,
В добротную пряжу вплетаю
Мою справедливую месть.

1943

298. ИВАНОВСКИЙ СИТЕЦ

В далеком поле хлопок созрел,
Под небом юга цвел, белоголовый;
В руках у нас он тонкой пряжей стал,
Засеребрился свежеею основой.

Легка, быстра ткачиха у станка,
В работе навык у нее хороший,
Струится ткань, добротна и крепка,
Чиста, бела, как первая пороша.

В печатный цех пойдет она потом,
На ней узоры красочные лягут:
Колосья нив в сиянье золотом,
Цветы лугов и гроздья спелых ягод.

Такому ситцу кто не будет рад,
Кто на красу его не заглядится!
Чудесный выйдет каждому наряд
Из нашего ивановского ситца!

1948

299

В который раз меня зовет
Та слобода заречная,
Где в низком домике живет
Моя любовь сердечная.

Пускай ответа не найду
Я на мечту заветную,
Хоть мимо домика пройду
Тропинкой чуть заметною.

1952

300. Я СЧАСТЛИВ НАРАВНЕ С ТОБОЙ

Володе Смирнову

Закралась грусть в мою строку,
Сказались годы трудной ношей.
Вставай на смену старику,
Мой юный друг, мой друг хороший.

Я был ткачом, поэтом был,
Как жизнь свою, любил я слово:
В душе глубоко я носил
Стихи любимого Кольцова.

Прекрасна молодость твоя,
Такой не видел и во сне я:
И звезды алые Кремля,
И небо чистое над нею.

За жар сердечного огня,
За робкие мои творенья
Начальство строгое меня
Карало, как за преступленье.

Тебя взрастил свободный край,
Тебе преград в дороге нету:
Смелее, милый друг, вставай
На смену старому поэту.

Я счастлив наравне с тобой.
И сердцем рад я безгранично,
Что по цехам у нас фабричным
Бушует ситцевый прибор.

1957

Михаил Дмитриевич Артамонов родился 24 февраля 1888 года в деревне Пески Кинешемского уезда Костромской губернии в семье безземельного крестьянина. Семья была многодетная, и с десяти лет будущему поэту пришлось самому зарабатывать себе на жизнь. Как вспоминал Артамонов в одной из автобиографий, «служил лакеенком в господском доме, мальчиком-садовником и в конторе „на побегушках“»¹. Потом приходилось работать лесным сторожем, разносчиком газет, вертельщиком колеса в типографии, хроникером в газете. Закончив Уткинскую сельскохозяйственную школу, Артамонов несколько лет работал садовником в Костроме, Плесе и Иваново-Вознесенске.

В 1909 году Артамонов был призван в армию. Отбывал воинскую повинность в качестве ротного фельдшера в Курляндской губернии. К этому времени относятся первые попытки писать. Свои стихи и рассказы «ротный фельдшер Артамонов» послал в 1912 году в газету «Правда». Стихи были напечатаны, у начинающего поэта установилась с редакцией связь.

Вернувшись в 1913 году в Иваново-Вознесенск, Артамонов избирает судьбу профессионального литератора. В городе, где «культурной» публики было очень мало, просуществовать на литературный заработок было почти невозможно. Но Артамонов обладал энергичным, целеустремленным характером. За один год он выпустил две книжки своих стихов — «Когда звонят колокола» и «Улица фабричная». О том, что приходилось все-таки трудно, свидетельствует рекламное объявление на обложке «Улицы фабричной»: «Иван Нелепый в прозе и стихах составляет интересные и занимательные рекламы, летучки, объявления для газет, поздравления, тосты и т. д.». Иван Нелепый — один из множества псевдонимов Артамонова.

Тогда же Артамонов сумел организовать в Иваново-Вознесенске издание первого в городе рабочего журнала «Дым». Вышло 14 номеров этого журнала: издававшийся на средства рабочих, публиковав-

¹ Цит. по: Розанова Л. А. «Там жили поэты...»//Тропинки памяти: Воспоминания и статьи о писателях-ивановцах. Ярославль, 1987. С. 85.

ший произведения рабочих авторов, злободневные статьи и сатирические стихи Артамонова, журнал был закрыт властями, едва представился удобный повод — в одном из номеров должна была появиться карикатура на полицмейстера. Артамонов, которому грозили арест и штраф, вынужден был в январе 1914 года бежать в Петербург. Там он возобновил старые связи с «Правдой» и активно печатался не только в «Правде», но и в других близких большевикам изданиях — в «Работнице», в профсоюзных журналах «Вестник приказчика», «Вопросы страхования», «Металлист». Стихи Артамонова были замечены — в 1914 году некоторые из них попали в «Сборник пролетарских писателей», который редактировал М. Горький. Во втором сборнике, вышедшем в 1917 году, тоже было несколько стихотворений Артамонова.

Его стихи этих лет мало чем выделяются среди подобных же опытов начинающих поэтов «из низов». Тяготы фабричного труда, обличение богатых, обобщенно-символический образ кузнеца, надежды на светлое будущее без угнетения и несправедливости — вот круг тем, которые разрабатывает в эти годы Артамонов. Налицо подавляющее влияние Некрасова, перепевы его ритмов и даже перифразы целых некрасовских стихотворений. Однако и в ранних стихах иногда пробивается собственная интонация — тогда, когда поэт отталкивается не от литературного образца, а от народной песни, частушки, когда из «города гулкого» зовет «в поле», «на волю» («Так и пышет...»).

В годы первой мировой войны Артамонов — на фронте. Был ранен, подвергался аресту за антивоенную агитацию, писал стихи с отчетливо выраженным неприятием войны.

С 1918 года Артамонов живет в Иваново-Вознесенске, работает секретарем редакции газеты «Рабочий край». Его стихи часто появляются в «Бедноте», рассказы и очерки — в «Правде» и «Известиях». В 1919 году Петроградский госиздат выпускает третью книгу стихов Артамонова «Земля родная». Работая в «Рабочем крае», по свидетельству Семёновского, был «главным организатором ивановских литературных начинаний»¹, во многом его энергии были обязаны ивановские поэты изданием ряда альманахов и сборников.

Перебравшись в марте 1922 года в Москву, Артамонов работал корреспондентом «Известий», сотрудничал в «Правде», «Красной ниве», «Московском пролетарии» и других изданиях, часто присылал свои корреспонденции и стихи в «Рабочий край». В 1924 году выходит небольшая книжечка стихов «Деревенская улица», в 1925 году — книга очерков «Дети улицы». В 1928 году Московское товарищество писателей выпускает сразу две книги стихов Артамонова — «Маков

---

¹ Семёновский Дм. А. М. Горький: Письма и встречи. 2-е изд. Иваново, 1961. С. 105.

цвет» и «Песни». В них окончательно определилось творческое лицо поэта. Главная тема Артамонова — особым образом, сквозь призму праздничной народной песни воспринятый мир русской деревни. Лучшие стихи Артамонова теснейшим образом связаны с национальной песенной традицией. Его поэтические книги — настоящая энциклопедия деревенских праздников: тут и смотрины, и свадьбы, и посиделки, и ярмарки. И поэт говорит с читателями голосом участника, а не наблюдателя, на языке всего песенного репертуара деревни. В его стихах слышны отзвуки древних обрядовых песен («Плетень»), современной частушки («Мил на фронте, на фронту...»), мотивы проникшего в деревню «жестокое романса». В традиционных песенных образах воспринимает поэт природу, весь круг деревенских забот, трудов и праздников. Ритмы Артамонова несложны, но он владел ими виртуозно. Уход старой деревни, того быта, в котором песня играла очень важную роль, словно бы лишил поэта почвы. После 1928 года он не выпустил ни одной книжки стихов, всё реже стали они появляться в периодической печати. Сорокалетний поэт в расцвете сил оказался как бы вне литературы.

Умер Михаил Дмитриевич Артамонов 22 ноября 1958 года в Москве.

301

Цветик дикий — мимоходом
В поле выросший цветок —
Сорван, вытоптан народом,
Брошен, хрупкий, на песок.

Но на том же месте самом
Из утопанной земли
Стройно цветики румяны
Целым морем расцвели...

<1913>

302

Так и пышет
Зноем-полымем
Раскаленная
Земля.
Не стоитя,
Не сидится,
Тянет в лес
И на поля.

Плиты, камень
Пышут пламень.
Раздавил нас
Город-змей.
Эх бы в поле
Да на волю!..
Там, где травы
Зеленей!

Только к воле
Не добраться —
Здесь до поля
Путь далек.
Город людный,
Город гулкий
Вихорь пыльный
Заволок.

То и дело
Воздух мутный
Оглашает
Звон-сигнал.
Вдаль без края
Рвутся звоны...
Город гулкий
Шум сковал.

Эх бы в поле
Да на волю,
Да в цветущий
Поле-сад!..
Там, где травы
Величавы,
Где бубенчики
Звенят!

Там, где лютики
И клевер
Ткут узор
Огнем своим,
Да чтоб к югу
И на север
Был простор
Неоградим!

⟨1915⟩

Над землей измученной
Сны переменяются,
Первые снежинки
Пухом осыпаются;
Стелются постелями,
Виснут над карнизами,
Поле разделосся
Снеговыми ризами.
Да не слышно говора
И разноголосицы,
В первом снеголёте
Песня не разносится.
Приумолкли песенки
Про дружка-изменщика,
В поле не услышать
Бубенца-бубенчика:
Будто всё-то вымерло,
По избам попряталось,
А бывало, парни-то
В это время сватались.
Звону-то, содому-то,
Смеху не обратиться,
Как начнут по дому-то
К девкам подбираться!
То-то было времечко,
Песни-речи звонкие,
Да пора сменилася
На родной сторонке:
Вместо песен — слезы,
Горе — злое зелье,
Не видать бывалого
Девичья веселья.
На войну проклятую
Всех парней угнали,
Золотые радости
Словно лист опали.

1915

Хлопья белые летят,
Запорошив крыши хат,
По дорожкам, по проселочкам
Бубенчики звенят.

В звонком беге
Бубны звонки;
Кони мчатся,
Таёт след.
Едут сваты
Вперегонки
На смотрины
В мясоед.

Вот проехали село,
Снова стали далеки,
В белополье заливаются
Бубенчики-звонки.

Уж едва
Заметны кони,
Посреди белых
Полей.
Сваты, сваты,
Не спешите,
Поверните
Лошадей!

Ходят девки по избам,
Ходят, песенки поют,
Да слышались бубенчики —
На улицу бегут.

При бантах,
При лентах сбруя.
Колокольчик
Звон куёт.
Едут сваты
Важеваты, —
К чьим воротам
Поворот?..

<1916>

Мил на фронте, на фронту,
 На чужой сторонке...
 Ах, и скучно же одной
 Девке-сговорёнке!

Сговорёна, пропита
 Да в церкви не венчата.
 Жизнь-то, жизнь-то какова —
 Горькая, изменчата!

Ах, одену ли венец
 В церкви пред иконами?
 Понесусь ли, полечу
 С бубенцами-звонами?

Знать, не видеть мне венцы,
 Золотые венчики;
 Не зальются бубенцы,
 Звонкие бубенчики!

Сердце бьется, говорит:
 Милый не воротится;
 Вековушкой плохо быть —
 Век мой укоротится...

Для ча, для ча ты дана,—
 Ожидать чего еще? —
 Распроклятая война,
 Чертово побоище!

Я тоскую, слезы лью
 На родной сторонке...
 Ах вы, песенки мои,
 Песни-побасёнки!..

<1917>

306. ТРОПИНКА

За поля суглинные,
 За полосы длинные
 Протянулась тропочка,
 Тропочка-протопочка.

Хожена ты, хожена,
По полям проложена,
О тебе и посказка
Во народе сложена:

Ходили лапти,
Гуляли лапти
По полю, полю,
Искали волю...
Да нету воли
В миру во поле,
Одна неволя
Дана на долю!

Мужиком протопана,
Ветрами отрепана,
Тропочка напольная,
Ленточка окольная,—
По полям теряешься,
На холмы взбираешься,
В даль бежишь ты вольную,
Тропочка окольная...

⟨1918⟩

307. ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

У нанятой горницы
Девушки-проворницы
Снежками играют,
Песни распевают.
Песенки начёты —
Для парней почет!

Тот почет так влечет.
Нет, не удержаться.
Стали парни подступать,
Снежками бросаться.
Попаду ли? Попаду
Либо в эту, либо в ту?
Эй, лови на лету,
Полно закрываться.
Не боятся настудиться,
Дома вечер не сидится,

Вольно так на холоду...
Попаду ли?.. Попаду!

У избы нанятой
Снег лежит примятый,
Окна освещены,
Двери растворены —
Там на новоселье
Полное веселье,
Песни да игра...

Ах, мила, мила игра,
Весела, нарядна.
На народе вечера
Так сидеть повадно.
Той ли ночью пурговой,
Чтоб тоску рассеять,
Песню-песенку с игрой
Любо так затеять.
Милы сборы-вечера,
Девичьи смотрины,
Шумен говор да игра,
Выступ лебединый.

Лампа подвесная
Освещает ярко.
На дворе-то холод,
А в избе-то жарко;
Распахнулись полы
Под напев веселый.

Весела, мила игра
Бойкая, нарядна,
На народе вечера
Так сидеть повадно.
Не заметить, не видать —
Петухи начнут кричать,
Знать, пора и со двора
Кончить день нарядный.

<1921>

На поляны в полесовье
 Шли-насвистывали.
 Ветры листья на березах
 Перелистывали.
 Девки бегали, скликались,
 Шли угончивые,
 На приваду, на порадуду
 Не приклончивые.
 В полесовье песня девок
 Подзадаривала,
 Хорошо гармонь играла,
 Выговаривала.

Я в багряном листозолоте-саду
 Вечер радости с порадодой проведу,
 Уведу я да потайною тропой
 В лес зеленый повеснянку за собой.
 Ты, березка, свои ветки наклони,
 Нас от взоров охрани, оборони.
 Будет слушать только ночка да трава
 Наши тихие да тайные слова.

Эй, откликнись, отзовись,
 Полыхмянница,
 Призывает тебя к воле
 Вольный пьяница;
 Призывает нас повада,
 Волей заданная.
 Где ты, радость-ненагляда
 Неугаданная?

Есть тропинка в лунном свете,
 Мной проложенная,
 Мы по ней пройдем с тобою
 В даль нехоженую.
 Там ли песня в лунном свете
 Подзадаривает.
 Хорошо гармонь играет,
 Выговаривает.

<1921>

...На межах-то чернобыльник-молочай...
 Ну-ка, милая, накачивай, качай.
 Думу девичью тревожную откинь,
 Эту рюмочку наливки опрокинь.
 Эта рюмочка тебя развеселит,
 Ты не бойся, голова не заболит.
 ...Володимер, володей, володей!
 Видишь, радость поднялася у людей.
 Все-то хвалят эту девку, дорогой,
 Экой девушки не сыщется другой.
 Ну-ка, выйди с-за стола да угости,
 Чем невесту свою за руку трясти.
 Видишь, парни да и девушки, любя,
 Ждут поздравить с нареченною тебя.
 ...Что ты, девка, не светла, не светла,
 Не Светланую глядишь из-за стола?
 Полно думать — перемелется мука,
 Ну-ка, выпей, угостись за муженька.
 Ой, как рюмки, чаши
 Гуляют за столом.
 За здоровье нашей
 Нареченной пьем.
 Тянем, потянем
 Водочки-вина
 Да чокнемся,
 Хлопнемся,
 Вот тебе на!
 Рюмочки со звоном
 Наполнились опять.
 За вином зеленым
 Нам любо пировать.
 Топнем,
 Прихлопнем,
 Пустимся в пляс,—
 Стаканчики,
 Жбанчики
 Выручат нас.
 Песня-побасёнка
 В избе по-за стенам
 Раздается звонко,
 Дает веселье нам.

С песней интересней
Нам пир пировать,
Ясную, прекрасную
Хозяйку величать.
Нуте-ка, налейте,
Как пить — так пить до дна,
Не вернутся эти
К нам снова времена.
Былые
Золотые
Дни оставят след,
Спохватишься,
Хватишься —
Их уж нет.

⟨1921⟩

310. ПЛЕТЕНЬ

Трясти, трясти —
Не домой нести,—
Ах, будем мы
Плетень плести!
Ты маков звон,
Поцелуйный день,
В кругу, в лугу
Сплетем плетень!
Идем вдвоем
Плетень плести,
Плетень плести,
Хоровод вести.
Как нам ли стать
Плетень заплетать,
Плетень заплетать
Да прут ломать.
Ах, зоренька,
Плетень сплетем,
Плетень сплетем
С тобой вдвоем.
Всю душу я
Тебе сберег.
Ах, если б я
Дождаться мог!

⟨1921⟩

311. РУКОБИТЬЕ

Зори, зори, заряницы,
Ленты алого огня,
Сердце рвется алой птицей
Под рубашкой у меня.
Выду, гляну ли на поле —
Дали, дали — далеки.
Ах, сдержаться ли от боли
Да уйти ли от тоски?
Помолёна, да не с милым,
Пропита, да не при нем,—
Всё-то сердце охватило
Болью, полымем-огнем.
Вся душа в рассветы-зори
Тлеет-теплится свечой,
На цветном холме-угоре
Жду я встречи, да не той.
Выди, выди, облюбован,
Мой целованный в тиши,
Светлой радостью сомненья
В моем сердце разреши.

<1921>

Дмитрий Андреевич Фурманов (26 октября 1891 года — 15 марта 1926 года) — известный писатель, один из зачинателей советской литературы. Родился в селе Середи (ныне город Фурманов Ивановской области) в семье крестьянина. Детство и юность провел в Иваново-Вознесенске. Учился в городском шестиклассном училище (1899—1905), торговой школе (1905—1908), Кинешемском реальном училище (1909—1912) и на филологическом факультете Московского университета (1912—1914, окончил в 1924 году). Участник первой мировой войны: был братом милосердия. В период Октябрьской революции возглавлял Революционный штаб в Иваново-Вознесенске. В июле 1918 года вступил в Коммунистическую партию, работал в советских и партийных органах Иваново-Вознесенской губернии. В 1919—1921 годах — на фронтах гражданской войны: комиссар 25-й дивизии Восточного фронта (командиром ее был В. И. Чапаев), начальник политуправления Туркестанского фронта, уполномоченный Туркфронта в Семиречье, начальник политотдела 9-й Кубанской армии, начальник редиздата 11-й армии и редактор армейской газеты «Красный воин» (Тифлис). Награжден орденом Красного Знамени за операцию по разгрому белогвардейского десанта на Кубани. В мае 1921 года приехал в Москву. Работал в Высшем военно-редакционном совете и Госиздате. Одновременно занимался литературной деятельностью. В 1924—1925 годах был секретарем Московской ассоциации пролетарских писателей.

Писать стихи начал в школьные годы. 26 июня 1910 года Фурманов отметил в дневнике: *«Мне думается почему-то, что я должен сделаться писателем и обязательно поэтом»*¹. Но в историю литературы он вошел не как поэт, а как писатель-прозаик, автор произведений «Записки обывателя» (1921), «Красный десант» (1922), «Чапаев» (1923), «В восемнадцатом году» (1923), «Мятеж» (1925), очерков о М. В. Фрунзе и др.

Вместе с тем нельзя не учитывать и стихотворных произведений писателя. За период 1904—1921 годов им создано свыше 300 стихот-

¹ Ф у р м а н о в Д. А. Собр. соч.: В 4-х т. М., 1961. Т. 4. С. 17.

ворений, за редчайшим исключением не публиковавшихся. Как поэт Фурманов, можно сказать, неизвестен. Писатель самокритично относился к своим стихам. Однако они сохраняют свое значение как литературные опыты писателя и как отражение настроений и переживаний людей определенной эпохи.

Стихи Фурманова проникнуты демократическим чувством, в них отрицается искусство для искусства, утверждается высокая ценность в человеческой жизни труда. Программный характер носят такие стихи:

Три думы были у меня:
Одна — всё старое разрушить,
Другая — новое родить,
А третья — грех обезоружить
И счастье в жизни воплотить.
(«Три думы», 1912) ¹

С романтическим пафосом юный поэт призывает:

Пойми поэзию борьбы
И счастье вечного влечения.
(«Жизнь», 1913) ²

Позиция Фурманова до Октябрьской революции может быть определена как общедемократическая и гуманистическая, сформировавшаяся под воздействием русской литературы, особенно творчества Л. Толстого, Достоевского и Некрасова, что нашло отражение и в его стихах. С точки зрения фактуры стиха, сильное влияние оказали на него Некрасов и Надсон.

Начиная с первой мировой войны описательно-пейзажная лирика, лирика интимно-нравственных переживаний и романтических порывов все более заменяется реалистически точными характеристиками («Серые волны», «В бурю», «Лагерь») и поэзией революционных предчувствий и перемен («Бейте, барабаны», «Пробуждение великана»). После Октябрьской революции в стихах Фурманова слышится голос человека, живущего «жгучею борьбой» за народное счастье («Клич», «Мы», «Удачник» и др.) ³.

Любовь к поэзии Фурманов сохранил до конца жизни. Он хорошо знал творчество поэтов, организовавшихся вокруг газеты «Рабочий край», интересовался ими. Семёновского, например, он считал «мастером слова и образа» ⁴.

¹ ИМЛИ. II. 62. 1733.

² Там же.

³ Более подробную характеристику стихотворного наследия Д. А. Фурманова см.: К у п р и я н о в с к и й П. Художник революции: О Дмитрие Фурманове. М., 1967. С. 27—96.

⁴ ИМЛИ. II. 62. 1500.

Какую тяжесть оставляешь,
 Страдалец, ты в душе моей,
 Как ты глубоко отравляешь
 Беспечность юных моих дней!

Что новый сказ — то бездна горя,
 Что новый звук — то новый стон...
 Ужели горечь жизни моря
 Испил душой своею он?

Ужели все эти страданья
 Иль хоть подобие одно:
 Все вопли, муки и стенанья —
 Всё им душою рождено?

О, как тогда ты исстрадался!
 Как много грех людей омыл!
 Как ты над ними убивался,
 Как верил в них и как любил!!!

23 февраля 1913

313. НОЧЬ

Про ночь лишь ночью можно говорить.
 В ней столько жизни новой, непонятной,
 Что дня лучи не в силах воскресить
 Ее тоску и говор тьмы невнятный.

В глухую ночь, когда в небесной мгле
 Зажгутся яркие, мерцающие очи, —
 Люблю смотреть, как в дремлющей земле
 Несутся призраки закутанные ночи.

Люблю смотреть и слышать тайный звон,
 Бесследный шорох, легкое дыханье,
 То дальний гимн, то близкий, тяжкий стон,
 То мирный звук, то адское рычанье.

И жизнью новой, жизнью мглы ночной
 Душа полна в невольном содроганье —
 То внемя пляске — страшной, гробовой,
 То утопая в радужном сиянье.

12 июля 1913

314. ЛЮБИМЫЕ СТИХИ

Я люблю стихи, где жизнь как солнце светит,
Я люблю стихи, где солнце говорит —
Солнце ярким светом мне на мысль ответит,
Солнце жгучим зовом дух мой укрепит.

Я люблю стихи, прожженные слезою,
Созданные в мраке безотрадных дней,
Если дух живой не падал пред грозою
И играл во мраке тысячью огней.

Я люблю стихи, где лжи гремит проклятье,
Где поэт один, уставши без пути,
Устремляет скорбный взор свой на распятье
И за грешных братьев молится: «Прости!»

Но кипит в душе презрение и злоба
На стихи унынья, рабства и тоски,
Где живые люди сами ищут гроба,
Молятся на холод гробовой доски.

Это дети мрака, дети подземелья,
С гимнами бессилью и подземной мгле,
Взросшие без солнца, света и веселья,
И не им царить на солнечной земле.

18 февраля 1916

315. ПРОБУЖДЕНИЕ ВЕЛИКАНА

Тише... Огромное чудо свершается —
В темном лесу великан пробуждается,
Вздыбилась грудь, как волна...
Он еще дремлет под шапкой мохнатой,
Он еще сердцем и мыслью крылатой
Не пробудился от сна.

Полымем алым заря занимается,
Солнечный шар из-за гор подымается
Богатыря осветить;
В заросли хмурые, в дебри безродные
Врезать лучи золотые, свободные,
Светом от сна пробудить.

Слышите: по лесу словно шептание —
Это его, великана, дыхание
Шутит-играет листвою.
Слышите звон и биенье неровное?
Это колотится сердце огромное —
Чует восход золотой...

Тише... Рядами сомкнитесь готовыми...
С ярким светильником, с думами новыми
Новая сила идет.
Встаньте торжественно, в полном молчании,
Дайте дорогу при светлом сиянии
И пропустите вперед...

Декабрь 1916

316. НА 1 МАЯ

Да здравствует братство народное!
Да здравствует первенец Май!
Да здравствует знамя свободное
И юный раскованный край!

Туда, в царство сна необъятное,
Туда, где чуть дремлет порыв,—
Домчись, наше слово раскатное,
Домчись, наш свободный призыв!

Довольно взаимного мщения!
Обманутый витязь — вставай!
В объятья иного крещения
Зовет нас восторженный Май!

Отбросив призывы жестокие,
Мы новую песню споем,
Проснитесь же, братья далекие,
И вместе мы к солнцу пойдем.

Протянем мы руки усталые,
Омытые в братской крови!
Пусть троны сменят обветшалые —
Устои вселенской любви!

<1917>

Мы живем, как метеоры:
Быстроту наших движений,
Смысл великих достижений
Невозможно охватить
И словами воплотить.

Мы несемся, словно вихри:
Подымая мир уснувший,
Сокрушая век минувший,
Отчеканивая звон,
Рвущий зов со всех сторон.

Мы, как молния, сверкаем
Утонувшим в злой неволе,
Мы зовем их к лучшей доле
И указываем путь,
Где мы сможем отдохнуть.

Будьте ж ярки, метеоры,
Вихри, молнии и зовы,
Мы, как тигры, разъяренны,
И, пока не победим,
Мы свой меч не отдадим.

6 января 1920

Иван Ипатьевич Жижин родился 17 января 1892 года в селе Чечкино-Богородское Шуйского уезда Владимирской губернии. Отец поэта занимался столярным делом, мать работала прачкой, кухаркой, нянкой. Мира в семье не было, и она в конце концов распалась.

Как вспоминал поэт в автобиографии, «азбуку я выучил, когда мне было около 4 лет, по кубикам, в кухне, с ямщиками»¹. В 1899 году Жижин поступил в начальную школу, затем учился в приходском училище, закончил шуйское четырехклассное училище. В школьные годы он пристрастился к чтению, в 11 лет начал писать стихи. Пробовал Жижин себя и в журналистике — посылал заметки и статьи (правда, безуспешно) в газету «Старый владимирец».

После окончания училища Жижин служил писцом в Шуйской земской управе, где познакомился с работавшим там же поэтом А. Д. Сумароковым. Эта дружба укрепила обоих в любви к поэзии, в мечте о поэтическом призвании. Они составили ядро сложившегося в Шуе литературного кружка, где велись горячие споры о поэзии, обсуждались новые книги и журналы. Любимыми поэтами Жижина были в те годы И. Бунин и уроженец Шуи К. Бальмонт.

В августе 1913 года Жижин и Сумароков поехали в Петербург, где поступили на средние общеобразовательные курсы А. С. Черняева. В начале 1914 года поэт под псевдонимом Ив. Строганов начинает печататься в «Новом журнале для всех», в журнале «Дамский мир» и других изданиях.

Ранние стихи Жижина несут на себе отпечаток увлечения поэзией Бальмонта, Блока, Бодлера, они наполнены символистскими штампами и клише. Но поэт в эти годы напряженно работает, много читает, осваивает культуру, стремится вырваться из тесных рамок общепоэтического словаря, создать необычный, выразительный образ. Судя по некоторым произведениям, Жижина привлекают эксперименты футу-

---

¹ Цит. по: Розанова Л. А. «Солнце новое для нас взошло» (К биографии И. И. Жижина) // Тропинки памяти: Воспоминания и статьи о писателях-ивановцах. Ярославль, 1987. С. 94.

ристов. Лучшие стихи этого периода — о природе, о «страшном мире» капиталистического города. В стихотворении «На проспекте» (1914) впервые появляются у Жижина образы рабочих, противопоставленные «чинной толпе» на проспекте и «сибаритам на рысаках». Рабочие — «два хмурых» — вырастают в сознании лирического героя выше «крыш небоскребов». На фоне бесцельной суеты и «безумства» разряженной толпы они для него — «вдох весенний на трупный тлен».

Осенью 1916 года поэт был призван на военную службу, а после демобилизации в 1918 году вернулся в Шую, где служил сначала в канцелярии Шуйского исполкома, а потом в редакции газеты «Новый путь».

В феврале 1919 года поэт перебрался в Иваново-Вознесенск, где стал одним из самых активных сотрудников «Рабочего края». Одно время он заведовал литературным отделом Губполитпросвета, редактировал выпускавшийся Губполитпросветом альманах «Начало» (1921—1922, № 1—3).

В иваново-вознесенских изданиях — «Рабочем крае», альманахах и сборниках печатались многочисленные стихи, поэмы, рассказы, фельетоны, критические статьи и рецензии Жижина, здесь же в 1922 году вышел сборник стихов «Моё», который поэт посвятил пролетариату Иваново-Вознесенска — «Красного Манчестера».

После Октябрьской революции, которую поэт принял восторженно, в лирике Жижина появляются новые мотивы — тема освобождения труда, тема Родины, образ которой создается под мощным влиянием блоковских стихов о России. Стихи Жижина о Родине и революции отличаются от многих подобных, появившихся в те годы, попыткой передать не только пафос освобождения, радость обретения нового пути Родины и нового смысла жизни, но и трагическое напряжение совершающегося социального сдвига, требующего от человека жертвенного служения революции («Две матери», 1918; «Русь», 1919; «Белет ружей черная щетина...», 1919; «Февраль — Октябрь», 1920—1922). В эти же годы Жижин пристально всматривается в природу, ищет смысл ее бытия и место в ней человека («В мире — одна душа», 1920), мучается невозможностью «воссоздать» «неуловимую природы прелесть» «мертвыми, как чертополох» словами («Неуловимое», 1920). Его волнует тайна смерти («Смертный грех, несчастное былое...», 1919), все трагичнее кажется ему судьба человека в прекрасном, но жестоком и неумолимом мире («Тройка», 1920; «Роковое», 1922). Ощущение трагичности личной судьбы снимается у Жижина лишь в обращении к идее просветляющей жизнь поэзии, к идее бескорыстного служения поэта людям («Исповедь голубиная», 1922).

Стремясь к выразительности, экспрессивности поэтического образа, Жижин сначала принял имажинизм как близкое своим творческим устремлениям течение, но затем охладел к самоценному обра-

зотворчеству (см., например, стихотворение «Прогулка», опубликованное в 1921 году, где ряд гротескно-имажинистских образов поставлен в иронический контекст).

В декабре 1922 года, сразу после выхода в свет книги «Моё», Жижин переехал в Москву. Об этом периоде жизни поэта известно очень немного. Первое время он работал в ТАСС, затем в Партийном издательстве при ЦК ВКП(б), где составлял различные сборники и справочники, в том числе книгу «Вся печать СССР». В эти годы поэт почти не печатается, не издается. Лишь в 1929 году вышла небольшая книжечка стихов для детей «Веселая охота».

Живя в Москве, Жижин не прерывал связей с Иваново-Вознесенском, приезжал на родину. В местной прессе изредка появлялись его воспоминания о первых годах «Рабочего края» и стихи. До конца жизни Жижин переписывался с Семёновским, лирику которого очень любил. Семёновскому и сообщили родные поэта о его трагическом конце: 5 апреля 1933 года Иван Ипатьевич Жижин покончил жизнь самоубийством.

318

В долу сверкающем и плоском
В стеклянный медленный поток
Течет с уклонов желтым воском
Сырой дымящийся песок.

А там кусты в болоте топком,
Вдыхая ветра влажный вздох,
С резной листвы, в просонье робком,
Кропят огнями ржавый мох.

От луж болотных тянет илом,
И сухостой, где глубь видна,
Бежит по судорожным жилам
До голубеющего дна.

1915

319. ДВЕ МАТЕРИ

Моей матери

Дивный голос коснулся слуха.
И я понял теперь, почему
С каждым днем черствей, как краюха,
Мое сердце в родимом дому.

Прогремленную вижу землю
И свобод круговые ковши;
Материнских ласк не приемлю
В заревую кошелку души.

Взгляд суров, шаги мои грубы.
Мать, поникнув, сидит за столом:
Две слезы и бледные губы
Дрожат над хлебным сухим куском.

Сквозь оконце кисти рябины
В глубину ее глаз протекли:
Чует, чует, что ласки сына
Греют грудь прогремленной земли.

1918

320. НАРОД ВЗДОХНЕТ

Полнеба алой влагою намокло.
Прозрачен воздух. На душе легко.
Высокий дом, где выбиты все стекла,
Сосет из горней груди молоко.

А в облаках копает ветер ямы,
Чтоб месяц раззолоченный увяз.
Враждебно смотрят на прохожих храмы
Провалами прозеленевших глаз.

Святые с ликами желтее воска
Косятся на космический пожар.
И падает, звеня стеклом, известка
Со стен на вылощенный тротуар.

И временем изъеденные кровли
Наморщили сухую чешую.
Доколь радений дом — вертеп торговли,
Нам не прильнуть к Кастальскому ручью.

Народ вздохнет, когда из ветхих зданий
В миг завершенья таинства зари
Уйдут совсем в страну воспоминаний
Небесных воинств грозные цари.

<1919>

Белеет ружей черная щетина.
 На мосту приник к перилам дед.
 «Аль, старик, высматриваешь сына?»
 — «Нет, сударушка, не сына. Нет...»
 — «Ну а что ж?» — «Да вот смекаю, милый,
 На войну, знать, гонят... Ну и — жаль».
 — «День свободы, дед...» Но ветер силой
 Разговор порвал и бросил вдаль.
 Дед не понял, что сказал товарищ,
 И, склонив к земле незрячий лик,
 Рассуждал: «Весь свет в дыму пожаращ..
 А поди, чай, всё от умных книг».

⟨1919⟩

322. РУСЬ

Сгони с лица осенней грусти хмурь
 И хоровод сомкни венком веселым;
 Плат расписной, как ясную лазурь,
 Раскинь по ветру над бескрайным долом.

Вчера скиталась старицей седой
 И древние псалмы на рынках пела,
 Но вот, омыв свой лик живой водой,
 Как луч денницы, ты помолодела.

Бывало, над тобой смеялись вслух
 Да душой, юродивой называли,
 И ты, с толпой скитальцев и старух,
 Шла по ночам в безрадостные дали.

Порой печаль кряжистой красоты
 Текла в простор из глаз твоих незрячих,
 О воле же заветные мечты
 Тонули в водах черных и стоячих.

И кто теперь, о сытости скорбя,
 Русь палачу опять в невесты прочит —
 Он — добровольный раб и на себя
 Вережки вьет и нож булатный точит.

Но Дочь Труда возможно ль полонить
И на бесценной крови трон поставить?
Нет! Лишь рабочий, жаждущий творить,
Земле нечаянную радость явит.

Привет удачам! Раны не страшат!
И все в борьбе мы лечь костями готовы
За дело правое, за твой багряный плат,
О Русь, разбившая свои оковы!

1919

323. ГРОЗА ПО ЗАРЕ

Огневой лучиной занозила
Хмурый лик седая вышина,—
Покачнулись горние стропила,
Озарились глуби вод до дна.

И полей заоблачных пшеница
Потекла с грохочущих телег.
Но щедро небесная кошница
И безмерно алчен человек.

1919

324

Вечер, ликом румян и меден,
Колоб солнца за пазуху скрав,
Тихо тянет лиловый бредень
Вдаль по зарослям облачных трав.

Заводь запада сетью дырявой
Бороздит он — незримый рыбак —
И за смутно гудящей дубравой
Свой улов прячет в хвою и мрак.

Из болота выводят туманы
В высь безликую призраков рать,
Чтобы заводи алость, как раны,
После ловли до ночи слизать.

1919

1

Мих. Артамонову

Немудрой, но ядерной яви душу,
 Всю жизнь живую сел и деревень
 Хотел бы в расписную боковушу
 Собрать поэт и бросить в новый день.

Никто, никто про радости и горе
 Нам не расскажет лучше, чем гармонь.
 Мужичья удаль широка, как море,
 Коль тлеет под рубахою огонь.

2

А. В (оронскому)

Открытый лоб и взгляд такой холодный.
 Но кровью звездной сердце влито в мозг.
 В душе — вся скорбь и горький плач народный
 Любовью солнечной расплавлены, как воск.

Политик и поэт, строитель и философ,
 Он сердцем добр, а волей тверд и смел,
 И кажется, что нет таких утесов,
 Где б он о судьбах Руси не скорбел.

3

Ав. Ноздрину

У камелька, под вечер, сидя в кресле,
 Перелистать душистый томик Фета;
 Остановить часы, сказав: «А если
 Вернуть весну и солнечное лето?»

Ах, дедушка, когда мечты так сладки,
 Слова и взгляды кажутся душевней
 И, право, не на крыльях, а в крылатке
 Легко умчаться вдаль из кельи древней.

Дм. Семёновскому

Исконный венчик, звон, псалмы, каноны
И всё, что есть нетленного во храме,
Ты вплел в свои лазоревые звоны
Живыми невечерними огнями.

Дыханье ржей, а не гроза и буря
Стремит твой челн, взрезая вод стеклярус.
И даже, русые ресницы жмуря,
С круч загляделось солнышко на парус.

Сергею Семину

Прорывают струи знойной дрожи
Перелесков кружевные шлюзы.
В день погожий пастушок Сережа
Полевых цветов нарвал для Музы.

В уголок свой светленький и тесный
Васильки принес и медуницы,
Сплел веночек, да такой чудесный,
Для своей красавной голубицы.

Ник. Смирнову

Эскиз сквозной набросан акварелью:
Лазурь, родник, березки белый стан,
Кругом цветы, червонный мох под елью...
И мнится, что грустил тут Левитан.

Ночь. Стонет выпь. И бор седым олунен,
И васильками тянет с полосы...
В янтарных кельях осени здесь Бунин
Считал печальной юности часы.

А. Сумарокову

Средь фолиантов толстых — хмур и строг,
С глубокими морщинами на лбу,
Сидит он и червонный бисер строк
Упорно нижет на свою судьбу.

Искатель вечного в хаосе книг,
Он никогда судьбе не скажет: пусть!
В граненый стих и в каждый мысли миг
Философическую вносит грусть.

1919—1920

332. В МИРЕ — ОДНА ДУША

Мы ли только терпим страданья?
Может быть, в приливе тоски
Вон тот угол белого зданья
Грызли вечности зубы-гвоздки.

И не зря в плат осенней хмури
Липы листья слезами льют
И на тучах волосы бури
Пред грозою дыбом встают.

Скажешь: нам, с разумной речью,
Лишь доступны скорбь, красота...
Ну а если одна человечья
В мирозданье душа влита?

В человеке, в былинке, повсюду.
Вены времени ею полны.
Мы ж — чуть зримые в мире сосуды
Разной формы и глубины.

1920

333. НЕУЛОВИМОЕ

Нет, не воссоздаст ни кисть, ни молва
Неуловимую природы прелесть.
Мертвые, как чертополох, слова
Выдавливает человечья челюсть.

Выткать стих шелковинками мысли —
И поэт мучительно ум свой трудит,
Но равновесья на коромысле
У слов с сокровенным души не будет.

Всё, что в глаза проросло огромным,
На бумаге — подстреленная птица.
Не схожа ли мысль с ключом подземным,
Что на поверхность по жилам стремится?

«Солнца мне, солнца!» — грустит под тягой.
Но вот под заступом рвет звонко жилу;
Выслезится на свет жгучей влагой
И через миг ищет в песке могилу.

1920

334. ТРОЙКА

Друг, полно грустить! Не всё ли равно:
Семьдесят стылых зим или тридцать
Пламенных весен с души скрутится
На неумолимое веретено?

Лук ума лишь туже был бы натянут,
Да каждый миг в ярком сожжен труде.
Гонишь тройку? Гони! Станция где —
Не спрашивай. Скакуны сами станут.

Друг, что до твоей чахлой груди богу!
Не гадай на кукушкины всхлипы,
А гони лихих коней до хрипа:
Гей, гей, добрые люди, ширь дорогу!

Вон у околицы мать, дед и жена
Плачут, руками вслед тебе машут.
Тпру!.. Не стоят вороны... пляшут...
Прощай, родимая!.. Фью!.. Удадь пьяна.

Э-эх, и любо ж на вольном раздолье!
А бубенцы-то как жгут, говорят!..
Хочешь ли? Хочешь судьбу променять
Ты на долгое злое безволье?

1920

335. СТАРУШКА ЛЕЖАНКА

На ходиках — два без пяти. Пора и в сон.
Кот-вечер вылакал из лампы керосин.
Похожа на заветный бабушкин запон
Лежанка, справившая под тридцать годин.

На каждом изразце сиреневый бутон
И паутина легких старческих морщин.
Наверно, ведь у всякой трещинки свой звон
При появлении был: то — тик! то — дзинн!..

«Не будет веку,— говорил печник Абрам.—
Не дом бы этой печке греть, а целый мир...»
Года состарили. Но диво: по зимам,
Как видно, пьет она чудесный эликсир:

Вся — зной, от лампы на лице играет светлячок,
А в сердце тенькает без умолку сверчок.

1920

336. ПРОГУЛКА

(Муза имажинистская)

Ограда — как рубахи ворот
На шее одноглазого вечера.
Мы вышли с тобой за город
И молчим — друг другу сказать нечего.

О книгах, что читали оба,
Давно и давно переговорено.
Ставни сердец отворяем за скобы —
Не поддаются, крепко затворены.

У меня голос грубый и низкий —
Совсем не такой, как у влюбленного;
Да и ты стала футуристкой,
Разлюбив песенки Артамонова.

Городского грохота сила
Оставила девичье сердце ни с чем:
Никогда не назовешь милым,
А сухо величаешь товарищем.

Уж с версту прошли — и ни слова.
Стало в полушаре синевы черно.
«Женя, приголубь хоть бедово
Меня, по-имажинистски, вычурно.

Вверх взгляни: звезды — как булавкой
К сучьям туч приколотые мотыльки;
Даже месяц рыжей пиявкой
Присосался влюбленно к руке реки...»

Ни вдоха. Золотые рыбки
Образов заплыли в душу девичью.
«Достань мне,— бросила с улыбкой,—
Маяковского иль Шершеневича...»

Молча мы повернули в город.
Часы сонно полночь отрезвонили.
Скрипнули где-то скулы ворот,
Подразнив, что друг друга не поняли.

<1921>

337. ПОЕЗД

Кот кольчатоспинный, бескохтый,
Ловит вокзалы, точно мышей,
Задавит гамы и с грохотом
Мчится дальше, дымя из ушей.
Сыт до отвала, а зарится:
Ему бы еще, еще глотать.
В нем на бегу переварится
Не одна миллионная рать.
Лют к еде, хоть годами и стар,
За свой век видел глад и брашны.
Ни аппендицит и ни катар
Для утробы его не страшны.
То вскачь несется, то крадется,
Тонясь в зеленый песок лесов,
И боками рваными гладится
О листовное колесо.
Только в татарском становище
Так от конниц дрожала земля,
Когда он, шальное чудовище,
Выскакивает на поля.

А если вдруг хищно во мраке
Захрапит зверь с такой же спиной,
Он, как мимо врага-собаки,
Проскачет, фыркая, весь глумной.

1921

338. РОКОВОЕ

Поломай, поковеркай жестянку:
Если жечь пополам не сломал,
То на глянце за ранкою ранку
По изгибу означает металл.

Ранки те через день потемнеют,
Скоро выступит ржавчины рось,
И они проболят и протлеют
На сверкающем глянце насквозь.

Рук тогда не натрудишь до боли:
Жесть сама распадется собой.
Так и ты, моя твердая воля,
Исковеркана, видно, судьбой.

<1922>

339. КРЕМЛЬ

Какой чудовищный архитектурный бред
Нагроможден, как в черепе безумца.
Перешибал ты производом балки лет,
Венчал глупца, гнал к плахе вольнодумца.

Всё фанатичней, набожней — чем старше.
Чтоб оберечь покой царевых палачей,
Зубчатый ворот, как на шее патриаршей,
Огнями башенок смыкался в тьме ночей.

А непогод заржавленные иглы
Без устали вели на нем узор простой.
Казалось: Русь вся каменно и гибло
В тебе тяжелою обжата маетой.

Рядился в багрецы от гнева город,
Зловещий перезвон глуша в твоих ушах.
Огни, как мысли, путались. За ворот
Полз прятаться сороконогий царский страх.

И хищно, как ощеренные кошки,
На лапах пушки крались в гробный мрак...
Но... напроць лопнули на ворота застезки
И вспыхнул к небу молнекрылый флаг.

<1922>

340. ФЕВРАЛЬ — ОКТЯБРЬ

Нары, как ульи потревоженные, жужжат.
Полусвет запылен табачной синелью.
С головой укывшись на койке шинелью,
Не озорует взводный на бессонных солдат.

«Пронеси, господь!» — шепчет, превозмогая дрожь.
О-ох, забыл он о каторжной дисциплине!
Видит: по стене руки к царской картине
Тянутся.

Срывают.

Комкают.

Песни . . . . . Галдеж.

Трубят от такого вида
В ушах громогорлые трубы.
Скалит на него пирамида
Штыков вороненые зубы.

И вдруг, как железо расплавленное,
Разом
Пролилась
С «Марсельезой»
Звенящая
Ваза:

...Отречемся от старого ми-и-ра,
Отряхнем...

Ползут на пол с койки рукава шинели:

«Смиррр-на! Черт вас возьми... совсем ошалели!..

Нагрянет ротный — и беда... Под суд все пойдем...»

— «Цыц!.. Не запугаешь. И был — да весь вышел
страх.

Довольно терпеть розги и оплеухи!..»

Текут на взводного золотые мухи

Неслыханных слов: «Сво-бо-да!»

Темнеет в глазах.

«Эх, товарищ, нрав смири!

Сядь-ка с нами да ладком

Побеседуй, покури

Да попотчуй табачком.

А за деспотов патрет,

Что сорвали со стены,

Не тебе держать ответ.

Не ответишь без вины.

Эх, товарищ, друг родной!

Брось-ка, брось зубрить урок

И готовить нас с тобой

Капиталу на зубок».

Потоками бодрых, не гаснувших всю ночь огней

Хлещут окна утренней заре на пряди.

Но что они? Светлей солнца — по лампаде

В каждой груди. Мильоны вольт — по жилам ток дней.

И вот, в войне, и скрежете, и гуле

Возник иной, необычайный гул:

Как бы в мильоны вороненых дул

Втолкнуло солнце золотые пули;

И в каждом по звезде зажглось прицеле;

Ощерились грозней лучештыки,

И враз певуче шелкнули курки,

И в ужасе дворцы остолбенели.

Свет окон их в Неву, испугом выгнут,

Шарахался на оснеженный лед.

Мерещилось, что огнешерстый кот

Вот-вот на них с Васильевского прыгнет.

...Фев-раль! — победно повторило эхо

От полюса до полюса тот залп,

И мира старого взнесла высоко скальп

Граненая Адмиралтейства вежа.

Из Рима, Лондона, Нью-Йорка, Вены,
Парижа и Берлина в страхе зрят
Бирж короли, как хладный Петроград
Зорь грозные раскинул гобелены.

В тончайших сочетаниях авроры
Прояснивали дни через туман
Гибель эксплуататоров всех стран,
Последние суды и приговоры.

. . . . .

Катились жерла улиц летним жаром,
Терялся синий ветер в складках зорь.
Октябрь июлю вслух вещал: ускорь!
Ускорь бег дней к иным побед ударам!

И вот великое предвозвещенье
Явила скоро городу заря:
Звезду немеркнущую Октября.
В лучах — серпа и молота скрещенье.

. . . . .

Русь, как воды в часы ледохода,
Мчала глыбами льда города, —
В хворой дрожи огней небосвода
Неночная родилась звезда,

Проводов бестолковые стаи
Мрак сверлили, пиля тишину.
Толпы, площади, зданья, трамваи —
Вал на вал и волна на волну.

Пробуравив железные тучи,
К льдам звезда сорвалась с вышины
И расталила землю в могучий
Сплав труда и бескрайной весны.

Радость, оторопь, страхи, восторги —
Всё смешалось. Валы — на валы.
А с дворцов, превратившихся в морги,
В шторм зловеще косились орлы.

1920—1922

341. ИСПОВЕДЬ ГОЛУБИНАЯ

Славная моя маленькая дочурочка,
С голубоватыми серпиками ресниц,
И ты, сидящая на паперти дурочка,
Пред прохожими упадающая ниц,—
Вам песня одна!

Плечи, натруженные слепо машинами,
Мозоли и раны страстотерпческих рук,
Взлеты над вскипевшими света вершинами,
Гнев, разрушенье, ожоги творческих мук,—
Вам песня одна!

Ум и безумие, любовь, несмирение,
Пыл юности и последнее бытие,
Удар молотка и замыслы гения,
Страдание, радость, наше, мое и твое,—
Вам песня одна!

Гордые, смелые и самые робкие,
Проклинающие и благословляющие жизнь,
Раздолья земные, и трясины топкие,
И лучезарная ликующая высь,—
Вам песня одна!

Жена любимая и жены далекие,
Миллионы возлюбленных моих и чужих,
Счастливые матери и одинокие,
И в алых заводях ваших зачатый стих,—
Один вам привет!

Взвейтесь, песни с ладони над пыльными прахами,
Под просветленные зорями облака!
Взвейтесь, взвейтесь звучно звенящими взмахами,
И чуткая вас приголубит рука!

1922

Каждая тучка по-своему пенится,
У каждой песни хорош свой лад.
Как ни машет крыльями мельница,
Но не выведет её желтых цыплят.

Если ты не поэт, не избранный
Принести в мир светлую весть,
Не тоскуй под небом непризнанный,
Зори с неба бессильный свести.

Ведь никто не славит победою
Смелых армий в начале борьбы.
Кто же, кто до конца поведает
Правду песенной темной судьбы?

Жизнь поэта большая капризница —
Ни палач беспощадный, ни друг.
Даже сквозь предначертанный круг,
Но к звезде своей должен ты близиться.

<1928>

Сергей Афанасьевич Сёмин прожил короткую и тяжелую жизнь, о которой нам известно очень мало. Родился он в 1897 году в селе Перелого Суздальского уезда Владимирской губернии в бедной крестьянской семье. Нужда заставила с детства пойти «в люди» — Сёмин был пастухом, затем переехал в Иваново-Вознесенск, где трудился на текстильных фабриках. Серьезного образования получить не удалось — только одну зиму будущий поэт посещал церковно-приходскую школу, но тяга к знаниям была очень сильна, и он много читал, посещал библиотеки, ночами сидел над книгами.

В 1914 году, когда началась первая мировая война, Сёмина мобилизуют, он попадает на фронт. Даже здесь он не оставляет своей страсти к чтению, к поэзии. Как писал с его слов М. Артамонов, «находясь в окопах, он заучил наизусть почти всего Пушкина, Лермонтова и других классических поэтов»¹. В 1915 году Сёмин был тяжело ранен — осколком снаряда ему раздробило правую ногу. Два года он провел в госпиталях, но остался инвалидом. Очевидно, в это время он и начал писать стихи.

Возвратившись в 1919 году в Иваново-Вознесенск, поэт принес свои стихи в редакцию «Рабочего края». Стихи понравились, судьба юноши-инвалида заинтересовала сотрудников редакции — М. Артамонова, И. Жижина, Дм. Семёновского. «С этой поры, — вспоминал Артамонов, — он и начал широко печататься, впервые за свою жизнь. Редакция командирует на квартиру его сотрудника. Редакция интересуется его судьбой, устраивает его в качестве воспитателя в один из детских домов»². Но здоровье Сёмина было уже серьезно подорвано, работать он не смог, а инвалидная пенсия не спасала от голода. Он уезжает в Самарскую губернию, живет в инвалидных домах в Новоузенске, Саратове, Дергачах. Связи с редакцией «Рабочего края» Сёмин не порывает — время от времени на страницах газеты, а также в иваново-вознесенских альманахах и сборниках появляются его новые стихи и рассказы.

---

¹ Артамонов М. Сергей Сёмин // «Рабочий край». 1921, 7 июня.

² Там же.

Поэтический талант Сёмина только еще начинал развертываться, его развитию, конечно, мешал недостаток культуры, образования, тяжелая жизнь инвалида в условиях голода и разрухи, но и те стихи, которые Сёмин успел написать и опубликовать, указывают на богатые задатки поэта-самоучки. Ориентируясь на традиции Некрасова, поэтов-суриковцев, Сёмин вносит в песенный лад своих стихов ощущение радости жизни, безмерности сил народа, пробужденного революцией. Главная тема его лирики — Родина, деревенская, полевая Россия и пахарь — центральный образ этого мира. Стихам Сёмина, их лирическому герою свойственно любовное внимание к природе, он пытается передать чувство единства, слияния с ней («Рожь»). Ему близок крестьянский строй мыслей («Старик», «Мужицкая дума»), его влекут песенные, фольклорные образы Микулы Селяниновича («Микула») и Ильи Муромца («Илья Муромец»), интонации народной песни и частушки («Песня», «Я живу — не тужу...»).

Жизненный и творческий путь Сергея Сёмина оказался очень коротким: 24 апреля 1921 года в возрасте 24 лет он умер в одном из инвалидных домов в поселке Дергачи Саратовской области.

343

Я живу — не тужу,
Плохо одеваюсь,
Век в сермяге хожу,
Пóтом умываюсь.

Вольный я человек,
Но не знаю воли:
На руках целый век
У меня мозоли.

Незнаком я с тобой,
Роскошь и отрада.
Голод, холод, нужда —
Вот моя награда.

Всё покорно терплю
И не унываю.
Целый мир я кормлю,
Сам же голодаю.

Не богат я казной,
Но богат я силой.

А умру — надо мной,
Над моей могилой

Горе гнезда совет,
Чтоб не дать покоя,
Слезы только прольет
Небо надо мною.

Заиграют весной
Надо мной свирели
И заплачут зимой
Снежные метели.

Но не тронет уж стон
Больше грудь больную,
Как скует вечный сон
Жертву трудовую.

⟨1919⟩

344. РОДИНА

Эти бедные селенья,
Эта нищая природа.
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа.

Ф. Тютчев

Эти бедные селенья,
Эта скромная природа —
Край великий обновленья,
Край свободного народа.
Сам Христос во дни печали
Их прошел, благословляя.
И селенья эти встали,
Свет и волю прославляя.
Богатырь могучим взмахом
Сбросил цепи вековые, —
Незнакомы с рабским страхом,
Блещут взоры огневые.
Взоры блещут от сознанья
Им одержанной победы.
Он идет навстречу знанью,
Позабыв нужду и беды.

И с надеждою во взоре
Смотрит брат иноплеменный
На сияющие зори
Над страну обновленной.

⟨1919⟩

345. МУЖИЦКАЯ ДУМА

Помолюсь я солнцу огневому,
Поклонюсь кормилице-земле,
Ветеркам и небу голубому
И румяной ласковой весне.
За тебя я жизнь свою с любовью
Положу, кормилица-земля.
Я вспоил тебя своею кровью,
Окропил слезами я поля.
Много лет тяжелых пережито,
Горьких много выплакано слез,
Лишь теперь обильней будет жито
После трудовых кровавых рос.
Для меня теперь настало время
Развернуться, грудью всей вздохнуть
И с согнутых плеч невзгоды бремя
Навсегда последний раз стряхнуть.
Помоги же мне, весна-царица,
Пред твоей молюся красотой,
Награди поля мои пшеницей
И душистой рожью золотой.
Не совсем душа во мне убита,
Много чувств и силы у меня,
Горечь жизни будет мной забыта.
Не боюсь черного я дня.

⟨1919⟩

346. РАДОСТЬ ВЕСЕННЯЯ

Теплится в храме зеленом
Жаркого солнца лампада.
В сердце моем умиленном
Мир, тишина и отрада.

Снова цветистой поляны
Запах струится целебный.
Льется за далью туманной
Гимн воскресенью хвалебный.

〈1919〉

347. К МЕЧТЕ

Приголубь меня, порадуй,
К солнцу двери мне открой,
Напой меня отрадой,
Пронеси сомнений рой.

Утомилось сердце биться,
Холод мертвенный в груди.
Дай мне счастьем насладиться,
Жажду жизни пробуди.

От обыденных печалей
Сохрани меня, спаси.
Для души от синих далей
Исцеленье принеси.

Радость жизни мне вернется,
Верю — только приголубь,
Если возле улыбнется
Мне очей лазурных глубь.

В тот бы мир переселиться,
Где не вянет красота,
И тебе одной молиться,
Лучезарная мечта.

〈1919〉

348. АВГУСТ

На хребте полосы ошетижилась жнива,
В сиротливом испуге глядят васильки.
Отдыхающий ветер ласкает лениво
На меже засыхающих трав комельки.
Грач веселый, надрывисто каркая, скачет,
Подбирая опавшее наземь зерно.

Где-то спрятавшись, перепел жалобно плачет,
Причитая свое: всё равно! всё равно!
Золотыми кистями рябинник кивает
Утонувшему полю в загадочной мгле,
Где-то рядом стоящая осень свивает-
Ткет из ткани узорной одежду земле.
Из-под бледного неба — насупленных бровей —
Наступающий август несмело глядит.
Выраженье природы больней и суровей,
Даль хрустальною грустью полянам кадит.
Чует лес над собой, озираясь дико,
Неминуемую, близкую в скором беду,
И слезится, синяя в жнивье, ежевика,
Чуткий август в больном изнывает бреду.

⟨1919⟩

349. СТАРИК

Ах, жестки тесовые палаты!
Ночь долга, удастся ли заснуть?
Как овчина, тьма нависла в хате,
Режет кашель старческую грудь.
Шевелятся мысли, словно змеи,
Разжигая жгучую тоску,
И идут одна другой чернее,
Не дают покою старику.
Думал он: вот, греюсь только печкой,
Мочи нет, пора бы умереть.
А как вспомнишь лето — поле с речкой —
Тянет вновь на солнце посмотреть.
Увидать весной поля в расцвете,
В ясный день брести опять по ним.
Ах, долит тоска по вольном свете,
Жить бы, жить, не расставаясь с ним.
Хоть бы сном скорее позабыться!
Ночи мне не спятся уж давно.
Видно, сердцу больше так не биться,
Как, бывало, билося оно.
Что ни день, то сердцу тяжелее.
Встать на ноги слабость не дает.
Что ни час — бывая жизнь светлее
В ослаблённой памяти встает.

⟨1919⟩

350. ПЕСНЯ

Не боли, не плачь, душа,
Замолчи, тревога!
Жизнь повсюду хороша,
Всюду мне дорога.

Тихо греет солнце дня
Каждую былинку.
Знает счастье и меня,
Парня-сиротинку.

Слава богу, сила есть —
Хлеб добыть сумею.
Силе слава, силе честь,
Всё доступно с нею!

Не боли ж, не плачь, душа,
Замолчи, тревога!
Жизнь повсюду хороша,
Всюду мне дорога.

(1919)

351. РОЖЬ

Над полями, солнцем залитыми,
Где весь день кричат перепела,
Рожь шумит волнами золотыми,
Наливна, душиста и спела.
Широко полей ржаное море,
Ни конца ни края не видать.
Что за радость в солнечном просторе!
Как земли безмерна благодать!
Над ржаным бескрайним океаном
Рассыпают жаворонки трель,
Зной висит серебряным туманом,
Да о чем-то грезит коростель.
Грудь полна истомою отрадной
Оттого ль, что в солнечной глуши,
В этой чудной шире неоглядной
Не видать нигде людской души.
Только молча черный лес дивится
Полевой безлюдной красоте,
Ветерок дитятею резвится,
Звонко льются трели в высоте.

Николай Иванович Колоколов родился 7 апреля 1897 года в селе Выползова Слободка Переславского уезда Владимирской губернии в семье священника. Окончив Переславское духовное училище, он продолжал образование во Владимирской духовной семинарии, откуда в конце 1912 года был исключен как один из зачинщиков ученической забастовки вместе с Дм. Семёновским.

В 1914 году поэт поступил в Народный университет А. Л. Шанявского, где близко сошелся с С. Есениным и Дм. Семёновским. С Есениным Колоколов некоторое время снимал общую комнату.

Колоколов рано начал писать. Уже учась в семинарии, он публиковал стихи и рассказы в газетах «Владимирский листок», «Старый владимирец», «Ярославские новости», а приехав в Москву, быстро вошел в круг демократически настроенных литераторов, встречавшихся в редакциях небольших журналов «Живое слово» и «Млечный Путь». На страницах этих журналов появляются его стихи, рассказы, критические статьи, рецензии.

Стихи Колоколова этих лет малоинтересны. Он старательно копирует символистов, пишет незатейливую, юношески-романтическую любовную лирику. Зато вполне самостоятельна его критическая деятельность. Опубликованные в 1915 году в журнале «Млечный Путь» рецензии Колоколова на поэтические книги Ф. Сологуба и С. Городецкого свидетельствуют о зрелом понимании роли литературы в сложное военное время. В стихах Сологуба, которого Колоколов очень ценил, в книге Городецкого «Четырнадцатый год» юного рецензента отвращают воспевание войны, «державный» пафос, шовинизм.

В 1916 году поэт был мобилизован, служил рядовым, был ранен, потом участвовал в гражданской войне. Но и в эти годы не прекращается его литературная деятельность: рассказы и стихи Колоколова появляются на страницах журналов «Красный пахарь», «Путь», «Рабочая жизнь». Обращается он и к драме: в Переславль-Залесском, где поэт заканчивал службу, на сцене гарнизонного театра было поставлено несколько его пьес.

После демобилизации Колоколов встречается в Москве с Есениным и поэтами его круга, становится в 1919 году членом известной

«Московской трудовой артели художников слова», а в 1920-м по рекомендации Есенина его принимают в члены московского «Дворца искусств». В этом же году Московское отделение Госиздата выпускает первый сборник Колоколова «Стихотворения». Содержание этой книги — пафосная лирика эпохи революции и гражданской войны, здесь поэт не вносит ничего нового в канон, выработанный пролеткультовскими поэтами. Тяжеловесно-риторичен и цикл поэм «От будней к празднику», рукопись которого рецензировал в январе 1921 года А. Блок. «В начале чтения рукописи некоторые образы и ритмы заинтересовывают, — писал рецензент, — но впечатление это не подтверждается». Приведя в качестве примера безвкусицы и абстрактной риторики длинный ряд цитат из колоколовских поэм, Блок заключает рецензию суровым резюме: «Всё это превращает произведение Н. Колоколова в бред, по-моему, совсем не — «жаркий» и не «восторженный». Да и в бред ли?»¹. Неизвестно, как отнесся Колоколов к отзыву великого поэта. Во всяком случае, опубликовав в журнале «Красная новь» в 1921 году небольшой фрагмент своего произведения, Колоколов никогда к нему не возвращался.

С 1921 по 1929 год писатель живет в Иваново-Вознесенске, работает в редакциях газет «Рабочий край» и «Смычка», проявляет себя талантливым очеркистом и фельетонистом. Стихи и рассказы Колоколова печатаются не только на страницах иваново-вознесенских изданий, но и в центральной прессе — в журналах «Красная новь», «Новый мир», «Прожектор», «Красная нива», альманахах «Наши дни», «Недра», «Ровесники». В 1923 году выходит еще один сборник стихов Колоколова — «Земля и тело». Этот сборник и примыкающие к нему стихи середины 20-х годов, опубликованные в периодике, разительно отличаются от прежних поэтических опытов Колоколова. Здесь на первый план выходит тема «человек и природа». Лирический герой Колоколова язычески восхищен стихийной животворящей мощью земли, он готов воспеть любое проявление органической жизни. Всё в мире — «истлевший лист, навоз и труп зарытый» — вновь и вновь превращается природой в жизнь («Житница»). Поэта не смущает животная неистовость этой силы, ее плотская тяжесть. Он и на человека не боится посмотреть с этой точки зрения, не боится показать, насколько человек — часть всеобщего природного бытия, насколько он прекрасен уже тем, что в нем заключена тайна жизни, что он подобен в этом всему живому («Спель», «Молоко»). В то же время стихи Колоколова не назовешь апологией грубой плоти, они по-настоящему гуманистичны, потому что человек предстает в них не только творением природы, но и равноправным с нею творцом («Плоды», «Земля и тело. Стих корнями...»).

---

¹ Блок А. Собр. соч.: В 8-ми т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 346.

С середины 20-х годов Колоколов все больше сил отдает прозе. Много пишет о детях и для детей (сб. «Радужный пояс», 1923). Отдельными книжечками в 1924 году Госиздат выпускает его рассказы «Дегтярный дух» и «Дупло».

Самым значительным произведением Н. Колоколова следует назвать роман «Мед и кровь» (1928), посвященный событиям гражданской войны в русской провинции. Писатель ставит в этом романе одну из центральных проблем своего творчества — проблему гуманизма. И она решается им с точки зрения великой ценности жизни. Входящий в группу «Перевал», писатель встретил непонимание вульгарно-социологической критики, зачислившей его, как и других «перевальцев», в «абстрактные гуманисты». В защиту Колоколова выступил М. Горький, высоко оценивший роман, но и он в своей статье¹ переосмыслил идею романа в соответствии со своим собственным пониманием гуманизма.

Горький предложил Колоколову работать в редакции организованного им журнала «Наши достижения», и в 1929 году писатель переезжает в Москву. Отношения Колоколова с Горьким, который высоко ценил его талант и работоспособность, складывались не безоблачно. Некоторое представление об их атмосфере дают воспоминания И. Шкапы, где мемуарист воспроизвел один из характерных споров между Горьким и Колоколовым². Колоколова беспокоило стремление Горького показывать в своем журнале только «достижения», он не принимал любимых идей Горького 30-х годов — о «преувеличении» как принципе «больших произведений», о «пафосе», которого якобы не хватает советской литературе. Колоколов справедливо, как мы теперь понимаем, опасался за судьбу реализма. Так, 18 июня 1931 года он откровенно писал Дм. Семёновскому: «Два слова об Ал(ексее) Максимовиче. Он, по-моему, сейчас к худож(ественной) литературе равнодушен, — не тем занят. Он нам не опора — скорей наоборот».³

В конце 20-х — начале 30-х годов вышло еще несколько прозаических книг Колоколова: сборник рассказов «Шкура ласковая» (1929), книга рассказов и повестей «Повелитель» (1931), второе издание романа «Мед и кровь» (1933).

Умер Николай Иванович Колоколов в Москве 26 декабря 1933 года.

---

¹ См.: Горький М. О книгах // «Книга и революция». 1929, № 6. С. 7—9.

² См.: Шкапа И. Семь лет с Горьким: Воспоминания. М.: «Сов. писатель», 1966. С. 66—79.

³ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 2875, оп. 3, ед. хр. 392. Л. 45 об.

Затканы тиной затоны,
Золот кувшинок наряд.
Бархатно-мягкие звоны
В небо тропинку торят.

Падает с синего свода
Птичьих мелодий капель.
Крепче душистого меда
Ветра беззвучного хмель.

Заросли острой осоки
Стрел изумрудных нежней.
Бродят могучие соки
В жилах цветочных корней.

Сила весенняя щедро
Хлынула в листья, стебли.
Темные, теплые недра,
Властные недра земли!

(1920)

353. ВЕСЕННЕЕ

Всё ласковей ветер упругий,
Всё краше весенние зори.
Заплавали по полю плуги —
Запенилось черное море.

Пусть пенные клочья косматы —
Их бороны-гребни расчешут,
Их будут рассветы, закаты
Да ливни весенние тешить.

Торопятся птицы по чашам
Развесить уютные гнезда.
Река тростником шелестящим
Оденется скоро у моста.

Загорбились грузные гряды
За ветхим плетнем огорода.
Из пчельника в струи прохлады
Повеяло запахом меда.

Зима отшумела — и где-то
Серебряный бич потеряла.
О, сколько веселого света
На потную землю упало!

⟨1921⟩

354. МЕД

В желтом зное — желтые пчелы.
В ульях — желтый и теплый мед.
С елей льются, желтея, смолы.
Желт песок у озерных вод.

Медом пьяным июль настоян.
Медом пахнет в тяжелой ржи.
Знойно-сладкое и густое
Плещет в русла упругих жил.

И в крови — не поют ли пчелы?
И не медом ли влажен рот?
Мед и смолы... Лучи и смолы...
Смоляной и медовый пот...

Полдень сладко туманит бредом.
Явь одета в янтарный сон.
Лето медом, медвяным светом
Наплывает со всех сторон.

Счастье, счастье мое земное!
Пить тебя — не испить до дна.
Медоносным, душистым зноем
Грудь, как улей, полна, хмельна.

⟨1923⟩

355. СЫТЬ

Воздух задворочный сытен,
Хмелен настоем ржаным.
Снова цепов челобитье
Над урожаем земным.

Вновь на кряжистые ноги
Паводком льется зерно.
Рига вдали от дороги
Дымное вьет волокно.

Всходят ометы опарой,
Старый овин — каравай.
Полною мерою-чарой
Жито в мешки разливай!

Житной, ржаной и овсяной
Сытью — живою водой
Брызнем над голода раной,
Брызнем над мертвой бедой!

Люди воспрянут и твари,
Словно цветы от росы,
В колокол жизни ударит
Крепкая, хлебная сыть!

⟨1923⟩

356. ПРЕДОСЕНЬ

Тучнея полновесными плодами,
Над полем, огородом, над садами,
Над лесом, где туманится смола,
Предосень ясноглазая прошла.

Упруго крепнет сочная капуста.
От яблочного запаха и хруста
Так сладостно под вечер захмелеть
На плодоносной, радостной земле!

Струятся дни земного изобилья.
Вот ястребá уже пластают крылья
Над грузными ковригами стогов,
Над вырубкой, где сохнут ломти дров.

Предосени медлительная поступь!
Так ясно всё, как эта синь, и просто.
И луг с рекой, и стрелы камыша,
И сентября вдали шуршащий шаг.

Сплывут с лесов истлевшие покровы,
И заморозка тонкие подковы
Над инейной мохнатой сединой
Просеют звон стеклянный и сквозной.

⟨1923⟩

357

Вилы мелькали, мелькали...
Стог метали — под тучей.
Торопились... Изнемогали...
— Круче завершивай!.. Круче!..

Ну и натуга силе!
Сено летит в глаза...
Лишь завершили —
Ливень, гроза!

⟨1923⟩

358. ПЛОДЫ

Весело плотные строки крепить,
Образы кровью и плотью паять!
Весело дни полноструйные пить,
Чутья густой урожай бытия!

Лес захлебнет черпаками корней
Силу живую подпочвенных вод:
Дикая яблоня с крепких ветвей
Бросит прохожему вызревший плод.

Словно ягненок овечьи соски,
Рожь и пшеница сосут чернозем,
Тонут в огне золотом васильки,
Полнится колос тяжелым зерном.

В женской утробе, как тайна глухой,
Новая жизнь прорастает в крови.
Зреет ребенок — и в час заревой
Падает в мир для борьбы и любви.

Сердце, как теплые ливни, вберет
Жизни призывы — вблизи, вдалеке
Музыкой сердце нальется — и вот
Рифма висит на упругой строке.

<1923>

359

Земля и тело. Стих корнями
Кровь живоносную сосет.
Душистыми сочится днями
Земного века тучный сот.

И мускулы поют, как скрипки,
И нити мозга — струны их.
Как лебеди, плывут улыбки
Озерами трудов земных.

Что слаще потного удела,
Где алая кипит струя,
И спаяны земля и тело
Единой крепью бытия!

<1923>

360. ПИЛКА

Опилки — пылью... Пели пилы,
И плыли пчелы, как листва.
Прибоями упругой силы
Шумела сладко голова.

Казалось, мысли затопила
Вспененная работой кровь —
И ходуном рука ходила,
Сосна хрустела, как морковь.

Весна, весна сновала в чаще
И заметала зимний след
Метлой зеленой, шелестящей...
И мыл опушку сочный свет.

У ног проворно ветер бегал...
Среди кустарников сухих
Последние косынки снега
В оврагах таяли глухих.

Мы пили свежесть... Пели пыли...
Поленья падали к ногам...
И черпал слух, глотали жилы
Всклокоченный весенний гам.

Так дни текли, в труде сливая
Со сталью пил железных рук.
Лишь вечер, синью наплывая,
Смыкал тугой работы круг.

В затихших избах жены наши,
Омывши потом груды дел,
С закатом ждали сладкой чаши
Разгоряченных наших тел!

⟨1923⟩

361. МОЛОКО

Набухло молоком коровье вымя.
Соски, как ягоды созревшие, висят.
Молочной мощью пахнущая вся,
Ты их сжимаешь пальцами своими.

Как туча рыжая — коровий тучный бок.
Глаза — как полноводные заливы.
Рога стоят двойной прибрежной ивой,
А из ноздрей — дыханья теплый ток.

Из подворотни ветерок-скиталец
В дворовую крадется тишину...
А жечь ведра, как тонкую струну,
Легонько трогает текучий белый палец.

Доишь ее, а грудь твоя — полна,
Вздывает ситец теплой, смуглой пеной.
В ней та же, та же просится из плена
Молочная душистая волна.

Вернешься в дом, удой процедишь. Снимешь
Плен ситцевый с живых и нежных чаш
И вот — губам младенческим отдашь
Коричневые ягоды — как вымя...

⟨1923⟩

362. ПОЛОВОДЬЕ

Ветра прозрачными мехами
Дышали в вороха лучей.
Вздувалось мартовское пламя,
И осыпался град грачей.

Конец холодному бесплодию.
Расплавлен мертвенный покой.
Дано сегодня половодью
Играть раскованной рекой.

Сгибая ивы и ракиты,
Освобожденная вода
Ломает и швыряет плиты
Теплом искусанного льда.

Как тесто, оплывают тучи,
И солод полевых полос,
Обильный, вязкий и пахучий,
Мне вновь увидеть довелось.

И снова я с землею спаян,
И полон крепью молодой,
И кровь, любовью закипая,
Перекликается с водой!

⟨1924⟩

363. МОЛОДНЯК

Где крепкий хвойный дух расплеснут,
Где ветер ветви полоскал,
Где под железом смертоносным
Кричали о пощаде сосны —
Густеет шум молодняка.

Дрожит, как песенная кипень,
Листвы и хвои юной сеть.
И вновь шмелиный звон просыпан,
И вновь на неокрепшей липе
Жуку тяжелому висеть.
Листву древесных слов проколет
Иглою тонкий писк зайчат.
Дождями и лучами полит,
Тучнеет молодняк на воле,
И травы струйками журчат.
Во мху еще чернеет свиток
Полуистлевшего корья.
А в ветках бродит сил избыток,
И льют цветы густой напиток,
И бьется сердце бытия!

⟨1924⟩

364. СПЕЛЬ

Как долго солнечным запоем
Захлебывался огород!
Как сладко наливался зноем
Капусты листогубый рот!

И пчелы над грядками пели,
Вздымались тучи вдалеке,
Чтоб ныне крепкотелой спелью
Хрустели овощи в руке.

С утра до заревого часа
Сбираем бережно, как хлеб,
Моркови розовое мясо,
Литое мясо смуглых реп.

И веет твердой спелью той же
От всей тебя, в летах литой:
От смуглой и упругой кожи,
От груди крепкой и крутой.

И ты к июлям припадала
И полдни желтые пила.
Кипели в жилах с кровью алой
Лучи густые, как смола.

В мешки собирая спель земную,
Проходишь, спелая,— и я
Так радостно, так крепко чую
Земную тягу бытия!

⟨1924⟩

365

В этот край, плодоносный, спокойный и дикий,
Будто яблоки сыплются смуглые дни.
По полянам лесным — огоньки земляники.
Обрастают грибами замшелые пни.
И поют над шиповником дикие пчелы,
И снуют в ненасытном труде муравьи,
И развесили птицы в тревоге веселой
На деревьях и песни, и гнезда свои.
Обрастают зеленою шерстью овины,
Отражаются в чашах полесских озер,
И белы на березах бересты холстины,
Где разбойную метку оставил топор.
Пусть недавно здесь совами вьюги кричали
И сгибались деревья в метельной пыли —
Ныне лес полнокровными соками налит
И корнями кусает ковригу земли.

⟨1924⟩

366. ЖИТНИЦА

Есть житница для жаждущих корней —
Земные недра. Силой неизжитой
Лежат в глухой и темной глубине
Истлевший лист, навоз и труп зарытый.

Опавших жизнью мокрую золу
Поглотит плоть растущей буйно нови.
В древесный сок и желтую смолу
Прольется мед земной душистой крови.

Не гаснет жизнь под ливнями годин,
И туча пепла солнце не затмила.
Еще кипит, кипит в земной груди
Животная неистовая сила!

⟨1926⟩

Весна, как рысь, зиме вцепилась в спину,
С горы сдирая отпотелый наст,
И каждый луч, вломившийся в долину,
Тяжел, как раскаленный пласт.

И бьют ветра в поля, в леса, в трясины,
Рвут камыши — убежище утят
И по снегам, сбежавшим под осины,
Прозрачным кистенем свистят.

Кипит, кипит разбой животворящий,
И на вспененные ключи
Горбатый дуб, шагнувший прочь от чаши,
Дуплом зияющим рычит.

В такие дни неистощимой силы
Я в детстве бегал в лес тайком,
Чтоб слушать, как в ольхе тучнеют соком жилы,
И целый мир ревет быком.

<1928>

368. НАЕЗДНИК

Расчитанный бег машины,
Тебе ль заменить коня?
Шипят о дорогу шины,
Подковы о камень — звенят.

О рельсы стучат колеса,
Но путь их — один и тот.
А конь мой, рванув с откоса,
И ветер ногами мнет!

Когда паровоз, рыдая,
Шарахнется с рельс и шпал —
Случайна беда такая:
Никто здесь не бунтовал.

Конь встал на дыбы на круче,
Рванулся, расสวิрепев, —
Разит седоков не случай,
А ярый животный гнев.

На юном коне летая,
Я чуял в седой степи,
Как грива его густая
Упругой волной кипит.

В просторы на зов природы —
И буре, и мне сродни —
Он рвется, как рвутся воды,
Закованные в гранит.

Кочевник диких раздолий,
За то я люблю коня,
Что он и в неволе волен,
Что может в широком поле
Он насмерть разбить меня!

<1928>

Николай Павлович Смирнов родился 12 марта 1898 года в городе Плесе. Учился в Кинешемском реальном училище одновременно с Дм. Фурмановым. Будущий автор «Чапаева» был для Смирнова авторитетным старшим товарищем.

Уже с шестнадцатилетнего возраста Смирнов начал печататься в поволжских газетах, прежде всего в «Кинешемце», а потом его стихи стали появляться и в московских изданиях — «Газетке для детей и юношества», «Журнале для женщин». Ученик реального училища подписывал свои стихотворные опыты «Н. Никольский».

В годы гражданской войны двадцатилетний литератор редактирует кинешемскую уездную газету «Рабочий и крестьянин», часто печатает свои стихи в иваново-вознесенских изданиях, прежде всего в газете «Рабочий край». В 1921—1922 годах, переехав в Иваново-Вознесенск, Смирнов работает в ее редакции. На страницах газеты появляются не только стихи, очерки и рассказы Смирнова, но и литературно-критические статьи о творчестве А. Блока, И. Бунина, рецензии на первые книги советских писателей. Первой книгой Н. Смирнова стала выпущенная в 1922 году в Кинешме одноактная агитационная пьеса «Урожай».

Годы революции и гражданской войны — время наибольшего увлечения Смирнова поэзией, никогда потом он не пишет и не печатает столько стихов.

Конечно, это юношеские стихи, многие из них несамостоятельны. Молодой поэт слишком явно обнаруживает ориентацию на проблематику и поэтику символизма. Но важно отметить, что Смирнова больше всего привлекает та «линия» в искусстве начала века, которая характеризовалась поворотом от модернистского индивидуализма к поискам в природном и национальном начале новых связей искусства и жизни. На первом плане в его лирике — тема любви человека к природе, к жизни, напряженное переживание красоты мира. Основным жанром поэзии Смирнова можно назвать лирический пейзаж.

Природа, красота в лирике Смирнова всегда характерно-нацио-

нальны. В любом его самом созерцательном пейзаже непременно присутствуют детали, делающие его национальным. Если перед нами лес — то он за деревенской околицей, если поле — то в нем скрипят под ветром расшатанные прясла, на горизонте виден купол сельского храма или тянущийся по дороге мужицкий обоз. При этом русская деревня никогда не остается у Смирнова лишь деталью на задворках живописного пейзажа. Он знает ее жизнь и с любовью рисует изысканную обыденность, вводя ее в контекст всеобщего природного бытия, которое всегда прекрасно («Деревня»). Русь, Родина осмыслялась Смирновым в ее вечном, природном, символично-романтическом облике. Этот образ опирался на фольклор, на давнюю — от славянофилов и Тютчева идущую — традицию. Революция не разрушила этого образа, она воспринималась поэтом как чудесное преображение древней России, раскрепощение дремавших прежде мощных творческих сил народа («Красная Русь», «России»).

В 1922 году Смирнов переезжает в Москву, работает сначала в газете «Известия», а затем становится секретарем редакции журнала «Новый мир». Все чаще он начинает выступать как критик на страницах «Красной нови», «Нового мира» и других журналов. Но любимый его жанр в 20-е годы — очерк. С детских лет увлекавшийся природой, страстный охотник, он много ездит по стране, и эти поездки дают ему богатый материал для художественно-бытовых очерков, которые он под псевдонимом «Путешественник» печатает в «Известиях». Подобные очерки составили и первую большую книгу Смирнова «Изумруд Севера», вышедшую в 1929 году. Затем появляются книги «Теплый стан» (1931), «Человек и жена» (1933), «Своим следом» (1934).

Входя в литературную группу «Перевал», Смирнов близко сошелся с писателями-«перевальцами» Н. Зарудиным, И. Катаевым; работая в «Новом мире», познакомился с В. Правдухиным, Л. Сейфуллиной, А. Новиковым-Прибоем, В. Зазубриным, Вяч. Полонским, переписывался с М. Шолоховым. Особую роль в жизни и творчестве Смирнова сыграло его знакомство с М. М. Пришвиным. Влияние Пришвина заметно во многих произведениях писателя.

В 1934 году Смирнов был незаконно репрессирован, на пять лет вырван из нормальной жизни. В годы Великой Отечественной войны писатель был на фронте, воевал на Севере.

После войны Смирнов вернулся к литературной деятельности. Он вошел в редколлегию популярного альманаха «Охотничьи просторы», где часто публиковались его очерки и небольшие рассказы. В 1952 году увидела свет его книга о Пришвине.

Наиболее известное произведение Смирнова — книга «Золотой Плёс» (1969), в которую вошла одноименная повесть об И. И. Левитане, воспоминания о детстве и юности, лучшие охотничьи рассказы

и мемуарные новеллы о писателях — Новикове-Прибое, Правдухине, М. Пришвине и других. Не забывал Смирнов и Семёновского — его перу принадлежит один из лучших мемуарных очерков о нем — «Россия в цветах» (1974).

Умер Николай Павлович Смирнов в Москве 7 сентября 1978 года.

369. ПРАЗДНИК

Вдоль деревни тропинкою тихой
Мимо сосенок — утренних свеч
Девки быстро идут за брусникой
На просторы болотистых сеч.
За неделю страды изустали:
Ломит кисти мозолистых рук.
Но в лесные, туманные дали
Сладко девкам брести через луг.
Напевают о молодце-свете:
Позабыли дни жаркой страды.
Как светло, как легко на рассвете
За усадьбой алеют пруды.
По безлюдному полю тропинки —
Меловые изгибы-ручьи.
А волокна задумчивой дымки
Над лесами — как есть из парчи.

⟨1919⟩

370. НА БОЛОТЕ

Камыши, сквозное мелколесье,
Бочаги — как чаши с бирюзой.
Ленты туч в печальном поднебесье —
Полотенца с солнечной каймой.
К бочагам склоненные березки
Тихо сыпят звезды янтаря.
У опушки просеки полоска —
Светлый путь в обитель сентября.
К деревням широкая дорога —
Как резьба по гляncy золотым.
Где-то близко плачут песни рога,
Веют в душу мирным и родным.

Грустны сосен траурные лики.
Скоро вечер. Дали всё синей.
И звенят тоскливо переклики
Над полями тянущих гусей.

⟨1919⟩

371. ДЕРЕВНЯ

Звенит, как хруст разбитого ореха,
Под ветром лед на стынущей реке.
Как шапки рваные из беличьего меха,
Седеют тихие овины вдалеке.
Затишье, грусть. Поля мертвы и дики.
Лишь над рекой — красавица сосна
И в ней — печаль монашеского лика,
И всюду темь, покой и старина.
И вечер глух — тоскующий, осенний,
В вершине сосенки чуть теплится свеча.
Пустынно, скучно в маленькой деревне,
И ал закат, как лента кумача.
Вблизи деревни — скучные овраги,
Часовня тихая — в ней Спаса кроткий лик,
А перед ней с котомкою бродяга
В мольбе смиренной горестно поник.
Горят на крышах отблески заката
Златой жар-птицы сказочным пером,
И ржанья лошади спокойные раскаты
Плывут густым и звонким серебром.
Пройдет с гумна лишь баба в полушалке,
На шаг земля откликнется, как звон.
И мерзлый ястреб треплется на палке
В сквозном саду, что рдяно расцвечен.
По избам — темь, натопленные печи,
Под грязной тряпкой — хлебы на столе,
И на печи — бесхитростные речи
О ржи, овсе, скотине и тепле.
А из закут несет душистой вонью,
Теплом навоза, сладстью молока.
В певучем ветре — гулы перезвона,
И зябко стынет тусклая река.

⟨1919⟩

...Обмокший луг — пустой и кроткий,
 Избушек ласковый покой,
 И прясел мокрая решетка,
 И дым студёный над рекой,
 И в вышине угрюмой — тучи,
 Дождя дымящаяся пыль,
 А по лесам — нагие сучья,
 Листвы разубранная гниль,
 И даль, что в темь и дым оделась,
 И слезы каждого куста —
 Всё для меня — и смысл, и прелесть,
 Всё — как о радости мечта...

<1919>

373. КРАСНАЯ РУСЬ

Она не та, что в тихой скорби,
 Под колокольный грустный звон
 Брела полями, плечи сгорбя,
 На исцеляющий Афон.

Ей чужд старинный храм-могила,
 Где васильковоглазый Спас
 Устало смотрит, как кадила
 Прозрачно вяжут дымный газ.

Не о грошах ее молитвы:
 Развевя плесень, жуть и гниль,
 Она в дыму великой битвы
 Творит восторженную быль.

Преобразившись на Фаворе
 В золотопламенном огне,
 Она нашла в глухом просторе
 Пути к прекрасной стороне.

Забыты смрадные темницы,
 Дотла бывшее сожжено,
 И светлой Нищенке, как птице,
 Подняться к Солнцу суждено.

<1920>

1

СПАС

На пыльной полочке — засохнувшая верба,
 Пахучий воск — сгоревших свеч слеза.
 Нежней апрельского безоблачного неба
 У Спаса благодушные глаза.
 А на плечах — прозрачный шелк хитона,
 И прядь волос нежнейшим светит льном,
 И перевита ласково икона
 Поблекнувшим ромашковым венком.

2

ИЗ МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО

Разбитые старые прясла.
 Покой бездорожных долин.
 Заря отцвела и погасла,
 Снега отуманила синь.
 Как глаз, золотистый и зоркий,
 Луна между тучек горит,
 И тих на пушистом пригорке
 Старинный раскольничий скит.

3

ВЕЧЕР

Полати, стол и пасть сухого чана,
 Горшки, зипун. За окнами — закат.
 А молодица в ярком сарафане —
 Березка в золотистый листопад.
 Она глядится в зеркальце-обломок,
 Лён-косу нежно крутит и плетет.
 Ей грезится белеющий проселок
 И парень, что в беседу уведет.
 А дедушка развязывает лапти —
 Кряхтит и охает столетний старичок;
 С улыбкой кроткой смотрит на полати
 И крестится в передний уголок...

ФИЛИПОВ ПОСТ

Алый блеск мигающей лампадки;
 Лик святого радостен и нем.
 Бабушка рассказывает сказки
 Про волхвов и тихий Вифлеем.
 Тихо бабку слушают ребята
 И звезду да маски мастерят.
 А окно задумавшейся хаты
 Золотит пылающий закат.

В ИЗБЕ

На подоконнике убогая лубянка
 (Должно быть, дедушка на теплой печке плел),
 И в ней прозрачная и яркая костянка —
 Алеющий коралловый размол.
 Блестит изба в лучистых зорних пятнах.
 Несет в оконце мягким холодком.
 А от костянки — сочный русский запах
 Оросненным и сладким сосняком...

МЕЩАНСКОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Дед Мороз прохожий, древний странник
 Рядит окна в кольца серебра.
 На божнице кожаный помянник,
 Свечка и сухая просфора.
 Старый кот задумчиво и мудро
 Что-то непонятное ворчит.
 Ярко, тихо солнечное утро,
 Самовар, как песенка, звенит,—
 И дымок от самовара сизый
 Вьется нежно, словно кисея,
 На буфете — старые сервизы;
 Стены — голубая чешуя.
 Зеркальца, рушник и безделушки,
 Старомодных кресел ряд.
 А часы с печальницей-кукушкой
 Заглушенно, ласково гудят...

<1920>

Ты гостя сумрачного бора,
Где бродит синяя весна.
Глаза — лазурные озера,
А стан — поречная сосна.
Судьбе — раздумчивой цыганке —
Не разгадать путей цветных.
Ты не раба, не полонянка,
Безмерна ширь надежд твоих.
Через леса, через долины
Ты понесла под вешний гром
Нерукотворную святыню —
Кирку с серебряным серпом.
Гори ж звездой неугасимой,
Поля и веси obnovи.
А я тебе — моей любимой —
Отдам восторг моей любви.
Люблю я ширь. Но ты дороже.
Мне дорог красный сарафан,
И плат, расшитый спелой рожью,
И, как береза, стройный стан.
В полях, склонясь к цветам любимым,
Сплету я пояс-зарецвет —
Отдам тебе. И нерушимым
Пусть будет скромный мой обет:
Я за тебя в кровавой сече
С певучей нежностью умру —
За зеркала твоих поречий,
За тропы в сумрачном бору.
Так взвей же, взвей зовущим стягом
Свой плат над ширью полевой
И укажи своим бродягам
Пути на подвиг заревой.

<1921>

Ефим Федорович Вихрев родился 10 апреля 1901 года в городе Шуе. Его отец занимал в то время должность мелкого служащего — письмоводителя у мирового судьи. В семье Вихревых поддерживалось уважительное отношение к труду и людям труда, поощрялись учение, любовь к книге. Природная одаренность детей во многом преопределила их дальнейшую судьбу: Ефим стал писателем, старший брат Василий — ученым, младший брат Николай — художником.

Когда грянула Октябрьская революция, будущему писателю было шестнадцать лет. Он учился в Шуйской гимназии, той самой, где в свое время обучался поэт-символист К. Бальмонт. В марте 1917 года Бальмонт побывал в Шуе, посетил гимназию. Гимназист Ефим Вихрев читал свои стихи и получил одобрение маститого поэта.

После Октября Вихрев организовывал комсомольские ячейки в Шуе, ходил по деревням и селам уезда, проводил собрания, агитировал. В октябре 1919 года проходила мобилизация коммунистов и комсомольцев на фронт, Вихрев в числе первых записался добровольцем.

Перед отправкой на Южный фронт Вихрев в числе трехсот ивановских большевиков и комсомольцев слушает в Москве, в Голубом зале Дома Союзов, напутственную речь Владимира Ильича Ленина. Об этом знаменательном событии он подробно рассказал в очерке «Годы» (1929), а еще раньше — в стихотворении «В Голубом зале» (1924), которое посвятил «Иваново-Вознесенской гвардии РКП(б)».

После кратковременного пребывания в Москве этапами пути молодого коммуниста (на фронте, в апреле 1920 года, Вихрев вступил в партию) становятся Саратов — Балашов — Лиски — Каменская — Новочеркасск — Краснодар. Находясь в политотделе 9-й армии, Вихрев служит секретарем радиотелеграфа, организует комсомол в Новочеркасске, становится первым секретарем Донского комитета РКСМ. На Кубани некоторое время Вихрев работает под руководством Дм. Фурманова. Позднее, в рассказе «Освобождение раба», он отметит, что от речи Фурманова, начальника политотдела 9-й армии, останутся в памяти и долго будут звучать «великие откровения двадцатого года»¹.

¹ В и х р е в Е. Палех. Ярославль, 1974. С. 32.

В Краснодаре Вихрев прожил более двух лет, работая в местных газетах и журналах (в газете «Красное знамя» он занимал пост секретаря, потом был заместителем редактора). Как только позволили обстоятельства, он возобновил прерванное гражданской войной учение и окончил рабфак. Вихрев страстно любил литературу, прекрасно знал поэзию. По воспоминаниям Д. Семёновского, «его богатая память хранила множество стихов. Он читал их всюду и всем. (...) Стихи были необходимыми и обычными его спутниками»¹.

Любовь к поэтическому слову, возникшая еще на гимназической скамье, когда Вихрев написал свои первые стихи (в 1917 году он впервые напечатался в газете «Шуйские известия»), вспыхивает у него на Кубани с новой силой. Увлечение Бальмонтом сменяется увлечением Блоком, Брюсовым, Маяковским, современной пролетарской поэзией. Занимаясь литературой, Вихрев пишет не только газетно-журнальные статьи, но и стихи; некоторые из них публикуются в краснодарской газете «Красное знамя».

С осени 1922 года Вихрев живет в Иваново, учится одно время в политехническом институте, но вскоре его оставляет и переходит в газету «Рабочий край». В это время он сближается с ивановскими поэтами. В особенности плодотворное влияние оказывает на него Семёновский, которого Вихрев называл своим учителем. На страницах «Рабочего края» печатаются стихи Вихрева, являющиеся в большинстве своем лирическими откликами на актуальные общественно-политические темы («Рубаха мира», «Октябрьская революция» и др.). Вместе с поэтами Д. Семёновским и С. Селяниным Вихрев был также автором популярной «Трехвостки» — сатирических фельетонов и стихов, вскрывающих недостатки в работе предприятий и в благоустройстве, бичующих взяточников, рвачей, спекулянтов, лодырей.

С 1925 года Вихрев живет в Москве, однако до конца своих дней не порывает связей с родным краем, часто наезжает в Иваново, Шую, Палех, печатается на страницах ивановских изданий. В Москве он служит сначала секретарем журнала «Город и деревня», а затем секретарем издательства «Недра». С середины 1931 года Вихрев полностью отдается литературно-творческой работе.

В столице Вихрев особенно близко сошелся с писателями, которые объединились в литературной группе «Перевал» (И. Катаев, Н. Зарудин и др.). Печатался (стихи, рассказы, очерки) в различных литературно-художественных журналах: «Октябрь», «Красная новь», «Новый мир», «Рост» и др.

Литературную известность Вихреву принесла книга «Палех»,

---

¹ Семёновский Д. Художников друг и советник // Тропинки памяти: Воспоминания и статьи о писателях-ивановцах. Ярославль, 1987. С. 112.

вышедшая в свет в 1930 году в издательстве «Недра». Она состояла из очерков, объединенных темой Палеха, жизни и судьбы бывших «богомазов», ставших при советской власти подлинно народными художниками, получившими всемирную славу. О книге в письме к автору с похвалой отзывался М. Горький: «Книга — отличная, а то, что Вы написали ее,— большая Ваша заслуга перед самобытным искусством прекрасных палеховских мастеров»¹.

К очеркам о Палехе в творчестве Вихрева непосредственно примыкают очерки «Художественный Златоуст» (1932), «Булаты» (1933) и «Неведомая Хохлома» (1934). Параллельно с очерками Вихрев писал рассказы (книга «Освобождение раба». М., 1933). Последние годы жизни он работал над циклом коротких автобиографических новелл «Родники», которые составили основу книги, вышедшей в 1936 году под этим названием в Ивановском областном издательстве.

Творческий путь Вихрева оборвался очень рано. Его последняя литературная работа выполнялась по поручению Горького. Для специального номера журнала «Наши достижения», целиком посвященного развитию и успехам народного искусства СССР, Вихрев готовил очерк о современном Палехе. Приехав туда, он заболел воспалением легких и скончался 2 января 1935 года. Похоронен писатель в Палехе, где его чтут как своего певца.

В литературном наследстве Вихрева стихотворные произведения — не самое главное, и стихи его неравноценны. Порой в них различимы интонации других поэтов. И все же Вихрев имел основания сказать о себе, что «родился поэтом» («Слово»). Об этом свидетельствуют его лучшие стихи о гражданской войне, труде ткачей, назначении искусства («В лихие дни», «Герой труда», «Рубаха мира», «Палешане» и др.).

381

Вольная песня свободы
В воздухе свежем звенит,
Все забывая невзгоды,
Льется и гордо гремит.

С твердой надеждой на счастье,
С лозунгом правды святой
Смело снесем мы ненастье
Зла и неправды людской.

---

¹ Архив А. М. Горького (ИМЛИ). ПР-рп, 8-33.

Ты лети, земля родная,
В алом платье, в светлом ситце
К дальним далям, в царство Мая,
Вместе с солнцем веселиться.

Будут смыты пятна крови,
Запестревшие когда-то...
Мчись! Лети! Рубаха нови
Сменит старые заплаты.

⟨1923⟩

384. В ЛИХИЕ ДНИ

Сердце мчалось к далеким зорькам...
И неслись буревые года...
Вот теплушка в составе «Горьком»...
И на каждом шлеме звезда...

Пеший, пеший — и тот обгонит
Перегруженный наш состав.
В мерзлом лязге, в колесном стоне
Я страницы души листал.

Там, далече, мама осталась
Да девических пара глаз,
Затаивших любовь и жалость...
Здесь — порывистый, вьюжный пляс.

Ветер свистом вонзался в щели,
Цепенели суставы рук.
Но в душе неумолчно пели
Голоса всепобедных вьюг.

В снеговых пуховых просторах
Пробегал, пыхтя, эшелон...
Сердце было взрывным, как порох...
Ум глядел в потоки времен...

Пусть нам холодно, пусть свербят,
Копшатся за шейей вши —
Краснозвездники мы — ребята
С ненасытной ширью души.

Дальше! Дальше! За нами север,
Впереди ждет непочатый юг
В золотом пшеничном посеве,
В пестроте нестройных лачуг...

Так в теплушке в составе «Горьком»
Хриплый нас тащил паровоз.
Не к весенним мы мчались зорькам
Ежечасно по тысяче верст...

Мы летели через столетия
По равнинам, буграм, снегам,
Неумытые, неодетые,
К неизведанным берегам.

Дни лихие... Вагон телячий...
Хриплый поезд «Горький Максим»
С быстротой деревенской клячи,
Будь прославлен — в века кричим!

1923

385

То было давно и далеко.
Сейчас я совсем другой.
Одним из двенадцати Блока
Двойник был мой.

Зажгутся глаза минувшим —
Оставлю любимый труд —
И хлынут потоком в уши
Ватажные песни, гуд.

Неизъяснимой жутью
Исполненный весь, иду
По тягостным перепутьям
На радостную страду.

Там песни, там стоны, там ночи
И дни, смешавшиеся без числ,—
Мягкий гений хохочет
И в ставни столетий стучит.

Тебя я запомнил, Вихрев.
Ты был в водомете лет.

347

Но вихри годов утихли —
Теперь говорит поэт.

Осталась одна услада —
Знакомая песнь со мной.
Мне лучшей награды не надо.
Я рад, что я был собой.

1923

386. В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ

В Иваново-Вознесенске
У девушек и парней
Миткального цвета щеки,
А то и еще желтей.

В Иваново-Вознесенске
На речке радужный сплав
Из жидкой и липкой нефти.
А в речке ни рыб, ни трав.

В Иваново-Вознесенске
Возносятся зевы труб
Деревьев и зданий выше,
А рев их горяч и груб.

В Иваново-Вознесенске
И солнце глядит с небес,
Чахоточное как будто,
Сквозь ластик дымных завес.

В Иваново-Вознесенске,
Чтоб жизнь борьбой расцветать,
В руках у рабочих флаги
Из лучшего кумача.

В Иваново-Вознесенске
Есть гордость былых побед:
На Талке гремели речи,
Которых могуче нет.

В Иваново-Вознесенске
Такие поэты есть,
Что камни растают в плаче,
Услышав литую песнь.

В Иваново-Вознесенске,
Приземисты и крепки,
Воистину человеки —
Стальные большевики.

3 июля 1925

387. ПАЛЕШАНЕ

Краска, не обманывай,—
Это только знак:
Облака Баканова
Побеждают мрак.

И в лихом разгоне,
Сквозь бесовский визг
Голикова кони
Над судьбой взвились.

Красочную песней
Вакуров Иван
Бросил «Буревестник»
Во враждебный стан.

Мы к былому глухи,
Но из прежних грез
Александр Котухин
Птицу-Жар унес.

В избах у Зубкова
Празднество побед:
Уж деревни новый
Зажигают свет.

Жизнь бушует новью.
Вдумайся. Вглядись.
Николай Зиновьев
Краской плавит мысль.

Вот полощут флаги
Над движеньем масс —
Алексей Ватагин —
Сотни смелых глаз.

Путь их не проторен,
Но герой Данко —
Димитрий Буторин
Светит далеко.

Чуткой кистью водит
Маркичев Иван —
И Союз проходит
В круге вражьих стран.

Грусть из сердца выкинь,
Строй во все концы,
Аристарх Дыдыкин,
Песни да дворцы.

Есть и в древней сказке
Нашей жизни знак.
Расцветайте краски,
Золото и лак!

Чтоб искусства голос
Был могуч, как жизнь,
Чтоб оно боролось
За социализм.

19 июля 1931

388

Опустошен. Разбит. Молчу.
И кажется, не я, а кто-то
Другой сидит над той работой,
А мне она не по плечу.

Как было это? Почему
Листвой весенней вьются фразы
И разрастаются в рассказы?
Не угадаю. Не пойму.

О, несравненный жребий мой!
В саду, среди гулких великанов
Быть — в блеске гроз и ураганов —
Хотя б травинкой, но живой!

21 декабря 1934

Анна Александровна Баркова родилась 16 июля 1901 года в Иваново-Вознесенске. Отец ее служил сторожем в одной из иваново-вознесенских гимназий, мать рано умерла. Детство было трудным, жилось скудно и неустроенно. Атмосферу этой жизни Баркова вспомнила в стихотворении, написанном уже в 1971 году:

Что в крови прижилось, то не минется,
Я и в нежности очень груба.
Воспитала меня в провинции
В три окошечка мутных изба.

Городская изба, не сельская,
В ней не пахло медовой травой,
Пахло водкой, заботой житейскою,
Жизнью злобной, еле живой¹.

(«Что в крови прижилось, то не минется...»)

Видимо благодаря отцовской службе, девочке удалось окончить несколько классов гимназии. В этот период главным увлечением Барковой, увлечением, позволявшим противостоять давлению «жизни злобной», стало чтение. Особенно была близка ей литература романтического характера — она зачитывалась книгами Эдгара По, Оскара Уайльда, Федора Сологуба, стихами символистов. Одним из любимейших писателей был и Ф. М. Достоевский.

В 1919 году Анна Баркова пришла в редакцию газеты «Рабочий край», вела хронику, печатала репортажи с митингов и собраний, иногда выступала с рецензиями на книги и спектакли, с краткими заметками об искусстве. В одной из них, так и названной — «Заметки об искусстве», она выразила свое романтическое представление о поэте будущего: «Он будет ветвью великого дерева, кровь народа

---

¹ Цит. по: Таганов Л. Поэзия бунтующей души // Тропинки памяти: Воспоминания и статьи о писателях-ивановцах. Ярославль, 1987. С. 99.

будет течь в его жилах, чаяния массы найдут в нем высшее выражение. С песнью, создаваемой не в стенах жилища, не в тесноте и мраке, поведет он человечество. Его песнь создастся в труде, на раздолье полей или в шуме машин. Не стихотворение это будет, а песнь, истинный гимн новому богу»¹.

Главным делом жизни Барковой уже тогда стала поэзия. Под псевдонимом «Калика Перехожая» с 1918 года в «Рабочем крае» и других иваново-вознесенских изданиях стали появляться ее стихи.

Сначала это была сентиментальная девичья лирика, перепевы расхожих символистских и общеромантических мотивов. Но очень скоро весь строй стихов Барковой резко переменялся. Начав с традиционной «гладкописи», она теперь намеренно «расшатывает» свой стих, строит неправильную, как бы «косноязычную» фразу. На смену традиционному образу мечтательной девушки-поэтессы приходит совершенно иной лирический характер — еще не женщина нового мира, но уже ее предтеча, поэтесса, проклявшая все старое — любовь, мораль, религию. Это образ светлый, но в то же время и трагический. Героиня Барковой со всей неистовостью веры и жертвенности устремлена в Грядущее, но человеческая душа ее раздваивается: ее держат в плену отжившие, как думала тогда поэтесса, ценности — индивидуальная любовь, красота, тепло материнства.

Стихи Барковой отличает романтический максимализм, сближающий ее с поэтами Пролеткульта, но максимализм без свойственного им рационалистического холодка. Баркова бунтовала даже и против страстно призываемого Грядущего («Жертва»). Вообще воспевание бунта, стихийной страсти, разгула чувств — очень устойчивый для лирики Барковой мотив («Русская азиатка»).

Летом 1919 года с ранними стихами Барковойзнакомился А. Блок, о чем есть пометка в его записной книжке: «Стихи... А. Барковой из Иваново-Вознесенска — *два небезынтересны...*»². Более поздним ее стихам высокую оценку дал А. В. Луначарский в предисловии к ее сборнику «Женщина» (текст предисловия см. в примеч.) и в письмах к ней. «Я вполне допускаю мысль, — писал Луначарский Барковой 16 декабря 1921 года, — что Вы сделаетесь лучшей русской поэтессой за все пройденное время русской литературой»³.

В 1922 году по приглашению Луначарского Баркова переехала в Москву, два года работала в секретариате наркома, жила в его кремлевской квартире. Поступив в руководимый В. Я. Брюсовым

¹ «Рабочий край». 1919, 23 марта.

² Блок А. Записные книжки. М., 1965. С. 464.

³ Письма А. В. Луначарского к поэтессе Анне Барковой / Публ. Вл. Борщукова // Известия АН СССР. Отделение лит. и яз. 1959. Т. 18. Вып. 3. С. 255.

Литературно-художественный институт и прослушав несколько брюсовских лекций, она отказалась там учиться. Ей, максималистке по характеру и по требованиям к жизни и поэзии, брюсовская наука показалась мертвой схоластикой. Не сложились, в конечном счете, и ее отношения с Луначарским.

В 1924 году с помощью М. И. Ульяновой Баркова получила комнату и работу в «Правде», в газете иногда появлялись ее заметки и стихи. В середине 20-х годов она печатается уже довольно редко, но всё же ее стихи попадают на страницы журналов «Красная новь», «Новый мир», «Красная нива», включаются в хрестоматии и антологии. Она не ограничивается поэзией: в 1923 году выходит в свет ее пьеса «Настасья Костер», в 1926 году в «Красной ниве» печатается фантастическая повесть «Стальной муж». В конце 20-х годов Баркова выступает на страницах «Нового мира» в качестве критика.

В 30-е годы судьба Барковой трагически переломилась. В декабре 1934 года она была незаконно репрессирована. Освобожденная в 1939 году, поселилась в Калуге, очень бедствовала, а когда началась война, оказалась на оккупированной территории. В октябре 1947 года последовал новый арест. После освобождения в начале 1956 года Баркова обратилась с просьбой о реабилитации. Получив в ноябре 1957 года сразу две реабилитации, через несколько дней она была вновь арестована и окончательно освобождена и реабилитирована при содействии А. Т. Твардовского лишь в мае 1965 года.

Более тридцати лет оторванная не только от литературной, но и от нормальной человеческой жизни, Баркова продолжала до последних дней писать стихи. Эти стихи — трагические, но и мужественные — еще ждут своей публикации. Некоторые недавно опубликованы в журнале «Огонек» (1988, № 35).

Умерла Анна Александровна Баркова в Москве 29 апреля 1976 года.

389. ДЕРЕВЕНСКАЯ КОММУНИСТКА

Меня, девушку, грызут милые сродники:
«Ты, беспутная, с нас голову сняла,
Замутили тебя сельские негодники,
В большевицкие запутали дела.
Всё ораторшей, как порыв, выступаешь ты,
Видно, нет в тебе уж девичья стыда.
По собраньям ночки темны коротаешь ты,
В божью церковь не заглянешь никогда.

Насупротив Божьей матери Казанской
Ты повесила антихристов патрет,
Скоро жить ты будешь вовсе по-цыгански.
Нажитого и святого у них нет.
Приезжали из Пестрихина наместни
За богатого посватать жениха,
Да наслушались сказкой соседних
И убрались потихоньку до греха.
Говорят, что ты смахнула с Игнашкой.
Он тебя и в коммунистки-то сманил,
Ну, и примешь себе мужа без рубашки,
Разговорами он, чай, тебя прельстил.
Вы венчаться в храм господень не пойдете,
Ты ведь стала и бесстыжа, и смела,
Вы заместо аналоя обойдете
Вкруг советского зеленого стола».
— «Не поймать меня вам, девку, вольну птичку,
Не боюсь укоряющих речей!
Знайте, буду я, девчонка, большевичкой
С каждым часом, с каждым днем всё горячей».

⟨1920⟩

390. ГРЯДУЩЕЕ

Перестаньте верить в деревни.
Полевая правда мертва;
Эта фабрика с дымом вечерним
О грядущем вещает слова.

Мы умрем, мы не встретим, быть может,
Мы за правду полей дрожим,
Слепит очи, сердца тревожит
Нам фабричный творящий дым.

В даль истории взоры вперяем;
В новых людях детей не узнать;
И себя, и себя проверяем:
Нам ведь страшно себя терять.

Нам любя тишина и ясность,
Мы лелеем слабое «я»,
Неизведанно злую опасность
Нам сулит дымовая змея.

Эти фабрики «я» раздавят,
Наше жалкое «я» слепцов,—
Вперед миллионы правят,
Пожалеют дети отцов.

Мы боимся смерти и бога,
И людских величия масс,
Нас осудят грядущие строго,
Рабских лет прочитав рассказ.

Поклонюсь же я смерть несущему
И истлею в огне перемен!
Я прильнуть хочу к грядущему
И брожу у фабричных стен!

⟨1921⟩

391—392. Ж Е Н Щ И Н А

1

Мои волосы слишком коротки,
Не расплести их милой руке.
От ручейков прозрачных и робких
Я спешу к вселенской реке.

Не на лоне любви нежно-ревнивой
Я предаюсь голубиному сну —
На земной расцветающей ниве
Я к груди человечества льну.

Человечество — это мой возлюбленный,
Сужденный ныне мне на века.
Тобой не буду я приголублена,
Одного из отдельных рука.

Все мои речи суровы и резки,
Мне чужда прелестная немота.
Со мной идет вместо грации детской
Величавая твердая красота.

Смотрят звезды на меня по-иному,
 Чем на прежних женщин смотрели,
 С неба к сердцу тянутся струны
 И поют о космической цели.

И входит мое сердце планетой
 В систему любви вселенской.
 Оледеневшим мирам расцветы
 Приношу я нежностью женской.

Меня прокляло злое жречество,
 Но заклятый круг прорвался.
 Отдаю я любовь человечеству
 Свободной Земли и Марса.

⟨1921⟩

393

Не жалею колоколов вечерних,
 Мой неверящий грустный дух.
 Побледневший огонек задерни,
 Чтобы он навсегда потух.

На плиты храма поздно клониться,
 На победные башни посмотри.
 Ведь прекрасные девы-черницы
 Не прекраснее расцветшей зари.

Отрекись от ночной печали,
 Мой неверящий грустный дух.
 Слышишь: трижды давно прокричал
 Золотистый вещун-петух.

Не жалею колоколов вечерних,
 Ты иную найдешь красу
 В руках загубелых и верных,
 Что, сгорая, солнце несут.

⟨1921⟩

На подушечку нежную теплого счастья
Иногда я мечтаю склониться,
И мечтаю украсть я,
Что щебечущим женщинам снится.

Но нельзя в боевой запыленной одежде
Забраться в садик наивных мечтаний,
И тоскую я: где же,
Где мои серебристые ткани!

Привлекает, манит лукаво подушечка
Амазонку с оружием грозным;
Я не буду игрушкой:
Невозможно, и скучно, и поздно!

Те глаза, что меня когда-то ласкали,
Во вражеском стане заснули.
И приветствую дали
Я коварно-целующей пулей.

(1921)

395. ПРЕДТЕЧА

Я — с печальным взором предтеча.
Мне суждено о другой вещать
Косноязычной суровой речью
И дорогу ей освещать.
Я в одеждах темных страдания
Ей готовлю светлый прием.
Выношу я гнет призвания
На усталом плече моем.
Отвергаю цветы и забавы я,
Могилу нежности рою в тени.
О, приди, приди, величавая!
Утомленного предтечу смени.
Не могу я сумрачным духом
Земные недра и грудь расцветить.
Ко всему мое сердце глухо,
Я лишь тебе готовлю пути.
Я — неделя труда жестокого,
Ты — торжественный день седьмой.

Предтечу смени грустноокого,
Победительный праздник земной!
Я должна, скорбный предтеча,
Для другой свой дух потерять
И вперед, ожидая встречи,
Обезумевший взор вперять.

<1921>

396. ГРЯДУЩАЯ

Я чую, чую — дышат миллионы
На миллионах трепетных планет
И шлют Земле, творящей и смятенной,
Своей сестре, торжественный привет.

Сольемся со вселенной беззаветно
В один любовный вечный поцелуй!
В пространствах человечество несметно
И разделилось на мильоны струй.

Бросаюсь я в вселенские объятия
Из-за оград наскучивших земных.
Мильоном рук стремлюсь миры обнять я,
Мильонами сердец проникнуть в них.

Мне тесно за стеной любви отдельных,
Я в ласках нежных космос утоплю.
Страдающих земных и запредельных
Единою любовью я люблю.

Я, мать, я, мать несметных человечеств,
Впиваю в сердце солнц вселенских свет,
И возлагаю радостно на плечи
Я бремена страдающих планет.

<1921>

397. ГУБИТЕЛЬНЫЙ ЦВЕТОК

Я, женщина, — твердый воин.
А в сердце вырос цветок.
Он душист, нежен и строен,
Но, право, очень жесток.

Испортил он мне полжизни,
Его бы выдернуть прочь,
Да ведь кровь из сердца брызнет,
И никто не сможет помочь.

В сердце средь битвы мучительной
Я слышу острый толчок.
Это цветок губительный
Глубже пророс на вершок.

Что делать с цветком, я не знаю.
Как хочешь решать изволь.
Растет он — сердце терзает,
А вырвать — ведь та же боль.

Я — женщина, твердый воин,
А попала цветку во власть.
Кем всё это подстроено,
Откуда эта напасть?

(1921)

398. МИЛЫЙ ВРАГ

У врагов на той стороне
Мой давний друг.
О смерть, прилети ко мне
Из милых рук!

Сижу, грустя, на холме,
А у них — огни.
Тоскующую во тьме,
Мой друг, вспомяни!

Не травы ли то шелестят,
Не его ли шаги?
Нет, он не вернется назад.
Мы с ним — враги.

Сегодня я не засну...
А завтра, дружок,
На тебя я нежно взгляну
И взведу курок.

Пора тебе отдохнуть,
О, как ты устал!
Поцелует пуля в грудь,
А я — в уста.

⟨1921⟩

399. ЗЕРКАЛО

Разбейте холодное зеркало,
Растопчите в земле кровавой!
Я померкло, померкло, померкло
В эти дни человеческой славы.

Я прелестные лица любило
И сдержанность гордой улыбки,
Я тоску в себе затаило
По кружевам ласкающе-зыбким

Тайны ласк я отражало
И сады в лунных туманах.
За это меня целовало
Так много губок румяных.

Знамена, толпы и пушки...
Отражу ль я это величье?
Я люблю шелка и игрушки,
Беззаботной жизни обычай.

Опечалено я и померкло,
Вспоминая, я потемнело...
Молотком ударьте по зеркалу,
Чтобы предсмертно оно зазвенело.

⟨1921⟩

400. ТОВАРИЦ — ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ

Ты ласков и кроток со мной,
Союзники мы и друзья.
Как дружны твой конь вороной
И белая лошадь моя.

Мы вместе стреляем в цель,
На врагов вместе идем,
Отразился мой смех на лице,
На лице строгом твоём.

Когда на трибуну войдешь —
Безумствую, сердце кричит.
А на ухо слово шепнешь —
Сердце сладко проколют лучи.

Товарищи мы, новобрачные,
В час отдыха после битв
В сердце примем небо прозрачное
И сиянье земных молитв.

Пойдут вперед наши души,
Ласкаясь, как прежде шли...
Но если в борьбе я струшу,
Пожалей меня — пристрели.

(1921)

401. РОПОТ

Куда ты меня увлекаешь
От моей тесной семьи?
Посмотри: я слабая такая,
Шаги неверны мои.

Я бегу, задыхаясь, исступленно,
Я бегу за твоим конем.
Куда влечешь ты меня непреклонно?
Подожди, пощади, отдохнем!

Погаси, погаси сиянье
Властительной улыбки твоей!
Всё истлело мое одеянье,
Ноги в ранах от острых камней.

Неистов наш бег бесконечный,
В неведомых далях цель.
Вспоминаю я с печалью сердечной
О моем обручальном кольце.

Я — маленькая, робкая и гибкая,
На тебя я боюсь взглянуть.
И чары бесстрашной улыбки
Не могу я с души стряхнуть.

Пожалей меня, могучая,
Возврати меня в рабство нег!..
Брызжет кровь на кустарники колючие:
Неистов иступленный бег.

<1921>

402. ДВЕ ПОЭТЕССЫ

Я в предзорней слышу темноте
Топ коня звонко-золотой,
В безумно пророческой мечте
Я вижу пришествие той.

Моя песня — обрывочна, невнятна,
Она не радужный мотылек.
Говорю я о чем-то непонятном,
Я коня ее слышу скок.

Серебряную пыль взметая,
Пламеннокрылый конь летит,
Я радуюсь, о встрече мечтая,
Золотой музыке копыт.

Поэтесса великой эры,
Топчи, топчи мои песни-цветы!
Утоли жажду моей веры
Из чаши новой красоты!

Вспрянул к ней благоговейный дух мой,
Следы копыт я хочу целовать.
Освежительным ветром слух мой
Овеяли дивные слова:

«Песню женщины, мир, испей,
Пейте мудрость из сердца у меня!»
И бросаю я грудью своей
Под копыта ее коня.

<1921>

403. КРАСНОАРМЕЙКА

С красной звездой на рукаве
В освободительный бой я иду.
Сохранилась из всех моих вер
Вера в красную звезду.

Я играю легко винтовкой,
Накинув шинель на плечо.
В руке моей крепкой — сноровка,
А в жилах отвага течет.

Лишь редко в боевом напряженье
У горизонта далеко от земли
Я вижу, словно в сновиденье,
Нежный, трогательный лик.

Не печаль меня взором укоряющим,
Изменившую невесту прости!
В райском саду нерасцветающем
Не суждено мне расцвести.

Я стала задорной и бравой.
Рвутся с уст буйнокрылые протесты.
Голове ли дерзко-кудрявой
Пойдет венец небесной невесты.

(1921)

404. ПЕРВАЯ ГОЛГОФА

Ведь это памятник отчаянья —
Стиха надтреснутого крик.
Давно я жду каких-то чайний
И верю многому на миг.

И всё, что мною воспевается,
Твердит, томясь, душе моей:
«Ты знаешь, я неосвязаемо,
О дай мне тело поскорей!»

Да, жажду грозную людскую
Не утолит моя роса.
Каких ты песен, мир, взыскуешь,
Каким внимаешь голосам?

В мироголосом тонут гуде
Мои бессильные слова.
Не принесла я в песнях, люди,
Причастий будущего вам.

К земле с молением припадаю —
Меня отринула земля;
Я зовы слышу, но не знаю,
Зачем и что они велят.

И не вернусь я в хладно-снежные,
Бесстрастно замкнутые дни.
Теперь любовь с улыбкой нежной
Меня безжалостно казнит.

Пишу страдальческие строфы
В страданиях первых, в первой мгле;
Всхожу на первую Голгофу,
Голгофу юношеских лет.

Ума и сердца странны чаянья,
И змеи лжи язвят язык.
Ведь это памятник отчаянья —
Стиха надтреснутого крик.

<1921>

405. ДУША ТЕЧЕТ

Каждый день по улице пыльной устало,
Каждый день прохожу.
Но себя, какую вчера оставила,
Не нахожу.
И встают, встают двойники-привиденья
Многоразного Я.
Отчаянно кричу в удушливый день я:
«Где душа моя?»
Но не слышит криков ни один прохожий,
Сердце ни одно.
И неотступно то, что меня тревожит,
Идет за мной.
«Не смотрите же, дивясь, в лицо напряженное:
Тоните в пыли!»

Ах, эти волны пыли, солнцем зажженные,
Озабоченность лиц!
Двойники, двойники мои неисчислимые
За мной скользят,
За мной, и рядом, и проходят мимо...
А воскресить нельзя.
Я каждый миг зарождаюсь, каждый миг умираю,
Вечно не та.
Каждый миг навсегда я себя теряю...
Остановиться бы, встать!
Я впадаю в неведомые тихие реки,
Куда-то теку.
И, быть может, себя не узнаю вовеки,
Не убью тоску.
Я воды в течении своем изменяю,
Куда-то льюсь.
Неужели никогда я себя не узнаю,
Не остановлюсь.

⟨1921⟩

406—408. РУССКАЯ АЗИАТКА

1

Размахнись-ка вечерком
Пламенеющим платком
И пройдишь-ка ты лужком,
Русская азиатка.

Желтым личиком дерзка,
И раскоса, и легка,
Пропляши-ка трепака,
Русская азиатка.

Ты задорна и смела,
И жестоко весела,
Ты с ума меня свела,
Русская азиатка.

Кровь одна в тебе и мне,
Нам в одном гореть огне,
В плясовом хмельть вине,
Русская азиатка.

В круге рук своих замкни,
В сердце полымем дохни,
Душу настезь распахни,
Русская азиатка.

Этим красным вечерком
Размахнемся мы платком
И упляшем далеко,
Русская азиатка.

2

Я с чертом торгуюсь упорно;
Я душу ему продаю.
Да ну, раскошеливайсь, черный!
Смеюсь, дразню и пою.

От желтой страсти пьяной
Не двинуться, словно в цепях.
Взлечу же хоть раз и кану
В монгольских глубоких степях.

Еще мне заплатишь... Да знаешь
Об этой уплате ты сам.
Эй, черт! Не скупись, заскучаешь
По красным моим волосам.

Эх, желтая страсть иссушила!
Ну, дьявол, купи, не скупись!
Посею последнюю силу
В сожженной монгольской степи.

3

Полюбила лицо твое желтое
И разрез твоих узких глаз.
Как курок, мою душу взвел ты,
Перед взлетом страсть напряглась.

Твоему поклоняюсь идолу
И казнящему хрустко ножу,
А о том, что за ними увидела,
Никому ничего не скажу.

Я — в монгольской неистовой лихости.
Моя песнь — раздражающий стон,
Преисполненный зноя и дикости
Незапамятных страшных времен.

Узким глазом смеясь и скучая,
Мой возлюбленный желтый молчит.
Почему же он мне не вручает
От монгольского царства ключи?

Бледный мир, испугавшись, отринет
Сумасшедшей монголки любовь.
Харакири на помощь! Да хлынет
Монгольская дикая кровь!

⟨1921⟩

409

Куда из этого города скроюсь я,
Певец кротости звездной?
Туда, где зори раскинулись поясом
У края земли, над бездной.

Меня страшат пожаров прибой,
Омывающие нервные здания.
Здесь сверлят небо голубое
Фабричных труб завывания.

А ночью вчера на площади
Мне встретился тот, другой.
Он скакал на пламенной лошади,
Она задела меня ногой.

И прижался к какой-то стене я,
Боязнью странной томимый,
И смотрел не дыша я, цепenea.
Он проскакал величаво мимо.

В его глазах — отражения взрывов
И звезды царства земного.
Белым огнем пламенела грива
Его коня боевого.

1921

Я — зерно гниющее, с страданием
 На закланье я иду.
 Кровь души я отдам с роптаньем
 За грядущую звезду.

Я была березкою пугливой,
 Трепетавшей на ветру.
 И цветком, вплетенным прихотливо
 В сладострастную игру.

Тяжело израненной рукою
 Путь скалистый прорезать...
 Я хочу с рыдающей тоскою
 К неизвестному воззвать:

«Боже, Боже, сильными убитый,
 О, воскресни для меня!
 Я слаба, я ранами покрыта!...»
 Голос дрогнет, зазвеня...

«Обреки бессильную, как прежде,
 В ласках милого стихать
 Иль предай монашеской надежде
 На иного жениха».

И враги мне вкрадчиво зашепчут:
 «Ты бессилием сильна,
 Слышишь, птицы яркие лепечут?
 Ты из них одна.

Береги бледнеющие лилии,
 Руки нежные свои.
 Их законы мира сотворили
 Для одной любви».

Но до сердца стыд меня пронзает:
 Пусть я горестно ропщу —
 Созревает женщина иная,
 Я в себе ее рашу.

Я — зерно гниющее. Страдая,
На закланье я иду.
Я ропшу, но всё же умираю
За грядущую звезду.

1921

411—415. ХРИСТОС

1

Он ко мне приходил,
Когда мой взор был ясен и чист.
По волосам моим рукой проводил
И был так нежен, легок, лучист.

А я мученицей кроткой была,
Касаясь божественных риз,
Я мечтала, что пантер тела
С моим телом гибко сплелись.

А он так нежно в мое сердце смотрел,
Так тихим светом был осиян,
Что мне легка была тяжесть гибких тел
И сладка боль кровавых ран.

А теперь в темноте моих глаз
Безнадежность нити безверья прядет,
И дух любви исступленной угас,
И лучистый Христос не придет.

2

Когда-то мой путь земной
Был ровен и тих,
И шел неотступно за мной
Небесный жених.

Он сиянием тихих глаз
Меня кропил,
Но средь светлых темный час
За мною следил.

Однажды в день грозовой
Взглянула назад.
А где жених неземной,
Где его глаза?

Он оставил меня одну
В грозе на пути.
Грядущих дней глубину
Кому осветить?

Кому мой путь охранять?
Жених не за мной.
И не могу принять
Я страсти земной.

3

Христос лучистый и нежный ушел,
Христос покорных печали людей.
Отсиял Его хитона шелк,
Христа печали не найти нигде.

И те, кто предан Ему, тайком
Заходят в храмы вечерней порой;
А в победном шуме городском
Проходит в славе Христос другой.

Он пришел с судами и казнью,
В Его руках пречистых — гроза.
Я взглянула на Него с боязнью
И ослепленно опустила глаза.

4

Забрела я в вечерний храм
Посмотреть, как люди молились.
В закатном свете по моим плечам
Седые волосы дыма заструились.

Заходящего солнца печаль
У святых светилась во взорах,
И закатной печалью звучал
Надтреснутый голос на хорах.

И было грустью закатной увенчано
Чело Христа на «вечери тайной».
А сколько было Христом замечено,
Как и я, пришедших случайно?

Священник седенький тихо и кротко
Из царских врат выходил на амвон
И смотрел неуверенно, робко...
Я усмехнулась и вышла вон.

5

Мимо белой церкви я прошла.
Нищая мне руку протянула.
Тосковали наверху колокола.
Я тихонько в церковь заглянула.

Странное виденье предо мной:
Бледный Иисус идет к притвору.
В алтаре отворенном темно,
И темны, темны Христовы взоры.

Шелк одежд Христовых потускнел,
Благостные руки опустились.
Я стояла смутно, как во сне...
Покидала храм любовь и милость.

Словно проструился Он легко
Близ меня в пугающем притворе,
И в закатный скрылся Он покой
С темнотою скорбною во взоре.

⟨1921—1922⟩

416. ЖЕРТВА

Синеглазый крошка сыночек,
Поцелуй на прощанье мать.
Ты любил, сжавшись в комочек,
На коленях моих дремать.

Мой синеглазый, милый сыночек,
Не смею тебя приласкать.
Вспомню тебя в кровавые ночи,
И — дрогнет рука.

И кто-то с грозного знамени огненно
Метнет стрелу-взор.
Я крикну: «Всё для тебя раздроблено!
За что же этот укор?»

И прижмусь расстрелянным, жалким телом
К исперенной, смятой траве
И в мечте прикоснусь губами несмело
К русой твоей голове.

Уложила тебя, Исаак-сыночек,
Не в кроватку — в огонь и дым.
Отдала в жертву эти детские очи
Неродившимся детям другим.

Будет мать не одна у малюток
И будет отец не один,
Но твой путь младенческий жуток,
Мой покинутый маленький сын.

(1922)

417. ПРЕСТУПНИЦА

Я — преступница; я церкви взрываю
И у пламени, буйствуя, пляшу.
По дороге к светлому раю
Я все травы, цветы иссушу.

Престол Господень я возносила.
Но пробил преступный час,
И гнетущую небесную силу
Я сбросила на камни с плеча.

Как сладок миг преступления,
Освободительный сладок миг!
Я восстала среди моления
На проклятия священных книг.

Я — преступница; я церкви взрываю,
А проклятий церковных цепь
Я ловлю и бросаю, я играю
С удалой насмешкой на лице.

Вольный ветер веселья, крылами
На небо души моей
Толпы туч пригони с дарами
Ослепительных острых дождей.

Расцветет мой сад чудноцветный,
Зашумят мои деревья...
Тороплюсь я церковные наветы
И монастырские стены взорвать.

(1922)

418. КЛАДБИЩЕ

Это кладбище очень милое,
Я люблю здесь танцевать.
Вот в этом углу зарыла я...
Но ведь всё нельзя открывать.

Здесь мечта моя покоится.
Она еще малюткой была;
Но, видно, и грезы от простуды не скроются,
И вот она умерла.

Вот в этой могилке не очень крупной
Беспокойно величие спит.
Увы! И величие смерти доступно...
А здесь почивает стыд.

Этот холмик еще свежий,
На него весело смотреть;
Я теперь краснею реже,
А ведь очень неприятно краснеть.

Под этим камнем нежность бьется.
Не умирает до смерти, и конец!
По ночам стонет, из-под камня рвется...
Неугомонный, буйный мертвец.

Опять, опять та же могила!
Я над ней никогда не пляшу;
В нее легла напряженная страстная сила,
Я ее пропущу, пропущу!

Это кладбище очень милое,
Я люблю над могилами плясать,
Но что бы со мною было,
Если б мертвые вздумали встать.

<1922>

419. СТАРОЕ

Что это такое? Старое слово,
Чувство старое щемящее.
Только мука в этом вечно новая
И старит сердце скорбящее.

Живем мы в старом, становимся старыми
И старую смерть встречаем,
Но тешимся новых мечтаний чарами,
Опьяненно-наивными речами.

А если скажут: какой ты убитый!
Ответь: мне в старом тесно,
Ведь старое чувство бережно скрыто,
О нем никому не известно.

Я сердце душу одной рукою,
Другой поглаживаю с лаской;
А лицо настоящее грустно прикрою
Уверенной лживой маской.

<1922>

420

Под какой приютиться мне крышей?
Я блуждаю в миру налегке,
Дочь приволжских крестьян, изменивших
Бунтовщице, родимой реке.

Прокляла до седьмого колена
Оскорбленная Волга мой род,
Оттого-то лихая измена
По пятам за мною бредет.

Оттого наперед я не верю
Ни возлюбленным, ни друзьям.

Ни числом, ни мерой потери
Сосчитать и смерить нельзя.

Я пою и танцую в капризе
Непогодном, приволжском, злом.
Синеглазый, мой новый кризис,
Ты обрек мою душу на слом.

Я темнею широкою бурей,
Пароходик ума потонул.
Мне по сердцу, крестьянской дуре,
Непонятный тебе разгул.

Ты сродни кондотьерам-пиратам,
Ты — мудреная простота.
Флорентийский свет трудновато
С Костромою моей сочетать.

⟨1926⟩

421. ОБРЕЧЕННАЯ

Холодным ветром веет
Из властных серых глаз.
Не смею, не посмею
Ни после, ни сейчас.

Не сделать мне ни шагу
На страшное крыльцо.
Белеет, как бумага,
Влюбленное лицо.

Я знаю, виновата,
И страшную виной.
Жених сосновый свата
Вчера прислал за мной.

Встречала, угощала.
Ушел — и сыт, и пьян.
Хлестнуло кровью алой
Из уст моих в стакан.

Наверно, так и надо.
В последний раз грешу,
Холодным ветром взгляда
В последний раз дышу.

Хоть раз бы поглядели
Вы с лаской на меня.
Считаю я недели
До гибельного дня.

<1928>

422. ВЕТХИЙ ЗАВЕТ

Поэты прежние грезили,
Мы, как бомбы, взрываем года.
Разве песни мои — поэзия?
В них смерть, мятеж и беда.

Сумасшедший, ты смотришь с хохотом:
Какая забавная игра!
Земля разверзается с грохотом
До пламенного ядра.

Своей ли звериной жаждой
Разрываю я нервы строф?
О, сколько в сердцах у каждого
Стихийных прошло катастроф.

Разве это романы жгучие
И страстей декадентских бред?
Раздавили силы могучие
Наш любимый ветхий завет.

Откройте себя, не пугаясь,
Загляните на самое дно
И поймете, что я не другая,
А такая, как вы, всё равно.

В испытаниях будьте тверже,—
К старым чувствам возврата нет.
Пусть и в песнях будет повержен
Погибающий ветхий завет.

Отреклись от Христа и Венеры,
Но иного взамен не нашли.
Мы, упрямые инженеры
Новой нежности, новой земли.

<1928>

Серафим Иванович Огурцов родился 29 июня 1904 года в г. Суздале. Отец его служил приказчиком у суздальского купца. В семье было четверо детей; когда в 1907 году отец умер, пришла нужда. Мать будущего поэта, Вера Ивановна, зарабатывала гроши мытьем полов и стиркой белья. Вскоре семья Огурцовых перебралась в Иваново-Вознесенск, где Серафима взяла на воспитание бабушка, Ольга Александровна Шерышова. Мальчик закончил здесь земское начальное училище и в 1916 году поступил в 1-ое городское высшее начальное училище. Он рано увлекся чтением, пробовал писать стихи.

После Октября, будучи еще 15-летним подростком, Серафим вступил в комсомол, вел активную работу среди городской и сельской молодежи, был душой организованного комсомольцами в Иваново-Вознесенске «Клуба подростков», стал инициатором издания и редактором первых губернских молодежных газет «Юный Spartак» (1919) и «Юный текстильщик» (1920—1921). С 1919 года стихи Огурцова стали появляться на страницах «Рабочего края», в альманахах и сборниках, издававшихся иваново-вознесенскими писателями. В большинстве своем эти стихи были юношески-наивны, откровенно подражательны. Это, в основном, лирика природы и любви, непосредственно-эмоциональный отклик на события революции и гражданской войны. Начинаящий поэт пытается подражать изысканно-романтическому строю бальмонтского стиха, перенимает расхожие штампы пролетарской поэзии, пробует вслед за старшими товарищами — прежде всего Дм. Семёновским — освоить проблематику и поэтику так называемой «новокрестьянской» поэзии. Ранняя лирика Огурцова пестра и эклектична, но ее объединяет светлое юношеское чувство признания жизни, которому поэт остался верен до конца своего короткого творческого пути.

Он много работает, пробует свои силы не только в лирике, но и в сатире, пишет и издает в 1921 году нещадно раскритикованный И. Жижиным на страницах «Рабочего края» драматический этюд «Победная песнь». В следующем году выходит в свет первая поэтическая книжечка Огурцова «Крылья зорь», тогда же он организует издание альманаха «Коробейник».

Переехав в 1922 году в Москву, Огурцов работает там секретарем редакции комсомольского журнала «Юный коммунист», сближается с группой комсомольских поэтов — А. Жаровым, А. Безыменским, с прозаиками А. Веселым и И. Рахилло. Стихи Огурцова начинают

появляться в журнале «Молодая гвардия». Тогда же он поступает учиться в организованный и руководимый В. Я. Брюсовым литературно-художественный институт. Как вспоминал Дм. Семёновский, «Брюсов принял его в институт без экзамена за стихотворение „Базарный день“... Позднее, когда Огурцов жил в Иванове, Валерий Яковлевич через студентов-ивановцев, приезжавших на каникулы в родной город, посылал Серафиму „поклоны“»¹.

После знакомства с комсомольскими поэтами Огурцов резко меняет свой стиль, стих его становится более свободным, раскованным, лексика заметно упрощается. Он стремится теперь освоить жанр стихотворного рассказа, в центре которого человек труда или характерная для времени бытовая ситуация. В этих стихотворениях проявляются лучшие черты поэзии Огурцова — мягкий юмор, умение подметить и обыграть смешную бытовую деталь, искренняя, доверительная интонация, обращенность к читателю-другу, читателю-товарищу по комсомольской юности. Особенно интересны стихи, печатавшиеся в иваново-вознесенских изданиях под шапкой «Быль деревенская». В них отразился своеобразный, в чем-то противоречивый быт деревни 20-х годов («Чайная и столовая „Слобода“», «Изба-читальня», «Посиделки» и др.). В этих стихах Огурцов выступает внимательным наблюдателем, умеет в незатейливой картинке показать драматическое переплетение в деревенской жизни традиционного с новым, порожденным революцией. Будучи всецело на стороне нового, он не склонен в то же время торопливо судить и проклинать старое. С другой стороны, пытаясь создать в своих стихотворных очерках образ «героя эпохи», человека «ленинского призыва», поэт часто грешит восторженной риторикой, рисует не столько живого человека, сколько плакатно-упрощенный «идеал» рабочего, работницы, комсомольца.

В Москве Огурцов прожил недолго, болезнь заставила его вернуться в Иваново-Вознесенск, где он продолжал активно сотрудничать в местной прессе, печатая не только стихи, но и очерки, рассказы и даже повесть «Кровь». В Иваново-Вознесенске вышли три поэтические книжечки Огурцова — «Ленинский призыв» (1924), «Обнова» (1926) и «Весна в корпусах» (1931), которые вобрали в себя далеко не все из написанного и опубликованного поэтом в 20-е годы. Живя в Иваново-Вознесенске, он не порывал связей и со своими московскими друзьями. Так, в 1926 году он выпускает совместно с А. Жаровым небольшой сборничек «Карусель», названный по одноименному стихотворению Огурцова.

---

¹ Семёновский Дм. Серафим Огурцов // Писатели текстильного края: Литературно-критические статьи. Иваново, 1953. С. 154.

Современники запомнили Серафима Огурцова как человека жизнерадостного, душевно расположенного к людям, открытого, мужественного. Часто выступавший перед молодежью и рабочими, он был очень популярен в городе, его знали и любили все. Тяжело больной (он страдал редкой в медицинской практике сонной болезнью), он оставался и в стихах, и в жизни оптимистом.

Огурцова-поэта и особенно Огурцова-человека очень ценил Дм. Семёновский, посвятивший его памяти очерк «Верхом на солнце»¹.

Умер Серафим Иванович Огурцов тридцатилетним, 3 августа 1934 года.

423. ПОСИДЕЛКИ

Пахуча свойская махорка...
У девок пудренные лица...
Гармонь кудрявого Егорки
Разгульным звоном серебрится...

Столетний дед с худых полатей
Глядит, по баушке сучает:
«Пора, пора вам, девки, сватей...»
Плясать... А старость не пушает.

Поет веселая гармошка
Напевным криком трепака,
И красавица Матрешка
Схватилась лихо за бока...

А в углу Марфушка, тая,
Меняет с милым Ваней кольца...
И ждет деревня молодая
Призывной речи комсомольца.

⟨1922⟩

424. ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ

Картина Бельского пестреет,
Одна скамейка для читающих...
Большой аншлаг светло алеет:

---

¹ См.: Семёновский Д. Верхом на солнце // Тропинки памяти: Воспоминания и статьи о писателях-ивановцах. Ярославль, 1987. С. 116—119.

«Спасите, братья, голодающих!...»
Три полки новеньких книжонок:
Некрасов, Горький да Демьян...
А за окном, певуч и звонок,
Весенний день вдрызину пьян.
И на окне сибирский кот
Мурлычет, лапкой утирается,
Довольный поп, разиня рот,
С карикатуры улыбается...
На солнце выцвели газеты:
«Рабочий край» и «Беднота»...
Хоть бедно здесь, да много света,
Здесь радость знанья пролита...
И, над дверями колыхаясь,
Горит флажочек, как свеча,
С портрета, сея сердцу радость,
Смеются глазки Ильича...

⟨1922⟩

425. БАЗАРНЫЙ ДЕНЬ

К. Буторову

Толпа гуторит, колыхается
И тонет день в весеннем звоне,
Глаза лучисто улыбаются,
Басит Шаляпин в граммофоне.
Платки пестреют, словно цветики
В траве зеленого кургана,
Горит картина на буфетике:
«Весенний вечер» Левитана.
Лубки раскинув и портреты,
Кричит веселый спекулянт:
«Вот знаменитые поэты,
Художник Репин и Рембрандт».
На лик Христа не много спроса;
Торговки сдорятся, кричат;
Портрет — издание Наркомпроса —
Смеется взором Ильича.
Оглобли подняты высоко,
Лошадки чавкают овес,
С иконы, с грустию глубокой,
Глядит непроданный Христос.

А день цветет в хмельном угаре,
Весенним зноем напоен,
И с грустной жалобой в базаре
Поет разбитый граммофон.

⟨1922⟩

426. ЧАЙНАЯ И СТОЛОВАЯ «СЛОБОДА»

На околице в расхлябанном сарае
Мужикам и парням в добрую угодую,
Парамон Терентьич еще в прошлом мае
Сделал чайную-столовую «Слободу»,
И на вывеске (оно, конечно, мода!)
Написал колесной мазью: «Удивляйтесь!»

*Помещается здесь чайная «Слобода».
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»*

И когда приходит праздник в воскресенье,
Мужики идут не в церковь, а в «Слободу»,
Бабы кличут: «Дьявольское наважденье,
Вот смутьян-то православному народу!»
В чайной весело.

Приятен и отраден
Кудреватый разговорец Парамона:
«Граждане, хоша патент мне даден,—
Истинный господь, не держим самогона».
Игривый русский шум,
Посуды резкий звон.

По-заграничному загнув на лавку ноги,
Два мужичка, Вавила да Парфен,
Ведут горячий спор о божье.

«Ай, Терентьич, хорошо у тея тута!..»
Мужички сидят, чай гоняют чинно,
А от утрени заглянет на минуту
Сам отец Макарий, благочинный.

⟨1922⟩

427. КОЛОДЕЦ

В небесах кочующая стая —
Уплывают-улетают журавли,
Крик печальный на ветрах качая
И прощаясь с долами земли.

И журавль-колодец улетел бы
И земля под ним бы поплыла,
Но милей ему черемухи и вербы
В тишине кудлатого села.

⟨1927⟩

428. ВОЛК

В сумрак седых бездорожий
Вонзая золото глаз,
Думает: дням погожим
Не улыбнется мгла.

Тишь невеселых дорог
Пастью зубастой ловит,
Знает: сутулый стрелок
Где-то свинец готовит.

В кровной, зверьей обиде
На скудное солнце лет,
В дебрях таежных видел
Свежий недавний след.

Зябнет мерзлая шкура,
В утробе колкая боль,
Глаза одичало, хмуро
Плачут последней мольбой.

Когда засветил вечер
Огоньки далеких хат —
Видел, как шел навстречу
Сытый, железный брат.

В зори звезда упала —
Значит: кончена жизнь.
Снятся в ветрах дубравы,
Злак ядреных жит.

Воет в скупом просторе.
На колокольне села
Звон рассвечают в зорях
Певные колокола.

⟨1928⟩

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящий сборник — первое по отношению к русской поэзии издание, основанное на региональном принципе. До сих пор в «Библиотеке поэта» выходили книги, посвященные поэзии отдельных союзных и автономных республик или группе национальных поэтов одного региона (например, «Поэты Северного Кавказа»). Русская поэзия издавалась в виде персональных или групповых сборников. В последнем случае преимущественно объединялись поэты какого-либо периода или одного направления. Но такой подход к составлению сборников, сам по себе закономерный, не в силах, однако, учесть все богатство и многообразие поэтических явлений в России — стране обширной, имеющей в отдельных районах специфические черты развития культуры.

В. И. Ленин постоянно подчеркивал необходимость учитывать местные условия и особенности. Это ленинское положение вполне может быть применено и при изучении явлений литературы. Известно, что так называемый областной фактор с течением времени стал играть все большую роль в развитии литературы, русской поэзии. Культурная революция, развернувшаяся в нашей стране после Октября, способствовала ликвидации литературных захолустий, в орбиту творчества под ее влиянием вовлекались все новые и новые силы из разных регионов страны. Этот общий процесс вместе с тем не означает, что развитие литературы всюду было равномерным и одинаковым.

Если брать поэзию конца XIX — начала XX в. и первое десятилетие после Октября, то особенно разительным был в это время взлет поэтического творчества в Иваново-Вознесенске и прилегающем к нему районе. Объяснение данному явлению надо искать в первую очередь в общественно-исторических условиях — бурном росте революционного движения и общественного самосознания рабочего класса, в стремлении его выразить себя с помощью искусства слова. Как отмечалось во вступительной статье, Иваново-Вознесенск в первые послеоктябрьские годы превратился в один из видных центров формирующейся советской поэзии. Вот почему предлагаемый читателю сборник посвящен поэтам Ивановского текстильного края.

Составители в первую очередь ориентировались на творчество поэтов, объединившихся в кружок при иваново-вознесенской газете «Рабочий край». Хронологически его деятельность охватывает примерно 10—12 лет после Октябрьской революции. Интенсивная творческая деятельность большинства авторов относится именно к этому периоду. Однако указанные хронологические рамки в ряде случаев раздвинуты. Важно было показать истоки отмеченного поэтического

явления и представить несколько полнее творчество поэтов, которые участвовали в литературном процессе длительное время. Поэтому в сборнике приведены и дореволюционные стихи, и стихи, написанные даже в 40—50-х годах (А. Е. Ноздрин, И. А. Назаров, А. Н. Благов, Д. Н. Семёновский и др.).

Отобраны произведения 14-ти поэтов, наиболее одаренных и репрезентативных, а у каждого из них — самые характерные стихи, позволяющие представить индивидуальность поэта и его связь с общей направленной творчеством ивановских литераторов и развитием предоктябрьской русской поэзии и советской поэзии. Наиболее полно представлен в сборнике Д. Н. Семёновский — поэт недостаточно оцененный, но безусловно достойный того, чтобы быть включенным в список значительных поэтов России. Закономерно, что его стихи открывают книгу.

Работа над сборником была сопряжена с известными трудностями. Это первая книга подобного рода, и здесь еще нет накопленного опыта. Библиографические сведения о большинстве включенных в сборник поэтов, а также их архивы или отсутствуют, или слабо разработаны. Наконец, некоторые периодические издания тех лет оказались недоступными.

При подготовке текстов к печати составители ориентировались на последние прижизненные редакции. В расположении текстов придерживались хронологического порядка как в определении места поэта в общей композиции сборника (исключение составляет Семёновский), так и при печатании отдельного стихотворения в разделе, отведенном поэту. В текстах Семёновского, Ноздрина, Благова, Жижина, Смирнова, Барковой учитывалась также циклизация стихотворений.

Стихи каждого автора предваряются вступительной заметкой о нем, в которой приводятся биографические сведения и, в тех случаях когда не было возможности остановиться на творчестве поэта в общей вступительной статье, дается ему краткая характеристика.

За основу датировки брались авторские даты. При их отсутствии даты устанавливались по времени публикации или предположительно, исходя из логики творчества поэта и косвенных данных. В первом случае даты заключены в угловые скобки, во втором — сопровождаются вопросительным знаком.

В примечаниях, там, где имеются необходимые сведения, отмечается изменение текстов, даются краткие пояснения отдельных слов и реалий.

Примечания к каждому авторскому разделу открывает вступительная заметка, в ней сообщаются источники текста, на которые опираются составители, и условные сокращения, принятые в примечаниях для изданий данного автора. Условные сокращения (преимущественно периодических изданий и архивов, использованные в примечаниях ко всем авторам) приведены вслед за преамбулой.

Стихи ряда публикуемых здесь поэтов в небольшом количестве печатались в следующих сборниках, выпускавшихся «Библиотекой поэта»: Артамонов, Благов, Ноздрин, Семёновский — в сборнике «Пролетарские поэты». Т. I—III.— Л., 1935—1939 (Большая серия); Артамонов, Благов, Семёновский — в сборнике «Революционная поэзия (1890—1917)». — Л., 1954 (Большая серия); Н. Колоколов — в сборнике «Пролетарские поэты первых лет советской эпохи». — Л., 1959 (Большая серия); Артамонов, Благов, Семёновский — в сборнике «Революционная поэзия (1890—1917)». — Л., 1959 (Малая

серия); Артамонов, Семёновский — в сборнике «Поэзия в большевистских изданиях. 1901—1917». — Л., 1967 (Большая серия); А. Ноздрин, И. Назаров, Д. Семёновский — в сборнике «Ленин в советской поэзии». — Л., 1970 (Большая серия).

Общие условные сокращения

- Взмах — Взмах: сборник стихов и поэм: Изд. Ив.-Вознесенск. губ. отд. РОСТА, 1921.
- ГАИО — Гос. архив Ивановской обл.
- ГБЛ — Отдел рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
- ЖС — «Живописное слово». — В изд.: Ив.-Вознесенск. губ. ежегодник. Календарь-справочник на 1921 г. Ив.-Вознесенск, 1921. Есть также в виде отдельного сборника со своей пагинацией (оттиск из указанного «ежегодника»).
- ИА — «Ивановский альманах».
- ИВ — газета «Иваново-Вознесенск».
- ИЖ — журнал «Иваново-Вознесенская жизнь».
- ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.
- Коробейник — «Коробейник», лит.-худож. юмористич. альманах. Ив.-Вознесенск, 1922, № 1 (Ив.-Вознесенск. губком РКСМ).
- Кр. нива — журнал «Красная нива».
- КрН — журнал «Красная новь».
- КрТ — журнал «Красный ткач» (Иваново).
- КРК — «К „Рабочему краю“, лит. и илл. приложение к газете «Рабочий край» (Иваново).
- КС — Крылья свободы: советский песенник-декламатор: Ив.-Вознесенск. губ. агентство ВЦИК, 1919.
- КУ — Красная улица: стихи и песни: изд. Ив.-Вознесенск. губ. агентства Центропечати, 1920.
- Начало — «Начало»: лит.-худ. и публицистич. альманах: изд. Ив.-Вознесенск. губполитпросвета, № 1 (1921), № 2/3 (1922).
- НБ — журнал «Новый быт» (Иваново).
- НМ — журнал «Новый мир».
- РГ — газета «Рабочий город» (Иваново).
- РК — газета «Рабочий край» (Иваново).
- Сноп — Сноп: сб. стихов и рассказов: изд. Ив.-Вознесенск. отд. Госиздата, 1920.
- ТВ — Теплый ветер: лит.-худ. сб.: Иванов. кн. изд-во, 1958.
- ЦГАЛИ — Центральный гос. архив литературы и искусства СССР.

Д. Н. СЕМЕНОВСКИЙ

Представленное здесь наиболее полное из издававшихся когда-либо собрание стихотворных произведений Дм. Семёновского составляет едва ли половину его поэтического наследия. Не включены многие лирические стихотворения, переводы, сатирические стихи, поэмы, стихи для детей.

При жизни поэта вышло 20 его поэтических сборников (включая отдельные издания поэмы «Сад» и перевода «Слова о полку Игореве», а также книги для детей). Наиболее интересные из них: первая книга поэта — «Благовещение» (1922), подводившая итог ран-

нему периоду творчества Семёновского; «Земля в цветах» (1930), вышедшая при поддержке и с предисловием М. Горького, довольно полно в лучших образцах представила лирику Семёновского 1910-х — 1920-х гг. Полнотой отличался и сборник избранных стихов, выпущенный в 1946 г. с предисловием Л. Озерова. Особое значение в качестве источника имеет книга «Избранное» (1957) — последнее прижизненное издание стихотворений Семёновского.

После смерти поэта его избранные произведения выходили дважды: «Иней» (1967), сборник, осуществленный под наблюдением Комиссии по литературному наследию Д. Н. Семёновского при Союзе писателей РСФСР, составлен вдовой поэта В. Г. Семёновской на основе подготовленной им самим рукописи, и «Избранные произведения» (1976), под редакцией Л. А. Озерова.

Семёновский начал печататься в 1912 г., его стихи публиковались во множестве дореволюционных и советских журналов, газет, альманахов и сборников. Очень многие из опубликованных в разных изданиях стихотворений не попали в книги поэта. Часть из них включена в настоящее издание. Библиография публикаций Семёновского разработана с возможной на данном этапе полнотой в специальном указателе, составленном А. Л. Агеевым и выпущенном под редакцией П. В. Куприяновского: Дмитрий Семёновский: Библиографический указатель. Ч. 1. Произведения Д. Н. Семёновского и литература о нем. Иваново: ИвГУ, 1984; Ч. 2. Алфавитный указатель произведений, именной указатель, указатель псевдонимов. Иваново: ИвГУ, 1984.

Большинство стихотворений Семёновского датированы автором. В случае отсутствия авторской даты и невозможности определить дату по другим источникам в угловых скобках приводится дата первой публикации.

Условные сокращения

- Блг. — Семёновский Дм. Благовещение: Стихи. Иваново-Вознесенск: «Свирель», 1922.
ЗвТ — «Зигзаги в тумане»: Стихи. М., 1914.
ЗвЦ — Семёновский Дм. Земля в цветах: Стихотворения/Предисл. М. Горького. М.: «Недра», 1930.
Избр. 40 — Семёновский Дм. Избранные стихи. Иваново: Обл. кн. изд-во, 1940.
Избр. 46 — Семёновский Дм. Избранные стихи/Предисл. Л. Озерова. Иваново: Обл. кн. изд-во, 1946.
Избр. 55 — Семёновский Дм. Избранное: Стихи и проза. Иваново: Обл. кн. изд-во, 1955.
Избр. 57 — Семёновский Дм. Избранное: Стихи. М.: «Сов. писатель», 1957.
Избр. 76 — Семёновский Дм. Избранные произведения: Стихотворения. Мстера /Предисл., составл. и подготовка текстов Л. Озерова. М.: «Худож. лит.», 1976.
Иней — Семёновский Дм. Иней: Стихи/Предисл. П. Куприяновского. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1967.
МХ — Семёновский Дм. Мир — хорош: Стихотворения/Предисл. А. Блока. М.: «Круг», 1927/«Б-ка пролетарских писателей».
ОМ — Семёновский Дм. Огни мира: Стихи. Иваново: Обл. кн. изд-во, 1952.

- ПГП — Семёновский Дм. Под голубым покровом: Стихи. Иваново-Вознесенск: «Гамаюн», 1922.
- Путь — Семёновский Дм. Путь: Стихи. М.: Моск. т-во писателей, 1933.
- Радуга — Семёновский Дм. Радуга: Стихи и песни. Иваново: Обл. кн. изд-во, 1948.
- СВ — газета «Старый владимирец».
- Ст. 47 — Семёновский Дм. Стихи. М.: «Сов. писатель», 1947.

1. «Правда». 1912, 22 авг. *Молох* — божество зап.-семитских племен, которому приносились человеческие жертвы. Здесь — в нарицательном значении.

2. СВ. 1912, 9 окт., подпись: Д. С.

3. СВ. 1912, 16 окт., подпись: Д. С.

4. СВ. 1912, 14 нояб., под загл. «На улице», подпись: Д. С., с вар. - - «За 7 дней». 1913, № 32.

5. СВ. 1912, 23 сент., подпись: N., др. ред. - - «За 7 дней». 1913, № 30, с вар. - - ЗвЦ.

6. «Невская звезда». 1912, 5 авг. - - СВ. 1912, 28 окт., под загл. «Богатырь», с вар. Подпись: Д. С. - - ЗвТ, с посвящ. Т. М. Пономаренко, с вар. - - «За 7 дней». 1913, № 41, с вар. - - ИВ. 1917, 29 сент. (12 окт.). - - ЖС, др. ред. - - РК. 1922, 1 сент., под загл. «Пахарь», др. ред. - - Блг., без загл. - - Кр. нива. 1927, № 8, с вар. - - ЗвЦ, с вар. - - Русская революционная поэзия: Антология. Л., 1957, возвращение к ред. «Невской звезды». Первое опубликованное ст-ние Семёновского. *Ратай* — оратай, пахарь.

7. «Просвещение». 1913, № 6. - - ЗвТ, с посвящ. Федору Овагему, с вар. - - РГ. 1917, 17 (30) дек., под загл. «Ярмарка», с вар. - - КУ. - - Блг., с вар. - - МХ, с вар. - - ЗвЦ, с вар. - - Путь. - - Пролетарские поэты. Т. 2. 1911—1914. Л., 1936 (Б-ка поэта, БС), в ред. первой публикации.

8. «Путь». 1914, № 4, под загл. «Летний вечер», др. ред. - - ИВ. 1917, 10(23) авг., под загл. «Вечер», др. ред. - - ЗвЦ, с вар. - - Путь, с вар. - - Избр. 46, с датой: 1913. - - Ст. 47. - - Избр. 55.

9. СВ. 1913, 4 янв.

10. «За 7 дней». 1913, № 29, под загл. «Деревенская», др. ред. - - ЗвТ, под загл. «Праздник в деревне», с посвящ. Юрию Якубовскому, с вар. - - РК. 1918, 17 июля, с вар. - - КУ, с вар. - - ПГП, с вар. - - ЗвЦ, с вар. - - Избр. 46. *Коник* — лавка.

11. «Просвещение». 1913, № 10, с вар. - - ЗвТ, с вар. - - КС, с вар. - - Блг. - - Избр. 46.

12—14. «Просвещение». 1913, № 11, с вар. - - ЗвЦ. За публикацию этого цикла редакция журнала была оштрафована. Очевидна его связь с известным в России по переводу В. Курочкина ст-нием

Беранже «Безумцы», а также с пьесой М. Горького «На дне», где цитируется ст-ние Беранже. *Эдем* — рай.

15. ИВ. 1917, 2(15) июня, под загл. «Фантазия», подпись: С. Овский, др. ред. - - РК. 1918, 27 марта, с вар. - - Иней. Это ст-ние Семёновский послал в 1913 г. Горькому. На рукописи помета Горького: «Следовало дать больше гулких тяжелых слов» (Семёновский Дм. А. М. Горький: Письма и встречи. 2-е изд. Иваново, 1961. С. 29). Возможно, об этом ст-нии идет речь в письме Горького Семёновскому от 10(23) июня 1913 г.: «...за исключением — по силе соображений цензурных — стихотворения „Пролетарий“, — все стихи Ваши будут напечатаны в июньской книге „Просвещения“» (Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 29. С. 308).

16. ИВ. 1917, 27 мая (9 июня), др. ред. - - РК. 1919, 7 марта, др. ред. - - КС. - - Блг., др. ред., с посвящ. Якову Коробову. - - ЗвЦ, под загл. «Заревые знамена», с вар. - - Путь. - - Избр. 40.

17. РК. 1918, 22 окт., др. ред. - - Взмах, с вар. - - Блг.

18. ЗвТ.

19. «Современный мир». 1914, № 10, др. ред. - - РК. 1918, 24 авг., под загл. «Родина», с вар. - - КС, с вар. - - Блг., с вар. - - МХ, под загл. «Болотами, лесами, топиями...». - - ЗвЦ, с вар. - - Избр. 46. - - Ст. 47.

20. «За 7 дней». 1913, № 25, под загл. «Летом», др. ред. - - ЗвТ. - - «Современный мир». 1914, № 10, без загл., с вар. - - РК. 1919, 11 мая, с вар. - - ЗвЦ.

21. «Современный мир». 1914, № 10, с вар. - - РК. 1919, 24 апр., с вар. - - ЗвЦ. В *семик* (седьмой после Пасхи четверг) девушки наряжали березку; в то же время это день поминовения умерших.

22. «Современник». 1915, № 4, под загл. «Светлая неделя», с вар. - - РК. 1919, 17 апр., с вар. - - Блг.

23. «Современник». 1915, № 4, с вар. - - РК. 1919, 12 июня. *Ярило* — древний славянский бог плодородия.

24. «Современник». 1915, № 4, с вар. - - РК. 1919, 13 апр., с вар. - - МХ. *Гонобобель* — голубика.

25. ИВ. 1917, 4(17) июля, подпись: С., др. ред. - - РК. 1922, 22 окт. Датируется по письму Семёновского Горькому 1915 г., где приводится пять строф этого ст-ния с вар. (архив М. Горького).

26. «Летопись». 1916, № 5, с вар. - - ЗвЦ.

27. ИВ. 1917, 23 июля (5 авг.). Датируется по упоминанию в кн.: Семёновский Дм. А. М. Горький: Письма и встречи. 2-е изд. Иваново, 1961. С. 62—63. «Я показал Горькому новые свои строки и по его лицу старался угадать впечатление. Посмотрев на меня, Алексей Максимович сказал: — Стихотворение о солдате-калеке

настроением и размером слишком напоминает Некрасова...». Эпизод относится ко времени пребывания Семеновского осенью 1915 г. в гостях у Горького в Финляндии. *Орать* — пахать. *Стих про Егория петь*. Калеки часто добывали пропитание пением духовных стихов. Стих про Егория (см. примеч. 32) был одним из самых популярных в их репертуаре.

28. РК. 1918, 21 сент., подпись: Д. С — кий, др. ред. - - РК. 1921, 4 окт., в цикле «Стихи о Красной России», с вар. - - ПГП. *Солнцеворот* — поворот солнца на убыль или на прибывль дня. В народном календаре два солнцеворота: зимний и летний, 10 дек. и 11 июня ст. ст. *Старица* — старуха. *Крины* — лилии.

29. РК. 1919, 15 марта, др. ред. - - Путь, с вар., дата: 1918. - - Избр. 46, с вар., дата: 1913. - - Избр. 57.

30. «Летопись». 1916, № 2, с вар. - - МХ. *Старица* — старуха.

31. ИВ. 1917, 17(30) июня, под загл. «Вертоград», с вар. - - КрН. 1921, № 2, с вар. - - Блг. *Крин* — лилия. *Вертоград* — сад. *Стозвонный Сокровенный Град*. Имеется в виду народная легенда о граде Китеже, который во время татарского нашествия опустился на дно озера Светлояр.

32. РК. 1919, 12 янв., под загл. «Старорежимное (Праздник до революции)», с вар. - - Взмах, с вар., дата: август 1916. - - Блг., с вар. - - МХ. *Никола-солнышко* — св. Николай Мирликийский, особенно популярный в русской деревне. *Спас* — Спаситель, Христос. *Илья* — Илья-пророк, см. примеч. 84—94. *Боголюбивая Царица* — богоматерь. *Егорий в латах и с копьем* и т. д. Св. Георгий Победоносец обычно изображался на иконах побеждающим змея. Известен духовный стих, рассказывающий об избавлении им от змея царевны. *Стихарь* — нижнее облачение священников и верхнее — дяконов. *Тропарь* — церковный стих, молитва. *Калики* — нищие, добывавшие пропитание пением духовных стихов. *Зеницы* — глаза. «*Крючков*», «*Гроба тайны роковыя*» — названия лубочных книг. «*Вий*» — повесть Н. В. Гоголя, но, возможно, речь идет о лубочной картинке на тему повести. *Жамки* — пряники. *Фигляр* — фокусник, клоун. *Боры* — складки. «*Когда б имел золотые горы...*» — цитата из популярного городского романа. В ст-ние включен переработанный Семёновским духовный стих о Страшном суде. Ст-ние «Праздник» высоко оценил А. Блок, рецензируя рукопись Семёновского (см.: Блок А. О Дмитрие Семёновском//Собр. соч.: В 8-ми т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 343—344).

33. РК. 1919, 15 марта, др. ред. - - ЗвЦ.

34. «Начало». 1922, № 2/3, под загл. «За морями — земли великие (К картине Рериха)», др. ред. - - ЗвЦ, с вар. - - Избр. 40. - - Избр. 46. - - Ст. 47. *Рерих* Николай Константинович (1874—1947) — русский художник, археолог, писатель. Картина «За морями — земли великие» (1910) хранится в Новгородском историко-архитектурном музее-заповеднике.

35. РК. 1922, 31 янв., под загл. «Сонет о петухах», с посвящ. А. С — ной, др. ред. - - ПГП, без посвящ., дата: 6/Х—21. - - Ст. 47. *Теплина* — костер, огонь.

36. «Летопись». 1917, № 1, под загл. «Зимой», др. ред. - - КРК. 1927, 25 янв. - - Путь, под загл. «Зима», дата: 1916—1932, с вар. - - Избр. 40. *Сиверко* — северный ветер.

37. «Известия Иваново-Вознесенского революционного комитета общественной безопасности». 1917, 29 марта, др. ред. - - РГ. 1917, 25 дек. (1918, 7 янв.), с вар. - - ЗвЦ. - - Избр. 46, с вар. - - Избр. 57.

38. ИВ. 1917, 20 мая (2 июня), с вар. - - КС, с вар. - - Блг., с вар. - - 30 лет: Лит.-худож. сборник. Иваново, 1947, с ошибочной датой: 1918. - - Избр. 57. «Отречемся от старого мира...» и т. д.— цитата из «Новой песни» (1870-е гг.) П. Л. Лаврова (1823—1900), ставшей в 1917 г. одним из самых популярных революционных гимнов.

39. ПГП, др. ред. - - Кр. нива. 1926, № 46. - - МХ, с вар. - - ЗвЦ. - - Избр. 46, с вар. - - Избр. 57. *Фигляр* — фокусник, клоун. «*Сама садик я садила...*» и т. д.— цитата из популярной народной песни.

40. РГ. 1917, 28 нояб. (11 дек.).

41. РК. 1918, 8 марта.

42. «Пересмешник». 1918, № 10. *Купина* — по библейской легенде, горящий и не сгорающий куст терновника, в котором пророку Моисею явился бог.

43. РК. 1918, 28 апр. *Сулеи* — бутылки. *Баклаги* — деревянные флаги.

44. РК. 1918, 28 апр., под загл. «Из поэмы „Благовествование“», др. ред. - - «Ткач». 1923, № 1. *Епанча* — длинный безрукавный плащ.

45. РК. 1918, 26 мая, подпись: Д. С. *Кудеяр* — легендарный разбойник, герой народных песен.

46. РК. 1918, 9 июня, без загл., др. ред. - - «Вестник Иваново-Вознесенского Губсоюза Потребительских Обществ». 1922, № 11, под загл. «Трудовая Русь», с вар. - - РК. 1923, 10 авг. *Подзорника* — резное украшение. *Жило* — здесь: жилье.

47. РК. 1918, 22 окт. *Ярь* — здесь: зерно.

48. РК. 1918, 16 нояб., подпись: Д. С — кий.

49. РК. 1918, 28 авг., др. ред., с эпитафией: «В Балашове в партию коммунистов вступили недавно священник Алексинский и дьякон Спиридонов. Из газет». - - Блг. *Спас* — Христос. *Купина* —

см. примеч. 42. «В рай блаженный не ввидет богатый» и т. д. — измененная цитата из Евангелия: «...истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Матф., XIX, 23, 24). *Багряница* — порфира, плащ из ткани багряного цвета. *Хорив* — одно из названий горы Синай, на которой, по библейскому преданию, Моисей беседовал с богом.

50. РК. 1918, 15 сент., др. ред. - - КУ. - - Блг. - - Кр. нива. 1926, № 20. - - ЗвЦ. - - Путь. - - Ст. 47, дата: 1917. - - Избр. 57.

51. ПГП, под загл. «Рассвет», дата: 1918, Пасха, с. Юрьевское. - - МХ. - - ЗвЦ, с опечаткой в ст. 10: «туч» вм. «куч», повторенной посмертными публикациями (Иней, Избр. 76). Опечатка исправлена на основании предшествующих публикаций. *Ометы* — скирды.

52. РК. 1919, 16 февр., без загл., в цикле «Песни», с вар. - - Блг., дата: 1918, с вар. - - МХ. - - ЗвЦ, с датой: 1918. - - Путь, дата: 1919.

53. РК. 1919, 7 марта, под загл. «Целый день», с вар. - - КУ, с вар. - - ПГП.

54. «Начало». 1922, № 2/3, под загл. «Я». - - ПГП. - - Блг.

55. Блг. *Агнец-спас и Святая Варвара* — иконы.

56. РК. 1919, 16 февр., в цикле «Песни», др. ред. - - Блг., с вар. - - МХ, с вар. - - ЗвЦ.

57. РК. 1919, 16 февр., в цикле «Песни», др. ред. - - КУ. - - ЗвЦ. *Яр* — здесь: обрыв.

58. РК. 1919, 9 авг., с вар. - - «Сирена» (Воронеж). 1919, № 4/5, с вар. - - КУ, с вар. - - Блг., с вар. - - ЗвЦ, с вар. - - Путь, с вар. - - Иней. *Зорная зга* — утренняя темнота, полусвет. *Миро* — смесь масел, употреблявшаяся в церковных обрядах. *Седелка* — небольшое седло для оглобельной упряжи. *Усад* — огород.

59. РК. 1919, 16 февр. *Супесь* — песчаная почва. *Зеницы* — глаза. *Епитрахиль* — часть облачения священника. *Целик* — целина, прежде не паханная земля. *Ланиты* — щеки.

60. РК. 1919, 21 февр. *Сварог* (слав. миф.) — бог-отец, бог-небо. *Дажбог* — его сын, бог солнца. *Мычет* — от «мыкать», носить. *Ярь* — здесь: огонь, жар.

61. РК. 1919, 25 февр. *Дождик мироносен и обилен. Миро* — см. примеч. 58. *Ярило* — см. примеч. 23.

62. РК. 1919, 27 февр. *Велес* (слав. миф.) — бог скота, в бытовом варианте христианства его функции были перенесены на св. *Власия*, покровителя стад и пастухов. *Летось* — в прошлом году. *Цевница* — род флейты.

63. РК. 1919, 3 апр.
64. РК. 1919, 6 мая. *Лестовки* — четки из кожи.
65. РК. 1919, 23 авг., под загл. «Лес осенью», подпись: С. Юрьевский, др. ред. -- РК. 1923, 8 сент., подпись: Троицкий.
66. РК. 1919, 27 авг. В основе ст-ния — народная легенда. Позднее ее использовал в ст-нии «Зодчие» (1938) Д. Кедрин.
67. РК. 1919, 8 сент., подпись: С. Юрьевский. *Орало* — плуг. *Парадиз* — рай.
68. РК. 1919, 4 дек. *Введение* — христианский праздник 21 нояб. ст. ст., по народному календарю — начало зимы.
69. РК. 1919, 9 марта, др. ред. -- КУ. -- ЗвЦ. -- Путь. -- Избр. 46.
70. РК. 1919, 16 авг., под загл. «Душа весны», с вар. -- КУ, без загл., с вар. -- Блг., с вар. -- ПГП, под загл. «Душа весны». -- МХ, с вар. -- ЗвЦ, с вар. -- Избр. 40, без загл., с вар. -- Избр. 46, без загл., с вар., дата: 1918. -- Ст. 47, с вар., дата: 1918. -- Избр. 57, дата: 1918.
71. КУ, с вар. -- ПГП. *Парадиз* — рай. *Канон* — церковная песнь в честь святого или праздника.
72. КУ, с вар. -- ПГП, с вар. -- Блг.
- 73—74. Избр. 46.
1. КУ, под загл. «Снеговые корабли», др. ред. -- «Прожектор». 1926, № 1, с вар. -- МХ, с вар. -- ЗвЦ, с вар. -- Путь, с вар. -- Избр. 40, с вар. *Нахлестка* — часть упряжи.
2. РК. 1919, 19 нояб., под загл. «Корабль», др. ред. -- КУ, с вар. -- «Прожектор». 1926, № 1, с вар. -- ЗвЦ, с вар. -- Путь, с вар. -- Избр. 40, с вар. -- Избр. 46.
75. РК. 1920, 17 янв.
76. РК. 1920, 10 марта. *Рамень* — лес рядом с пашней (от «обрамлять»).
77. РК. 1920, 18 марта. *Дажбог* (слав. миф.) — бог солнца, здесь: солнце.
78. РК. 1920, 3 марта, с вар. -- Сноп, с вар. -- Блг., с вар. -- ЗвЦ. *Сирин* — райская птица, обычно — вестник радости. *Клир* — здесь: хор.
79. РК. 1920, 17 марта, с вар. -- МХ, под загл. «Березник». -- ЗвЦ.

80. РК. 1920, 14 окт., под загл. «Предзимнее», с вар. - - Блг. *Покров* — христианский праздник 1 окт. ст. ст., первые зазимки.

81. РК. 1920, 20 окт., под загл. «Дома», с вар. - - Сноп, с вар. - - Блг., с вар. - - МХ, с вар. - - Кр. нива. 1927, № 1. - - ЗвЦ. - - Путь.

82. РК. 1920, 31 окт., под загл. «Где?», с посвящ. И. А. Майорову, с вар. - - Взмах, с вар. - - Блг., с вар. - - ЗвЦ. *Прогон* — дорога, по которой гоняют скот на пастбище.

83. РК. 1919, 27 дек., под загл. «Восторгайтесь!», с эпиграфом из Э. Верхарна: «Admirez-vous un des unes! — удивляйтесь друг другу!». - - КУ, с вар. - - ПГП, с вар. - - Блг.

84—94. Блг. - - МХ, без 1, 3—4, 10—11 ст-ний. Печ. по Блг.

1. «Летопись». 1917, № 7/8, под загл. «Богородица», с вар. - - ИВ. 1917, 9(22) июня, под загл. «Иконостас», с вар. - - РК. 1919, 7 янв., в цикле «Мать и сын», с вар. *Днесь* — сегодня. *Лепо* — хорошо. *Церкви — со Спасом* — т. е. с иконой, изображающей Спасителя, Христа.

2. «За 7 дней». 1913, № 27, под загл. «Богородица», с вар. - - ЗвТ, с посвящ. Якову Коробову, с вар. - - «Современный мир». 1914, № 10, с вар. - - Пролетарский сборник. Кн. 1. М., 1918, с вар. - - РК. 1919, 7 янв., в цикле «Мать и сын», с вар.

3. РК. 1919, 26 сент., под загл. «Три Спаса», с вар. *Три Спаса* — христианские праздники: первый Спас — 1 авг. ст. ст., медовый или мокрый, на первый Спас святят колодцы; второй Спас — 6 авг. ст. ст.— Преображение, Спас яблочный, время созревания плодов; третий Спас — 16 авг. ст. ст.— Спас-на-полтне.

4. «Современный мир». 1914, № 10, с вар. - - РК. 1918, 30 июля, с вар. Переложение популярного духовного стиха. *Егорий* — см. примеч. 32. *Горний* — небесный. *Вертоград* — сад.

5. «Современник». 1915, № 4, под загл. «Скотий бог», др. ред. - - РК. 1918, 21 июля, под загл. «Мужичий угодник», др. ред. - - КС, с вар. *Власий* — см. примеч. 62. *Ярая* — яркая, теплая, светлая.

6. ИВ. 1917, 11(24) июня, под загл. «Илья», с вар. - - РК. 1919, 1 апр., с вар. *Яр* — здесь: горяч, яростен. *Илья-пророк* — христианский святой, которому (в бытовом варианте православия) были переданы полномочия языческого бога-громовержца Перуна. *Горит Илья дуга* — радуга.

7. РК. 1921, 15 июня, с вар. Используются тексты ст-ний «Купало» (РК. 1919, 3 авг.) и «По родной стороне» (РК. 1919, 28 мая). *Купальские огни*. На праздник Ивана Купала, 24 июня ст. ст., существовал обычай зажигать ночью костры с помощью живого огня, т. е. добытого трением.

8. РК. 1918, 27 сент., под загл. «Воздвиженье», с вар. *Воздвиженье* — христианский праздник 14 сент. ст. ст., по народному календарю — третья встреча осени. В ст-нии почти дословно воспроизводятся пословицы, приуроченные к этому дню.

9. «Летопись». 1916, № 10, под загл. «Осень», с вар. - - РК. 1918, 18 авг., с вар. *Успенье* Богородицы — христианский праздник 15 авг. ст. ст., по народному календарю — конец уборки урожая. *Закадили чадные овины*. В овинах сушили зерно. *Лунка* — ток,

место обмолота зерна. *Рака* — в христианской церкви гробница с мощами святых.

10. Переложение популярного духовного «Стиха о крестных муках». *Солнце с месяцем пали за крест*. По евангельскому преданию, во время казни Христа солнце затмилось. *Плакун* — кипрей, в сказках, заговорах и заклинаниях — растение с чудесными свойствами.

11. ИВ. 1917, 9(22) авг., под загл. «Вознесение», с вар. - - «Вестник шанявцев». 1918, № 1, под загл. «Нищая братия», с вар. Переложение популярного духовного стиха. *Спас* — Спаситель, Христос. *Элеон* — гора неподалеку от Иерусалима. *Елохи* — ели. *Клир* — здесь: хор. *Аллилуйя* (греч.) — хвала господе.

95. РК. 1921, 24 июня, с вар. - - Блг., с вар. - - МХ, с вар. - - ЗвЦ.

96. РК. 1921, 15 июня, с вар. - - «Начало». 1921, № 1, под загл. «Благослови». - - ПГП, дата: 12/VI—21. - - Блг.

97. РК. 1921, 7 окт., с вар. - - «Начало». 1922, № 2/3, под загл. «Рябина», с вар. - - ПГП, дата: 5/X—21, с вар. - - Блг., с вар. - - ЗвЦ.

98. РК. 1921, 6 дек., с вар. - - КрН. 1922, № 2, с вар. - - ПГП, дата: 30/XI—21, с вар. - - Блг., с вар. - - НМ. 1926, № 5, под загл. «Солнце», с вар. - - МХ, с вар. - - ЗвЦ, с вар. - - Путь, с вар. - - Избр. 46, с ошибочной датой: 1919. - - Избр. 57, с исправлением ошибочной даты.

99. РК. 1921, 24 дек., под загл. «Голубое», с вар. - - КрН. 1922, № 2. - - ПГП, дата: 7/XII—21, с вар. - - Блг. *Ипостась* — лицо.

100. РК. 1922, 7 янв., с вар. - - КрН. 1922, № 2, с вар. - - ПГП, дата: 18/XII—21. - - Блг. *Литургия* — торжественное богослужение с причащением. *Аллилуйя* (греч.) — хвала господе. *Клир* — хор.

101. РК. 1921, 23 апр., с вар. - - Блг., с вар. - - Избр. 46. *Порфира* — торжественная царская одежда.

102. «Начало». 1921, № 1, под загл. «Калики», с вар. - - Блг. В ст-нии использованы мотивы духовного стиха о Страшном суде. Расширенный текст ст-ния воспроизводится в пьесе Семёновского «Красная зорька» (РК. 1921, 7 сент.).

103. РК. 1921, 15 апр. *Пасхальный* — здесь: воскресший.

104. РК. 1921, 15 июня, с вар. - - ЗвЦ.

105. РК. 1921, 21 янв., с вар. - - Взмах, с вар. - - ПГП. *Воронский* Александр Константинович (1884—1943) — советский писатель, критик, редактор. В 1918—1921 гг. редактировал РК, высоко ценил творчество Семёновского. 22 янв. 1921 г. в редакции состоялись проводы Воронского, который уезжал в Москву организовать, по поручению В. И. Ленина, первый советский литературно-политический журнал «Красная новь». *Скипетр* — жезл, знак власти.

106. ПГП.

107. РК. 1922, 22 апр., под загл. «Учите нас», с вар. - - КрН. 1922, № 2. - - Блг.

108. Блг. Ст-ние имеет биографическую основу. *Псалтирь* (псалтырь) — сборник псалмов. *А я, сухой листок древесный, Отвеян от родных ветвей.* Широко распространенный в мировой романтической поэзии образ. См., например, «Листок» М. Ю. Лермонтова или В. А. Жуковского.

109. РК. 1922, 26 июля, с вар. - - Блг.

110. Блг., с вар. - - Кр. нива. 1926, № 16, под загл. «Приволье», с вар. - - ЗвЦ.

111. ЗвЦ.

112. РК. 1922, 13 мая, под загл. «Май», с вар. - - КрН. 1922, № 5, с вар. - - Блг., в цикле «Ожерелье», с вар. - - ЗвЦ, с вар. - - Путь, с вар. - - Избр. 40, с вар. - - Избр. 46, с вар. - - Ст. 47, с вар. - - Избр. 57.

113. НМ. 1926, № 10, под загл. «Душистый дар». - - ЗвЦ.

114. НБ. 1922, № 2, с вар. - - Блг., с вар. - - ЗвЦ, с вар. - - Путь.

115. «Ткач». 1923, № 2. *Ярый* — здесь: сильный, яростный.

116. «Ткач». 1923, № 3.

117. Кр. нива. 1927, № 45, под загл. «Октябрьская песня». - - ЗвЦ. *Не попусту Октябрь свинцом в кремли плескал* и т. д. Имеется в виду, очевидно, обстрел Кремля в 1917 г. и разрушения в Ярославле во время подавления эсеровского мятежа в июле 1918 г. *Устой* — стустившийся, устоявшийся слой на поверхности молока; сливки.

118. ЗвЦ.

119. КрТ. 1924, № 3, под загл. «Поздней осенью», др. ред. - - МХ. - - ЗвЦ, с вар. - - Избр. 4, дата: 1921. - - Ст. 47.

120. ЗвЦ.

121. Кр. нива. 1927, № 6, под загл. «Как поезд». - - ЗвЦ.

122. «Недра». Кн. 16. М., 1929, с вар. - - ЗвЦ. *Норот* — верша, рыболовная снасть из сети на обручах. *Сирость* — сиротливость.

123. ЗвЦ, с вар. - - Избр. 57. *На этих высотах когда-то* и т. д. — Семеновский учился во Владимирской духовной семинарии.

124. КрТ. 1924, № 7, без загл., др. ред. - - «Прожектор». 1925, № 6, под загл. «Слава злобе», др. ред. - - ЗвЦ, с вар. - - Избр. 57.

М. Горький дважды — в очерках «Михаил Вилонов» (1927) и «Мальчик» (1934) — процитировал последнюю строфу этого стиха.

125. «Веселый ткач». 1924, № 1, с посвящ. Ефиму Вихреву, с вар. - - «Перевал». Сб. 5. М., 1927, с вар. - - МХ. *Будь мне как ласка Варина!* Речь идет о Варваре Григорьевне Семёновской, жене поэта.

126. КрТ. 1924, № 4/5, под загл. «Красноармейцы», др. ред. - - КрН. 1925, № 3.

127. РК. 1924, 27 янв., подпись: А. Троицкий.

128. КрТ. 1924, № 4/5, без загл., др. ред. - - Венок: Стихи о Ленине. Иваново-Вознесенск, 1924, под загл. «Памяти вождя», др. ред. - - ЗвЦ, под загл. «Зерно», др. ред. - - Путь, дата: 1927. - - Избр. 55.

129. Венок: Стихи о Ленине. Иваново-Вознесенск, 1924, др. ред. - - «Труд». 1924, № 2. - - МХ.

130. КрТ. 1924, № 7. - - НМ. 1926, № 8/9. - - ЗвЦ.

131. НМ. 1926, № 3, под загл. «С улыбкой жизнь благословляю», с вар. - - ЗвЦ. *Сорокоуст* — сорокадневная молитва об умершем. *Всепоглощающую бездну* — ср. ст-ние Ф. И. Тютчева «От жизни той, что бушевала здесь...»: «Поочередно всех своих детей, Свершающих свой подвиг бесполезный, Она равно приветствует своей Всепоглощающей и миротворной бездной».

132. КрТ. 1924, № 7, др. ред. - - НМ. 1926, № 3, под загл. «В глуши», др. ред. - - ЗвЦ, с вар. - - Избр. 46.

133. РК. 1925, 26 авг., как часть поэмы «Два города» (12. Красный Манчестер), др. ред., подпись: С. Челноков. - - Альм. «Красная новь», № 2. М.; Л., 1925, под загл. «В этом городе», др. ред. - - «Труд и производство». 1927, № 6, под загл. «Текстильная столица», др. ред. - - ЗвЦ.

134. ЗвЦ, с вар. - - Путь. «Юдоль плача» (библ.). Юдоль — долина, в переносном значении: судьба, жизнь, с ее горестями и страданиями. *Гонобобель* — голубика.

135. ЗвЦ.

136. КрТ. 1925, № 18. *Ярые* — здесь: яростные, сильные. *Но уж воздухом новых Америк*. Ср. ст-ние А. Блока «Новая Америка» (1913).

137. ЗвЦ.

138. «Прожектор». 1927, № 12, с вар. - - КРК. 1928, 30 июня, с вар. - - «Литературная газета». 1929, 27 мая, под загл. «Май». - - ЗвЦ.

139. МХ, др. ред. - - ЗвЦ. *И острог, и собор хорошеют*. Семёновский жил в Иванове на ул. 10 Августа, напротив собора (снесен в 30-х годах) и рядом с бывшей тюрьмой.

140. «Прожектор». 1926, № 24. О знакомстве Семёновского с С. Есениным см.: Семёновский Дм. Есенин//С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1986. Т. 1. С. 151—162.

141. МХ, с вар. - - ЗвЦ, с вар. - - Путь, с вар. - - Избр. 46. *Прыско* — звено изгороди.

142. «Город и деревня». 1926, № 5, с вар. - - НМ. 1927, № 6, с вар. - - ЗвЦ.

143. Кр. нива. 1927, № 22, с вар. - - ЗвЦ, с вар. - - Избр. 46. *Водополь* — половодье.

144. МХ. *Млечная Межа* — Млечный Путь.

145. «Город и деревня». 1926, № 5, под загл. «Мир — хорош», др. ред. - - «Прожектор». 1926, № 13, др. ред. - - МХ, под загл. «Стоит жить!», с вар. - - ЗвЦ. - - Ст. 47, с вар. - - Избр. 55. Вторая строка отсылает к ст-нию 70.

146. ЗвЦ.

147. Кр. нива. 1926, № 32, др. ред. - - ЗвЦ. - - Избр. 46. - - Избр. 57. *Бахарь* — рассказчик, говорун, сказочник.

148. РК. 1926, 11 апр., под загл. «Обыватель», др. ред. - - «Город и деревня». 1926, № 6/7. - - КрН. 1926, № 6, с вар. - - МХ, с вар. - - ЗвЦ. - - Избр. 46, с вар. - - Избр. 57. Н. П. Смирнов в своих воспоминаниях о Семёновском (см.: «Волга». 1974, № 11) приводит высокую оценку, которую дал этому ст-нию В. Маяковский.

149. КРК. 1926, 21 нояб., с вар. - - МХ, с вар. - - Избр. 46.

150. КРК. 1927, апрель. др. ред. - - Кр. нива. 1928, № 41, др. ред. - - «Перевальцы»: Антология. М.; Л., 1930, с вар. - - ЗвЦ. - - Избр. 46, др. ред. - - Избр. 57. *Ластик* — ткань с примесью шелка. *Беседа* — деревенская вечеринка.

151. «Перевал». Сб. 6. М.; Л., 1928, др. ред. - - «Перевальцы»: Антология. М.; Л., 1930, под загл. «Чудак», с вар. - - ЗвЦ. - - Избр. 46.

152. «Юный текстильщик». 1928, 19 дек, с вар. - - «Рабочий край»: Лит. альманах иваново-вознесенских писателей. 1929.

153. КРК. 1928, 30 июня, под загл. «Цыгане». - - «Ровесники»: Сборник содружества писателей «Перевал». Кн. 7. М.; Л., 1930. - - ЗвЦ.

154. НМ. 1929, № 7, с вар. - - «Ровесники»: Сборник содружества писателей «Перевал». Кн. 7. М.; Л., 1930, с вар. - - ЗвЦ.

Бедный отец мой! На вечный покой и т. д. В 1928 г. умер Николай Николаевич Семёновский — отец поэта.

155. КРК. 1928, 1—10 апр., с вар. -- Путь.

156. Кр. нива. 1929, № 17. -- Путь, дата: 1926. -- Избр. 46.

157. КРК. 1928, 30 июня, под загл. «С аэроплана», подпись: С. Челноков, др. ред. -- Кр. нива. 1929, № 9, с вар. -- ЗвЦ, с вар. -- Избр. 40, с вар. -- Ст. 47, с вар. -- Иней.

158. НМ. 1926, № 5, др. ред. -- МХ, др. ред. -- ЗвЦ, дата: 1926. -- Избр. 40, с вар. -- Ст. 47, дата: 1926. -- Иней.

159. Путь, с вар. -- Избр. 57.

160. Путь.

161—162. Путь. *Супесь* — песчаная почва. *Суглинок* — глинистая почва. *Одворица* — околица, прилегающая к деревне земля.

163. Путь, с вар. -- Избр. 46, с вар. -- Избр. 57.

164. РК. 1935, 18 сент., под загл. «Осень и сердце», с вар. -- ИА. 1939, № 3, с вар. -- Избр. 40, с вар. -- Избр. 57.

165. Путь.

166. «Рабочий край». 1935, № 1, с вар. -- Ст. 47. *Вихрев Ефим Федорович* (1901—1935) — советский писатель, написал книгу о Палехе. См. его ст-ния в наст. изд. *Люлех* — речка возле Палеха.

167. Избр. 46.

168. РК. 1934, 24 окт., под загл. «Пора листопада», с вар. -- «Коллектив»: Альманах второй. Иваново, 1939, с вар. -- Избр. 40, дата: 1932, с вар. -- Избр. 46, дата: 1932. -- Ст. 47.

169. «Рабочий край». 1935, № 7, под загл. «Июль», др. ред. -- ИА. 1939, № 3, с вар. -- Избр. 40, с вар. -- Избр. 46, с вар. -- Избр. 55. *Сеча* — вырубка в лесу. *Пал* — луг с выжженной травой или место недавнего лесного пожара.

170—173. Избр. 57.

1. «Рабочий край». 1935, № 2, под загл. «Палех», др. ред. -- Избр. 46, дата: 1933, с вар. -- Ст. 47.

2. «Рабочий край». 1934, № 8, под загл. «Народные художники», с вар. -- Избр. 46, под загл. «Художники», дата: 1933, с вар. *Холуй* — поселок в Ивановской области, один из центров миниатюрной живописи. *Коробочки мстёрские*. Мстёра — село во Владимирской области, известное, подобно Палеху и Холую, лаковыми миниатюрами своих художников.

3. «Колхозная трибуна». 1935, 14 марта, под загл. «Дмитрий Буторин», с вар. -- РК. 1940, 22 сент., под загл. «Лукоморье», с вар. -- Избр. 40, с вар. -- ИА. 1941, № 4, с вар. -- Избр. 46, дата:

1935, с вар. *Буторин Дмитрий Николаевич* (1891—1960) — палехский художник, написал ряд миниатюр на сюжеты пушкинских произведений. *Люлех* — речка в Палехе. «У Лукоморья дуб зеленый...» и т. д. — цитата из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

4. «Рабочий край». 1935, № 2, под загл. «Иван Голиков», др. ред. - - Избр. 40. - - ИА. 1941, № 4, др. ред. - - Избр. 46, под загл. «Цветы», дата: 1933, с вар. *Голиков Иван Иванович* (1886—1937) — палехский художник, один из основателей Палехской артели художников. Эпиграф — контаминация двух цитат из воспоминаний художника: Голиков И. Сквозь бури эпохи//Ефим Вихрев. Палешане: Записки палехских художников о их жизни и творчестве, написанные летом 1932 года и иллюстрированные ими самими. М., 1934. С. 93, 99.

174. РК. 1935, 12 марта, с вар. - - Избр. 46. Ст-ние посвящено содружеству палехских художников. *Люлех* — река в Палехе. *Баканов Иван Михайлович* (1870—1936), *Ватагин Алексей Иванович* (1881—1947), *Зубков Иван Иванович* (1883—1938), *Буторин Дмитрий Николаевич* (1891—1960) — палехские художники. *Вихрев Ефим Федорович* — см. примеч. 166. *Заводы* — название местности недалеко от Палеха. *Анакреон* (ок. 570—487 до н. э.) — древнегреческий поэт, писал преимущественно гедонистическую лирику.

175. «Рабочий край». 1935, № 3, под загл. «Мать», др. ред. - - «Известия». 1936, 28 мая. - - «Коллектив»: Альманах второй. Иваново, 1939, др. ред. - - Избр. 40 - - Избр. 46. - - Избр. 57.

176. «Пламя». 1937, № 7, др. ред. - - Избр. 40. - - Избр. 46. - - Ст. 47, с посвящ. В. Г. Семёновской. - - Избр. 57. *Унжа* — приток Волги. *Аввакум Петрович* (1620 или 1621—1682) — протопоп, один из основателей и идеологов рус. старообрядчества. В 1652 г. был протопопом в Юрьевце.

177. «Пламя». 1937, № 6, под загл. «Костер», др. ред. - - «Колхозник». 1938, № 3/4, др. ред. - - «Коллектив»: Альманах второй. Иваново, 1939, без загл., др. ред. - - Избр. 46, с вар. - - Избр. 57. Семёновский вспоминает в этом ст-нии о письме, полученном им от Горького в мае 1913 г. и о пребывании у Горького в гостях в Финляндии осенью 1915 г. См. подробнее: Семёновский Дм. А. М. Горький: Письма и встречи. 2-е изд. Иваново, 1961.

178. РК. 1937, 18 сент., под загл. «Двадцатая осень», с вар. - - «Наше счастье». Иваново, 1937, под загл. «Родина», с вар. - - Избр. 40, с вар. - - Ст. 47. *Атава* (отава) — трава, выросшая на месте уже скошенной.

179. Избр. 46, с вар. - - Ст. 47, с вар. - - Избр. 57. Ст-ние посвящено сыну поэта — Николаю Дмитриевичу Семёновскому, погибшему на фронте в 1943 г.

180. Избр. 46. - - Ст. 47, дата: 1939, с вар. - - Избр. 55.

181. «За родину». Иваново, 1942, под загл. «Родная земля», с вар. - - Избр. 46, с вар. - - Избр. 57. *Сечи* — вырубки в лесу.

182. «За родину». Иваново, 1942, с вар. - - Избр. 46. *Даждь-бог* (слав. миф.) — бог солнца.

183. Избр. 46.

184. РК. 1946, 27 янв., др. ред. - - Избр. 46, с вар. - - Избр. 57. *Никола-Мера, Решма* — пристани на Волге, между Кинешмой и Юрьевцем. *Унжа* — приток Волги.

185. Иней. *Марковна* — жена протопопа Аввакума — см. примеч. 176. Во второй строфе ст-ния — цитата из «Жития протопопы Аввакума, написанного им самим».

186. Избр. 46. В 1943 г. под Смоленском погиб на фронте сын поэта — Николай Дмитриевич Семёновский. Это и еще несколько ст-ний (№ 179, 187, 188, 189, 191, 211) связаны с памятью о нем.

187. Избр. 46, дата: 1943, с вар. - - «30 лет»: Лит.-худож. сборник. Иваново, 1947, дата: 1944. - - Избр. 57. См. примеч. 186.

188. РК. 1945, 20 окт., под загл. «Матери», с вар. - - Избр. 46, с вар. - - Избр. 57. См. примеч. 186. Обращено к В. Г. Семёновской — жене поэта.

189. Избр. 46. См. примеч. 186.

190. Ст. 47. Ст-ние написано испанской строфой «романсеро». Обращено к В. Г. Семёновской.

191. Избр. 55, под загл. «Незабвенное», о цикле «О сыне». - - Избр. 57. *Е. К. Семенова* — врач полевого госпиталя, где умер сын поэта. См. примеч. 186.

192. Радуга.

193. Радуга. *Князь Андрей* — Андрей Боголюбский (ок. 1111—1174), князь Владимиро-Суздальский с 1157 г. Княжил в Вышгороде под Киевом, но в 1155 г. против воли отца, Юрия Долгорукого, переехал во Владимир.

194—196. «Литература и жизнь». 1958, 28 дек. Обращено к В. Г. Семёновской — жене поэта.

197. ТВ. - - Иней, без посвящ. Печ. по прижизненной публикации. Ст-ние навеяно отдыхом в Щелыкове — усадьбе Александра Николаевича *Островского*. *Снегурочка, Лель, Берендей* — персонажи пьесы А. Н. Островского «Снегурочка». *Жалейка* — дудочка.

198. ТВ, с вар. - - Иней. *Аспидная доска* — сделанная из особого черного сланца.

199. ТВ.

200. ТВ.

201. ТВ.

202. ТВ.

203. ТВ.

204. РК. 1918, 26 июля, под загл. «Разрушенный Ярославль», дата и помета: Ярославль, 23 июля 1918 г., др. ред. -- ЖС, с вар. -- Блг. -- По следам мятежа. М., 1926. -- МХ. -- ЗвЦ. -- Иней. В июле 1918 г. Семёновский в качестве корреспондента РК побывал в Ярославле после подавления левоэсеровского мятежа. Ст-ние основано на впечатлениях этой поездки. См. также книгу поэта «По следам мятежа» (М.: «Огонек», 1926).

205. Иней.

206. Иней.

207. Иней. *Молохта* — речка в Ивановской области, приток Тезы.

208. «Подъем». 1961, № 2 / Публ. М. Жохова. -- Иней.

209. «Подъем». 1961, № 2 / Публ. М. Жохова. -- Иней.

210. «Подъем». 1961, № 2 / Публ. М. Жохова. -- Иней.

211. «Талка». Иваново, 1962. -- Иней. См. примеч. 186.

212. «Талка». Иваново, 1962. -- Иней.

213. Избр. 76.

214. Ст. 47, с подзаг. «Народный фольклор», дата: 1929, др. ред. -- Избр. 57, с вар. -- Иней. *Ключевский* Василий Осипович (1841—1911) — русский историк. Эпиграф — цитата из «Курса русской истории» (ч. I, лекция XVII, «Приметы»). См.: Ключевский В. О. Собр. соч.: В 9-ти т. М., 1987. Т. 1. С. 314—315. *Спиридон-солнце-ворот* — 12 дек. ст. ст. *Афанасий-ломоносо* — 18 января ст. ст. *Сретенье* — 2 февр. ст. ст. *Федул* — очевидно, день св. Феодулии, 5 февр. ст. ст. *Власий* — 11 февр. ст. ст. *Авдотья Замочи-подол*, или *Евдокья Плюшиха* — 1 марта ст. ст. *Герасим* — 4 марта ст. ст. *Сорок мучеников* — 9 марта ст. ст. *Пуд* — 15 апр. ст. ст. *Иов-росеник* — 6 мая ст. ст. *Егорий вешний* — 23 апр. ст. ст. *Никола* — 9 мая ст. ст. *Епифан* — 12 мая ст. ст. *Сидоры*, или *Сидор-огуречник* — 14 мая ст. ст. *Сиверы* — северные ветры. *Алена* — 21 мая ст. ст. *Василиск* — 27 мая ст. ст. *Евтихий* — 28 мая ст. ст. *Федосья* — 29 мая ст. ст. *Устин* — 1 июня ст. ст. *Кирилл* — 9 июня ст. ст. *По тимофеевским огням*. *Тимофей* — 10 июня ст. ст. *Федот* — 7 июня ст. ст. *Петр* — 12 июня ст. ст. *Елисей* — 14 июня ст. ст. *Амос* — 15 июня ст. ст. *Тихон* — 16 июня ст. ст. *Зосима* — 19 июня ст. ст. *Давид* — 26 июня ст. ст. *Петровка-голодовка* — 29 июня ст. ст. *Прясло* — звено изгороди. *Кузьма* — *Демьян* — 1 июля ст. ст. *Марфа* — 4 июля ст. ст. *Прокл* — 12 июля ст. ст. *Илья* — 20 июля ст. ст. *Борис* — 24 июля ст. ст. *Финогей* — 16 июля ст. ст. *Макриды* — 19 и 25 июля ст. ст.

Первый Спас — 1 авг. ст. ст. *Второй Спас* — 6 авг. ст. ст. *Третий Спас* — 16 авг. ст. ст. *Успенье* — 15 авг. ст. ст. *Флор и Лавр* — 18 авг. ст. ст. *Иван Постный* — 29 авг. ст. ст. *Мироны-ветрогоны* — 8 авг. ст. ст. *Сеча* — вырубка в лесу. *Луп* — 23 авг. ст. ст. *Тит* — 25 авг. ст. ст. *Симеон* — 1 сент. ст. ст. *Домна* — 3 сент. ст. ст. *Вавила* — 4 сент. ст. ст. *Луков день* — 7 сент. ст. ст. *Рябинник* *Петр-и-Павел* — 10 сент. ст. ст. *Федоры Замочи-хвосты* — 11 сент. ст. ст. *Никита* — 15 сент. ст. ст. *Савватий* — 27 сент. ст. ст. *Покров* — 1 окт. ст. ст. *Пелагея, Трифон* — 8 окт. ст. ст. *Голицы* — рукавицы. *Осия* — 17 окт. ст. ст. *Акиндин* — 2 нояб. ст. ст. *Разжег бревенчатый овин*. В овинах сушили зерно. *Пигасий* — 2 нояб. ст. ст. *Прокон* — 22 нояб. ст. ст. *Катерина* — 24 нояб. ст. ст. *Егорий* — 26 нояб. ст. ст. *Варвара* — 4 дек. ст. ст. *Никола* — 6 дек. ст. ст.

215. РК. 1960, 27 марта. - - Иней. *Спас, Никола* — иконы с изображением Христа и св. Николая Мирликийского. *Палех со Мстёрой да Холуй* — см. примеч. 170—173(2). До революции эти села славились иконописными мастерскими. «*Не пригодится молиться...*» и т. д. — поговорка. *Угль превратился в алмаз* — ср. у А. Блока в поэме «Возмездие»: «Угль превращается в алмаз».

216. РК. 1960, 27 марта. - - Иней.

217. Иней.

218. «Подъем». 1961, № 2 / Публ. М. Жохова. - - Иней. *Сеча* — вырубка в лесу.

219. «Подъем». 1961, № 2 / Публ. М. Жохова. - - Иней.

А. Е. НОЗДРИН

Основные источники текстов и датировок — указанные ниже сборники Ноздрина. По рукописям печатается ряд стихотворений, хранящихся в фонде В. Я. Брюсова (ГБЛ, ф. 386).

Условные сокращения

Избр. — Избранные стихотворения/[Предисл. Ив. Кокорева]. М.; Иваново: Гос. изд-во Иванов. пром. обл., 1935.

СП — Старый парус: Стихотворения/Вступ. ст. И. Н. Кубикова. Ред. и примеч. И. Н. Кубикова и М. П. Сокольников. Моск. т-во писателей, 1927.

220, 221, 222. ГБЛ. Печ. по автографу.

223—231. ГБЛ. Печ. по сб., подготовленному к изд. В. Я. Брюсовым (см. с. 215), с учетом правки, которую он сделал. Стихи в сб. переписаны рукой Брюсова. Правка незначительная, в большинстве

случаев сводилась к замене отдельных слов. Из писем Ноздрин к Брюсову видно, что с его правкой он был согласен. Из сб. «Поэма природы» ранее публиковалось лишь ст-ние «Среди природы я дежурный»: КУ, под загл. «На славном посту», с вар. - - Избр. под загл. «Моя дежурка». Ст-ние это, переписанное рукой Брюсова, было ошибочно опубликовано как брюсовское в журн. «Россия». 1925, № 4.

7. В основе ст-ния — евангельская легенда. *Волхвы* — в христианских преданиях мудрецы-звездочеты; после появления на небе чудесной звезды узнали о рождении младенца Иисуса Христа и пришли к нему поклониться с дарами.

232. Избр., в составе цикла «Старая и новая деревня».

233. СП. Ст-ние открывает оба сб. поэта.

234—240. СП, в составе 10 ст-ний. - - Избр., в составе 19 ст-ний.

1. СП.

2. РГ. 1917, 23 нояб. под загл. «Рабочий город», подпись: Сергей Полозов. - - СП.

3. СП. *Отрепье* — здесь в значении: отрепье — ветхая, потрепанная одежда.

4. РГ. 1917, 17 нояб., подпись: Сергей Полозов. - - СП.

5. СП.

6. КУ. - - СП, в цикле «В годы ссылки». *Путевка на гроши* — т. е. ссылка на грошовое существование, мизерное денежное пособие, которое выдавалось ссыльным.

7. РК. 1922, 13 июня. - - СП, в цикле «В годы ссылки».

241—245. СП, в составе 5 ст-ний. - - Избр., в составе 9 ст-ний. Посвящен революционным событиям 1905 г. в Иваново-Вознесенске, является поэтической иллюстрацией отдельных моментов знаменитой стачки иваново-вознесенских рабочих. В основу цикла, очевидно, легли фрагменты из поэмы «Ткачи», которую Ноздрин написал в 1905—1906 гг. Поэма была утрачена. «Но о ней остались не одни только воспоминания, — пишет Ноздрин. — В некоторой части она сохранилась, так как ее отдельные куски позднее приняли форму самостоятельных стихотворений, из коих и сейчас можно составить поэму-мозаику о моей жизни» (Избр. С. 165). События, отраженные в ст-ниях цикла, освещены в очерке Ноздрин «Талка» (сб.: 1905 год в Иваново-Вознесенском районе. Иваново-Вознесенск: «Основа», 1925) и прокомментированы в примеч. к СП.

1. РК. 1922, 7 нояб., под загл. «Людской поток». - - СП.

2. Избр.

3. РК. 1927, 7 нояб., под загл. «На Талке». - - СП. В ст-нии обобщенно рисуется митинг, проходивший на окраине Иваново-Вознесенска на берегу реки Талки.

4. РК. 1922, 7 нояб., под загл. «У кровавой грани». - - СП. В ст-нии воспроизводятся события на площади перед городской думой 23 мая 1905 г., когда противостояние с одной стороны бастовавших рабочих и с другой — казаков и полиции едва не кончилось открытым столкновением. «Роковая грань» была перейдена 3 июня, когда произошло кровавое избиение ткачей на Талке.

5. Избр. Ст-ние написано к 30-летию революции 1905 г. *Талка* — см. выше. *Дунаевские речи* — речи Евлампия Александровича Дунаева (1877—1919), одного из руководителей ивановских рабочих, самого популярного оратора среди них. *Самотаска* — отделение в ситцевой фабрике, отличалось антигигиеническими условиями труда.

246—250. СП, под загл. «В годы ссылки», в составе 11 ст-ний. - - Избр., в составе 18 ст-ний. Цикл носит автобиографический характер, связан со ссылкой автора в Олонецкую губернию (в наст. время Карелия).

1. СП.

2. СП. *Крылатка* — широкое мужское пальто в виде плаща с пелеринной.

3. Избр. «*Вечные*» — определенные на бессрочную ссылку. «*Срочные*» — имеющие ограниченный срок ссылки.

4. РК. 1920. 7 янв., под загл. «На этапе». «*Вечник*» — см. примеч. к предыд. ст-нию.

5. ИЖ. 1912, № 25, подпись: Сергей Полозов. - - СП. «*Гааз*» — Гааз Федор Петрович (1780—1853) — главный врач московских тюрем с 1828 г., известный своим гуманным отношением к заключенным. Здесь в переносном смысле: гуманный человек.

251—252. СП, в составе 3 ст-ний. - - Избр., в составе 4 ст-ний. Цикл отражает время первой мировой войны (1914—1918).

1. *Трензель* — металлические удила, прикрепленные к уздечке. Здесь: набор позвякивающих металлических пластинок.

2. СП. *Сиверка* — северный ветер. *Немшоная* — не проконопаченная мхом сторона рубленного из бревен дома.

253—255. СП, в составе 6 ст-ний. - - Избр., в составе 7 ст-ний.

1. ИВ. 1917, 12 апр. - - СП.

2. СП. *Боковушное окно* — окно в пристройке, «боковушке».

3. СП.

И. А. НАЗАРОВ

Источником текстов и датировок настоящего издания являются указанные ниже три сборника поэта.

Условные сокращения

ЗС — За станком: Стихи и песни / Предисл. Иваново: Обл. гос. изд-во, 1939.

Избр.— Избранное / Предисл. Ан. Тарасенкова. Владимир: Обл. изд-во, 1953.

СиП — Стихи и песни / Предисл. Э. Казакевича. Владимир: Обл. изд-во, 1951.

256. «Народное благо». 1899, № 50, без посвящ. - - Жизнь и песни. Суздаль, 1908. - - ЗС. - - Избр. Посвящено *Леонову Максиму Леоновичу* (1872—1929) — поэту, одному из организаторов «Суриковского

литературно-музыкального кружка», в который входил и Назаров. М. Л. Леонов — отец писателя Леонида Леонова.

257. СиП.

258. ЗС. *Кут* — здесь: место у печки, где хозяйка стряпает.

259. ИЖ. 1911, № 2. - - ЗС.

260. ЗС. *Каин* (библ.) — старший сын Адама и Евы, убил из зависти своего брата Авеля и был проклят богом. Каином называли ивановского фабриканта Мефодия Гарелина, скупца и завистника.

261. ЗС. - - Избр.

262. ИЖ. 1911, № 14. - - СиП.

263. РК. 1919, № 33. - - СиП, др. ред. - - Избр.

264. В кн.: Заволокин П. Я. Современные рабоче-крестьянские поэты в образах и автобиографиях... Иваново-Вознесенск: «Основа», 1925, под загл. «Поэту-пахарю С. Д. Дрожжину». - - Избр. *Дрожжин* Спиридон Дмитриевич (1848—1930) — талантливый поэт-самоучка, бытописатель русской деревни.

А. Д. СУМАРОКОВ

Поскольку стихи Сумарокова не собраны в отдельное издание, источниками текстов являются отдельные публикации в периодической печати, сборниках и альманахах. Учитываются стихотворения, находящиеся в фонде А. А. Блока в ЦГАЛИ, а также два рукописных сборника: 1) «Свет не вечерний» (хранится в литературном музее «Писатели текстильного края» при Ивановском гос. университете); 2) «Солнце в лесу. Стихи (1912—1929)» с дарственной надписью Ефиму Федоровичу Вихреву: «Дорогому другу и любимому писателю Е. Ф. Вихреву в память о наших встречах. А. Сумароков. 24/I-1930» (хранится у шуйского краеведа М. И. Громаковского).

15 стихотворений из сборника «Свет не вечерний» были опубликованы в № 3 петербургского журнала «Весна» за 1914 г. с обозначением «Дебют Д. Сумарокова» и заглавием «Из цикла „Не вечерний свет“». Это заставляет предположить, что все стихи рукописного сборника «Свет не вечерний» относятся примерно к 1913—1914 гг. Сборник оформлен как альбом, с соблюдением старой орфографии, страницы не нумерованы. Стихи не датированы, но, судя по всему, расположены в хронологическом порядке. Так, стихотворение «Весеннее», вписанное в сборник вторым, в сборнике «Солнце в лесу» помечено автором 1913 г. Стихотворение «Люблю я шум летящей птицы...», находящееся в конце сборника «Свет не вечерний», датировано в «Солнце в лесу» 1914 г.

ЗК — газ. «Знамя коммунизма» (г. Шуя, Иванов. обл.), 1985, 28 авг.
 СвЛ — Солнце в лесу (рукоп. сб.).
 СН — Свет невечерний (рукоп. сб.).

265. ЗК, публ. И. И. Читнева. Датируется по СвЛ.

266. «Весна». 1914, № 3, под загл. «От встреч, от споров, от при-
 личий...». Печ. по автографу СН.

267—269. Печ. по автографу в фонде А. Блока (ЦГАЛИ, ф. 55).
 Цикл складывался постепенно. В СН под загл. «А. А. Блоку» поме-
 щены 2-е и 3-е ст-ния. 1-е ст-ние («Люблю я шум летящей птицы...») по-
 мещено отдельно; без посвящ. оно напечатано в журн. «Весна»
 (1914, № 3). 2-е и 3-е ст-ния по СН были опубликованы П. В. Куприя-
 новским в сб. «Творчество писателя и лит. процесс» (Иваново, 1982).
 16 мая 1918 г. Сумароков послал три посвященных Блоку ст-ния в той
 последовательности, как они воспроизводятся в наст. изд. Об отно-
 шении автора к Блоку см. биогр. заметку на с. 248.

270. Печ. по автографу в СН (в составе цикла из 3 ст-ний, в кото-
 рых автор пытается воссоздать портрет Бальмонта-поэта). *Бальмонт*
 Константин Дмитриевич (1867—1942) — один из зачинателей симво-
 лизма в русской литературе. Родился в д. Гумнищи, близ Шуи, учился
 в Шуйской гимназии. Ст-ние, очевидно, написано вскоре после воз-
 вращения Бальмонта (5 мая 1913 г.) из вынужденной эмиграции.

271. Печ. по автографу в СН.

272. ЗК, публ. И. И. Читнева. Датируется по СвЛ.

273. РК. 1920, 12 окт. Датируется по СвЛ. *Вновь претворяю уголь*
черный и т. д.— см. примеч. 215.

274. РК. 1920, 8 сент.— Сноп.

275. КУ.

276. Начало. № 2/3, 1922, в составе цикла «Портреты», куда вхо-
 дят еще 9 ст-ний: «Вундт», «Гартман», «Ницше», «Шопенгауэр»,
 «Гегель», «Кант», «Толстой», «Кантемир», «Тредьяковский».

277. НБ. 1922, № 1.

278. «Коробейник». 1922, № 1. *Стогны* — площади.

279. ЗК, публ. И. И. Читнева. Датируется по СвЛ.

А. Н. БЛАГОВ

Основными источниками текстов для настоящего издания явля-
 ются наиболее полное «Избранное» (1953) и сборник «Стихи» (1960):
 они включают последние авторские редакции, стихи в них снабжены
 датами. Учитываются и другие издания, а также архивные материалы.

Большинство воспроизведенных здесь текстов имеет автографы и машинописные копии (зачастую с авторской правкой), которые хранятся в фонде А. Н. Благова в ГАИО.

Благову принадлежит несколько поэм: «Рассказ земляка», «Первые зори», «Вера Малова», «Талка», «Детство», «Десять писем», «Сад». Они имеют самостоятельное значение и расширяют представление о творчестве поэта, но в настоящее издание не входят.

Библиография публикаций и изданий Благова зарегистрирована в указателе «Русские советские писатели: Поэты. Т. 3. Ч. 1». М.: «Книга», 1979 (Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград).

Условные сокращения

- ГТ — Город ткачей: Стихотворения. М.: «Сов. писатель», 1951.
Избр. 33 — Избранные стихи / [Вступ. ст. А. Орлова]. М.; Иваново: Обл. изд-во, 1933.
Избр. 38 — Избранные стихи / [Вступ. ст. Г. Горбунова]. Иваново: Обл. изд-во, 1938,
Избр. 44 — Избранные стихи / [Вступ. ст. Д. Максимова]. Иваново: Обл. изд-во, 1944.
Избр. 46 — Избранные стихи / [Предисл. С. Обрадовича]. М.: «Сов. писатель», 1946.
Избр. 53 — Избранное / [Вступ. ст. Г. Горбунова]. Иваново: Обл. изд-во, 1953.
ПР — Песни рабочего: Стихотворения (1909—1919) / Предисл. И. Горбунова-Посадова. М.: изд-во Комитета памяти В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной), 1919 (обл. 1920).
Рабочий город — Рабочий город: Стихи и песни. М.; Л.: «Моск. рабочий», 1928.
Ступени — Ступени: Стихи / [Предисл.]. М.: «Федерация», 1932.
СТ — Страна ткача: Стихи / [Предисл. С. Обрадовича]. М.: Гослитиздат, 1936.
Стихи — Стихи / [Предисл.]. М.: «Сов. Россия», 1960.

280. «Жизнь для всех». 1911, № 3/4. - - ПР, с вар. - - Избр. 33. - - Избр. 38, с вар. - - Избр. 44, др. ред., дата: 1908. - - Стихи.

281. «Родная газета». 1914, № 9. - - ПР. - - Избр. 33, с вар. - - Избр. 38, с вар. - - Избр. 46, с вар. - - Избр. 53.

282. ПР. - - Избр. 33, с вар. - - Избр. 53.

283—284. Цикл печ. по автографу ГБЛ, ф. 369. Датируется по письму А. Н. Благова (с приложением стихов) к М. Н. Зайцеву (ф. 369, к. 240, ед. хр. 19).

1. «*Интернационал*» — международный гимн трудящихся, автор текста Эжен Потье (1816—1887).

285. РК. 1926. 30 мая, под загл. «Любимому краю». - - Рабочий город. - - Избр. 44. - - Ивановский ситец (Иваново: 1950), с вар. - - Стихи.

286. Избр. 44.

287. «Труд и производство». 1926, № 5, под загл. «Из песен ткача». - - Рабочий город, под загл. «Кричи, гудок!». - - «Ленинград», 1930, № 2, под загл. «Песня ткача». - - Избр. 33, под загл. «Будильник, друг, не измени». - - Избр. 44. - - Стихи.

288. РК. 1926, 31 янв. - - Рабочий город. - - Избр. 38, с вар., без двух послед. строф. - - Избр. 44, с вар. - - Стихи.

289. РК. 1926, 14 марта. - - Рабочий город. - - Избр. 44.

290. Рабочий город. - - СТ. - - Избр. 38.

291. КРК. 1927, сент. - - СТ, с вар. - - Избр. 46.

292. РК. 1930. 12 апр. - - «Рост». 1930, № 14/15. - - «Атака» (Иваново-Вознесенск), 1930, № 2. - - Ступени. - - Избр. 53. «Красная Талка» — фабрика в Иваново, расположенная на берегу реки Талки. Красная доска — Доска почета.

293. «Атака». 1930. № 1, под загл. «Поселок». - - Ступени. - - Избр. 38, с вар. - - Избр. 44, с изменением послед. строфы. - - Стихи.

294. Перестройка (Иваново, 1933). - - СТ. - - Избр. 44, с вар. - - Стихи.

295. Журн. «Рабочий край». 1934, № 8. - - СТ. - - Избр. 38. - - Избр. 53.

296. РК. 1942, 6 янв. - - Ненависть: Стихи. Иваново: Обл. изд-во, 1942. - - Избр. 44. Посвящено Михаилу Александровичу *Дудину*, ныне известному советскому поэту, который участвовал в обороне *Ханко* с первого до последнего дня. Ханко — полуостров в Балтийском море; защитники Ханко вписали одну из ярких страниц в историю Великой Отечественной войны.

297. РК. 1943, 31 окт., под загл. «Работайте, крепкие руки». - - Избр. 44. - - Стихи.

298. Детям: Стихи о текстильщиках (Иваново, 1949). - - Ивановский ситец (Иваново, 1950).

299. ИА. Кн. 18, 1952. - - Избр. 53.

300. РК. 1957, 27 дек. - - ТВ. Посвящено ивановскому поэту Владимиру Михайловичу *Смирнову*, написавшему ст-ние «Бушует ситцевый прибор».

М. Д. АРТАМОНОВ

Подборка стихотворений Артамонова, публикуемая в настоящем издании, охватывает очень небольшую часть написанного и обнародованного поэтом. Она призвана продемонстрировать поэтический путь Артамонова лучшими образцами его творчества.

При жизни поэта издано шесть сборников его стихотворений. Наиболее значительные из них — «Земля родная» (1919) — итог дореволюционного творчества Артамонова и «Песни» (1928), включивший наряду с дореволюционными стихами, написанные в 20-е годы. Это был последний сборник Артамонова. Кроме того, множество его стихотворений рассеяно по различным периодическим изданиям 10—20-х годов. Представление о характере и количестве этих публикаций дает посвященный Артамонову раздел в библиографическом указателе «Русские советские писатели: Поэты». Т. 1. М.: «Книга», 1976 (Гос. публ. библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград).

В качестве источников текстов мы опираемся в основном на три сборника Артамонова — «Улица фабричная» (1913), «Земля родная» (1919) и «Песни» (1928). Поскольку поэт редко датировал свои произведения, то большая их часть датируется по первой публикации.

Условные сокращения

ЗР — Артамонов М. Земля родная: Стихотворения. Пг.: ГИЗ, 1919.
Песни — Артамонов М. Песни. М.: Моск. т-во писателей, [1928].
УФ — Артамонов М. Улица фабричная: Стихи. Иваново-Вознесенск: тип. П. И. Зайцева, 1913.

301. УФ, под загл. «Цветы», с вар. - - «Путь Правды». 1914, 3 мая, подпись: Мих. А. - - ЗР.

302. «Маленькая газета». 1915, 30 июля, под загл. «Город», с вар. - - ЗР.

303. «Беднота». 1918, 28 нояб., под загл. «Зимой», с вар. - - Песни. Дата авторская.

304. «Маленькая газета». 1916, 4 дек., с вар. - - ЗР. *Мясоед* — время между Великим постом и Рождеством. В мясоед в деревнях обычно игрались свадьбы. *Важеваты* — здесь: обходительны.

305. «Голос революции» (Одесса). 1917, 13 нояб., в цикле «Песенки-побасенки», подпись: Мих. Ар. - - ЗР. *Сговорёнка* — просватанная, помолвленная.

306. «Беднота». 1918, 4 авг., с вар. - - ЗР.

307. РК. 1921, 14 авг., под загл. «Деревенское», с вар. - - «Начало». 1922, № 2/3, без загл., в цикле «Из деревенских песен». - - Песни. *Начёты* — прибаутки при сватовстве, на свадьбе. *Повадно* — хорошо, приятно.

308. КрН. 1921, № 2, под загл. «Из полевых песен». - - Песни. *Полесовье* — лес. *Привада* — приманка. *Порада* — радость, отрада. *Угончивый* — быстрый, сноровистый, догадливый. *Повада* — от «повадно» — приятно.

309. ЖС, с вар. - - Песни. *Чернобыльник-молочай* — полынь.

310. ЖС. - - Песни.

311. ЖС, без загл., с вар - - Песни. *Рукобитье* — сговор: отцы жениха и невесты бьют по рукам в знак окончательной договоренности. *Помолёна* — благословлена родителями. *Пропита* — просватана.

Д. А. ФУРМАНОВ

Первым печатным произведением писателя было стихотворение «Памяти Д. Д. Ефремова» («Мне грустно осенью холодной...»), посвященное памяти инспектора иваново-вознесенской школы колористов Дмитрия Дмитриевича Ефремова. Оно появилось за подписью: Новий в газете «Ивановский листок» 6 июля 1912 г. После этого при жизни Фурманова было напечатано еще 5 стихотворений: «Кавказ», «На 1 Мая», «Клич», «Пробуждение великана», «Совещание». Первое — в сборнике «Зеленый шум» (Иваново-Вознесенск, 1917), третье — в газете «Рабочий город» (1917, 22 декабря), последнее — в газете «Рабочий край» (1921, 11 августа) за подписью: Най. Остальные из названных стихотворений воспроизведены в настоящем издании.

После смерти писателя было осуществлено несколько разрозненных публикаций. Для настоящего сборника отобрано 6 стихотворений. Основным источником при этом являются рукописные тексты, хранящиеся в фондах Д. А. Фурманова в ИМЛИ и ГБЛ: с ними сверены все печатаемые стихотворения и даты.

312. «Рус. лит.». 1964, № 3. Публ. П. В. Куприяновского по автографу ИМЛИ. В ст-нии отразилось сильное увлечение автора творчеством Федора Михайловича Достоевского (1821—1881), его нравственной философией; об этом свидетельствуют также дневниковые записи Фурманова 1912—1915 гг.

313. Статьи о русской и зарубежной литературе. Иваново, 1966. Публ. П. В. Куприяновского по автографу ИМЛИ.

314. ИМЛИ. Печ. по автографу.

315. Фурманов Дм. В восемнадцатом году. Краснодар, 1923. Это ст-ние читает на молодежной вечеринке герой повести «В восемнадцатом году» Виктор Климов, которому присущи автобиографические черты. В автографе ст-ния, что отразилось в факсимиле, хранящемся в ИМЛИ (П.62.1568), рукою Фурманова сделано такое примечание: «Впервые стихотворение было мною прочитано в том же месяце (т. е. в декабре 1916 г.— *Сост.*) на студенческой вечеринке иваново-вознесенского землячества в Москве». Ст-ние в первоначальной редакции (12 февраля 1916) воспроизведено неточно А. Н. Фурмановой в кн.: «Дмитрий Фурманов» (Иваново, 1941). Об истории текста этого ст-ния см.: Куприяновский П. В. Становление писателя // Статьи о русской и зарубежной литературе. Иваново, 1966. С. 220—221.

316. ИВ. 1917, 18 апр., подпись: Д. Ф.

317. Альм. «Волга» (Куйбышев). Кн. 25, 1961. Публ. П. В. Куприяновского по автографу ГБЛ.

Данная публикация включает в себя небольшую часть опубликованного самим поэтом. В подборку вошли наиболее характерные для творческой манеры Жижина произведения, идейно и художественно значительные, а также ряд стихотворений, интересных с историко-литературной точки зрения, дающих представление о поэтическом сознании эпохи революции и гражданской войны («Февраль — Октябрь», «Кремль» и др.).

Жижин издал два сборника стихотворений — «Моё» (1922) и «Веселая охота» (1929, стихи для детей). Первый сборник включил в себя все лучшее из написанного поэтом к осени 1922 года. Поскольку рукописи Жижина утрачены, источником текстов данной публикации является сборник «Моё», а также иваново-вознесенские издания 1919—1922 годов. Стихи в сборнике «Моё» датированы автором. Не вошедшие в него стихотворения датируются по первой публикации.

Условные сокращения

Моё — Жижин И. Моё: Стихи. Иваново-Вознесенск: изд. Губсоюза потребительских обществ, 1922.

318. РК. 1919. 26 февр. - - КУ. - - Моё.

319. Моё.

320. РК. 1919, 2 авг. *Доколь радений дом — вертеп торговли.* По евангельской легенде, Христос изгнал торгующих из храма. *Кастальский ручей* — правильно: Кастальский ключ (греч. миф.) — ключ, бивший из расщелины горы Парнас. Вода Кастальского ключа обладала чудесным свойством возбуждать поэтическое вдохновение.

321. РК. 1919, 23 февр., в цикле «В день праздника».

322. РК. 1919, 3 сент. - - Моё. *Старица* — монахиня. *Денница* — утренняя заря.

323. РК. 1919, 15 июля, с вар. - - Моё. *Кощница* — корзина.

324. РК. 1919, 27 авг., с вар. - - Моё.

325—331. Сноп, под загл. «Венок», в составе 11 стихотворений, с вар. - - Моё, в составе 12 ст-ний. Печатаются первые семь.

2. *Воронский Александр Константинович* — см. примеч. 105.

3. *И, право, не на крыльях, а в крылатке* и т. д. Эти строки отсылают к ст-нию А. Ноздрина «В крылатке», см. № 246—250 (2).

4. *И даже, русые ресницы жмурия, С круч загляделось солнышко на парус.* Жижин цитирует ст-ние Семёновского «Мир — хорош» (см. № 70).

5. *В день погожий пастушок Сережа.* В детстве Семин (см. с. 313) был пастухом.

6. И мнится, что грустил здесь Левитан — Смирнов (см. с. 334) родился в г. Плесе, где часто бывал И. И. Левитан, позднее написал книгу о нем («Золотой Плес», 1939—1966). В янтарных кельях осени здесь Бунин. И. А. Бунин был любимым писателем Смирнова.

332. РК. 1920, 5 нояб., с вар. - - Моё.

333. РК. 1920, 29 сент., с вар. - - Моё.

334. РК. 1920, 26 дек., под загл. «Тройка чахоточного». - - Моё.

335. РК. 1920, 28 дек., с вар. - - Моё. *Запон* — передник, фартук.

336. РК. 1921, 7 мая. *Муза имажинистская*. Имажинизм — течение в сов. поэзии первых лет революции, выдвигающее в качестве цели поэзии выразительный образ-метафору. *Шершеневич* Вадим Габриэлевич (1893—1942) — сов. поэт, один из теоретиков имажинизма. Жижин испытал влияние имажинистских теорий, и ст-ние представляет собой ироническое переосмысление идеи самоценности образа.

337. Моё. *Глад* — голод. *Брашно* — пища, кушанье. *Тониться* — прятаться, скрываться. *Глумной* — насмешливый.

338. Моё. Не датировано автором.

339. НБ. 1922, № 1.

340. Моё. Ст-ние сложилось из трех самостоятельно публиковавшихся произведений: «В феврале 1917 г.» (РК. 1922, 26 февр., с вар.) — ст. 1—46; «Петроград» (РК. 1922, 1 марта, с вар.) — ст. 47—78; «Красная звезда» (РК. 1920, 20 нояб. - - ЖС., с вар.) — ст. 79—94. *Отречемся от старого мира* — см. примеч. 38. *Октябрь июлю вслух вещал*. Имеются в виду события 2—8 июля ст. ст. 1917 г. в Петрограде, когда выступление пролетариата под лозунгом «Вся власть Советам» было подавлено Временным правительством.

341. НБ. 1922, № 1, с примеч. автора: «Это стихотворение является вступлением к выходящей на днях книге стихов „Моё“». - - Моё.

342. КРК. 1928, 1—7 мая.

С. А. СЕМИН

В настоящую публикацию вошли наиболее интересные и показательные произведения из небольшого поэтического наследия Сергея Сёмина.

Стихи Сёмина никогда — ни при жизни автора, ни после его смерти — не были изданы сборником, хотя в 1922 г. иваново-вознесенские писатели планировали собрать и издать такую книгу. Публика в альманахе «Начало» (1922, № 2/3) несколько стихотворений поэта, редакция сопроводила их примечанием: «Приводимые здесь стихотворения войдут в предполагаемый к изданию томик его стихов» (с. 138). Это намерение не было осуществлено. Стихи Сёмина публи-

куются по единственному известным источникам: газете «Рабочий край» и ряду сборников, выпущенных в Иваново-Вознесенске в 1919—1921 годах. Все стихотворения датируются по первой публикации.

343. РК. 1919, 15 янв.

344. РК. 1919, 8 февр. Эпиграф — неточная цитата из ст-ния Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья...». Все ст-ние — полемическая реминисценция.

345. РК. 1919, 14 февр.

346. РК. 1919, 4 мая.

347. РК. 1919, 6 июля.

348. РК. 1919, 6 авг.

349. РК. 1919, 10 авг. *Долить* — одолевать.

350. РК. 1919, 1 нояб.

351. «Начало». 1922, № 2/3.

Н. И. КОЛОКОЛОВ

В настоящее издание вошли лучшие и наиболее характерные стихи Колоколова — небольшая часть его поэтического наследия. Он рано начал печататься, его юношеская лирика рассеяна по дореволюционным газетам и небольшим журналам и осталась за пределами этой книги. Подборка включает стихи 20-х годов, созданные как раз в тот период, когда Колоколов наиболее тесно был связан с Иваново-Вознесенском. Большая часть публикуемых стихотворений вошла во второй, и последний, поэтический сборник Колоколова «Земля и тело» (1923). Остальные стихи печатались в иваново-вознесенских и центральных газетах, журналах, альманахах.

Колоколов не датировал свои произведения, поэтому все даты устанавливаются на основе первой публикации.

Условные сокращения

ЗиТ — Колоколов Н. Земля и тело: Стихотворения. М.; Пг.: ГИЗ, 1923.

352. КУ.

353. РК. 1921, 30 дек., без двух первых строф. - - ЗиТ.

354. «Недра». Кн. 1. М., 1923.

355. «Наши дни»: Худож. альманах, № 3. М.; Пг.; 1923. - - «Недра». Кн. 1. М., 1923.

356. ЗиТ. - - КРК. 1927, 25 янв.

357. ЗиТ. *Завершивать* — формировать верхушку стога.
358. ЗиТ.
359. ЗиТ.
360. ЗиТ.
361. ЗиТ.
362. КрТ. 1924, № 7. - - «Недра». Кн. 10. М., 1927.
363. КрТ. 1924, № 7.
364. «Недра». Кн. 3. М., 1924.
365. «Недра». Кн. 3. М., 1924.
366. Кр. нива. 1926, № 41.
367. КРК. 1928, 1—7 мая.
368. КРК. 1928, 30 июня.

Н. П. СМИРНОВ

В настоящую подборку входят наиболее интересные стихотворные произведения Смирнова, опубликованные в 1919—1921 годах в иваново-вознесенских изданиях — газете «Рабочий край», альманахах и сборниках.

Автор не переиздавал своих стихотворных произведений, поэтому единственным источником текстов являются первые публикации, по которым стихотворения и датируются.

369. РК. 1919, 15 июля. *Сеча* — вырубка в лесу.
370. РК. 1919, 21 сент.
371. РК. 1919, 28 нояб. *И мерзлый ястреб треплется на палке* — чучело ястреба для отпугивания птиц. *Закут, закута* — теплый зимний хлев.
372. РК. 1919, 5 дек.
373. РК, 20 марта. - - Сноп. *Афон* — восточная коса Халкидонского полуострова в Греции, место сосредоточения многочисленных монастырей, бывших объектом паломничества всего православного славянства. *Преобразившись на Фаворе*. Строка отсылает к евангельской легенде о преображении Христа на горе Фавор.
- 374—379. КУ. *Лубок* — народная картинка, отличавшаяся красочностью и лаконичной выразительностью.

2. *Мельников-Печерский* Павел Иванович (1818—1883) — русский писатель, автор романов «В лесах» (1871—1874) и «На горах»

(1875—1881), в которых отразил жизнь раскольникового Заволжья. *Прясло* — звено изгороди. *Скит* — здесь: монастырь, укрытие.

3. *Беседа* — вечеринка в деревне.

4. *Филиппов пост* — рождественский пост. *Волхвы* — по евангельской легенде, мудрецы, пришедшие поклониться родившемуся Христу в Вифлеем. *И звезду да маски мастерят* — украшения на рождественскую елку.

5. *Лубянка* — лукошко, сплетенное из луба, липовой коры. *Костянка* — костяника.

6. *Божница* — полка под иконами. *Помянник* — поминальная книжка. *Просфора* — маленький хлебец, употреблявшийся в православном богослужении.

380. Взмах.

Е. Ф. ВИХРЕВ

Отдельным изданием стихи Вихрева не выходили. В архиве Александра Ефимовича Вихрева, сына писателя, находится около двухсот стихотворений и поэм отца. По его словам, отец начал готовить в 1934 г. к печати книгу стихов, но работу эту прервала смерть.

Источником текстов и датировки данного издания послужили отдельные публикации и материалы архива А. Е. Вихрева (Москва), которому составители благодарны за помощь. Далее этот источник обозначается: Архив А. В.

381. Архив А. В.

382. Газ. «Новый путь» (Шуя). 1920, 29 мая.

383. РК. 1923, 24 окт.

384. РК. 1923, 10 нояб. В составе «Горьком». Речь идет о красноармейском поезде, носившем имя Максима Горького.

385. Архив А. В. *Одним из двенадцати Блока*. Имеются в виду красногвардейцы, герои поэмы А. Блока «Двенадцать» (1918).

386. Архив А. В. *Миткальный* — от миткаль, сорт хлопчатобумажной ткани. *Ластик* — см. примеч. 150. *Талка* — см. заметку «А. Е. Ноздрин».

387. Архив А. В. Черновой набросок под загл. «Палешанам» с эпиграфом: «В память моего посещения Палеха летом 1931 года». Отдельно не публиковалось, использовано при характеристике упомянутых в ст-нии художников (очерк «В Заводах», вошедший в кн. «Палех», начиная с изд. 1938 г.). *Баканов, Голиков, Зубков, Вагагин, Буторин* — см. примеч. 170—173, 174. *Вакуров Иван Петрович* (1885—1968) — народный художник РСФСР, автор известной композиции по мотивам «Песни о Буревестнике» М. Горького. *Котухин Александр Васильевич* (1886—1961) — народный художник РСФСР, автор шкатулки, на которой изображена Жар-птица. *Зиновьев Николай Михайлович* (1888—1979) — народный художник СССР. *Маркичев Иван Васильевич* (1863—1938) — народный художник РСФСР, один из основателей искусства палехских лаков, автор коробочки

«Советский Союз в империалистическом окружении». *Дыдыкин Аристарх Александрович* (1874—1953) — один из старейших и лучших художников Палеха.

388. Архив А. В.

А. А. БАРКОВА

В настоящее издание вошли лучшие стихи Барковой, созданные в 1920-е годы. За пределами книги остаются стихи Барковой 30—70 годов, неопубликованные, рукописи которых хранятся в ГБЛ и частных архивах.

Задача этой подборки — показать специфику начального этапа творчества поэтессы, связанного с Иваново-Вознесенском и кружком поэтов при газете «Рабочий край». Итогом этого периода является единственный сборник стихов Барковой «Женщина» (1922). Он был снабжен эпиграфом: «Первую мою книгу, рожденную первой моей любовью, отдаю, недоступный, твоим усталым глазам и рукам, измученным на каторге». Предисловие к сборнику было написано А. В. Луначарским. Приводим его здесь полностью: «Трудно поверить, что автору этой книги 20 лет. Трудно допустить, что, кроме краткого жизненного опыта и нескольких классов гимназии, ничего не лежит в ее основе. Ведь, в конце концов, это значит, что в основе книги лежит только богато одаренная натура. Посмотрите: А. А. Баркова уже выработала свою своеобразную форму, — она почти никогда не прибегает к метру, она любит ассонансы вместо рифм, у нее совсем личная музыка в стихах — терпкая, сознательно грубоватая, непосредственная до впечатления стихийности. Посмотрите: у нее свое содержание. И какое! От порывов чисто пролетарского космизма, от революционной буйственности и сосредоточенного трагизма, от острого до боли прозрения в будущее до задумчивейшей лирики благородной и отвергнутой любви. Пожалуй, эта интимная лирика слабее остальных мотивов Анны Александровны. Не нарочно похоже на Ахматову, но какая совсем иная и какая богатая связь у этой дочери пролетариата между амазонкой в ней и скорбной влюбленной. Совсем свое лицо у этого юного человека. Я несколько не рискую, говоря, что у товарища Барковой большое будущее, ибо она оригинальна без кривлянья, имеет манеру без убийственной даже у крупных футуристов и имажинистов манерности. Растите с низов, дорогие молодые дарования! А. Луначарский. Петроград, Дом Ученых. 29/X».

Сборник «Женщина» является основным источником текстов стихотворных произведений, написанных Барковой до 1922 г. В настоящем томе публикуется также ряд не вошедших в сборник стихотворений, напечатанных в газете «Рабочий край» и других иваново-вознесенских изданиях, а также несколько стихотворений, увидевших свет во второй половине 20-х годов в различных периодических изданиях.

Баркова редко датировала свои произведения, поэтому почти все стихотворения датируются по первой публикации.

Ж.— Баркова А. Женщина: Стихи. Пг.: ГИЗ, 1922.

389. Сноп, подпись: Калика Перехожая. *Божьей матери Казинской*. Имеется в виду популярная икона. *Намедни* — недавно. *Смихнулась* — здесь: сошлась. *Аналой* — в церкви столик, подставка для богослужебных книг; вступающие в брак обходили вокруг аналоя.

390. РК. 1921, 15 янв., подпись: Калика Перехожая.

391—392. РК. 1921, 11 марта. - - ЖС. - - Ж.

393. РК. 1921, 24 марта.- - Ж. *Черница* — монашка. *Слышишь: трижды давно прокричал* и т. д. По евангельской легенде, Христос предсказал, что апостол Петр трижды отречется от него, прежде чем пропоет петух.

394. РК. 1921, 1 апр. - - Ж.

395. РК. 1921, 2 апр. - - Взмах. - - Ж. *Я — неделя труда жестокого, Ты — торжественный день седьмой*. По библейскому преданию, бог сотворил мир за шесть дней, а на седьмой отдыхал.

396. РК. 1921, 2 апр. - - Ж.

397, 398. РК. 1921, 7 апр. - - Ж.

399, 400. РК. 1921, 22 апр. - - Ж.

401. РК. 1921, 23 апр. - - Ж.

402. РК. 1921, 23 апр., с вар. - - Взмах. - - Ж.

403. РК. 1921, 24 апр. - - Ж.

404. РК. 1921, 8 мая. - - Ж. *Голгофа* — гора близ Иерусалима, на которой, по евангельскому преданию, был распят Христос.

405. РК. 1921, 14 мая. - - Ж.

406—408. РК. 1921, 5 окт.- - Ж. *Харакири* — способ самоубийства у японских самураев.

409. РК. 1921, 10 апр. - - Ж. Датировано автором.

410. РК. 1921, 26 июня, под загл. «Женщина», с вар. - - КрН. 1921, № 3. - - Ж. Датировано автором.

411—415. Ж.

1. РК. 1921, 24 марта. *Я мечтала, что пантер тела* и т. д.— ассоциация с мучениями первых христиан: в Риме их отдавали на растерзание диким зверям.

3. РК. 1921, 24 марта.

4. *Чело Христа на «вечери тайной»*. Речь идет о части церковной

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1—16. *Между* с. 224 и 225.

Факсимиле записки В. И. Ленина о «кружке *настоящих* пролетарских поэтов» при газете «Рабочий край». 28 января 1921 г.

И. Жижин, М. Артамонов, Д. Семёновский. Справа налево. 1921 г. Ивановский объединенный историко-революционный музей.

В редакции «Рабочего края». 1921 г. Стоят (слева направо): С. Селянин, И. Жижин, Н. Смирнов, М. Артамонов, С. Огурцов; сидят (слева направо): Л. Зилов, В. Смирнов, А. Луганский, Д. Семёновский. Архив З. П. Смирновой, сестры Н. П. Смирнова (Москва).

А. Ноздрин. 1890-е годы. Ивановский объединенный историко-революционный музей.

И. Назаров. ИМЛИ.

А. Благов. Литературный музей Ивановского гос. университета.

Д. Семёновский.

И. Жижин и А. Сумароков. 1920-е годы. Литературный музей Ивановского гос. университета.

Д. Фурманов. ИМЛИ.

Н. Колоколов. Ивановская областная научная библиотека.

Н. Смирнов. 1920-е годы. Гос. архив Ивановской области.

С. Семин. Ивановская областная научная библиотека.

Е. Вихрев. Архив А. Е. Вихрева, сына поэта.

А. Баркова. Ивановская областная научная библиотека.

С. Огурцов. Литературный музей Ивановского гос. университета.

Альманахи и сборники, выходившие в Иваново-Вознесенске в 1919—1922 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэты рабочего края. *Вступительная статья А. Л. Агеева и П. В. Куприяновского* . . . . .

5

СТИХОТВОРЕНИЯ

Д. Н. СЕМЕНОВСКИЙ

<i>Вступительная заметка</i>	53
1. Визги, яростные лязги...	56
2. На башне	57
3. Рабы города	58
4. «Фонарный столб. Клочки афиши...»	58
5. Вечер	59
6. Микула	59
7. На ярмарке	61
8. «Поляна, пни, пугливые осинки...»	62
9. Осенью	62
10. Гармоника	63
11. Всё — тебе	64
12—14. Безумцы	
1. Поэт	64
2. Обреченный	65
3. Рыцарь	65
15. «Слышишь в грозном затишье грузной поступи гуд?...»	66
16. Родина	66
17. «К непогодам хмурой дали...»	67
18. «Над полем тучи виснут ватой...»	67
19. «Леса с болотами да топями...»	68
20. Лето	68
21. «Подружки, какая теплынь!...»	69
22. Пасха	70
23. Ярило	70
24. Леший	71
25. Безработный	72
26. «Сладко вскинуть котомку на плечи...»	73
27. Калека	73
28. Солнцеворот	74
29. Китайчонок	74
30. Сторожка	75
31. «Прекрасны зори, звезды, воды...»	75
32. Праздник	76
33. Праздник жизни	81
34. Сказка (К картине Рериха «За морями — земли великие»)	81
35. Петушинный бой	82
36. «То не жар ли птица...»	82
37. Товарищ	83

38.	Сходка	84
39.	Карусель	85
40.	К красным горнам!	86
41.	Никогда	86
42.	Весна	87
43.	Гусляр	87
44.	Ткач	89
45.	«В бунте буйственном и яром...»	89
46.	Новая Россия	90
47.	«Солнцу жаль с землею разлучиться...»	90
48.	Собрание	91
49.	Священник-большевик	91
50.	«Изгородь, горбатое гумёнце...»	92
51.	«Под ногой похрустывает иней...»	92
52.	Жимолость	93
53.	Под голубым покровом	93
54.	«Я, рожденный на прелестной...»	94
55.	«Звездным ликом в окно заглянула...»	94
56.	«Есть у грустных и стройных напевов...»	95
57.	«Склоняюсь над зыбкой скрипучей...»	95
58.	Мерин	96
59.	«Смотрю без песни, без глагола...»	98
60.	Солнце	98
61.	Мироточивый дождь	99
62.	Велес	100
63.	Странник	101
64.	«Ожила береза. Любо ей...»	102
65.	Древесная демонстрация	102
66.	Награда (<i>Сказание о церкви Василия Блаженного</i>)	103
67.	Мужик	103
68.	Введенье-обледенье	104
69.	Навозница	104
70.	Мир хорош	105
71.	«Я послан в мир, чтобы сказать...»	105
72.	«В этом мире, прелестном и милom...»	106
73—74.	Полевые корабли	
	1. «Обоз иль флот судов крылатых...»	106
	2. «Роняя мерзлые иголки...»	107
75.	В город	107
76.	«Мне жаль тебя, такую хрупкую...»	108
77.	«Иссох, зачерствел снежный пласт...»	108
78.	Руки	109
79.	«К сугробу черствому прилеплен...»	109
80.	«Древо дней уронило Покров...»	110
81.	«Здравствуй, отеческий кров...»	110
82.	«Молчаливый вечерний покой...»	111
83.	«Восторгайтесь друг другом! Хвалите друг друга!...»	111
84—94.	Иконоста с	
	1. «Аль по зеленому саду ходила...»	112
	2. «Статная, ликом пригожая...»	112
	3. «На горе. На воде. На холсте...»	113
	4. «Краше месяца витязь Егорий...»	114
	5. «В тихом поле, как пьяная, пляшет...»	115
	6. «Немилостив и строг...»	117
	7. «Солнце в сизые тучи упало...»	118
	8. «Воздвиженье — Вздвиженье — Здвиженье!...»	119
	9. «Тихое Сырой Земли Успенье...»	119
	10. «Издеваясь, ругаясь и мучая...»	120
	11. «В лето теплое, в пору погожую...»	121
95.	Голубой мост	122
96.	«Благослови, душа моя...»	123
97.	«Обнищала рябина. Последнее золото...»	123

98.	«Я знаю, что солнце, веселое солнце...»	123
99.	«Всё пасмурное, мрачное и злое...»	124
100.	«Мне чудятся и в пышности цветенья...»	125
101.	«Величем самоотверженья...»	125
102.	Светопреставление	126
103.	«Не осенние тучи клубятся...»	126
104.	«О моя заходящая младость!..»	127
105.	Любовью	127
106.	Фавн	128
107.	«Поток, росток, цветок на мирной ниве...»	128
108.	«Там небо над пустынной ширью...»	129
109.	«Проказа злости, лжи и лести...»	129
110.	«На дорогу выбегают...»	130
111.	«Зыбкий ветер заскользит над рожью...»	131
112.	«Всем нам, всем — цветам, деревьям, людям...»	131
113.	«Я собрал у тебя, придорожный покров...»	132
114.	«Бывают же на свете чудеса!..»	132
115.	Фабрика	133
116.	«Бабочка, тебе всё снится...»	133
117.	«Волной вздымайся, песнь, от сердца к устью уст...»	134
118.	«Как немо и безбольно увяданье...»	134
119.	«Цепенеет дорога...»	135
120.	«Как дитя, ты ловишь при дороге...»	135
121.	«Как поезд, летят сумасшедшие дни...»	136
122.	«Мне бы дни напролет шататься...»	136
123.	«Так тихо, что кажется: вымер...»	137
124.	За любовь	137
125.	Разговор с забором	138
126.	Маковые звезды	139
127.	Он — с нами!	140
128.	Ленин	141
129.	Исход	141
130.	«Когда небеса распоются...»	142
131.	«Сухие листья ржавой жестью...»	142
132.	«Милый друг, половину души...»	143
133.	«В этом городе гари фабричной...»	144
134.	«Наш город стал «юдолью плача»...»	145
135.	«Это, граждане, стоит недешево...»	145
136.	Век	146
137.	Ау!	147
138.	«Первым духом увенчались...»	148
139.	«Снег и грязь. Полоумный Сережа...»	148
140.	Прощай	149
141.	«О, грустный покой повечерья!..»	150
142.	«Только б нежностью лучиться...»	151
143.	«В эту ночь ручьев звенящих...»	151
144.	«Любуйтесь любимым, любимой...»	152
145.	«Стоит жить на белом свете...»	153
146.	«Не дрогнет лист, не шелохнется колос...»	153
147.	Дорога	154
148.	«Гуденье церковной меди...»	154
149.	Об одной любви	155
150.	Кража	156
151.	Поэт	157
152.	«К жизни, грубой и злой забияке...»	159
153.	«Не мак цветет, не розыны...»	160
154.	«Нет, не пойду я в свою конуру...»	161
155.	«Нелюдимый неловкий дикарь...»	162
156.	«Тебе неприятны мужчины...»	163
157.	«Неуловимо из-под ног...»	163
158.	«Вот и май с соловьиными звонами...»	164
159.	Весенний вечер	164

160.	«Юных глаз счастливое сиянье...»	165
161—162.	У з е м л и	
	1. «Голодная глина, бесплодная супесь...»	166
	2. «И белая супесь, и красный суглинок...»	166
163.	Перед утром	167
164.	«Состарилось лето. Лежит на припеке...»	167
165.	«Я счастлив был — и ночные светила...»	168
166.	Ефиму Вихреву	168
167.	Заустение	169
168.	Урожай	170
169.	«Земляника душистая сплошь...»	171
170—173.	П а л е х	
	1. «Под сумрачным кровом в суровом быту...»	171
	2. «Слыли когда-то они богомазами...»	173
	3. «Надев измятую фуражку...»	174
	4. «Толпой видений обуян...»	175
174.	Артель	177
175.	Материнство	178
176.	Юрьево	179
177.	Горький	181
178.	«Всё убрано к сроку. В атаве гуменной...»	182
179.	«Прошла пора, когда...»	182
180.	«Мягкая голубизна рассвета...»	183
181.	Лицо земли	184
182.	Путь	185
183.	В дороге	185
184.	Волга	186
185.	Марковна	188
186.	Тень	188
187.	«Переключка писем в край из края...»	189
188.	Мать солдатская	189
189.	«Ветры марта, весны запевады...»	191
190.	«В желтом шарфе, в желтых бусах...»	192
191.	Рядом с нею	192
192.	Город в поле	193
193.	Владимир	194
194—196.	В с м е н е л е т	
	1. «Свежа, улыбчива, юна...»	195
	2. «Ты видишь красивые, странные сны...»	196
	3. «Мы с тобой — совсем бродяги...»	196
197.	Заволжье	197
198.	Иней	197
199.	Сумерки	198
200.	Перед весной	198
201.	Журавли	199
202.	Полынь	199
203.	Земля	199
204.	Ярославль	200
205.	Обезьянки в зверинце	201
206.	Кукушка	201
207.	Поздний вечер	201
208.	Иван-да-марья	202
209.	Черемуха	202
210.	Поезда	203
211.	Рубашка	204
212.	Скатерть	204
213.	Звезды	205
214.	Год	205
215.	Богомазы	211
216.	Частушки	212
217.	Лист	212
218.	Костры	213
219.	Морозные узоры	213

<i>Вступительная заметка</i>	214
220. В дороге	217
221. Возвращение	217
222. «В царстве звезд благоустроенном...»	218
223—231. Из сборника «Поэма природы»	
1. «Во тьме ночной...»	218
2. «Осень злая, непокойная...»	219
3. «Бежит Нева, дочь Ладоги...»	219
4. «Мы робко с волною воюем...»	220
5. «Посмотри — на речке прорубь...»	220
6. «Под напев бычины...»	220
7. «На рождение Божьего Сына...»	221
8. «Крест двух дорог на пути мне встречается...»	221
9. «Среди природы я дежурный...»	221
232. Беспомощные	222
233. Старый парус	223
234—240. Из цикла «В городе ткачей»	
1. У грозного порога	223
2. Старый город рабочих	224
3. Сменные	224
4. Старая ткачиха	225
5. Роман	226
6. Нелегальный	226
7. «Цветут фиалки»	227
241—245. Из цикла «Пятый год»	
1. Забастовка	228
2. На другой день забастовки	229
3. На митинге	230
4. У кроваво-роковой грани	230
5. Тридцатилетие	231
246—250. Из цикла «Звон кандалный»	
1. Одиночество	232
2. В крылатке	233
3. В пути следования	233
4. Этап	234
5. Домой	234
251—252. Из цикла «Годы войны»	
1. Война	235
2. Сиверка	236
253—255. Из цикла «Красная весна»	
1. Красная гвоздика	237
2. Знамя	238
3. Неузнаваемая	238

И. А. НАЗАРОВ

<i>Вступительная заметка</i>	239
256. Певцу	241
257. Бедная деревушка	241
258. На отдыхе	242
259. За станком	242
260. Старый ткач	243
261. Агитатор	244
262. «Все я, Груня, хороша...»	245
263. Песня рабочего	245
264. Другу-поэту С. Д. Дрожжину	246

А. Д. СУМАРОКОВ

<i>Вступительная заметка</i>	247
265. «Сквозь проясневший сумрак бора...»	250
266. Природа	250
267—269. А. А. Блок у	
1. «Люблю я шум летящей птицы...»	251
2. «Снова зори румяны и утренни...»	252
3. «Далекий звон незримых струн...»	252
270. Из цикла «К. Д. Бальмонт»	252
271. «Поля бесплодны, дали древни...»	253
272. «Охвачен запахом смолы...»	253
273. Железные цветы	253
274. Пахарь	254
275. «Будь тверд, как сталь, неотразим, как меч...»	254
276. Гоголь (Из цикла «Портреты»)	255
277. «Гулять бы густыми лугами...»	255
278. Бог	256
279. «Я сказал своей подруге — жизни...»	256

А. Н. БЛАГОВ

<i>Вступительная заметка</i>	257
280. Безработный	259
281. Дума	260
282. Восставшие	260
283—284. Сопеты	
1. «Святая песнь «Интернационал»...»	261
2. «Наскучил мне раздольный вид полей...»	262
285. Мой край	262
286. Дружба	263
287. Песня ткача	263
288. На фабрике	264
289. «Вдали отраднo и светло...»	264
290. Жене	265
291. Предосеннее	265
292. Никита	266
293. Радио в поселке	269
294. Вопрос	270
295. Вечера	271
296. Поэту-бойцу	272
297. Пряжа	273
298. Ивановский ситец	274
299. «В который раз меня зовет...»	274
300. Я счастлив наравне с тобой	275

М. Д. АРТАМОНОВ

<i>Вступительная заметка</i>	276
301. «Цветик дикий — мимоходом...»	278
302. «Так и пышет...»	278
303. Угон	280
304. Сваты	281
305. «Мил на фронте, на фронту...»	282
306. Тропинка	282
307. Зимний вечер	283
308. «На поляны в полесовье...»	285
309. Свадьба	286

310. Плетень	287
311. Рукобитье	288

Д. А. ФУРМАНОВ

<i>Вступительная заметка</i>	289
312. Достоевскому	291
313. Ночь	291
314. Любимые стихи	292
315. Пробуждение великана	292
316. На 1 Мая	293
317. Мы	294

И. И. ЖИЖИН

<i>Вступительная заметка</i>	295
318. «В долу сверкающем и плоском...»	297
319. Две матери	297
320. Народ вздохнет	298
321. «Белеет ружей черная щетина...»	299
322. Русь	299
323. Гроза по заре	300
324. «Вечер, ликом румян и меден...»	300
325—331. Д р у з ь я м	
1. «Немудрой, но ядерной яви душу...»	301
2. «Открытый лоб и взгляд такой холодный...»	301
3. «У камелька, под вечер, сидя в кресле...»	301
4. «Исконный венчик, звон, псалмы, каноны...»	302
5. «Прорывают струи знойной дрожи...»	302
6. «Эскиз сквозной набросан акварелью...»	302
7. «Средь фоллиантов толстых — хмур и строг...»	303
332. В мире — одна душа	303
333. Неуловимое	303
334. Тройка	304
335. Старушка-лежанка	305
336. Прогулка	305
337. Поезд	306
338. Роковое	307
339. Кремль	307
340. Февраль—Октябрь	308
341. Исповедь голубиная	311
342. Поэту	312

С. А. СЕМИН

<i>Вступительная заметка</i>	313
343. «Я живу — не тужу...»	314
344. Родина	315
345. Мужичья дума	316
346. Радость весенняя	316
347. К мечте	317
348. Август	317
349. Старик	318
350. Песня	319
351. Рожь	319

Н. И. КОЛОКОЛОВ

<i>Вступительная заметка</i>	320
352. «Затканы тиной затоны...»	323
353. Весеннее	323
354. Мед	324
355. Сыть	324
356. Предосень	325
357. «Вилы мелькали, мелькали...»	326
358. Плоды	326
359. «Земля и тело. Стих корнями...»	327
360. Пилка	327
361. Молоко	328
362. Половодье	329
363. Молодняк	329
364. Спель	330
365. «В этот край, плодоносный, спокойный и дикий...»	331
366. Житница	331
367. «Весна, как рысь, зиме вцепилась в спину...»	332
368. Наездник	332

Н. П. СМИРНОВ

<i>Вступительная заметка</i>	334
369. Праздник	336
370. На болоте	336
371. Деревня	337
372. «...Обмокший луг — пустой и кроткий...»	338
373. Красная Русь	338
374—379. Лубки	
1. Спас	339
2. Из Мельникова-Печерского	339
3. Вечер	339
4. Филиппов пост	340
5. В избе	340
6. Мещанское воскресенье	340
380. России	341

Е. Ф. ВИХРЕВ

<i>Вступительная заметка</i>	342
381. «Вольная песня свободы...»	344
382. Субботник	345
383. Рубаха мира	345
384. В лихие дни	346
385. «То было давно и далеко...»	347
386. В Иваново-Вознесенске	348
387. Палешане	349
388. «Опустошен. Разбит. Молчу...»	350

А. А. БАРКОВА

<i>Вступительная заметка</i>	351
389. Деревенская коммунистка	353
390. Грядущее	354
391—392. Женщина	
1. «Мои волосы слишком коротки...»	355
2. «Смотрят звезды на меня по-иному...»	356

393.	«Не жалея колоколов вечерних...»	356
394.	Амазонка	357
395.	Предтеча	357
396.	Грядущая	358
397.	Губительный цветок	358
398.	Милый враг	359
399.	Зеркало	360
400.	Товарищ — возлюбленный	360
401.	Ропот	361
402.	Две поэтессы	362
403.	Красноармейка	363
404.	Первая Голгофа	363
405.	Душа течет	364
406—408.	Русская азиатка	
	1. «Размахнись-ка вечерком...»	365
	2. «Я с чертом торгуюсь упорно...»	366
	3. «Полюбила лицо твое желтое...»	366
409.	«Куда из этого города скроюсь я...»	367
410.	«Я — зерно гниущее, с страданием...»	368
411—415.	Христос	
	1. «Он ко мне приходил...»	369
	2. «Когда-то мой путь земной...»	369
	3. «Христос лучистый и нежный ушел...»	370
	4. «Забрела я в вечерний храм...»	370
	5. «Мимо белой церкви я прошла...»	371
416.	Жертва	371
417.	Преступница	372
418.	Кладбище	373
419.	Старое	374
420.	«Под какой приютиться мне крышей?..»	374
421.	Обреченная	375
422.	Ветхий завет	376

С. И. ОГУРЦОВ

	<i>Вступительная заметка</i>	377
423.	Посиделки	379
424.	Изба-читальня	379
425.	Базарный день	380
426.	Чайная и столовая «Слобода»	381
427.	Колодец	381
428.	Волк	382
	Примечания	383
	К иллюстрациям	422

Дм. Семеновский и поэты его круга: Сборник/
С 30 Вступ. статья, сост., подг. текста, биогр. справки и примеч. А. Л. Агеева и П. В. Куприяновского — Л.: Сов. писатель, 1989.— 432 с. 16 ил. (Б-ка поэта. Большая сер.).

ISBN 5-265-00975-2

Творчество поэтов, выросших и сформировавшихся в Ивановском текстильном крае, широко известном своими революционными традициями, представлено в настоящем сборнике прежде всего именами Д. Н. Семёновского, как наиболее значительного и до сих пор недостаточно оцененного, А. Е. Ноздрина, И. А. Назарова, А. Н. Благова, М. Д. Артамонова, И. И. Жижина, А. А. Барковой и еще семи поэтов.

Это первое в «Библиотеке поэта» издание русской советской поэзии, основанное на региональном принципе. Оно объединяет авторов разной творческой и жизненной судьбы, внесших значительный вклад в формирование послеоктябрьской литературы.

С $\frac{4702010202-234}{083(2)-89}$ 431—89

ББК 84.Р7

ДМ. СЕМЕНОВСКИЙ И ПОЭТЫ ЕГО КРУГА

Художник В. В. Еремин
Худож. редактор Б. А. Комаров
Техн. редактор Л. П. Полякова
Корректор Е. Я. Лапинь
ИБ № 7280

Сдано в набор 18.01.89. Подписано к печати 01.08.89. М 21218. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 23,52. Уч.-изд. л. 22,75. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1927. Цена 2 р. 40 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15

1970

СОБЛЮЖАЮ
ПИСАТЕЛЬ